

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРАВО И ЗАКОН В ПРОГРАММИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

к 100-летию со дня рождения
Д. Белла

Москва
2020

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ПРАВО И ЗАКОН В ПРОГРАММИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

К 100-летию со дня рождения Даниела Белла

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
В.В. Лазарев

Москва – 2020

УДК 34
ББК 67.02
П68

*Одобрено секцией публичного права ученого совета
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты:

А.Г. Хабибуллин — заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита МГУ, доктор юридических наук, профессор;

Н.Н. Черногор — заместитель директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор Российской академии наук

П68 **Право и закон в программируемом обществе** (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.Я. Капустин и др.; отв. ред. В.В. Лазарев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. — 360 с.

ISBN 978-5-9516-0870-3

Книга подготовлена по материалам межвузовской конференции (собрания теоретиков права), посвященной 100-летию со дня рождения Даниела Белла. Представленные в ней статьи не преследуют цели раскрыть творчество Белла. Опираясь на исходные теоретические позиции американского профессора, авторы проводят самостоятельный анализ современного, в основном российского, общества. Характер индустриального, постиндустриального, информационного общества раскрывается в свете категорий программируемости, а в центре программирования оказывается регулирующая роль законодательства. Существенное внимание уделяется проблемам цифровизации в правовой сфере.

Издание вводит читателя в мир реалий государственности XXI века, аналитических и прогнозных оценок, имеющих прямое влияние на развитие права. Книга рассчитана на всех, кто интересуется проблемами права, законодательства и правоприменения в непосредственной связи с развитием социума, и особенно на тех молодых исследователей, магистров и аспирантов, которые осваивают новые горизонты науки.

Мнения отдельных авторов сборника – участников конференции не совпадают с позицией Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, но представлены в авторской редакции с целью подчеркнуть остроту и свободный формат состоявшейся дискуссии.

ISBN 978-5-9516-0870-3

9 785951 608703 >

ISBN 978-5-9516-0870-3

УДК 34
ББК 67.02

© Институт законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве
Российской Федерации, 2020

The Institute of Legislation and Comparative Law
Under the Government of the Russian Federation

LAW AND STATUTE IN THE PROGRAMMED SOCIETY

To the 100th anniversary of the Birth of Daniel Bell

COLLECTION OF SCIENTIFIC ARTICLES

Edited by
Doctor of Law, Professor
V.V. Lazarev

Moscow – 2020

*Approved by the Section of Public law of the Scientific Council
of the Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation*

Reviewers:

A.G. Khabibullin — Head of the Department of Economic and Financial Investigations, High School of State Audit of the Moscow State University, Doctor of Law, Professor;

N.N. Chernogor — deputy director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor, professor of Russian Academy of Sciences

Law and Statute in the Programmed Society (to the 100th anniversary of the Birth of Daniel Bell): collection of scientific articles / T.Y. Khabrieva, V.V. Lazarev, A.Ya. Kapustin, et al.; ed. by V.V. Lazarev. — M.: The Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation, 2020. — 360 p.

ISBN 978-5-9516-0870-3

The book was prepared on the basis of the materials of the conference (meeting of legal theorists) dedicated to the 100th anniversary of the Birth of Daniel Bell. The articles presented in this book are not intended to reveal Bell's work. Based on the basic theoretical positions of the American professor, the authors derive an independent analysis of modern, basically Russian, society. The nature of the industrial, post-industrial, information society is defined as programmed using legislation as the main tool. Substantial attention is paid to the problems of digitalization in the legal sphere.

The edition observes the realities of statehood of the 21st century, analytical and forecast estimates that have a direct impact on the development of law. The book is intended for everyone who is interested in the problems of law, legislation and law enforcement in modern society and, in particular, those young researchers, masters and graduate students, who are exploring new horizons of science.

The opinions of individual authors of the collection – participants of the conference do not coincide with the position of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, but are presented in the author's edition in order to emphasize the relevance and free format of the discussion.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Адаменко Алла Петровна, доцент кафедры гражданского права РГУП, кандидат юридических наук

Баранова Марина Владимировна, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор

Боголюбов Сергей Александрович, научный руководитель отдела экологического и аграрного законодательства ИЖиСП, доктор юридических наук, профессор

Гаджиев Ханлар Иршадович, заведующий отделом судебной практики и правоприменения ИЖиСП, судья ЕСПЧ (в отставке), доктор юридических наук

Горобец Татьяна Николаевна, профессор кафедры психологии РГУ им. А.Н. Косыгина, доктор психологических наук

Грачева Светлана Александровна, старший научный сотрудник отдела судебной практики и правоприменения ИЖиСП, кандидат юридических наук

Давыдова Марина Леонидовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Дементьева Ольга Александровна, ведущий научный сотрудник отдела экономико-правовых проблем государственного и муниципального управления ИЖиСП, кандидат юридических наук

Денисов Сергей Алексеевич, доцент кафедры прав человека АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент

Дюсюпова Алмагуль Дауткановна, старший специалист отдела магистратуры ИЖиСП, кандидат юридических наук

Журавлева Оксана Олеговна, ведущий научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства ИЖиСП, кандидат юридических наук

Зайцева Екатерина Сергеевна, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России, кандидат исторических наук, доцент

Залоило Максим Викторович, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, кандидат юридических наук

Захарцев Сергей Иванович, заведующий кафедрой организации правоохранительной деятельности Российского государственного социального университета, доктор юридических наук, доцент

Иванюк Оксана Александровна, главный специалист Госкорпорации «Росатом»

Исаков Владимир Борисович, профессор факультета права НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор

Исмаилов Ровшан Рагимович, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы), кандидат юридических наук

Казанцев Николай Михайлович, заведующий отделом экономико-правовых проблем государственного и муниципального управления ИЗиСП, доктор юридических наук, кандидат экономических наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич, научный руководитель ИЗиСП, президент Российской ассоциации международного права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Колоколов Никита Александрович, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МПГУ, судья Верховного Суда РФ (в отставке), доктор юридических наук, профессор

Лазарев Валерий Васильевич, главный научный сотрудник Центра фундаментальных правовых исследований ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Лапаева Валентина Викторовна, главный научный сотрудник ИГП РАН, доктор юридических наук

Лукьянова Влада Юрьевна, заведующий лабораторией правового мониторинга и социологии права ИЗиСП, кандидат философских наук

Павлов Вадим Иванович, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП, доктор юридических наук, профессор

Поляков Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета

Попова Ольга Владимировна, доцент кафедры предпринимательского права Юридического института БФУ им. И. Канта, кандидат юридических наук

Ромашов Роман Анатольевич, профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор юридических наук, профессор

Руднев Владимир Ильич, ведущий научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судоустройства ИЖиСП, кандидат юридических наук, доцент

Сальников Виктор Петрович, главный редактор журнала «Юридическая наука: история и современность», доктор юридических наук, профессор

Степанов Олег Анатольевич, главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судоустройства ИЖиСП, доктор юридических наук, профессор

Таболин Владимир Викторович, заведующий кафедрой конституционного и международного права ГУУ, доктор юридических наук, профессор

Фурсов Дмитрий Александрович, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства РГУП, доктор юридических наук, профессор

Хабриева Талия Ярулловна, директор ИЖиСП, заместитель президента РАН, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии Совета Европы), академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный юрист Республики Татарстан

Хатов Эдуард Борисович, профессор кафедры организационно-аналитического обеспечения и управления в органах прокуратуры Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Честнов Илья Львович, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Шатковская Татьяна Владимировна, профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ, доктор юридических наук, доцент

COLLECTIVE OF AUTHORS

Adamenko Alla Petrovna, Docent of the Civil Law Department of the Russian State University of Justice, Candidate of Law

Baranova Marina Vladimirovna, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Ministry of Internal Affairs Academy in Nizhniy Novgorod, Doctor of Law, Candidate of Cultural Sciences, Professor

Bogolyubov Sergey Alexandrovich, Scientific Director of the Ecological and Agricultural Law Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Doctor of Law, Professor

Gadzhiev Khanlar Irshadovich, Head of the Judicial Practice and Law Enforcement Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Judge of the ECHR (retired), Doctor of Law

Gorobets Tatyana Nikolaevna, Professor of the Psychology Department of the Kosygin University, Doctor of Psychology

Gracheva Svetlana Aleksandrovna, Senior Researcher of the Judicial Practice and Law Enforcement Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Law

Davydova Marina Leonidovna, Head of the Constitutional and Municipal Law Department of the Volgograd State University, Doctor of Law, Professor

Dementieva Olga Alexandrovna, Leading Researcher of the Economic and Legal Problems of State and Municipal Administration Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Law

Denisov Sergey Alekseevich, Docent of the Human Rights Department of the Humanitarian University in Yekaterinburg, Candidate of Law, Docent

Dyusypova Almagul Dautkanovna, Senior Specialist of the Magistracy Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Law

Zhuravleva Oksana Olegovna, Leading Researcher of the Financial, Tax and Budget Legislation Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Law

Zaitseva Ekaterina Sergeevna, Docent of the Theory and History of Law and State Department of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Zaloilo Maxim Viktorovich, Leading Researcher of the Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Law

Zakhartsev Sergey Ivanovich, Head of the Law Enforcement Organization Department of the Russian State Social University, Doctor of Law, Docent

Ivanyuk Oksana Aleksandrovna, Chief Specialist of the State Corporation "Rosatom"

Isakov Vladimir Borisovich, Professor of the Faculty of the High School of Economics, Doctor of Law, Professor

Ismailov Rovshan Ragimovich, Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Member of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission of the Council of Europe), Candidate of Law

Kazantsev Nikolay Mikhailovich, Head of the Economic and Legal Problems of State and Municipal Administration Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Doctor of Law, Candidate of Economy, Professor

Kapustin Anatoliy Yakovlevich, Research supervisor of the Institute of Legislation and Comparative Law, President of the Russian Association of International Law, Deputy chairperson of International Union of Lawyers, Chairperson of the Commission of International Law of the Association of Lawyers of the Russian Federation, Doctor of law, professor, Honored scientist of Russia

Kolokolov Nikita Alexandrovich, Professor of the Criminal Law Disciplines Department of the Moscow State Pedagogical University, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (retired), Doctor of Law, Professor

Lazarev Valery Vasilievich, Chief Researcher of the Fundamental Legal Studies Center of the Institute of Legislation and Comparative Law, Doctor of Law, Professor

Lapaeva Valentina Viktorovna, Chief Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

Lukyanova Vlada Yuryevna, Head of the Laboratory for Legal Monitoring and Sociology of Law of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Philosophy

Pavlov Vadim Ivanovich, Head of the Theory and History of State and Law Department of the Ministry of Internal Affairs Academy of the Republic of Belarus, Candidate of Law, Docent

Pashentsev Dmitry Alekseevich, Head of the Legal Theory and Interdisciplinary Studies of Legislation Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Doctor of Law, Professor

Polyakov Sergey Borisovich, Doctor of Law, Professor of the Theory and History of State and Law Department of Perm State National Research University

Popova Olga Vladimirovna, Docent of the Business Law Department of the Kant University, Candidate of Law

Romashov Roman Anatolyevich, Professor of the Theory of Law and Law Enforcement Department of the St. Petersburg Humanitarian University of Labor Unions, Doctor of Law, Professor

Rudnev Vladimir Ilyich, Leading Researcher of the Criminal Law and Criminal Procedure Legislation, Judicial System Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Candidate of Law, Docent

Salnikov Victor Petrovich, Editor-in-chief of the Journal “Legal Science: History and Present”, Doctor of Law, Professor

Stepanov Oleg Anatolyevich, Chief Researcher of the Criminal Law and Criminal Procedure Legislation, Judicial System Department of the Institute of Legislation and Comparative Law, Doctor of Law, Professor

Tabolin Vladimir Viktorovich, Head of the Constitutional and International Law Department of the State University of Management, Doctor of Law, Professor

Fursov Dmitry Alexandrovich, Professor of the Civil and Administrative Proceedings Department of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor

Khabrieva Talia Yarullova, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Member of the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission of the Council of Europe), Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan

Khatov Eduard Borisovich, Professor of the Organizational and Analytical Support and Management in the Prosecution Bodies Department of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Docent

Chestnov Ilya Lvovich, Professor of the Department of Theory and History of State and Law St. Petersburg Law Institute of the University of the Prosecutor of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Shatkovskaya Tatyana Vladimirovna, Professor of the Theory and History of Law and State Department of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Docent

СОДЕРЖАНИЕ

Т.Я. Хабриева	
Предисловие	19
В.В. Лазарев	
Введение	21

РАЗДЕЛ I

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЗАКОНА В ПРОГРАММИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

В.В. Лазарев	
Право и закон в системе осевых структур социального программирования	33
А.Я. Капустин	
Информационное общество и международное право: первое приближение к концептуализации статуса	48
В.В. Лапаева	
Теория постиндустриального общества Д.Белла: применимость к постсоциалистическим реалиям	74
И.Л. Честнов	
Юридическая картина мира в постиндустриальном обществе. ...	84
С.И. Захарцев, В.П. Сальников	
О праве в программируемом обществе	93
В.Б. Исаков	
Право как информация: теоретико-информационный подход к праву и правопониманию.	100
Х.И. Гаджиев	
Доктрина разумных ожиданий в цифровую эпоху	118
М.М. Баранова	
Правовые культурные мемы в обществе программируемых коммуникаций	126
С.А. Денисов	
Использование методологии познания постиндустриального общества для изучения правовой системы современной России	133
С.Б. Поляков	
«Информационное общество» и «Программируемое общество» – характеристика содержания или формы?	141

Т.В. Шатковская

Политическое программирование юридической деятельности
в стратегиях развития Российской Федерации 149

В.В. Таболин

Осмысление российских реалий в свете идей
постиндустриального общества Д. Белла. 155

Р.А. Ромашов

Понимание права в контексте постиндустриальных
парадигм Д. Белла и Э. Тоффлера 159

Н.А. Колоколов

Организация правосудия в постиндустриальном обществе 165

РАЗДЕЛ II

**ПРАВО И ЗАКОН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ**

В.А. Лукьянова

Право в контексте трансформаций генома культуры
современной цивилизации 183

Д.А. Пашенцев

Базовые характеристики общества в цифровую эпоху 195

О.А. Степанов

Государство и право в цифровую эпоху 201

Д.А. Фурсов

Цифровые технологии и современное правосудие 206

Р.Р. Исмаилов

Судебное толкование и искусственный интеллект. 216

М.А. Давыдова

Пределы и перспективы трансформации российской
правовой системы под влиянием сети «Интернет». 221

В.И. Павлов

Техника и человек в информационном обществе:
к вопросу о приоритетах в правовом регулировании. 231

С.А. Грачева

О конституционном развитии в условиях воздействия
цифровой среды: новые вызовы или новые возможности?. 246

РАЗДЕЛ III

**СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРАВОВОГО ОСВОЕНИЯ
И ГЕНЕРИРОВАНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОГО**

ПРОГРАММИРОВАНИЯ (НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА)

Н.М. Казанцев

Типы программируемых обществ: особенности права. 257

О.А. Иванюк Цифровизация бизнеса в современной России	271
А.Д. Дюсюпова Аграрные правоотношения в Российской Федерации в начале XXI века: тернистый путь к инновационной экономике	283
Е.С. Зайцева Пределы правового регулирования в сфере науки	290
Т.Н. Горобец Социально-психологические стигмы современной студенческой молодежи	296
В.И. Руднев Некоторые вопросы использования цифровых технологий в целях обеспечения доступа к правосудию.	300
Э.Б. Хатов Информационно-аналитическая деятельность органов прокуратуры в условиях цифровой трансформации	307
М.В. Залоило Технологии краудсорсинга в правотворчестве в условиях цифровизации	313
С.А. Боголюбов Значение прогнозирования и планирования для экологического развития страны	319
О.А. Дементьева Информационные технологии как эффективный инструмент планирования социально-экономического развития публично-правовых образований	335
О.В. Попова Устойчивое развитие сельских территорий в программируемом обществе	341
А.П. Адаменко Реализация принципов и норм в контрактных обязательствах посредством «электронизации» закупочных процедур	345
О.О. Журавлева Роль налогов в постиндустриальном обществе Д.Белла	350

CONTENTS

T.Y. Khabrieva	
Foreword	19
V.V. Lazarev	
Introduction	21

SECTION I

GENERAL SOCIAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF LAW AND LEGISLATION IN A PROGRAMMED SOCIETY

V.V. Lazarev	
Law and Legislation in the System of Axial Structures of Social Programming	33
A.Ya. Kapustin	
Information Society and International Law: First Approach to Status Conceptualization	48
V.V. Lapaeva	
D. Bell's Theory of Postindustrial Society: Applicability to Post-Socialist Realities	74
I.I. Chestnov	
Legal Picture of the World in a Post-Industrial Society	84
S.I. Zakhartsev, V.P. Salnikov	
About Law in a Programmed Society	93
V.B. Isakov	
Law as Information: Theoretic and Information Approach to Law and Law enforcement	100
H.I. Gadzhiev	
The Doctrine of Reasonable Expectations in the Digital Age	118
M.M. Baranova	
Right-Cultural Memes in a Programmable Communications Society	126
S.A. Denisov	
The Methodology of Knowledge of Post-Industrial Society in Studying the Legal System of Modern Russia	133
S.B. Polyakov	
"Information society" and "Programmable society" — characterization of content or form?	141

T.V. Shatkovskaya

Political Programming of Legal Activities
in the Development Strategies of the Russian Federation 149

V.V. Tabolin

Understanding Russian Realities in the Light of the Ideas
of the Post-Industrial Society of D. Bell 155

R.A. Romashov

Understanding of Law in the Context of the Post-Industrial
Paradigms of D. Bell and E. Toffler. 159

N.A. Kolokolov

Organization of Justice in a Post-Industrial Society. 165

SECTION II

**LAW AND LEGISLATION IN THE DIGITALIZATION
OF SOCIAL PROGRAMMING**

V.Yu. Lukyanova

Law in the Context of Transformations of the Genome
of Culture of Modern Civilization. 183

D.A. Pashentsev

Basic Characteristics of Society in the Digital Age 195

O.A. Stepanov

State and Law in the Digital Age 201

D.A. Fursov

Digital Technologies and Modern Justice 206

R.R. Ismailov

Judicial Interpretation and Artificial Intelligence. 216

M.L. Davydova

The Limits and Prospects of the Transformation
of the Russian Legal System under the Influence of the Internet 221

V.I. Pavlov

Technology and People in the Information Society:
on the Issue of Priorities in Legal Regulation 231

S.A. Gracheva

On Constitutional Development under the Influence of the Digital
Environment: New Challenges or New Opportunities? 246

SECTION III

**MODERN STRATEGIES FOR THE LEGAL DEVELOPMENT
AND GENERATION OF SOCIAL PROGRAMMING IDEAS
(SCIENCE, EDUCATION, PRACTICE)**

N.M. Kazantsev

Types of Programmed Societies: Features of Law 257

O.A. Ivanyuk	
Digitalization of Business in Modern Russia	271
A.D. Dyusypova	
Agrarian Legal Relations in the Russian Federation at the Beginning of the XXI Century: the Thorny Path to an Innovative Economy	283
E.S. Zaitseva	
The Limits of Legal Regulation in the Field of Science	290
T.N. Gorobets	
Socio-Psychological Stigma of Modern Student Youth	296
V.I. Rudnev	
Some Issues of Use of Digital Technologies for Access to Justice	300
E.B. Khatov	
Information and Analytical Activities of Prosecution Authorities in the Context of Digital Transformation	307
M.V. Zaloilo	
Technologies of Crowdsourcing in Lawmaking in the Context of Digitalization	313
S.A. Bogolyubov	
The Importance of Forecasting and Planning for the Country's Environmental Development	319
O.A. Dementieva	
Information Technology as an Effective Tool for Planning the Socio-Economic Development of Public Law Entities	335
O.V. Popova	
Sustainable Rural Development in a Programmable Society	341
A.P. Adamenko	
Implementation of Principles and Norms in Contractual Obligations through the "Electronicization" of Procurement Procedures	345
O.O. Zhuravleva	
The role of Taxes in the D. Bell's Post-Industrial Society	350

ПРЕДИСЛОВИЕ

Т.Я. Хабриева

В арсенал современных научных исследований прочно вошло понятие «*постиндустриальное общество*», и вектор мирового социально-экономического развития таков, что круг постиндустриальных стран будет расширяться. Эта перспектива требует целенаправленных и высокоорганизованных усилий государства, которому с помощью законодательных мер придется преодолевать инерцию прежнего жизненного уклада. Неотъемлемой чертой нового общества является *превращение науки в решающий фактор развития*. Было бы правильно подчеркнуть это обстоятельство, в том числе по отношению к юридической науке. Для Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП) — это одна из методологических посылок.

Предлагаемая читателю книга — итог научной конференции, приуроченной ко дню рождения видного американского социолога Д. Белла, отношение к которому в академической среде никогда не было однозначным.

Белл является автором особой социологической категории — «осевого принципа», с помощью которого он демонстрировал, что общественные институты и отношения, духовные процессы не обусловлены каким-либо определенным фактором. Именно данный принцип встретил несогласие в среде советских философов, которые полагали, что таким образом Д. Белл возвращает социальную жизнь к домарксистскому хаосу, дискредитирует учение о базисе и надстройке, пытаясь увековечить капиталистический строй (оценка П.С. Гуревича¹).

¹ См.: Новая технократическая волна на Западе: [сб. ст.: переводы] / АН СССР, Ин-т философии, Науч. совет при Президиуме АН СССР по филос. и социал. пробл. науки и техники; сост. и вступ. ст. [с. 3–31] П.С. Гуревича. М., 1986. С. 25.

Однако заслуживает внимания и иной подход, в силу которого учение Д. Белла, благодаря своему схематизму, позволяет дать реалистичный набросок параметров исторического процесса, избрав в качестве главного достижения человечества техническое развитие. Теория постиндустриального общества привлекательна своей гибкостью, широтой охвата ее метода.

В последние несколько лет академическую среду захлестнула волна мероприятий, посвященных цифровизации, современным технологиям, новым объектам правоотношений, которые возникают в силу научно-технического прогресса. По вопросу о том, как регулировать новые общественные отношения, имеющие место в сети «Интернет», мнения специалистов расходятся. Государственная Дума тем временем рассматривает резонансные законопроекты, получающие широкое освещение в СМИ. Внимание общественности приковано к проблеме свобод и ограничений в коммуникационных сетях. На книжных полках магазинов труды о цифровой экономике, вызовах эпохи информационного общества расположены среди бестселлеров. Все мы ощущаем глобальные перемены в жизни, которые уже наступили и которые нам обещает недалекое будущее.

Для юристов принципиально важными в связи с этим являются ответы на вопросы о том, что требует регулирования, а что — освобождения от регулирования. Где необходима поддержка со стороны государства, а где система общественных отношений в этом не нуждается? И, самое главное, какой метод правового регулирования следует избрать?

Для точного ответа на данные вопросы как никогда важна социология с ее методом социального программирования, направленного на выявление и эффективное решение общественных проблем. Методология социального программирования предполагает междисциплинарные коммуникации.

Существует множество собирательных понятий общего плана, характеризующих современное общество, и все они, как правило, имеют приставку «пост»: «постистория», «постмодерн», «постбуржуазное» или «посткапиталистическое». Также много понятий, делающих акцент на технологической стороне жизни общества как наиболее важной: «информационное» или «технологическое», «технотронное» общество и т.д. Их основная цель — подчеркнуть значимость наступившего исторического перелома. Авторы настоящей книги предприняли определенные шаги в направлении интеграции соответствующих знаний, собственно наработок Института по линии фундаментальных исследований и материалов Отделения общественных наук РАН — организатора проведенной конференции. Институт планирует продолжить работу в этом направлении.

ВВЕДЕНИЕ

В.В. Лазарев

Цель предлагаемой вниманию читателя книги — изучить некоторые грани постиндустриального общества, связанные с ролью государственности — регулированием общественных отношений посредством права и закона. Однако понимание всех возникающих здесь проблем невозможно без предварительного ознакомления с серьезными философскими, социологическими, экономическими исследованиями постиндустриального общества.

В связи с этим можно рекомендовать глубокие разработки В.Л. Иноземцева, в которых содержится в том числе анализ позиций западных ученых, в частности, Д. Белла, чьи работы стали у нас известными благодаря именно В.Л. Иноземцеву. В его переводе и с его предисловием вышла книга Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (М., 1999). Им прочитан развернутый специальный курс¹, в котором прослеживается история становления теории постиндустриализма и ее развитие и отмечается, почему она никогда не была глубоко осмыслена и по-настоящему востребована ни в Советском Союзе, ни в новой России. Особо следует отметить лекцию десятую указанного курса, в которой анализируются классовые противоречия постиндустриального общества и лекцию тринадцатую «Россия в постиндустриальном мире. Причины и вероятные последствия современного кризиса». Не все в курсе бесспорно, но тем он и хорош, что заставляет задумываться перед тем, как принимать законопроекты и осуществлять правоприменение. Вот, например, его заключительный вывод: «...Все положительные черты России как перспективной хозяйственной системы так или иначе связаны с ее прошлыми, индустриальными успехами, а все негативные, концентрирующиеся вокруг дефицита необходимых инвестиций, — с отсутствием постин-

¹ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2000.

дустриального опыта. Вывод, который следует сделать в подобной ситуации, однозначен: *Россия должна в ближайшей перспективе стремиться только к тому, чтобы стать развитой индустриальной страной, поскольку возможности быстрого вхождения в круг постиндустриальных держав у нее полностью отсутствуют*.

Статьи настоящего сборника являются итогом международной конференции «Право и закон в программируемом обществе», посвященной 100-летию со дня рождения одного из известных исследователей постиндустриализма — Даниела Белла. Названия статей с полным основанием могли бы привязываться, а некоторые и привязываются к индустриальному, постиндустриальному или информационному обществу. И это было бы ближе к Беллу, но книга не преследует цели раскрыть его творчество. Опираясь на исходные теоретические позиции американского профессора, авторы проводят самостоятельный анализ современного, чаще российского, общества, поэтому к нему в большей степени уместно применение общего наименования программируемого¹.

Вместе с тем как только в своем анализе мы выходим за рамки российской государственности и начинаем осмысливать соответствующие процессы в глобальном масштабе с позиций международно-правовых коммуникаций и требований норм международного права, категоричность понятия «программируемость» меняется на более мягкие характеристики, свойственные понятию информационности. В связи с этим следует обратить внимание на раздел «Информационное общество и международное право», в котором президент Российской ассоциации международного права А.Я. Капустин сделал акцент на доктринальных идеях международников и международно-правовых документах и обратил внимание на вызовы и риски, которые несет с собой построение информационного общества для международной сферы, что, в свою очередь, требует укрепления доверия и безопасности при использовании информационно-коммуникативных технологий. Автор констатирует признание международниками необходимости формирования, развития и внедрения глобальной культуры кибербезопасности в сотрудничестве со всеми заинтересованными сторонами и компетентными международными организациями. Вместе с признанием принципов универсального и недискриминационного доступа к информационно-коммуникативным технологиям и при этом прав человека им поддерживается деятельность, направленная на предотвращение возможности использования этих технологий в целях, которые несовместимы с задачами

¹ Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

обеспечения международной стабильности и безопасности и которые не предотвращают использование информационных ресурсов и технологий в преступных и террористических целях. Именно в названном разделе читатель найдет выводы о киберпространстве и возможностях его регулирования (программирования).

Конференция проходила в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации и в соответствии с его профилем изначально ориентировалась на уяснение места и роли права и закона в системных общественных процессах. В центре программирования оказывается регулирующая роль законодательства. Так, в аналитической статье профессора С.А. Боголюбова проводится анализ законодательства под углом зрения того, что усложнение производственных, технических, общественных связей требует планирования и основой его «должны становиться экологические, демографические, социальные, экономические политические, иные прогнозы, данные объективной статистики, экономической оценки природно-антропогенных объектов, предвидения воздействия на окружающую среду любой деятельности (не только хозяйственной)...».

Однако виды программирования не ограничиваются законодательством. С ним тесно связаны и во многом имеют правовой характер многочисленные специальные программы социального развития¹. Разумеется, все виды программирования различаются с точки зрения содержания, формы и средств. Подробное освещение материала требует указания на соотношение программ с информированием, научными прогнозами, стратегическими и тактическими исследованиями. При этом различаются виды программирования в широком и узком смысле, в мягком и жестком варианте.

В центре остается восприятие права как обширного, структурно-сложного и динамичного информационного комплекса, и это как нельзя более уместно в характеристике права и закона применительно к постиндустриальному обществу. В этом отношении обращает на себя внимание профессионально выдержанная позиция профессора В.Б. Исакова, который не принимает безоговорочную критику нормативистского подхода, свойственную российской науке последних лет. «Научный подход, ориентированный на изучение нормативной стороны права, был, есть и навсегда останется одним из центральных в юридической науке, без него юриспруденции как самостоятельной науки не существует. Другое дело, что юридическая наука не может

¹ Продовольственные, жилищные и т.д. Только по поддержке молодежи в России более 20 программ, что, по мнению специалистов, не всегда ведет к улучшению ситуации (URL: <http://www.sib-science.info/ru/ras/putin-27112018>).

замыкаться внутри одного подхода». Принимая иные теории права, автор с позиций его информационного понимания предметно оценивает состояние современной правовой системы России.

Итак, важно подчеркнуть: без регулирования (программирования) люди не обходились и не обойдутся в ближайшее время. Проблемы отмирания государства и права не существует. А вопросы эффективности регулирования (программирования) всегда сопровождаются спорными вопросами о причинах появления норм, субъектах, целях, средствах и т.д., с учетом места и времени в свете общей характеристики конкретного общества. Теории причинности известны, но жизнь давала и дает основание для обоснования и пересмотра в определенной степени ряда из них по отношению к новому этапу социального контроля средствами программирования. Проблема в том, чтобы выделить главные звенья.

Кроме того, следует иметь в виду, что понятию можно придавать какой-либо смысл, оттенок. Так, весьма скептический взгляд на программируемое общество и программируемость, на внедряемую в XXI веке цифровизацию можно усмотреть во взглядах профессоров С.И. Захарцева и В.П. Сальникова. Они оценивают роль права в таком обществе с сущностных позиций и связывают с обеспечением нормального существования тех, кто это общество программирует, то есть тех, кому принадлежит реальная власть. «В обществе, — пишут они, — где права носят на самом деле декларативный характер, а «программы жизни» (или «коридоры жизни») жестко прописаны, роль права будет во многом схожа с известным определением — как воля правящего класса, возведенная в закон». Парадоксально, но отвержение этого марксистского взгляда на право, сформированного в середине XIX в., многим заслоняет анализ его современной жизни.

Социальное программирование оценивают и как способ манипуляции обществом¹. Отметим, что любому программированию есть пределы с позиций права, оно может и должно ограничиваться законом. В этом отношении многое можно ожидать от новейших доктрин, например, освещаемой в статье профессора Х.И. Гаджиева доктрины разумных ожиданий защиты частной жизни как мощной силы, направляющей движение права, получившей поддержку в решениях ЕСПЧ.

В постиндустриальном обществе наибольшую опасность представляют:

- а) программирование поведения на генетическом уровне;

¹ URL: <https://pandoraopen.ru/2013-10-19/socialnoe-programmirovanie-kak-sposob-manipulyacii-obshhestvom/>

б) программирование на уровне духовного воздействия скрытыми способами манипуляции сознанием людей в нужном кому-либо направлении¹.

В российских социальных реалиях активная роль государства очевидна. Она провозглашалась и доктринально обосновывалась фактически сразу после Октябрьской революции 1917 г. Государство в очередных задачах советской власти утверждалось в качестве основного орудия строительства социализма. Но вопросы активизма государства и права не снимаются и в постсоветское время, что вполне естественно для характеристики постиндустриального общества, если не представлять его как «общество досуга». Вместе с тем С.А. Денисов, например, не без оснований предостерегает против апологетики существующего в нашей стране общества, государства и права, критикует попытки доказать, что она уже переходит к постиндустриальному обществу, что в ее праве содержатся те же институты, что имеют место в развитых странах Запада, и следовательно, она может «перепрыгнуть» из своего доиндустриального состояния сразу в постиндустриализм.

Избранное нами определение «программируемое общество» *implicite* включает в себе активность субъекта. Другое дело, что в разных странах в качестве такового могут рассматриваться и отдельная личность, и гражданское сообщество людей, а в отдельных традиционных учениях им провозглашается активная воля Творца. С тем, чтобы понять, почему и кем меняется что-либо в земной жизни (а, может быть, по существу все остается таким, каким было и тысячи лет назад?), необходимо определить реперные точки, линии и факторы, позволяющие сделать соответствующие суждения. Они могут определяться по субъектам, по сферам жизни и по характеру проявления субъектов в соответствующей сфере. Это в части предмета исследования. Но для науки, особенно для прогнозных выводов, определяющее значение имеет ответ на вопрос, в какой степени прослеживается роль объективных и субъективных факторов, связаны ли они причинно или господствует случай. Можно надеяться, что внимание читателей привлекут статьи специального раздела о современных стратегиях правового освоения и генерирования идей социального программирования (наука, образование, практика).

Юриста, юридическую науку заботит правовой аспект: входит ли право (закон) в число организующих жизнедеятельность факторов, является ли он объективно сущим или субъективным фактором, име-

¹ С позиций неприятия манипуляции и общественным, и личным сознанием см. книгу: Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. URL: http://www.rusproject.org/sites/default/files/files/books/k/Manipuljacija_soznaniem.pdf

ет ли пределы регулирующего действия и каковы они в разных сферах деятельности соответствующих субъектов. Было время, когда вся жизнь рассматривалась через юридические «очки» (во всяком случае, приверженцами позитивистской доктрины). Мы придерживаемся многофакторного подхода, но готовы при определенных условиях признать право главным фактором. Главным — не обязательно причинным (см. статью В.В. Лазарева). Осевой подход, на котором настаивал Д. Белл, как раз ориентирует на признание главного. Это можно понять, если представить многофакторный подход как проявление 1) синергетического; 2) причинного, основанного на опыте; 3) главного, воспринимающего позитивность других. Монистический взгляд при такой постановке вопроса приходится признать ненаучным.

На все поставленные здесь вопросы даны самые разные ответы, но всякий раз они приобретают актуальность в свете своего рода революционных изменений. Сегодня такие изменения прослеживаются в развитии глобализма (столкновении национальных интересов с масштабными общечеловеческими) и в стремительном разворачивании научно-технологической революции. Общим местом стало признание глобализма. Оценки его разные, вплоть до прямо противоположных. Но в концептуализации картины мира нельзя не учитывать социокультурных, ментальных и когнитивных условий и факторов юридической эволюции. На это обращает внимание И. Л. Честнов, для которого концепт «юридическая картина мира», служащий одновременно и апологией, и критике наличного правопорядка, включает мировоззренческий или философский уровень, научный (догматический, применительно к юриспруденции), профессиональный, обыденный, а также уровень бессознательного. Программируемое общество, в котором информация и научное знание играют первостепенную роль, требует системного учета всех уровней, всего происходящего. Многое происходит в правовом регулировании постиндустриального общества, но самое существенное — в том, что «человек и его правовое существование сегодня постепенно перемещаются из актуальной в виртуальную реальность, которая все чаще приобретает правовые черты независимо от юридизации этой реальности со стороны государства» (В.И. Павлов).

Не сошли с арены и старые классовые столкновения, и неизменные устремления к монопольному расширению жизненного пространства (не обязательно территориального)¹. Актуализируются

¹ США уже давно практикуют принятие экстерриториальных законов. URL: https://finance.rambler.ru/markets/42238317/?utm_content=rfinance&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. Система санкций, новеллы валютного регулирования, торговые войны — все это свидетельства постмодерна в утверждении удобного и выгодного порядка, который не всегда согласуется с правопорядком.

вопросы не только национального, но и международного правопорядка в их компромиссном согласовании и поддержке общепризнанными средствами.

Интересно, что о постиндустриальном обществе стали писать еще до российской Октябрьской революции, и тогда считалось, что это общество придет на смену несправедливому капитализму. Сегодня говорят уже и о посткапиталистическом, и о постсоциалистическом обществе, которое в лице советского социализма также обнаружило свои пороки. Но важно отметить, что с сугубо политического акцент сместился в сторону существа экономической и культурной жизни народов и в сторону того правопорядка, который закрепляет многосторонние отношения людей. Профессор В.В. Лапаева, не сомневаясь в ценности концепции постиндустриального общества знания, для нашей ситуации признает работающими методологическими инструментами осмысления современных реалий понятия «социализм» и «постсоциализм». Отсюда заслуживающая внимания популяризация конструктивной теории цивилизма как нового постсоциалистического общественного строя

Префикс «пост-» явно должен свидетельствовать о существенной перемене, наступлении чего-то иного и в зависимости от того, от чего мы отталкиваемся, можно рассматривать появление нового применительно к современности. Современности тоже свойственно уходить в прошлое. Однако что-то, хотя и меняется, но по сути своей остается тем, что и характеризует это как данность. Например, мы не можем говорить о постправопорядке, даже если бы на него и смотрели сегодня модернистски.

Правопорядок до сих пор складывался по осям той или другой теории, господствующей в известное время в отдельной стране, в регионе или в международном сообществе. Вначале первенствовала естественно-правовая теория в теологическом или светском варианте, затем утверждались позитивистские учения как в нормативистском, так и в социологическом варианте. В последнее время постмодернистская методология устремляется скорее к психологическим теориям с их многовариантными интерпретациями. Того требует все большее признание виртуальных реалий. Каждое правопонимание проявило свою жизненность применительно к условиям места и времени, но в отдельности оно показывает свою несостоятельность в качестве общетеоретического применительно к современному (программируемому) обществу. Требуется интегративное восприятие правопорядка. Интегративизм в условиях глобализации диктуется в плане коммуникаций, он более чем уместен в плане эффективности экономической деятельности и логичен в аспекте достижения мира в политике.

Более того, интегративизм лежит в основе цифровизации всего и вся. «Дважды два» везде одинаково, и потому нет национальной науки арифметики. Информационное (программируемое) общество сближает социальные науки с естественными и в определенном смысле (в определенных пределах) ставит под сомнение национальную общественную науку. Искушенный в «цифре» читатель обратит внимание на своеобразную позицию профессора Н.М. Казанцева, который полагает, что в определенном смысле «постановленная правительством «цифровая экономика»¹ никак не может стать ни числовой экономикой, ни, тем более, экономикой, в которой искусственный интеллект обрел свою производительную силу, или просто естественной экономикой. А станет лишь изображением, видимостью экономики, симулякр ом экономики, будет продолжать быть экономической припиской в статистике национального продукта, дохода, как это было в последнее 10-летие существования СССР».

В последние годы в юридическом сообществе активно обсуждается возможность полной или частичной роботизации деятельности по отправлению правосудия (речь идет о создании не вчерашних роботов — механических помощников, а машин, снабженных искусственным интеллектом). Противники и скептики ссылаются на незаменимость человека в оценке доказательств, личности правонарушителя, итоговых выводов применительно к обстоятельствам по делу. Позитивное решение соответствующих вопросов читатель найдет в статьях Д.А. Фурсова и Р.Р. Исмаилова, обладающих большим судебским опытом.

В задачу сборника не входит отслеживать эволюцию экономических социальных и политических факторов в переходе к постиндустриальному обществу. Но можно констатировать, что в отличие от революционных периодов и революционных преобразований, за которыми стояла непосредственно сила масс или капитала, здесь с очевидностью прослеживается организующая и регулирующая роль права. В результате поэтапно складывалась децентрализованная рыночно-плановая система, которая одно время позволяла говорить о конвергенции капитализма и социализма.

Общепризнанно, что постиндустриальное (соответственно, программируемое) общество порождено успехами науки, развивается благодаря ее успехам и реально управляется той социальной стратой, которая сделала эти успехи возможными. Выделяют именно теоретическое знание (Белл), что позволяет, кстати, теоретикам государства и права надеяться на изменение отношения к их науке

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

не только в среде ученых, но и со стороны высокого уровня практиков.

В силу исходных начал постиндустриального общества формируется группа людей, которая занимает социальное положение, обусловленное не правом рождения или имущественным положением, а исключительно интеллектуальным потенциалом и способностью генерировать новое знание (меритократия — от слова «merit» — заслуга). Меритократия способна поменять взгляд на сущность и формы как государства, так и права. Меритократический подход реформирует классовый признак государства в части происхождения и значения капитала. Меритократический принцип права протестует против формального равенства, требует признания законом судебного прецедента, который ориентирован на более глубокую справедливость, нежели декларируемое законом формальное равенство. В каждом деле решение должно избираться с учетом реального положения сторон. Меритократический режим требует судебной реформы и совершенно иной подготовки судей. Соответственно это скажется на соотношении социологического и нормативистского подхода. Классические противопоставления себя изживут.

Сказанное требует определиться с теоретическим наследием, которое активно использовалось в России вплоть до конца прошлого века и которое вопреки закону отрицания отрицания цинично отвергнуто в лихие 90-е годы. Речь идет о марксистском учении, к которому на Западе имеет место взвешенное отношение и положительная оценка не только в его философской части, но и в практической плоскости¹. Примером может служить, в частности, отношение к экономической теории Маркса со стороны Белла. В предисловии к своей книге на русском языке он пишет: «Я подвергся нападкам советских идеологов, потому что они считали, что я — антимарксист. Но я вовсе не антимарксист. Как может ученый-социолог быть антимарксистом? Многое в марксистском анализе социальных и производственных структур сохранило свое значение и вошло в современные теории, как и результаты любых глубоких концептуальных обобщений. Я бы скорее назвал себя постмарксистом, в том смысле, что я воспринял достаточно много марксистских представлений о социуме. Как я уже когда-то писал, марксистский анализ дает поразительно точную картину западного капиталистического общества в период между 1950-м и 1970-м годами»².

¹ См. подробно: *Право, закон, правосудие в ранних работах Карла Маркса*, М., 2019. С. 22–26.

² *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования* / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2001. С. 60.

Однако здесь возникает вопрос, который следует решать в русле заключений Белла, когда он ставит вопрос о марксистской концепции способа производства как базиса общества: «Марксистская концепция была основана на представлении, что базисом общества является способ производства, который в конечном счете определяет характер других социальных измерений — политического, правового, культурного. В этой связи возникает гносеологический вопрос, а именно: является ли способ производства *элементом* общества или *концептуальной призмой*, через которую оно рассматривается?.. Суть [этого] методологического различия состоит в том, что утверждения о материальной природе способа производства могут быть правильными или ложными, а рассмотрение через концептуальную призму — полезным или бесполезным», и далее: «Я считаю, что марксистское толкование способа производства является *концептуальной призмой*, равно как и предложенная М. Вебером система *способов господства* (патриархального, патримониального, рационально-правового), которые исторически сосуществуют, как сдои текста на древней рукописи; поэтому речь идет о полезности, а не об истинности»¹.

И последнее: в оценке теоретического наследия (в том числе марксистского и веберовского) в условиях постиндустриализации мира и технологизации науки нельзя не учитывать все большее влияние принципа фаллибилизма (от англ. fallible — погрешимый), согласно которому никакая научная теория не может быть обоснована стопроцентно, поскольку может обнаружиться ошибочность любой из них, включая самые фундаментальные².

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. ХСVII.

² См.: Хайтун С.Д. Кризис науки как зеркальное отражение кризиса теории познания: Кризис теории познания. М., 2014. С. 3 и далее.

РАЗДЕЛ I

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ПРАВА И ЗАКОНА В ПРОГРАММИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

ПРАВО И ЗАКОН В СИСТЕМЕ ОСЕВЫХ СТРУКТУР СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

В.В. Лазарев

Для многих авторов, изучающих современное общество, имеет значение его наименование. И это существенно, если надо охарактеризовать конкретное общество. Но в общеметодологическом плане более значим подход Д. Белла: «...Понятие постиндустриального общества является *аналитической конструкцией*, а не картиной специфического или конкретного общества. Она есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе»¹.

Надо полагать, выявление новых осей связано с указанием старых и, как следствие, признанием их составной частью теоретического анализа любого современного, в нашем случае государственно-организованного, общества. Для правовой науки это новый подход, хотя, как мы убедимся, поиски нового велись в том числе и по тем направлениям, которые сегодня с определенной долей условности мы можем именовать осями. Установление соответствующих трендов в определении осей, которые будут оказывать на исследователя и в конечном счете на поведение людей влияние, и, более предметно, тех перемен в отношениях по линиям соответствующих осей, осевых факторов, которые можно ожидать исходя из складывающихся реалий, — это специальные цели настоящей публикации. Но не самоцели. Предполагается системное выявление действия права и закона

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. ХСVII.

по установленным осям, перевод теоретического и практического знания в жизненные правовые технологии.

Представляется, что в обозначенных целях, особенно для понимания российского общества, более уместно сконцентрировать внимание на том, что составляет активную сторону общественной деятельности, подразумевает понятие «программируемое общество». Это понятие не является открытием последнего времени. Его ввел и использовал в характеристике постиндустриального общества французский исследователь Турен¹.

Критики российской политической системы могут усмотреть в предпочтении понятия программированности другим понятиям апологетику российской государственности, некий тоталитаризм и принижение демократии. Здесь не все так просто, тем более что современный западный демократизм утрачивает доверие. В противовес критикам ориентации на программируемость российской жизни и в интересах объективного научного подхода уместно сослаться на западных исследователей. Есть классически научный анализ социального программирования, проведенный признанным философом современности Ю. Хабермасом: «Классические теории демократии исходят из того, что общество благодаря суверенному законодателю воздействует само на себя. Народ программирует законы; законы, в свою очередь, программируют их же (законов) разработку и применение. И благодаря этому члены общества (через коллективно обязывающие решения органов управления и юстиции) получают те результаты и регулятивные правила, которые они же, в своей роли граждан государства, и запрограммировали. Эта идея *программирующего воздействия на самих себя посредством закона* обретает смысл исключительно благодаря тому предположению, согласно которому общество в целом может быть представлено как одна большая ассоциация, определяющая себя саму через посредничество права и политической власти»².

Здесь показана суть программирования правового порядка и просматриваются те осевые направления, которые характеризуют его существо. Право и закон — признанные регуляторы общественных отношений. Именно с ними соотносятся иные социальные регуляторы — мораль, религия, собственно политические нормы и др. Регулировать — значит определять поведение индивидуальных и коллективных субъектов типовым образом и для каждого конкретного случая. Регулирующее действие оказывают не только нормативные,

¹ См.: Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986.

² Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: АО «КАМ!»; Издательский центр, 1995. С. 48.

но и индивидуальные правовые акты. Развитие правопорядка в целом программируется господствующими принципами права. Общий тренд развития общества обусловлен состоянием определяющих осей социального движения.

Долгое время господствующее положение занимала ось связи и взаимодействия между производительными силами и производственными отношениями, которая составляла предмет учения К. Маркса, исповедовавшего материалистическую методологию исследования общественного развития. В современном обществе, по мнению его аналитиков, открывается значение иных связей. В частности, указывают на Д. Белла, выбирающего концептуальной основой «осевой принцип», который, по его мнению, позволяет «избежать одностороннего детерминизма, как экономического, так и технологического»¹. Для него такими осями являются, в частности, собственность и знание, вокруг которых, грубо говоря, вращается масса всего и вся, что позволяет видеть разные типы обществ. Представляется, что в таких случаях можно характеризовать их **как оси вращения**.

Но не менее ценными представляются **плоскостные оси**. Назовем так те линии связи между отдельными субъектными и предметными факторами, которые являются исходными ориентирами анализа общественных отношений. Разумеется, их много, и часто из одной точки расходятся линии целым спектром. Линейный и спектральный анализ общественных связей является отправной позицией, которая затем потребует выявления закономерностей их функционирования. Для начала действительно важно понять, какие линии становятся центральными, какие спектры производят энергию.

Иногда осевые принципы (осевые структуры) видят в том или другом методе осуществления какой-то деятельности, например в централизации управления или развитии демократических начал. В некотором смысле это понятно: деятельность по определенной линии всегда сопровождается особой методологией.

Независимо от характеристики того, что в разных источниках называют осевым принципом или осевой структурой, придется признать влияние на общественную жизнь множества факторов и следовать в итоге их системному анализу. Оси представляют собой связь между факторами (акторами), характеризующую их единством и противостоянием. Ось — это путь, по которому происходит обмен энергией и информацией между акторами. Для прогнозных исследований особенно важно установление тех осей (трендов), которые будут оказывать воздействие на поведение людей. А более определено — установление тех перемен в отношении осевых факторов,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 257.

которые можно ожидать в условиях современных реалий. В связи с этим необходимы выявление роли права и закона, перевод соответствующих теоретических знаний о них в жизненные правовые технологии (правоотношения)¹.

Обозревая фактический порядок (правопорядок), теоретик выстраивает определенную логику его дальнейшего развития через им же формулируемые концептуальные постулаты. Применительно к поставленной теме можно утверждать, что **эффективность регулирующей роли права и закона в современном (программируемом) обществе достигается совокупным действием факторов по трем определяющим осям: 1) право — закон; 2) общество — государство; 3) человек — Бог.**

Естественный разум права, способный противостоять произволу закона, — экзистенция первой оси; мелитократический общественный разум, способный противостоять государственной диктатуре и охлократии, — экзистенция второй оси; божественный разум любви и сердечности, способный противостоять греховным вызовам, — экзистенция третьей оси.

С некоторой условностью можно утверждать, что предлагаемые оси призваны отразить существенные процессы, протекающие в трех основных, относительно автономных и в то же время пересекающихся сферах общества: социальной структуре, политической системе и сфере культуры. С философской точки зрения мы имеем: должное и сущее; идеальное и материальное; рациональное и деятельностное.

Итак, действующие субъекты: Бог — человек — сообщества людей; сферы жизни: жизнеобеспечение — жизнеуправление — досуг; проявление энергии вовне: сотрудничество — конкуренция — война.

Осевой поход в каждом конкретном случае предметно предполагает обязательную пару акторов. Не более. В случае веера осей один из них будет общим для многих других, но анализ все равно пойдет по одной линии, по выявлению осевой пары и интерпретации ее существа. Поэтому за основу может быть взят предложенный в свое время профессором А.М. Васильевым парный поход. «В качестве

¹ Наше представление об осевом методе не отвергает законов диалектики, которые придется учитывать, оценивая взаимодействие соответствующих факторов. Можно согласиться с тем, что «осевой принцип» Белла имеет сходство с социальным детерминизмом Маркса, не делая, впрочем, решающего теоретического шага к нему, что концепция и методология социального детерминизма Маркса имеет несравненно более основательный и содержательный характер, чем «осевой принцип», или методология Белла, что концепции постиндустриального общества в целом присуще идеалистическое понимание общества, выраженное в фактически проведенной идее решающей роли знания в развитии постиндустриального общества, знания как главного ресурсе и продукте этого общества. Между тем теория постиндустриального общества дает новые убедительные аргументы в пользу материалистического понимания истории (См.: https://studopedia.ru/6_126844_osevaya-filosofiya-i-istoricheskiy-materializm.html Осевая философия и исторический материализм).

рабочей гипотезы при дальнейшей разработке проблемы парных правовых категорий можно указать на целесообразность рассмотрения таких пар, как «материальное право» — «процессуальное право», «объективное право» — «субъективное право», «право» — «правопорядок», «субъективное право» — «юридическая обязанность». Возможны, видимо, и иные сочетания парных юридических понятий, и не только в ряду основных правовых категорий, но и в понятийных рядах, подытоживающих существенное второго, третьего и т.д. порядка в праве»¹. Как убеждаемся, А.М. Васильев обозначал пары во внутреннем пространстве права, не выводя соответствующие линии за его пределы. Сегодня утверждается более широкий взгляд: «Парными юридическими категориями фиксируются особые внутренние и внешние связи между отдельными государственно-правовыми явлениями, их противоположности, переходы и единство. ...Исследование парных юридических категорий — это выражение диалектики в отношениях между изучаемыми правовыми явлениями... подводит юридическую науку к потребности выразить конкретное единство противоположностей в государственно-правовых явлениях определенными парными правовыми категориями»².

Принято выделять шесть пар исходных форм мышления: (1) единичное и общее; 2) причина и следствие; 3) сущность и явление; 4) необходимость и случайность; 5) форма и содержание; 6) возможность и действительность), когда его объектом выступает развитие. Но объектом мышления является прежде всего предметный мир. Здесь складываются свои пары, как только мы проводим ось между двумя из овеществленных предметов. При этом просматриваются их родовая основа, предметное единство, позволяющее затем раскрыть его через различия, тождества и переходы применительно к тому существенному, что пары объединяет. Осевой принцип предполагает, что противорасположенные элементы способны уравнивать друг друга, открывая возможность совместного действия.

Вообще считается, что «основным условием формирования сильной и стабильной оси между элементами (полюсами оси) является наличие подобия между ними»³. Особенно важно подчеркнуть последнее обстоятельство, касающееся названных трех осей, к обозрению которых приступаем.

¹ Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М.: Юридическая литература, 1976. С. 258.

² Рудаков А.А. Парные юридические категории: теория прав и обязанностей: монография // URL: <http://ebs.prospekt.org/books>

³ URL: <http://www.sujok.ru/ru/issledovaniya/stati/193-osevoj-printsip-i-strukturno-funktsionalnyj-dualizm-svyazej-vnutrennikh-chakr-i-meridianov-vrach-k-m-n-nikolaeva-v-l>

Ось «право — закон». В качестве первой оси берем линию связи права и закона. Выбор этот во многом субъективен — можно доказывать главенство другой оси. Вообще категории, отражающие всеобщие формы предметного мира, можно подразделять, например, на исходные и производные, естественные и искусственные, реальные и виртуальные. В аспекте объективного идеализма идея права первична, естественна и до воплощения в определенную форму виртуальна.

Виртуальность и объективность в данном случае состоит в том, что в качестве естественного права существуют (вне осознания и понимания их) некие постулаты (принципы), которые как «дважды два — четыре» призваны определять поведение людей. Самый авторитетный из современных исследователей естественного права Джон Финнис выделяет определенные первичные, самоочевидные, несводимые друг к другу виды блага (или базовые ценности — человеческая жизнь, знание, общение, практическая разумность, религия и др.) и обосновывает невозможность отказаться от каких-либо из этих видов или пренебречь одними в пользу других, не впадая во внутреннее противоречие. В трактовке Финниса естественное право — это те нормы поведения, которые необходимы людям и обществам для достижения блага во всех его видах. Они прослеживаются «не только в философии морали ...этике и «индивидуальном» поведении, но также и в политической философии и юриспруденции, в политической деятельности, вынесении судебных решений и в жизни гражданина»¹. И далее, применительно к нашей теме и весьма оригинально: «...Принципы естественного права объясняют обязательную силу (в наиболее полном смысле слова «обязывать») позитивных законов, даже когда соответствующие законы не могут быть логически выведены из этих принципов... некоторые позитивные законы расцениваются как в корне порочные именно в качестве законов ввиду несоответствия этим принципам»². Действительно, естественное право исключает мужчину из состава матерей, подобно тому, как оно исключает женщину из состава отцов. Все иные построения искусственны и, если даже получили прямое или косвенное закрепление в позитивном праве, с естественным они не согласуются.

Принципы естественного права требовали от власти подхода, «условно называемого «властью закона» или «верховенством права», и применялись с должным уважением к правам человека, воплоща-

¹ Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. С. 43.

² Финнис Дж. Естественное право и естественные права / пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. С. 44.

ющим в себе требования справедливости, и с целью содействия общему благу...»¹. Здесь мы видим, как линия связи «право — закон» пересекается с осью «общество — государство». Учитывая это, мы можем понять, почему конституции отдельных государств требуют руководствоваться правом и законом.

Естественное право (лат. *jus naturale*) в литературе всегда противопоставляется позитивному праву, во-первых, как совершенная идеальная норма несовершенной существующей и, во-вторых, как норма, вытекающая из самой природы, изменчивой, зависящей от человеческого установления, и потому неизменная. Однако нуждается в уточнении и конкретизации определение естественного права как совокупности принципов, правил, прав, ценностей, продиктованных естественной природой человека и тем самым как бы независимых от конкретных социальных условий. В поиске оснований естественного права недостаточно выявить естественную природу человека. Большое значение здесь имеет так называемая природа вещей, которую можно интерпретировать в аспекте права разума. В законах разума при соотнесении их с естественными реалиями жизни людей отыскивается интеллектуальная, по-своему объективная основа для ограничения произвола частных стремлений.

Отношения между правом и законом должны строиться так, чтобы материальное содержание правоотношений определялось скорее правом, а порядок взаимоотношений сторон и предупреждение возможных злоупотреблений — процессуальным законом. В рамках отработанных процедур всегда есть условия для позитивного развития права.

Если право ведет свое происхождение от общества, а закон — порождение государства, их совместное действие обусловлено диалектическим единством производящих сил и такими отношениями между этими силами, в которых государственная деятельность основывалась бы на праве, а деятельность всех общественных структур сообразовывалась бы с требованиями закона.

Итак, важно обнаружить нечто исходное, что дает основание социальному регулированию. Теория естественного права находит его в непреходящих устойчивых благах и ценностях, следование которым естественно в силу природной необходимости. Отсюда постулат: поступай так, как диктует тебе эта необходимость. Это фактически то требование *Grundnormen*, из которого Г. Кельзен выводит право. И неудивительно. Во-первых, естественное право по сути своей олицетворяет в себе гуманистическое (человеческое) содержание разных видов регулирования и, во-вторых, тем самым

¹ Там же.

придается та главенствующая роль, которая требует его позитивации в разных актах действующей власти. У Кельзена выстраивается целая пирамида норм, исходящих от государства, на вершине которой стоит конституция, а посредническую роль между ней и естественно-правовыми требованиями выполняют нормы международного права.

Ось «общество — государство». Можно понять так, что естественное право адресуется сообществу людей и каждому его члену в отдельности. И общество какое-то время живет в соответствии с ним, пока не появляются обстоятельства, требующие особого механизма управления обществом в виде государства. Естественное право адресуется ему для того, во-первых, чтобы оно само следовало нормам естественно-практической полезности, во-вторых, чтобы авторитетно адресовало их всем гражданам (возвел в закон), в-третьих, чтобы обеспечивало определенную часть последних силой принуждения. Так, параллельно и на основе оси «право — закон» складывается ось «общество — государство».

Регулирующая роль права находится в прямой зависимости от того, что представляет собой общество, как оно формируется и как функционирует. Но не в меньшей степени она зависит и от того, каково государство, как оно организовано и как осуществляет свою деятельность.

Осевой подход не ставит целей определения главенства, не вдается в вопросы причинной зависимости между ними, в отличие, например, от марксизма, который не без оснований рассматривал общество в качестве матери государства (общество рождает государство на определенной ступени своей зрелости). Здесь акцент — на значимости общества для государства и государства для общества, на том, что государство не может быть пасынком общества, что государство должно заботиться об обществе. Осевой подход допускает, чтобы общество выполняло какие-то государственные функции и, наоборот, чтобы государство подключалось к реализации общественных программ. Осевой и, в частности, парный подходы ориентируют на поиск сходства и различия акторов равновесной оси. К сожалению, в отечественной науке они часто противопоставляются, как будто современная жизнь возможна в безгосударственном обществе, а государству общество необходимо только для того, чтобы собирать налоги.

В центре противостояния государства и общества оказывается человек, гражданин, личность с устремлениями, правами, обязанностями. Роль права при этом проявляется в том, насколько оно предоставляет возможности для развития личности, в каких пределах открывает свободу в жизненно важных коммуникациях, насколько

успешно ограничивает произвол во имя прав и свобод другого. Современные реалии вопреки естественному праву свидетельствуют об уходе от общественных ценностей, об укоренении индивидуализма, о разрушении социальных связей. Тот же Д. Белл отмечает, что «социальной единицей [постиндустриального общества] выступает скорее отдельное сообщество, нежели индивид, и целью ставится достижение «социального решения», отличного от простой суммы индивидуальных решений, которые в своей совокупности могут привести к кошмару... результатом становится нарастание конфликтных и неразрешимых ситуаций; остается выбор между политикой консенсуса или политикой тупика»¹.

Представляются неприемлемыми попытки проводить линии связи личности и общества, личности и государства вне связи общества и государства, в отрыве от этой главенствующей оси. Они, если и дают частные результаты, то в итоге искажают общую картину государственно организованного общества. Между тем эта картина кажется столь сложной, что не всегда обрисовывается закономерно действующими причинными взаимоотношениями индивидов, их сообществ и государственных институтов, а в большой степени представляет собой хаотические, спонтанно возникающие взрывные потоки энергии разных сил как результат внутренних процессов социальных явлений. Их разноревероятностные проявления во внешнем мире могут укладываться в закономерное течение жизненных процессов, но могут давать такие бифуркации, которые рушат равновесие системы и обеспечивают дальнейшее ее движение в сторону обогащенной закономерности. Спираль имеет тенденцию ко все более стремительному разворачиванию во времени, причиной чего является всегда новый, более мощный поток информации.

Какова здесь роль организующих средств? Марксисты отдавали предпочтение экономическим факторам. И для своего времени это было главенствующей социальной истиной. В постиндустриальном обществе действуют другие возбудители. Информационные. Прорывные технологические. В предисловии к изданию 1976 г. в противоположность Марксу Белл пишет, что основа устройства — не экономика, а исторические традиции, соответствующая система ценностей и способы концентрации и распределения власти в обществе, а сегодня еще и «враждебный экономной расчетливости модернизм, усвоенный «культурной массой».

Может показаться странным, но современные философы и экономисты не дают обоснования позитивной роли государства. Более того, некоторые из них решительно настроены против. Конечно,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 171–172.

имея в виду прежде всего российское государство, хотя и не только. Так, В.Л. Иноземцев полагает, что оно, во-первых, успешно вытеснило народ (а тем более — человека) на социальную периферию. Во-вторых, «крайне важным следствием примата «государства» над личностью и обществом стало утверждение «очень российского» тезиса о том, что «цель оправдывает средства», — а это выступило обоснованием практически полного пренебрежения к эффективности... В-третьих, помимо народа и экономики (и вместе с ними) эти особенности российского понимания государства и власти радикально сократили степень приверженности россиян рационализму, серьезно помогая восприятию любых масштабных доктрин и концепций. «Именно воображаемый характер государства стал самым важным основанием для расположенности России к доктринальным концепциям, к ее фактической зависимости от них и от утверждаемых ими иллюзорных целей»¹. Иноземцева смущает (пугает) то обстоятельство, что в отличие от Европы ее идентичность определена значением, чрезмерным значением государства — «деперсонифицированной, полностью отчужденной от человека сущностью»².

Полагаю, что у историков нашлось бы много аргументов показать время, когда именно России благодаря складывающейся государственности удалось стать державной страной, оборониться от многочисленных нападений и так настроить свою внутреннюю жизнь, что начался своего рода подъем, связанный в том числе и с единением власти с народом. Риском предположить, что именно деперсонифицированность государства (образ государства) служила единению в борьбе против всякого зла, в том числе и против ненавистных правителей. В России всегда понимали, а в СССР было официально установлено, что государство — это особый аппарат, машина, власть, т.е. было весьма персонифицированное понимание. Более того, именно в России готовы были свергать власть, менять режим, чему история дает постоянные примеры. Именно в России протестовали против того, чтобы народ был в чьей-то собственности. Вольность всегда гуляла по Руси. И считалось, что любить страну — это не значит любить государство. Но действительно, в России скорее землю

¹ Иноземцев В.Л. Несовременная страна. Россия в мире XXI века. С. 30–31.

² Для теоретика государство действительно предстает в качестве обезличенной сущности. Но если провести социологическое исследование, выяснится, что россияне (наверное, как и все европейцы) сравнивают государство с государственными учреждениями и прежде всего с правительством. И тогда будет и не до сакральности (сколько бы высокие должностные лица свечки не держали), и не до игнорирования формализованных интересов. Народу враждебны лица, симулирующие духовность и бескорыстие. Внешнему миру они враждебны в той степени, в какой начинают превосходить в признаваемых в том мире качествах. Конкурентная борьба никогда не отличалась взаимной любовью.

свою считали государством, потому и называли его Отечеством. И до сих пор это накладывает отпечаток на отношение к глобализации, к крушению национальных суверенитетов. Российское общество всегда приходило к пониманию антинародной деятельности своего или иноземного лжедмитрия. Если Россия пока не может быть названа демократической страной, следует еще хорошо проанализировать, какие отрицательные последствия демократии сопровождали мировую историю и почему сегодня скомпрометированы проявления западной демократии, вплоть до их отвержения.

Демократия в отличие от других политических режимов и от других форм правления позволяет власти наиболее успешным образом вводить в заблуждение народ. К нему она и обращена прямым образом, его она и возвышает, хотя часто для возвышения нет никаких причин, если не сказать большего, поскольку история знает массу примеров проявления народной воли не с самой лучшей стороны. У Шиллера в «Заговоре Фиеско в Генуе» прекрасно выписана ущербность данной формы. Хотя, отвлекаясь от реалий, согласимся с известным государственным деятелем, считавшим демократию плохой, но лучшей среди других форм правления. Характеристик действительно много, и все они имеют под собой основания, могут служить не только правовым ценностям. Похоже, что и к тоталитарной системе есть стремление, а следуя Иноземцеву, каждые два года будем менять курчатовых и королевых на их постах. Нет, честность еще можно принять, хотя и не во всем единство отыщется, а вот свободу при определенных обстоятельствах всегда надо ограничивать.

При исследовании постиндустриального общества Д. Белл ориентируется на групповые или коммунальные инструменты. Он пишет: «В тесно переплетенном обществе все больше решений приходится принимать с помощью политических мер и с помощью планирования. Но, как ни парадоксально, оба эти механизма обостряют социальные противоречия... Коммунальные методы — стремление превратить разногласия по поводу индивидуальных личных предпочтений в вопрос общественного выбора — неизбежно усиливают остроту конфликта ценностей... [Тысячи] подобных вопросов не могут быть разрешены с помощью технических критериев; они неизбежно замкнуты на ценностные и политические проблемы»¹. Если угодно, это реакция знаменитого социолога на цифровизацию, занимающую сегодня умы не только экономистов.

Возможно, поэтому и следует вернуться от индивидуализма к оправдавшим себя в России общинным формам, в том числе и к советским. И это тот консерватизм, та несовременность, которая,

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество.

как выясняется, диктуется новыми социальными реалиями, требующими усиления корпоративного и государственного начал. Одним из важнейших достижений постиндустриального строя, как считает Д. Белл, является формирование условий для рационального управления социальным организмом, скоординированного распределения и перераспределения благ и обеспечения максимальной личной свободы индивида¹.

Профессор В.Л. Иноземцев попытался указать некоторые особенности России, которые обуславливают нашу несовременность. Но каждая из них свойственна не только и даже не столько России. Разве не в Европе появились социалисты и коммунисты, вскрывшие антинародный характер эксплуататорского государства? Разве не там родилась идея отмирания государства? Разве не в Европе господствовала позиция «цель оправдывает средства»? Да, там хватило ума пересмотреть многие антинародные устремления под натиском революционных движений и успехов экономического развития. И здесь Россию можно упрекнуть в отсталости. Пока капиталистические отношения не утвердились, об эффективности как о цели и речи быть не могло. Кстати, не в последнюю очередь по причине заботы об интересах простого народа. Пусть и ложно понятых интересах (как в вопросе об освобождении от крепостной зависимости). Конечно, капитализм живет эффективностью, но только в рамках святой цели капитала (капиталиста). Другие цели опосредованы главной целью. Россию действительно можно упрекнуть в приверженности к масштабным доктринам (рожденным на Западе и перенимаемым в нашей стране без надлежащих переоценок), но разве без них возможны заземленные реальные шаги исторических деятелей? Да и костры инквизиции в прямом и переносном смысле горели в Европе точно до середины прошлого века. Кое-где они готовы воспламениться снова. Приверженность к идеологии нельзя оценивать односторонне. И то, что сегодня согласно Конституции РФ государственной идеологии нет, не прибавляет любви к государству. Скорее наоборот. То, что правящая партия, не имея развернутой идеологии, является правящей, но как бы и не руководящей, вызывает по меньшей мере недоумение.

И суверенитет всегда трактуется в российских учебниках не как «свобода от каких бы то ни было обязательств и ограничений», а как свободный выбор власти внутри и вовне, не связанный принуждением со стороны любой иной власти. Россия, как известно, является участником многих соглашений, разных союзов государств, и это признается (нашими теоретиками!) проявлением суверенитета.

¹ Там же.

Ось «человек — Бог» — основополагающая культурная составляющая бытия, поддерживаемая неустанным поиском смысла жизни, тех потусторонних идеалов святости, которые способны питать надежды на справедливость земной жизни и виртуальное бессмертие. Бог — главный объект-субъект виртуальности¹. Многие люди разговаривают с ним тет-а-тет или через посредничество священников, о чем-то просят и спрашивают совета, подобно тому, как советуются с умершими родителями. Для юриста важно не столько само такое общение, сколько то, что человек в результате этого общения выбирает соответствующий вариант поведения.

Никому пока не дано ответить на извечные вопросы бытия, и наука еще не способна дать точный прогноз общественного развития. Человек проживает одну жизнь. Независимо от того, верующий он или не верующий, независимо от содержательной стороны его веры или безверия, экзистенциально человек вступает с Богом в своеобразное правовое отношение, в котором, как нигде более, обозначаются те императивно-атрибутивные эмоции, которые Л. Петражицкий исследовал в отношениях людей. Разумеется, наиболее радикальные религиозные чувства не допускают возложение на Бога каких-либо обязанностей, но типичная модель этих отношений все-таки предполагает в ответ на определенный вариант поведения одного ожидание соответствующего ему поведения другого. Если такого ожидания нет, вопрос остается в плоскости религиозной морали.

Но как только мы переводим отношения с Богом в сферу правовых отношений, встает вопрос об их месте и роли в действующем правопорядке, об источниках права, о средствах обеспечения тех или иных норм, о грехе (правонарушении), наградах и наказаниях. В некоторых обществах с религиозной направленностью государственного строя такие отношения приобретают первостепенную роль, но нет ни одного государства, которое бы полностью их игнорировало. Формально провозглашенное отделение церкви от государства не может отчленить человека от религии, и на его светские правоотношения накладывает отпечаток то правоотношение, в котором он состоит с Богом. Последнее можно уподобить своего рода конституции, дающей человеку точки опоры, наполняющие смыслом человеческое поведение, обеспечивающие ему стабильность и оправдание. Казалось бы, этического сопровождения следовало бы ждать от науки, но здесь она изобилует примерами собственного падения. Тем более не приходится рассчитывать на моральность от политики.

¹ Виртуальность (лат. *virtualis* — возможный) — объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C>

Скорее, наоборот, она дает образцы лицемерия и пренебрежения к подлинно человеческим ценностям¹.

Памятуя о социальных утопиях, встав на путь легковесных социальных прогнозов, можно с уверенностью размышлять об одном: кактаклизмов удастся избежать, если последовательно работать над оптимизацией оси «человек — Бог». Если человеческое останется в человеке, если он будет стремиться стать похожим на Бога и идеалы божественного (чисто разумного) будут сопровождать его в трудные минуты решений, регулирующую роль права ожидает успех. В определенном смысле можно рассчитывать и на поддержку науки, которая скорее не отвергает Бога, а дает новые сомнения в положительном отношении к атеизму². Тем более об этом уместно сказать, учитывая устремление постмодернистской философии к трансцендентальным позициям. Юрген Хабермас констатирует: «Поэтому теории справедливости и морали идут сегодня своими собственными путями, всегда отличными от «этики», если понимать ее в классическом смысле как учение о правильной жизни»³. И далее он обращается к авторитетному мнению одного из постмодернистов: «В противостоянии спекулятивному мышлению Гегеля Кьеркегор дал на вопрос о правильной жизни пусть *постметафизический*, но вместе с тем и глубоко религиозный, *теологический* ответ... Постконвенциональная мораль совести способна стать кристаллизующим ядром осознанного жизненного руководства лишь в том случае, если она вписана в религиозное самопонимание. Кьеркегор обыгрывает проблему мотивации, критикуя Сократа и Канта для того, чтобы, минуя их обоих, прийти к Христу»⁴.

Столь пространное цитирование современных философов должно иллюстрировать новую жизнь классического наследия теологической мысли, а надлежащая оценка его, надо надеяться, позволит укрепить духовный мир и избежать антиинтеллектуализма и ниги-

¹ Не хочется думать, что Всеволод Чаплин тоже следовал политической линии, когда говорил: «Мир долгим не бывает; мир сейчас долгим, слава Богу, не будет... потому что общество, в котором слишком много сытой и спокойной жизни, это общество, оставленное Богом, это общество долго не живет» (<https://www.echo.msk.ru/programs/klinch/1567024-echo/>), отмечая, что «войны часто посылаются в наказание людям и в назидание людям» и потому «не надо бояться, что по воле Божией или, по крайней мере, по попущению Божию уничтожается или будет уничтожаться большое количество людей» (<https://www.echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/>).

² Подлинно социологическое видение проблемы позволяет рассматривать религию как институт, появившийся с момента зарождения человечества, необходимый для всякого здорового общества как средство социального контроля, как сила, укрепляющая и расширяющая человеческую солидарность, соединяющая массу индивидов в одно целое, делающая возможным сохранение «коллективного единства народа», его лица, его истории и жизни...» / Сорокин П.А. Социология революции. М.: Апрель, 2008. С. 489.

³ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002. С. 9.

⁴ Там же. С. 11.

лизма в культурной сфере постиндустриального общества. Осевой подход не вдается в глубинные вопросы бытия Бога. Он констатирует жизнь идеи и ее присутствие по праву на разных уровнях человеческой деятельности. С этим не может не считаться исходящий от государства позитивный закон.

Итак, что можно сказать о новой парадигме исследования государственно-правовой сферы?

Представляется, что пришло время осознать значение теорий Лобачевского, Эйнштейна, Бора и др. в общественных науках. В порядке провокации можно предложить три постулата: пространство расширяется, время сжимается, человек обесчеловечивается. Подчиняются ли эти процессы законам причинности?

Законы причинности действуют в широкой пространственно-временной сфере в отношении больших масс людей. Они снижают свое действие пропорционально уплотнению времени, сужению пространственной и персональной сферы действия (локализации).

Законы причинности деформируются и уступают место осевым принципам развития общественных отношений. В каждый конкретный момент времени в каждом ограниченном пространстве пульсируют (воспламеняются и затухают с некой периодичностью) несколько осевых центров, вокруг которых вращается вся масса общественных отношений по своим орбитам, сближаясь и отдаляясь от центра притяжения и пересекаясь (перекрещиваясь) с отношениями, которые вращаются вокруг других центров.

Открывающийся взору наблюдателя хаос отношений имеет в своем развитии связи, которые в конечном счете обладают объективно закономерным характером. Однако рост количества и качества этих связей не позволяет человеческому разуму сразу уловить эти закономерности, создавая иллюзию их отсутствия.

В юридической сфере, как в практической ее плоскости, так и в науке, есть два центра — государство и право. Дискуссии о главенстве одного из них не увенчались успехом. Попытка интегрировать их в один центр под названием «правовое государство» дает свои плоды, но в теории они предстают в качестве симулякра, а на практике часто оказываются кислыми, горькими и недозревшими.

Что первично, а что вторично, что является причиной, а что — следствием, каково взаимовлияние государства и права — все эти и ими обусловленные вопросы высвечиваются полнее и ярче, следуя парадигме осевой методологии. Когда вращающиеся элементы государственности располагаются вокруг субъектных и режимных отношений, наблюдаются их пересечение и столкновение при разных «температурах» (либеральных и жестких, эволюционных и революционных и пр., и пр.).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ПЕРВОЕ ПРИБЛИЖЕНИЕ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СТАТУСА

А.Я. Капустин

Международное право и информационное общество: международные акты «мягкого права»

Тематика работы, охватывающая два ключевых понятия юридической науки — «право» и «закон», позволяет включиться в дискуссию не только представителям теории государства и права или теоретикам отраслевых юридических наук, но и специалистам по международному праву, которое хотя и относится к отличной от внутреннего права системе права, тем не менее имеет много характеристик, сближающих его с понятием права в общей теории права.

Понятие программируемого или информационного общества¹ сформировано представителями западной социальной науки для объяснения процессов общественных трансформаций, происходящих в развитых индустриальных странах под воздействием науч-

¹ Впервые выражение «информационное общество» появилось во второй половине 1960-х годов в Японии. Его введение в научный оборот приписывают профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши. Основные черты информационного общества были описаны в официальных отчетах, представленных японскому правительству рядом экспертных и государственных структур. Оно понималось как общество, в котором «развитие компьютеризации предоставит людям доступ к надежным источникам информации и избавит их от рутинной работы, обеспечив высокий уровень автоматизации производства». См.: *Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности*. М., 2005. С. 29–30.

но-технической революции¹. В качестве объекта исследования они выбирали общества наиболее развитых государств (США, Великобритании, Германии, Японии и т.д.). Впоследствии, когда идея информационного общества овладела умами политических элит в этих странах, она была воспринята на международном (глобальном) уровне и получила выражение в различных международных документах, направленных на формирование коллективной платформы международного сообщества и выработку соответствующей международной стратегии.

Концептуальное видение развития общества и его международное измерение в условиях информационно-технологической революции и формирования нового технологического уклада (формации) стали постепенно вызревать на протяжении 90-х годов прошлого века в документах «большой семерки», Европейского Союза (ЕС), ЮНЕСКО и ряда иных международных форумов. Концентрированное выражение эти усилия получили в документе, принятом на саммите уже «большой восьмерки» (Окинава, 22 июля 2000 г.) и получившем название «Хартия глобального информационного общества» (далее — Хартия²). В начальных положениях этого документа были изложены согласованные государствами-участниками ключевые понятия доктрины информационного общества и определено ее международное значение.

В частности, в ней устанавливалось, что информационно-коммуникационные технологии (далее — ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI в. Их революционное воздействие касается образа жизни людей, их образования и деятельности, а также взаимодействия правительства и гражданского общества. ИКТ быстро становятся жизненно важным стимулом развития мировой экономики. В документе предусмотрена задача поставить ИКТ на службу укреплению международного мира и стабильности.

Очевидно, что большинство перечисленных в Хартии целей использования ИКТ относилось к развитию национальных обществ и государств и лишь одна последняя задача касалась международной

¹ Среди западных социологов нет единства мнений относительно значения последствий «информационного взрыва» второй половины XX в. Так, Д. Белл связывал воздействие информатизации и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на различные сферы жизни с появлением нового типа общества — постиндустриального. Однако британский социолог Ф. Уэбстер полагал, что, признавая значительное распространение информации и знания и их ключевую роль в бытовом поведении людей, нельзя согласиться с интерпретацией этих явлений как «постиндустриального информационного общества». См.: Теории информационных обществ. М., 2004. С. 79–80.

² См.: Okinawa Declaration of Global Information Society // <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/summit/2000/documents/charter.htm>

сферы. Это, однако, не должно принижать ее значение, так как в Хартии разъяснялось, что достижение данных целей и решение возникающих проблем потребуют разработки эффективных национальных и международных стратегий. Важно отметить, что вводимый в Хартии ключевой термин «глобальное информационное общество» (далее — ГИО) имел специальное значение и не мог заменить категорию «международное сообщество»¹, которая к тому времени стала широко использоваться в международно-правовой, политологической и иной литературе по общественным наукам для обозначения совокупности государств как основных акторов международных отношений. Отечественный исследователь А.А. Чернов полагает, что «современные достижения в области развития информационных и коммуникационных технологий способствуют формированию совершенно новых экономических, социальных и культурных отношений в жизни людей, которые описываются единым понятием «глобальное информационное общество»»². Отсюда следует, что здесь

¹ В литературе отмечается, что уже в работах юристов Средневековья встречались выражения «сообщество наций» и «сообщество государств». Ф.Ф. Мартенс в конце XIX — начале XX вв. в своих трудах использовал понятие «международное общение». В современном понимании концепция международного сообщества стала формироваться после Второй мировой войны. Еще в 40-х годах XX в. в работах европейских юристов и социологов анализировались два понятия — «международное сообщество» и «международное общество», в конечном счете предпочтение отдано первому как наиболее точно отражающему сущность международных межгосударственных отношений, хотя попытки включения второго понятия в научный оборот не прекращаются до настоящего времени. Выражение «международное сообщество государств» включено в ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. и в ряд иных многосторонних международных договоров. Подробнее об этом см.: Капустин А.Я. Глобализирующееся сообщество государств и международное право // Современное международное право: глобализация и интеграция: LIBER AMICORUM в честь профессора П.Н. Бирюкова: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Я. Капустин; Воронеж, 2016. С. 105–110.

² См.: Чернов А.А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М., 2003. С. 23. Далее, исследовав основные, главным образом западные, социологические и философские теории информационного общества, он дает комплексную характеристику этому понятию, включающую в себя следующие позиции: тип общества (новый), условие благополучия человека в новом типе общества (беспрепятственный доступ к информации), глобальный характер общества (обмен информацией не имеет временных или пространственных границ), степень взаимопроникновения культур и новые возможности для самореализации. Иными словами, это понятие претендует на некую обобщающую характеристику современного, сложившегося благодаря воздействию ИКТ общества. Там же. С. 37. Более узкое определение предлагает В.П. Талимончик, понимающая под ГИО «систему международных отношений, складывающихся применительно к функционированию информационных систем, формирующихся на базе развития ИКТ, в которой международные информационные отношения оказывают влияние на политические, экономические, социальные, культурные, правовые отношения». См.: Талимончик В.П. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2013; Её же. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2013. С. 13–14. Заметно различие в трактовках этого понятия. Если А.А. Чернов

речь идет о новом этапе в развитии человеческой цивилизации, судьба которой начинает определяться уровнем развития ИКТ. Соответственно, каждое отдельное общество в границах национальных государств будет рассматриваться как часть этого глобального информационного общества в зависимости от степени их включения в использование ИКТ. Вместе с тем подобные социологические подходы к определению глобального информационного общества не дают оснований для построения его международно-правовой модели. К этому вопросу мы вернемся ниже.

Это понимание перекликается с тезисом Хартии о признании важности принципа участия всех людей повсеместно, без исключения, в пользовании преимуществами глобального информационного общества. Отсюда можно сделать вывод, что в узком смысле глобальное информационное общество — это общество, предоставляющее возможность использования современных ИКТ. В этом представлении о глобальном информационном обществе, разумеется, не идет речь о каких-либо глобальных трансформациях для устранения различий между обществами и государствами различных групп стран, определяющих в настоящее время характер международной системы. Сохраняются богатые и бедные страны, развитые постиндустриальные, развивающиеся и слабо развитые или вообще мало развитые экономики. Иными словами, переход к новому технологическому укладу не предполагает преодоления сложившихся социально-экономических противоречий, однако в теоретическом плане можно допустить возникновение новых или преобразование предыдущих различий и даже конфликтов.

В дальнейшем на международном уровне обсуждение данной концепции перемещается в ООН, в результате чего происходит уточнение ее отдельных элементов. В частности, по инициативе Международного союза электросвязи, переданной в ООН, последняя приняла решение о проведении в два этапа саммита по вопросам информационного сообщества, первый из которых состоялся в декабре 2003 г. в Женеве, второй — в ноябре 2005 г. в Тунисе. В Женеве была принята Декларация «Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии» (далее — Женевская

представляет себе ГИО в качестве общества отдельных современных государств (общественные отношения в рамках государственных границ), то для юриста-международника ГИО — это модель формирующегося международного сообщества государств. Правда, образ, предложенный В.П. Талимончик, не до конца понятен: идет ли речь о формировании новой системы международных отношений под влиянием ИКТ или автор склоняется к тому («складывающихся применительно к»), что в действующей системе международных отношений вызревает подсистема международных информационных отношений. Теоретически обе гипотезы ГИО имеют право на существование.

декларация)¹. В этом документе, носящем рекомендательный программный характер, уже более объемно и заметно отражается необходимость международного сотрудничества в вопросах построения информационного общества и акцентируется внимание на необходимости соблюдения важнейших международно-правовых норм, регулирующих межгосударственные отношения. Наряду с этим довольно схематично намечаются ориентиры дальнейшего развития международного права в связи с теми вызовами, которые несет построение информационного общества для международного сотрудничества и международного правопорядка. Все это можно обозначить как стремление международного сообщества в лице ООН при отсутствии не просто договорного международно-правового регулирования информационного сообщества, но даже понимания пределов такого регулирования сформировать своего рода правовую среду международной стратегии развития информационного общества, обозначив наиболее важные, в том числе фундаментальные основания сотрудничества государств и других субъектов международного права в сфере использования ИКТ.

В частности, в Женевской декларации построение ориентированного на интересы людей, открытого для всех и направленного на развитие информационного общества рекомендовалось осуществлять на основе целей и принципов Устава ООН, соблюдая в полном объеме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. Следовательно, международно-правовой основой и гарантией построения информационного сообщества, по замыслу авторов этого документа, будут выступать цели и принципы Устава ООН как первостепенного источника легитимности деятельности всех акторов международных отношений. Необходимым условием перехода к новому обществу должно быть полное уважение обязательств в области прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации прав человека, что является важнейшим условием современного международного правопорядка. В декларации, кроме того, подтверждена приверженность положениям ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, согласно которым каждый человек имеет обязанности перед обществом. Только в нем возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться лишь таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых

¹ См.: Declaration of Principles. Building the Information Society: a global challenge in the new Millennium Doc. WSIS-03/Geneva/Doc/4-R // <https://www.itu.int/net/wsis/docs/Geneva/official/dop.html>

требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Осуществление таких прав и свобод ни в коем случае не должно вступать в противоречие с целями и принципами ООН. Обращение к обязательствам по Всеобщей декларации прав человека 1948 г., а не к иным актам о защите прав человека договорного характера (например, международным пактам о правах человека 1966 г.), вполне объяснимо. В отличие от международного договора, который обязателен только для участвующих в нем государств, положения Всеобщей декларации являются частью международно-правовой доктрины и рассматриваются многими государствами и международными организациями, в том числе ООН, в качестве норм обычного международного права, обязательных для всех государств международного сообщества. Можно только гадать, почему из всех статей Всеобщей декларации прав человека акцент сделан только на ст. 29, а не иных положениях этого важнейшего документа. Вероятно, это связано с тем, что построение информационного общества открывает такие огромные возможности для раскрытия потенциала отдельной личности, что авторы документа сочли необходимым предостеречь человечество от возможных злоупотреблений отдельных индивидов. Упоминание о целях и принципах ООН, по всей видимости, служит напоминанием о приоритетности соблюдения целей и принципов ООН для международного правопорядка.

Наряду с этим в Женевской декларации была подтверждена значимость и иных важнейших составляющих устойчивого международного правопорядка, таких как соблюдение принципа суверенного равенства всех государств. При этом к последним обращен настоятельный призыв принимать при построении информационного общества меры, направленные на недопущение и отказ от каких-либо односторонних действий, не соответствующих международному праву и Уставу ООН и препятствующих полномасштабному обеспечению социально-экономического развития затрагиваемых стран и благосостояния их населения. Это положение довольно осторожно и деликатно подтверждает значимость и актуальность проводимой ООН линии на исключение из практики одностороннего применения ограничительных мер принуждения в международных отношениях, камуфлируемых использованием термина «санкции»¹. Тем

¹ Осуждение одностороннего противоправного принуждения государств стало утверждаться в ООН с прошлого века. В 1970 году Генеральная ассамблея ООН приняла Декларацию о принципах международного права, касающуюся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН» (резолюция 2625 (XXV) Генеральной ассамблеи ООН), в которой было зафиксировано, что ни одно государство не может применять по отношению к другому государству или поощрять применение

самым подтверждается недопустимость применения односторонних санкций для принуждения государств в вопросах доступа к ИКТ.

В Женевской декларации сформулирована идея цифровой солидарности, которая также имеет международную коннотацию. В ней провозглашено, что для создания открытого для всех информационного общества требуются новые формы солидарности, партнерства и сотрудничества между органами государственного управления и другими заинтересованными сторонами, то есть частным сектором, гражданским обществом и международными организациями. Поставленная в Женевской декларации масштабная задача — преодоление разрыва в цифровых технологиях и обеспечение гармоничного, справедливого и равноправного развития для всех — потребует твердой решимости всех заинтересованных сторон. В связи с этим в ней содержится призыв к цифровой солидарности как на национальном, так и на международном уровне и к международному и региональному сотрудничеству. Разумеется, призыв, то есть просьба, обращенная к различным акторам цифрового сообщества¹, является уже не благим пожеланием, но и не рекомендацией, что вполне объяснимо. Развитие новых ИКТ и их передача другим регионам или странам сопряжена с серьезными ресурсными затратами, поэтому для реализации этой задачи потребуются согласие всех заинтересованных сторон, чего можно достичь только посредством взаимовыгодного сотрудничества.

Женевская декларация подтвердила, что сохраняют свое значение инструменты и нормы, регулирующие международное научно-техническое сотрудничество. В ней отмечалось, что к важнейшим составляющим построения информационного общества относится

экономических, политических или каких-либо других мер принудительного характера, направленных на ущемление его суверенных прав или на извлечение из этого какой-либо выгоды. Аналогичные положения были подтверждены в Хартии экономических прав и обязанностей государств (резолюция ГА ООН 3281 (XXIX) 1974 г.), а затем в серии двух разновидностей резолюций Генеральной ассамблеи ООН — «Односторонние экономические меры как средство политического и экономического принуждения развивающихся стран» (последняя из этой серии резолюция № 72/201, принята 20 декабря 2017 г.) и, начиная с 1983 г. (резолюция ГА ООН 38/197 от 20 декабря 1983 г.), принимает резолюции о «правах человека и односторонних принудительных мерах». Эта инициатива в ООН впоследствии была подхвачена Советом по правам человека, который также принял серию аналогичным образом сформулированных резолюций (начиная с резолюции СПЧ рез. 6/7 (30 сентября 2007 г.). В 2014 году Совет принял решение о назначении специального докладчика по негативному воздействию односторонних принудительных мер на осуществление прав человека (резолюция СПЧ 27/21 от 26 сентября 2014 г.).

¹ В декларации, а также в научной литературе просматривается различие между цифровым обществом как новым этапом в развитии человечества и цифровым сообществом, под которым понимается объединение заинтересованных участников, содействующих использованию ИКТ.

стандартизация. Особое внимание следует уделять международным стандартам. Разработка, принятие и использование открытых, обеспечивающих возможность взаимодействия, недискриминационных и определяемых спросом стандартов с учетом потребностей пользователей и потребителей — одно из основных условий развития и расширения распространения ИКТ и обеспечения более приемлемого в ценовом отношении доступа к ним, прежде всего в развивающихся странах. Международные стандарты имеют целью создание среды, в которой потребители могли бы пользоваться соответствующими услугами в любой точке мира независимо от применяемой технологии.

Было установлено, что управление использованием радиочастотного спектра должно осуществляться в интересах общества в соответствии с принципом законности при неукоснительном соблюдении национальных законов и норм, а также соответствующих международных соглашений.

В настоящее время отмечается ускорение процесса международной стандартизации на универсальном уровне. Еще в прошлом столетии потребности индустриального и научно-технического развития вызвали к жизни кооперацию в сфере международной технической стандартизации передовых стран как на межгосударственном, так и на неправительственном уровнях. В XXI веке эти процессы получили новый импульс, в том числе в связи с широким распространением ИКТ.

В настоящее время действуют три международных организации по стандартизации: одна — межправительственная (Международный союз электросвязи (МСЭ)) и две — неправительственные (Международная организация стандартизации (ISO) и Международная электротехническая комиссия (МЭК, IEC)).

МСЭ является специализированным учреждением ООН в области ИКТ. Союз занимается распределением радиочастотного спектра и спутниковых орбит в глобальном масштабе, разрабатывает технические стандарты, обеспечивающие возможность эффективного присоединения сетей и технологий, и стремится улучшить доступ к ИКТ для недостаточно обслуживаемых сообществ всего мира. В основе МСЭ лежит несколько принципов — принцип международного сотрудничества между государствами и частным сектором (в настоящее время членами МСЭ являются 193 государства и почти 800 организаций частного сектора, ассоциированных членов и академических организаций) и принцип признания суверенного права каждого государства регламентировать свою электросвязь. Эти принципы определяют правовую природу актов, принимаемых МСЭ в целях реализации задачи международной стандартизации ИКТ, используя

емых для создания инфраструктуры предоставления услуг электро-связи во всем мире.

Стандарты МСЭ по своей правовой природе представляют собой рекомендации международной межправительственной организации, каковой и является МСЭ. Это качество точнее передает английский язык, использующий термин «рекомендации» (Recommendations). Стандарты МСЭ не являются юридически обязательными для государств-членов и членов из частного сектора МСЭ, что не мешает им получать широкую поддержку благодаря тому, что они облегчают взаимодействие между сетями связи и позволяют провайдерам предоставлять услуги по всему миру. Внутри государств стандарты МСЭ приобретает силу после того, как они принимаются в рамках процедур, установленных национальным законодательством. Такая гибкость правового регулирования международной стандартизации МСЭ вполне объяснима, она дает государствам возможность присоединиться к тем международным стандартам, которые отвечают уровню их научно-технологического развития, в то же время не создавая препятствий для развития более передовых технологий в тех отраслях ИКТ, где у них имеется преимущество мягкого регулирования путем принятия международных стандартов МСЭ.

Кроме того, указанный механизм позволяет данной международной организации решать глобальные социальные задачи мировой повестки, такие как обеспечение для каждого человека легкого в ценовом отношении доступа к информации и связи, позволяющего оказывать ощутимое содействие в социально-экономическом развитии интересов всех людей, а также предоставлять поддержку развивающимся странам в осуществлении их стратегий развития электро-связи. Принятие Женевской декларации подтвердило значение ведущей роли МСЭ в стандартизации ИКТ.

Женевская декларация не обошла стороной и положительное влияние ИКТ, постепенно изменяющие методы работы, что позволяет признать основополагающее значение создания защищенных, безопасных и не наносящих ущерба здоровью условий труда при соблюдении всех соответствующих международных норм. Как известно, эксперты Международной организации труда (МОТ) разработали рекомендательный акт — Кодекс практики по защите личных данных работника (далее — Кодекс). Распространение этого Кодекса было официально одобрено Административным советом в 1996 г. В Кодексе содержатся нормативные положения, ставшие первой попыткой сформулировать международные стандарты по данному вопросу. Цели Кодекса — ориентировать заинтересованные государства, лица и организации в международной практике по защите личных данных работника и содействовать разработке соответству-

ющего национального законодательства. Кодекс распространяется на частный и государственный секторы, на ручную и автоматическую обработку информации и регламентирует порядок сбора, хранения, обработки, использования и передачи личных данных, устанавливает индивидуальные и коллективные права работников в области обеспечения защиты данных.

Составители Женевской декларации исходили из общепризнанного постулата о том, что культурное разнообразие — это общее наследие человечества. Соответственно, в ней было признано, что информационное общество должно основываться на уважении культурной самобытности, разнообразии культур и языков, традиций и религий, должно стимулировать это уважение и содействовать диалогу между культурами и цивилизациями. Отмечено, что обогащение информационного общества будет осуществляться через популяризацию, укрепление и сохранение различных культур и языков. Обеспечение поддержания межкультурного и междоцивилизационного диалога опирается на международно-правовой фундамент, состоящий из принятых ЮНЕСКО документов, включая Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии.

В Женевской декларации сформулирована по своей сути глобальная задача, которая не получила своего международно-правового решения и является предметом острых дискуссий по сей день. Речь идет о проблеме, которую можно определить как интернационализацию ИКТ. В Женевской декларации правильно подмечено, что Интернет превратился в публичный ресурс глобального масштаба, поэтому управление его использованием должно стать одной из основных задач информационного общества. В этом документе подчеркнуто, что управление использованием Интернета на международном уровне необходимо осуществлять на многосторонней, прозрачной и демократической основе при полномасштабном участии органов государственного управления, частного сектора, гражданского общества и международных организаций. Это управление должно обеспечивать справедливое распределение ресурсов, способствовать доступу для всех, гарантировать стабильное и защищенное функционирование Интернета с учетом многоязычия. Сформулированный в виде пожелания тезис о необходимости создания на международном уровне управления использования Интернета на многосторонней, прозрачной и демократической основе при полномасштабном участии всех возможных акторов, включая субъектов международного (государства и международные организации) и национального права (органы государственного управления, организации частного сектора, гражданского общества), сегодня рассматривается как политико-дипломатическая и

доктринальная концепция, содержание которой является предметом дискуссий.

В Женевской декларации подчеркивается важная особенность управления использованием Интернета, охватывающего как технические вопросы, так и вопросы государственной политики. В связи с этим отмечается, что в нем должны участвовать все заинтересованные стороны и соответствующие межправительственные и международные организации. Это необходимое уточнение выше указанного понятия «международная организация», которое включает как международные межправительственные организации (далее — ММПО), представляющие собой субъекты международного права, так и международные неправительственные организации (далее — МНПО), участвующие в международных отношениях, но являющиеся субъектами национального права какого-либо государства. В связи с этим Женевская декларация признает, что политические полномочия по вопросам государственной политики, касающимся Интернета — суверенное право государств. Государства имеют права и обязанности в отношении указанных вопросов международного уровня. По нашему мнению, это своего рода признание на эзоповом языке значения суверенитета государства в регулировании использования Интернета.

В самых общих выражениях уточнено значение международных организаций в управлении использованием Интернета. Указано, что ММПО играют и должны продолжать играть роль, способствующую координации вопросов государственной политики, связанных с Интернетом. Иными словами, с учетом международно-правового статуса данной группы международных организаций они могут стать необходимым средством для обеспечения взаимодействия государств по управлению использованием Интернета. Более четких предложений, касающихся роли и возможностей действующих ММПО или создания новых международных межправительственных организаций для этих целей, в этом документе нет, что говорит о том, что решение этих вопросов отложено на будущее. В отношении МНПО в Женевской декларации провозглашено, что они также играют и должны продолжать играть важную роль в разработке относящихся к Интернету технических стандартов и соответствующей политики.

Еще раз подтверждена необходимость объединения усилий по решению вопросов управления использованием Интернета на международном уровне. В частности, указано, что их следует решать согласованным образом. Участники Женевского саммита обратились к Генеральному секретарю ООН с просьбой учредить рабочую группу по управлению использованием Интернета в рамках открытого и всеобъемлющего процесса, обеспечивающего механизм для полно-

масштабного и активного участия органов государственного управления, частного сектора и гражданского общества как из развивающихся, так и из развитых стран, в том числе соответствующих межправительственных и международных организаций и форумов, в целях изучения указанных вопросов и представления к 2005 г. в надлежащих случаях предложений для принятия решения в отношении организации управления использованием Интернета. В данном разделе Женевской декларации вновь подчеркнута значимость ММПО и МНПО в этих процессах.

Наконец, Женевская декларация обращает внимание на вызовы и риски в международной сфере, которые несет с собой построение информационного общества. Следует укреплять доверие и безопасность при использовании ИКТ. Женевская декларация признает необходимость формирования, развития и внедрения глобальной культуры кибербезопасности во взаимоотношениях всех заинтересованных сторон и компетентных международных организаций. Данные усилия должны опираться на расширяющееся международное сотрудничество.

Признавая принципы универсального и недискриминационного доступа к ИКТ для всех стран, мы поддерживаем деятельность ООН, направленную на предотвращение возможности использования ИКТ в целях, которые несовместимы с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности и способны оказать отрицательное воздействие на целостность государственных инфраструктур, нанося ущерб их безопасности. Следует предотвращать использование информационных ресурсов и технологий в преступных и террористических целях, соблюдая при этом права человека.

Спам представляет для пользователей, сетей и в целом для Интернета серьезную проблему, масштабы которой возрастают. Вопросы, касающиеся спама и кибербезопасности, следует рассматривать на соответствующем национальном и международном уровнях. Необходимым условием существования информационного общества является благоприятная среда на национальном и международном уровнях. ИКТ следует применять как важный инструмент надлежащего государственного управления.

Кроме того, Женевской декларацией признано, что жизненно важными дополнительными компонентами относящихся к ИКТ национальных усилий в области развития являются динамичная и благоприятная международная среда, способствующая привлечению прямых иностранных инвестиций, передаче технологий и международному сотрудничеству, в первую очередь в областях финансов и торговли, а также полномасштабное и эффективное участие развивающихся стран в принятии решений на мировом уровне.

16–18 ноября 2005 г. в Тунисе прошел второй этап Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, на котором была выражена безусловная поддержка Декларации принципов, принятой на первом этапе Всемирной встречи, состоявшейся в Женеве в 2003 г. Был принят новый документ — так называемое Тунисское обязательство¹, в котором подтверждено значение ряда основополагающих принципов, имеющих важное международно-правовое значение².

Наконец, 16 декабря 2015 г. на совещании высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН, посвященном общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, которое было проведено по решению Тунисской всемирной встречи на высшем уровне был принят итоговый документ. В этом документе были отмечены достигнутые за последнее десятилетие успехи в области расширения возможностей сетевого подключения, масштабов использования инновационной деятельности, которые привели к появлению новых инструментов. В их числе — технологии проводной и беспроводной широкополосной связи, мобильный Интернет, смартфоны и планшеты, облачные технологии, открытые данные, социальные сети и большие массивы данных. Во время проведения Тунисской встречи эти технологии только начали появляться, в настоящее время они считаются важными факторами устойчивого развития. В итоговом документе уточнен перечень проблем в сфере безопасного использования Интернета и внесены предложения по совершенствованию его управления. Что касается международно-правового сопровождения развития информационного общества, то соответствующие положения не изменились со времен подписания Женевской декларации.

Таким образом, анализ перечисленных международных документов показал, что на универсальном уровне принимаются акты мягкого права, которые пока еще не предлагают каких-либо конкретных рекомендаций, касающихся разработки международно-правовых основ информационного общества, а ограничиваются акцентирова-

¹ См.: Tunis commitment. Doc. WSIS-05/TUNIS/DOC/7-E // <http://www.itu.int/net/ws/is/docs2/tunis/off/7.html>

² В частности, в преамбуле и в п. 2 подтверждается решимость развивать информационное общество на основе целей и принципов Устава ООН, международного права и многосторонних отношений, соблюдая в полном объеме и поддерживая Всеобщую декларацию прав человека. Как видим, в перечень наиболее важных императивов развития информационного общества добавлен принцип многосторонних отношений, который, по сути, нельзя признать правовым, скорее это политическая или дипломатическая норма. Кроме того, задачи строительства информационного общества призваны содействовать реализации согласованных на международном уровне целей и задач в области развития, включая цели в области развития Декларации тысячелетия.

нием внимания на тех нормах, принципах и международно-правовых актах и даже концепциях, которые должны соблюдаться или приниматься во внимание в процессе сотрудничества государств и других субъектов международного права в этой сфере. В связи с этим представляется интересным подвергнуть разбору международно-правовые концепции информационного общества, которые складываются в отечественной и зарубежной науке.

Концептуальные подходы к понятию информационного общества в доктрине международного права

В отечественной науке первые международно-правовые исследования взаимодействия государств в сфере информации появились еще в середине 70-х годов прошлого века. Не ставя задачу подробного анализа всей палитры работ по международному сотрудничеству в этой области, отметим монографию Ю.М. Колосова, посвященную влиянию массовой информации на международное право и сыгравшую, на наш взгляд, важную роль в постановке самой проблемы и осознании сложившегося в то время уровня международно-правового регулирования. В этой работе были систематизированы важнейшие вопросы международно-правового сотрудничества в сфере информации¹. В их числе — роль средств массовой информации в международных отношениях, формы международно-правового регулирования вопросов массовой информации, влияние научно-технического прогресса на становление новых тенденций международно-правового регулирования использования средств массовой информации. Кроме того, была исследована проблема свободы информации и возможность ее договорно-правового решения, а также предложено понимание международно-правовых принципов осуществления массовой информации².

Обращает на себя внимание то, что Ю.М. Колосов сделал попытку не сводить международный информационный обмен к международно-правовому регулированию средств массовой информации. Он исходит из предположения «международно-правового регулирования такой самостоятельной области международных отношений, как отношения в сфере осуществления массовой информации»³.

¹ См.: Колосов Ю.М. Массовая информация и международное право. М., 1974.

² Помимо термина «осуществление (распространение) массовой информации» специалисты по международным отношениям использовали понятие «международный обмен информацией». См.: Вачнадзе Г., Кашлев Ю. Международный обмен информацией. Его сторонники и противники. Тбилиси, 1980.

³ См.: Колосов Ю.М. Указ. соч. С. 26. При этом под термином «массовая информация» он понимал не саму идеологию, а способы, методы и формы ее распространения.

К концу 80-х годов прошлого столетия под влиянием противоречивых тенденций в международных отношениях в сфере информации выдвигаются политико-правовые концепции изменения или перестройки сложившегося международного порядка. Действительно, с одной стороны, развивающиеся страны в ООН и на других международных форумах начинают требовать пересмотра неравноправных отношений в области международного обмена информацией, а, с другой стороны, в рамках общеевропейского процесса получает развитие идея либерализации обмена информацией. В частности, в работе А.Г. Днепровского были рассмотрены актуальные на тот период правовые проблемы международного информационного порядка¹. Автор проанализировал два подхода к понятию и значению свободы информации, рассмотрел основные международно-правовые принципы распространения массовой информации, поставил проблему международно-правовой ответственности государств за распространение противоправной информации, а также обозначил основные параметры нового международного информационного порядка².

В монографии А. Г. Днепровского сделаны важные наблюдения. Он полагает, что «современные средства информации и коммуникации представляют собой важнейшее средство человеческого общения, увеличения его научных, экономических и культурных возможностей», что информатике принадлежит огромное будущее и она будет оказывать всевозрастающее влияние на развитие человечества»³.

В последнее десятилетие XX в. серьезных исследований по проблемам международно-правового регулирования международного информационного обмена не проводилось⁴. С начала XXI в. наблюдается постепенное нарастание количества публикаций и диссертаций по данной теме, расширяется предмет исследований и подвергается значительной корректировке концептуальное восприятие международно-правового регулирования международного информа-

¹ См.: Днепровский А.Г. Правовые проблемы нового международного информационного порядка. М., 1989.

² Годом ранее вышла монография Е.В. Ермашиной, в которой рассматривались аналогичные проблемы, но с более широким охватом практики международных межправительственных организаций. См.: Ермашина Е.В. Международный обмен информацией: правовые аспекты. М., 1988.

³ Днепровский А.Г. Указ. соч. С. 135–136.

⁴ Приятным исключением можно было бы считать защищенную в 1999 г. докторскую диссертацию Т.В. Закупень «Информационное обеспечение межгосударственной интеграции Содружества Независимых Государств: правовые и организационные аспекты», в названии которой просматривается «международный элемент» (межгосударственная интеграция СНГ). Однако она была подготовлена по специальности 12.0.13 «Управление в социальных экономических системах (юридические аспекты)»; правовая информатика; применение математических методов и вычислительной техники в юридической деятельности».

ционного обмена¹. В орбиту диссертационных и монографических исследований вовлекаются новые средства международной коммуникации, которые позволили ученым и политикам выдвинуть концепцию информационного общества. В частности, защищаются диссертации по различным вопросам международного информационного права, общетеоретической² и специальной проблематике, например по международно-правовым вопросам информационной безопасности³. Объектом исследований становится Интернет⁴, информационные права личности⁵, защита интеллектуальной собственности в Интернете⁶. Наряду с международными публично-правовыми исследованиями много диссертаций посвящается анализу международных частноправовых проблем⁷.

Таким образом, к настоящему времени сформировалась область международно-правовых исследований международного информационного сотрудничества, охватывающая широкий круг теоретических и прикладных вопросов. Соответственно, данную научную дисциплину можно условно определить как международное информационное право. Не ставя перед собой задачу систематизировать

¹ Причины повышения интереса к данной проблематике, очевидно, носили объективный характер. В этот же период начинают складываться отношения между государствами по поводу использования новых ИКТ. Так, М.Б. Касенова относит первый (начальный) этап международно-правовой институционализации сферы трансграничного использования Интернета к 2000–2005 гг. См.: Касенова М.Б. Правовое регулирование и трансграничное функционирование и использование Интернета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 52.

² См.: Талимончик В.П. Международно-правовое регулирование отношений в сфере информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Указ. соч.

³ См., например: Кубышкин А.В. Международно-правовые проблемы обеспечения информационной безопасности государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002; Робинцов А.А. Ограничения свободы средств массовой информации в интересах борьбы с терроризмом (международно-правовые вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Федулов В.И. Международно-правовые аспекты защиты компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Крылов Г.О. Международный опыт правового регулирования информационной безопасности и его применение в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁴ См.: Мозолина О.В. Публично-правовые аспекты международного регулирования отношений в Интернете. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Касенова М.Б. Правовое регулирование и трансграничное функционирование и использование Интернета. Указ. соч.

⁵ См.: Савельев Д.А. Права человека в области информации: Международно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002; Климчик А. Свобода информации и право на частную жизнь в международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

⁶ См.: Барановский П.Д. Международно-правовые проблемы охраны интеллектуальной собственности в сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

⁷ См.: Зажигалкин А.В. Международно-правовое регулирование электронной коммерции: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005; Горшкова Л.В. Правовые проблемы регулирования частноправовых отношений международного характера в сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

все перечисленные выше или хотя бы наиболее важные составляющие этого понятия, затронем лишь некоторые наиболее важные категории складывающейся отрасли научного знания.

Прежде всего следует проанализировать соотношение понятия «информационное общество» и иных категорий, используемых в сфере международных информационных отношений. По мнению В.П. Талимончик, специально посвятившей диссертационное исследование международно-правовому регулированию отношений в сфере информации, международные информационные отношения включают в себя: отношения, связанные с созданием, поиском, получением, распространением, передачей, использованием, хранением, преобразованием, систематизацией, уничтожением информации, а также доступом к ней; отношения международного информационного обмена; отношения по использованию телекоммуникаций; отношения по реализации международной информационной безопасности. Важной особенностью этих отношений является то, что в них наряду с субъектами международного права (государствами, межгосударственными организациями) участвуют и негосударственные акторы международных отношений (международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, юридические и физические лица, административно-территориальные образования государств, субъекты Федерации, муниципалитеты)¹.

Если согласиться с типологией международных информационных отношений, предложенной В.П. Талимончик, то следует признать, что, с одной стороны, отношения по использованию ИКТ выделяются в отдельную сферу международных информационных отношений, а, с другой стороны, сама концепция ГИО формируется в настоящее время под значительным, если не сказать преобладающим, воздействием ИКТ, что признается как доктриной, так и на официальном межгосударственном уровне. Соответственно, крайне важно определить результаты воздействия ИКТ на современное международное право и международно-правовую доктрину.

Анализ работ отечественных авторов показывает, что предлагаемые подходы либо не выходят за рамки официальных позиций, сформулированных на межгосударственном уровне в актах мягкого права², либо признают частноправовой характер действующего ме-

¹ См.: Талимончик В.П. Указ. соч. С. 13.

² Так, В.П. Талимончик ограничивается вполне очевидной констатацией того, что «необходимо создать международный механизм для координации сотрудничества государств по формированию правовой основы глобального информационного общества. Для этого предлагается на базе Всемирного саммита по информационному обществу создать международную организацию», которая сможет заключить соглашения с ООН, ЮНЕСКО, МСЭ и другими международными организациями с целью реализации предложенной коорди-

ханизма договорно-правового регулирования отношений субъектов трансграничного использования всех базовых компонентов технологической инфраструктуры Интернета, допуская в обозримой перспективе становление международного публично-правового регулирования¹. Данные позиции продиктованы различными подходами. Предложения о создании специальной международной межправительственной организации (ММПО)², равно как и заключение отдельного международного договора об использовании Интернета, следуют классическому подходу урегулирования новых международных проблем путем обращения к традиционным для международного публичного права инструментам, что само по себе не может вызывать возражений, поскольку направлено на преодоление монополии одного государства, юридические лица которого осуществляют функции поддержки корневой зоны, являющейся основой системы доменных имен³. Однако она на данном этапе развития не отвечает сложившимся особенностям функционирования сети «Интернет».

нации международного сотрудничества. См.: *Талимончик В.П.* Указ. соч. С. 14. М. Дашян предположил, «что оптимальной формой решения комплекса вопросов, связанных с юрисдикцией статуса Интернета, станет международное соглашение об использовании глобальной сети «Интернет», открытое для подписания всеми заинтересованными государствам». См.: *Дашян М.* Право информационных магистралей (Law of information highways): вопросы правового регулирования в сфере Интернета. М., 2007. С. 66.

¹ Так, М.Б. Касенова вводит понятие «международная институционализация трансграничного использования Интернета», которая определяется как «процесс формирования целостной международной системы формальных и неформальных организационных структур, совместная деятельность которых связана с согласованием и координацией интересов заинтересованных участников (стейкхолдеров) и направлена на нормативно-правовое и нормативно-технологическое регулирование обеспечения трансграничного использования и развития Интернета». См.: *Касенова М.Б.* Указ. соч. С. 21. Вместе с тем в более ранней работе она утверждала, что «существование Интернета порождает целый комплекс задач и вопросов, решение которых лежит в плоскости международного права и должно решаться с помощью международного права». См.: *Касенова М.Б.* Международно-правовое управление Интернетом. М., 2010. С. 8.

² С аналогичной идеей в преддверии Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества в Тунисе выступил ЕС (с так называемым европейским предложением), полагавший, что концепция международного управления Интернетом должна быть воплощена в международном органе управления. См. подробнее: Там же. С. 62–67.

³ К ним относятся Национальная администрация по телекоммуникациям и информации Министерства торговли США, Корпорация ICANN (юридическое лицо по праву США, созданное в соответствии с законодательством штата Калифорния); Компания VeriSign (юридическое лицо по праву США, созданное в соответствии с законодательством штата Делавэр). При этом функции по обеспечению трансграничного функционирования и использования базовых компонентов многоуровневой технологической инфраструктуры Интернета осуществляет IANA Администрация адресного пространства Интернета). См.: *Касенова М.Б.* Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования Интернета. Указ. соч. С. 18–19.

Вторая позиция, напротив, опирается на сформировавшуюся международную структуру сотрудничества, в полной мере учитывающую сложную технологическую инфраструктуру Интернета, которую невозможно игнорировать при разработке правовых, в том числе международно-правовых, прогнозов. Сложившиеся в рамках ООН формы международного сотрудничества в этой сфере (Форум по использованию Интернета, учрежденный в рамках Всемирной встречи по вопросам информационного общества), а также деятельность ММПО системы ООН (МСЭ, ЮНЕСКО, ВТО и др.), которые в рамках своих полномочий доступными им правовыми средствами регулируют отдельные вопросы использования Интернета, определяются реалиями этой области международных отношений. Соответственно, для дальнейшего продвижения международно-правового регулирования использования Интернета, в том числе прогнозирования этого процесса, на данном этапе необходимо сосредоточиться на анализе понятийного аппарата, осмыслении возможности применения к этой сфере отношений сложившихся ключевых категорий международного публичного права.

Очевидно, что на первое место следует поставить задачу определения международно-правовых параметров (или границ), а может и самой возможности конструирования международно-правового статуса Интернета. Прежде всего следует определиться с международно-правовой терминологией, применяемой в отношении Интернета.

В настоящее время общепризнано, что Интернет, имеющий трансграничный характер, вследствие этого и в силу некоторых иных присущих ему свойств радикально меняет картину восприятия человеком современного мира. В научный и публицистический оборот введено понятие «виртуальное пространство», доминирование в котором отдельных государств становится не менее значимым, чем в привычных для человеческого восприятия пространствах: сухопутном, водном, воздушном и космическом. В силу многообразных традиций правопонимания естественным образом сложилось расхождение в используемой правоведами различных государств терминологии. В западной науке и СМИ более привычным является термин «киберпространство» и производные от него термины и выражения, в отечественной литературе чаще встречается терминология, закрепленная в официальных программных документах и российском законодательстве. Наши специалисты предпочитают использовать понятия «информационно-коммуникационные (телекоммуникационные) технологии», «информационное пространство» и т.п.

Действительно, в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных тех-

нологиях и о защите информации», содержатся дефиниции «информационные технологии»¹, «информационные системы»², «информационно-телекоммуникационные сети»³. Наряду с этим в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, вводится новая дефиниция «информационное пространство», под которым понимается совокупность информационных ресурсов, созданных субъектами информационной сферы, средств взаимодействия таких субъектов, их информационных систем и необходимой информационной инфраструктуры.

М.Б. Касенова с учетом ключевого и системообразующего значения понятия «Интернет» в ряду иных категорий, связанных с правовым регулированием сферы трансграничного использования Интернета, полагает, что оно «органически сопряжено с понятиями «доступ к Интернету», «киберпространство», «информационно-коммуникационные технологии», правовое значение и содержание которых обусловлено прежде всего разностью подходов государств к определению сущностных характеристик самого Интернета, представляющего собой и технологический, и социально-коммуникационный ресурс, с помощью которого обеспечивается получение разнообразных услуг»⁴. Отсюда проистекает разнообразие принятых в национальных законодательствах государств подходов к его определению, основанных либо на признании его в качестве коммуникационного сервиса, либо на закреплении технологических характеристик Интернета, либо на интеграции двух обозначенных подходов. Эта ситуация сказывается и на определении понятия «Интернет» в международно-правовых актах и доктрине международного права, что, по мнению М.Б. Касеновой, «существенно влияет на формирование процессов международно-правового регулирования использования Интернета»⁵.

Вместе с тем, если обратиться к зарубежной международно-правовой доктрине, главным образом западной, можно отметить следую-

¹ Под информационными технологиями понимаются процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов.

² В свою очередь, информационная система определяется как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

³ К информационно-телекоммуникационной сети относят технологическую систему, предназначенную для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

⁴ См.: Касенова М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования Интернета. С. 27.

⁵ Там же.

шие ее особенности. Проблемы соотношения права в целом и Интернета в частности в смысле возможности правовой регламентации распространения информации посредством использования ИКТ еще в 90-х годах прошлого века привлекли внимание как юристов, так и общественных деятелей¹. Наибольшую популярность получила Декларация независимости киберпространства американского поэта и эссеиста Джона Барлоу, озвученную в Давосе 8 февраля 1996 г.² В ней была провозглашена наиболее радикальная идея о том, что правовые концепции неприменимы к киберпространству³. Несмотря на то что на первых порах идея мира без границ завоевала сторонников,⁴ в то же время она была подвергнута критике⁵. Сегодня, по утверждению британского исследователя профессора Н. Цахариаса, точка зрения о том, «что киберпространство подчиняется праву и более того, международному праву, больше никем не оспаривается»⁶.

Однако проблема определения киберпространства, уточнения вопроса о наличии у него материальной сущности или об отнесении его к нематериальным объектам либо просто набору функций, имеющих технические, философские, политические, социологические

¹ Так, новозеландский юрист, специалист по правовым вопросам Интернета Э. Лонгворст, опубликовавшая в 2000 г. статью в сборнике ЮНЕСКО, задается вопросом о причинах, обуславливающих потребность в правовом регулировании киберпространства. По ее мнению, в общем виде правотворчество определяется множеством различных императивов, среди которых можно указать контроль или регулирование поведения или деятельности для того, чтобы наложить какое-либо ограничение, или служить стимулом для чего-либо, или отражать политику высшей власти. Кроме того, содержание каждого закона отражает какую-либо ценность, конкретные интересы стейкхолдеров или упорядочить взаимодействие или отношения либо поддержать право или принцип. См.: Longworth E. The possibilities for a legal framework for Cyberspace — including a New Zealand//The international dimensions of Cyberspace Law. Law of Cyberspace Series. Vol. 1. UNESCO. Dartmouth, 2000, p. 19. Таким образом, очевидно, что причины, вызывавшие необходимость правового регулирования Интернета, в принципе были аналогичны тем, которые его определяют при появлении иных объектов действительности.

² URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>

³ М. Дашян относит Д.П. Барлоу к сторонникам либертарного правовопонимания отношений в Интернете. См.: Дашян М. Указ. соч. С. 51–52. С этим утверждением трудно согласиться, так как Д. Барлоу категорично отрицал любую правовую концепцию Интернета, что свидетельствует скорее о его правовом нигилизме или в лучшем случае об утопическом понимании. М.Б. Касенова именует это время «романтическим периодом Интернет-бума 90-х годов прошлого века... Исследователи Интернета полагали, что виртуальный мир киберпространства будет становиться все более самостоятельным, отделенным от физического мира». См.: Касенова М.Б. Международно-правовое управление Интернетом. С. 10–11.

⁴ См.: Johnson D.J., Post D.G. Law and border: The ride of law in cyberspace // Stanford L. Rev. 1996, vol. 48. P. 1367.

⁵ См.: Goldsmith J.I. Against cyberanarchy // University of Chicago L. Rev. 1998, vol. 65. P. 1199.

⁶ Tsagourias N. The legal status of cyberspace // Research Handbook on International law and Cyberspace. Cheltenham, Northampton, 2015. P. 13.

или правовые корни, сохраняется. Обычно задаются вопросом о применимости к нему представлений, свойственных физическим пространствам (измеримость, вместимость, реальность или идеальность), а также о его месте в логически обоснованном ряду правовых категорий¹. Встречаются попытки преодолеть слабость метафоричного толкования термина «киберпространство» и найти возможные варианты его дальнейшего развития².

Отдавая должное проблеме онтологии киберпространства, не будем на ней подробно останавливаться, а перейдем к рассмотрению и анализу определения «киберпространство» в зарубежной науке. Одну из таких дефиниций с претензией на всеобъемлющий характер в рамках исследования военных стратегий в киберпространстве предложил Д. Кюль. Он рассматривает киберпространство как «глобальную сферу внутри информационной среды, отличный и уникальный характер которой определяется использованием электронного и электромагнитного спектра для создания, сохранения (накопления), изменения, обмена и использования информации путем независимых и взаимосвязанных сетей, использующих ИКТ»³.

Высказано мнение о том, что данное определение подтверждает представление о неоднородности киберпространства, которое включает в себя три слоя. Первый слой — физический, состоящий из компьютеров, интегральных микросхем, кабелей, телекоммуникационной инфраструктуры и т.п. Второй образует программная логика и, наконец, третий слой, состоящий из пакета данных и электро-

¹ См.: *Koepsell D.* The ontology of Cyberspace: Law, Philosophy and the future of intellectual property. Chicago, 2000.

² Так, Дж. Козн предлагает различать следующие три подхода к метафорическим представлениям о киберпространстве. Оно может восприниматься как: утопия, т.е. отдельное пространство; изотопия, т.е. пространство, которое продолжает существующее пространство; гетеротопия, т.е. пространство, в котором обычные нормы поведения или деятельности приостановлены или трансформированы. Гетеротопия сохраняет свой родственный аспект, который в отношении киберпространства относится к его связи с реальным пространством. Восприятие киберпространства в качестве отдельного пространства, по мнению автора, отрицает все способы функционирования киберпространства, которое демонстрирует расширение и эволюцию в своей повседневной пространственной практике. В работе отмечается, что метафора киберпространства не относится к абстрактному, декартову пространству, скорее она выражает опытную пространственность, опосредованную воплощенным человеческим познанием. Киберпространство в этом смысле относительно, изменчиво и конституируется через взаимодействие между практикой, концептуализацией и представлением. Автором сделана попытка ввести новую категорию «пространственность киберпространства» и через ее использование предложить собственную интерпретацию его архитектурных и нормативных проблем. См.: *Cohen J.E.* Cyberspace as/and space // *Colombia L. Rev.* 2007, vol. 107. № 1. P. 210–257.

³ См.: *Kuehl D.T.* From cyberspace to cyberpower: defining the problem // *Kramer F.D., Starr S.H., Wentz L.K.* Cyberpower and national security. W., 2009. P. 28.

ники¹. В литературе указывается на то, что ядро киберпространства может образовывать виртуальное пространство, тем не менее оно поддерживается такими физическими объектами, как компьютеры, которые соединяют субстанциальную часть киберпространства с физическим миром², а взаимодействие в киберпространстве независимо от ограничений во времени и пространстве осуществляется через логику, а не через физические акты³.

Краткий, можно сказать обзорный, анализ дефиниций киберпространства зарубежных философов, политологов и юристов позволяет понять логику специалистов по международному праву, которые при построении собственных международно-правовых концепций киберпространства находятся под влиянием подходов иных социально-общественных наук к пониманию пространственного образа Интернета. Несмотря на отмеченное, зарубежные исследователи размышляют над тем, как к киберпространству могут быть применены некоторые фундаментальные международно-правовые концепции или принципы, такие, например, как суверенитет или юрисдикция в киберпространстве, запрет на применение силы и мирное урегулирование споров и т.д.

Не останавливаясь подробно на указанной практике моделирования международно-правового статуса киберпространства, отдавая себе отчет в том, что эта тема заслуживает отдельного исследования, отметим в качестве примера анализ применимости концепции суверенитета в отношении киберпространства. Так, профессор Н. Цахариас задается двумя вопросами, касающимися киберпространства: может ли на киберпространство распространяться суверенитет и может ли киберпространство само быть суверенным пространством? Проанализировав самым тщательным образом различные точки зрения относительно возможности распространения суверенитета прежде всего государств, в том числе тех позиций, которые не предполагают такой возможности, а также подходы, опирающиеся на обоснование территориальной основы суверенитета, он сделал ряд интересных выводов.

В частности, им вводится два новых понятия: «территориализация» киберпространства и кибердеятельности и «детерриториализация» суверенитета применительно к киберпространству. Под территориализацией киберпространства он понимает не возможность «территориального разделения киберпространства или его трактовку

¹ См.: *Tobansky L.* Basic concepts in cyber warfare // *Military and Strategic Affairs*, 2011, vol. 3. № 1. P. 75–78.

² См.: *Bryant R.* What kind of space is cyberspace? // *Minerva- An Internet J. of Philosophy*. 2001, vol. 5. P. 138.

³ См.: *Lessig L.* The path of cyberlaw // *Yale L.J.* 1995, vol. 104. № 7. P. 1743–1746.

в качестве реальной территории», а скорее «распространение на киберпространство и на кибердеятельность авторитета органов власти государства, связанного с территориальными пространствами»¹. Введение данной категории позволяет связать киберпространство с традиционным пониманием суверенитета и на деле может способствовать усилению государственного суверенитета. Детерриториализация суверенитета в том, что касается киберпространства, определяется как «отделение регулирующей власти от конкретной территории». Это явление, с точки зрения автора, имеет два аспекта. Первый из них объясняет детерриториализацию суверенитета тем, что в киберпространстве наблюдается распыление нормотворческих полномочий. Для регулирования деятельности в киберпространстве нормы и правила издаются не только государствами, но и разнообразными публичными и частными органами, которые имеют право адресовать свои нормативные решения как государствам, так и другим юридическим или физическим лицам (например, ICANN обладает полномочиями в части присвоения имен в Интернете и поддержания Интернета безопасным, стабильным и взаимодействующим). Другой аспект детерриториализации суверенитета касается самого государства и находит выражение в том, что государство осуществляет свою юрисдикцию в отношении кибердеятельности экстерриториально, то есть местом реализации юрисдикции будет выступать не территория суверенного государств, как это обычно происходит.

Как представляется, сам процесс описанных научных манипуляций и полученный в результате этого результат заслуживают различных оценок. Так, анализ международно-правовой доктрины и практики (судебной и дипломатической), в процессе которого британскому профессору пришлось обратиться к фундаментальным характеристикам суверенитета государства, в целом можно признать позитивным. Были рассмотрены такие его признаки, как верховенство или полновластие государства в отношении своей территории (внутренний суверенитет) и его независимость в международных делах (внешний суверенитет), исключительность внутреннего суверенитета и относительность суверенитета внешнего и т.д.

Однако, что касается результата (детерриториализация суверенитета), то он выглядит по меньшей мере дискуссионным. Суверенное государство как было тесно связано с территорией в прошлом, так и продолжает ориентироваться на территориальное властвование. То, что деятельность в киберпространстве (Интернете) может регулироваться за пределами территории, находящейся под суверенитетом государства, не отменяет суверенитета как свойства государства.

¹ См.: Tsagourias N. Op. cit. P. 21.

Подобные примеры в настоящее время в той или иной степени проявляют себя и в других сферах общественных отношений (спорте, труде и т. д.), в ряде случаев они получают наименование трансграничных отношений, на которые воздействуют трансграничные регуляторы. Нет нужды много распространяться по поводу экстерриториальной юрисдикции, которая давно применяется в практике современных государств.

Что касается территориализации киберпространства (Интернета) в том смысле, который профессор Н. Цахариас придает этому термину, то с его пониманием данной категории можно согласиться, поскольку государство вынуждено осуществлять свои важнейшие функции (обеспечение национальной безопасности, благополучия населения и т.д.) независимо от условий и среды, в которых они реализуются. Другое дело, что, возможно, следует продолжить научный поиск адекватной терминологии для определения данного явления.

Заключительный вывод проведенного анализа состоит в том, «что киберпространство не приобрело какого-либо специального правового статуса в международном праве, скорее, наоборот, существующие правовые категории и принципы применены к киберпространству»¹. Не трудно убедиться в том, что он созвучен лозунгам и призывам, которые сформулированы в Женевской декларации и Тунисском обязательстве.

Подводя итог исследованию «информационного общества» (глобального информационного общества), согласимся с тем, что начиная с Окинавской хартии в международном сообществе постепенно утверждается идеальная модель нового типа человеческого общества, меняющегося под воздействием динамично развивающихся ИКТ. Вместе с тем характеристики этой модели были уточнены в Женевской декларации и Тунисском обязательстве, а затем в резолюции Генеральной ассамблеи ООН, посвященной общему обзору хода осуществления решений Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества. Следует признать, что принятие данных документов и усилия по их реализации не отменили существующего в мире неравенства в информационной сфере, не смогли преодолеть «цифровой разрыв» между различными государствами. По-прежнему актуальны вопросы обеспечения равного доступа к ИКТ, защиты информационных прав личности. Более того, развитие ИКТ сопровождается появлением все новых рисков и угроз (хакерство, хактивизм, киберпреступность, в том числе кибертерроризм, шпионаж, саботаж и т.д.), которые требуют адекватной меж-

¹ См.: Tsagourias N. Op. cit. P. 28.

дународной реакции, в том числе посредством применения международно-правовых средств.

Необходима дальнейшая разработка международно-правового определения информационного общества. Попытки представить его в качестве системы международных отношений, складывающихся в результате функционирования информационных систем, нельзя признать успешными. Тем не менее концепция информационного общества позволила консолидировать не только политиков, стейкхолдеров, но и научную общественность на активизацию исследований усиленно развивающейся сферы ИКТ, а также ее последствий для международных отношений.

Не менее важным достижением Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества является то, что в ее решениях подтверждена значительная роль международного права, целей и принципов Устава ООН, важнейших международно-правовых актов по правам человека и по другим общим и специальным вопросам международного сотрудничества для достижения целей и задач концепции информационного общества. То, что эти международные документы приобретают форму актов мягкого права, не влияет на юридическую обязательность подтвержденных в них международно-правовых норм.

Анализ отечественной и зарубежной доктрины международного права в отношении подходов к оценке международно-правового регулирования ИКТ доказывает: фрагментарность, неопределенность и недостаточность такого регулирования на универсальном уровне говоря о том, что международное сообщество находится еще в начальной стадии концептуальной разработки международного права ИКТ (Интернета, киберпространства). Отдельные попытки, которые предпринимаются учеными для обоснования применения ключевых международно-правовых категорий к деятельности по использованию Интернета, разумеется, заслуживают внимания, но устойчивый общественный запрос на необходимость всестороннего международно-правового регулирования пока еще не сформировался. В международно-правовом правосознании складывается убежденность в необходимости продолжения исследований для выработки ясной стратегии международно-правового регулирования использования ИКТ. Отражением этого становятся резолюции ООН, в которых формулируются нормы мягкого права, способные по истечении определенного периода стать основой разработки международного договора, который закрепит соответствующие нормативные основы взаимодействия государств, международных межправительственных организаций и, вполне возможно, установит международно-правовые рамки взаимодействия с негосударственными акторами (стейкхолдерами), участвующими в использовании Интернета.

ТЕОРИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Д. БЕЛЛА: ПРИМЕНИМОСТЬ К ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ РЕАЛИЯМ

В.В. Лапаева

Творчество Д. Белла, как и любого значительного социального мыслителя, дает импульс для постановки и анализа широкого круга проблем. Особый интерес при этом представляет его теория постиндустриального общества, составляющая главный вклад автора в социально-философскую мысль. В последние годы по мере нарастания глобальных процессов, которые одни авторы, опирающиеся на теорию циклов Н.Д. Кондратьева, обозначают как переход к шестому технологическому укладу¹, а другие — как четвертую технологическую революцию², концепт постиндустриального общества становится все более востребованным. Ядро этих процессов образуют так называемые НБИК-технологии (нано-, био-, информационные и когнитивные технологии), взаимопроникновение которых создает мощный кумулятивный эффект. Новые технологии, которые, по словам основателя Давосского экономического форума К. Шваба, «размывают границы между физической, цифровой и биологической

¹ См.: Глазьев С.Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 41.

² См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. Что это значит и как реагировать // URL: <http://foreignaffairs.com/articles/2015-12-12/fourth-...>

сферами»¹, несут в себе не только колоссальные возможности для развития человечества, но и не менее значительные вызовы, чреватые «разрушением жизненного мира человека, а точнее, тех инвариантов этого мира, которые делают человека человеком»², появлением новых форм насилия, порождающих «общество, стиснутое в «железной клетке» технологии»³, и т.д. Достаточно сказать, что современная наука уже поставила под сомнение бесспорное до недавнего времени представление о человеке как носителе свободной воли⁴, которое лежит в основе не только правовой теории и практики, но и всей человеческой культуры.

В складывающейся ситуации особенно актуальным становится осмысление различных подходов к разработке стратегии социального развития человечества, в рамках которых теория постиндустриального общества Д. Белла занимает заметное место. Однако в российском общественно-научном сообществе повышенный интерес к данной проблематике обусловлен еще и некоторыми дополнительными обстоятельствами, понимание которых представляется исключительно важным для проведения анализа современного состояния и перспектив постсоциалистического развития страны. В настоящее время идея постиндустриального общества активно используется теми участниками дискуссий, которые стремятся уйти от анализа проблем, связанных с преобразованием социалистической собственности, лежащим в основе всей постсоциалистической социальной трансформации российского общества. Аргументы, которые при этом используются, сводятся главным образом к тому, что концепты капитализма, социализма (и, соответственно, постсоциализма) уже устарели и не могут служить инструментами научного анализа современных реалий, поскольку Россия, как и многие страны, переходит к постиндустриальному обществу знаний, в котором деление на собственников средств производства и несобственников уже не имеет прежнего смысла. В связи с этим следует отметить, что до

¹ Там же.

² Конвергенция биологических, информационных, нано- и когнитивных технологий: вызов философии (материалы круглого стола журнала «Вопросы философии» // Вопросы философии. 2012. № 12. С. 3–23.

³ См.: Турен А. Идея революции // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 1 // URL: <http://sociologica.hse.ru/2014-13-1.html>

⁴ «Огромное большинство ученых, работающих в области когнитивной науки (да и немало философов), — пишет В.А. Лекторский, — считают, что ... никакой свободы воли и никакого «Я», принимающего решение, в действительности нет». См.: Лекторский В.А. Как возможна наука о человеке? // Новое в науках о человеке. К 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М., 2015. С. 31.

своей главной книги «Грядущее постиндустриальное общество»¹ Д. Белл опубликовал работу «Конец идеологии»², в которой связывал переход к новому типу общества с процессом деидеологизации как итогом преодоления классового характера общества и замены классов на страты, состоящие из носителей знаний разного уровня. Именно этот антиидеологический подтекст концепции постиндустриального общества и оказался востребован в дискуссиях о постсоциалистическом развитии России, поскольку он уводит осмысление проблемы в сторону от того латентного социального конфликта, который был спровоцирован в стране приватизацией социалистической собственности.

По поводу проблемы собственности важно пояснить, что Д. Белл, признавая адекватность социальной теории К. Маркса реалиям индустриального общества, считал, что для осмысления постиндустриального общества его экономический детерминизм уже не пригоден. Вместо марксистского принципа детерминации политико-правовых форм и социальной структуры отношениями собственности на средства производства он предложил другой методологический подход, основанный на идее «осевого принципа», который, не будучи определяющим, тем не менее втягивает в свою орбиту релевантные ему отношения и социальные институты. Таким осевым стержнем, вокруг которого выстраивается постиндустриальное общество, по его мнению, является знание. Именно знание, превратившееся в главный источник богатства и власти, будет в грядущем постиндустриальном обществе порождать новые общественные отношения, новые формы собственности, новые институты и соответствующие им политические методы управления, основанные на интеллектуальных технологиях.

И хотя сам Д. Белл полагал, что переход к постиндустриальному обществу будет сопровождаться деидеологизацией, поскольку «образ жизни, права, нормы и ценности, стремления, привилегии, культура — все то, что ранее составляло исключительное достояние высших классов, — распространяется теперь на всех»³, его концепция постиндустриального общества привлекательна прежде всего тем, что она рассматривается в качестве идеологического проекта. Ведь она, по сути, возрождает основной принцип моральной философии Сократа, согласно которому добродетель — это знание, что в политико-право-

¹ См.: Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973.

² См.: Bell D. The End of Ideology: An Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y.: Free Press, 1960.

³ Ibid. P. 23.

вой сфере выражено максимой: «Править должны знающие»¹. С позиций такого подхода постиндустриальное общество, по версии Д. Белла, предстает как общество, основанное на принципах меритократии: его элитой являются творцы и носители научного знания, а главным производительным классом становится, как считал автор, *knowledge worker* или, как сейчас иногда говорят, когнитариат. Именно этот класс создает основное богатство, он же им распоряжается и он же принимает ключевые решения по управлению социальным развитием.

Д. Белл верно подметил обозначившийся уже во второй половине прошлого века процесс обретения интеллектуальной силой науки зачатков непосредственного (т.е. не опосредованного формой экспертного обеспечения деятельности властных институтов) политического влияния. Можно сделать вывод, что одним из заложенных уже тогда каналов прямого воздействия науки на принятие важнейших управленческих решений стали исследовательские программы, развивающиеся сегодня в русле направления, которое в отечественной литературе обозначается двуязычным термином «*elsi-фикация*»² (от *Ethical, Legal, and Social*) и в рамках которого ведется работа по интеграции в крупномасштабные техно-научные программы социальных исследований, ориентированных прежде всего на формирование этико-правовых основ научно-технологического развития (наиболее ярким примером в этой области является биоэтическая составляющая глобального международного проекта «Геном человека»). Другой канал подобного влияния науки на процессы принятия общезначимых для человечества решений, касающихся социальных последствий научно-технологического развития, связан с усилением регулятивного потенциала, содержащегося в рекомендациях разного рода научных форумов. В этом смысле особенно показательны две так называемые Асиламарские конференции (по наименованию парка в Калифорнии)³. На первой конференции, состоявшейся в 1975 г., были выработаны подходы к обеспечению безопасности исследований генома для здоровья человека и к снижению социальных рисков при использовании генетических технологий. По итогам второй конференции 2017 г., в числе участников которой были философы, юристы и социологи, сформулированы 23 принципа управления искусственным интеллектом со стороны общества. Последний принцип из этого списка, резюмирующий все остальные, звучит так: «...Сверхразум должен быть разработан исключительно в целях, со-

¹ См.: Нерсесянц В.С. Сократ. М., 1996. С. 71.

² См.: Гребенщикова Е.Г. Ответственные исследования и инновации (RRI): переосмысление ответственности и партиципативные стратегии // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 12 // URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13269>

³ См.: Леонов В. Двадцать три принципа Асиломара // URL: <http://sovmash.com/node/348>

ответствующих большинству этических идеалов и для пользы всего человечества»¹.

Этические рекомендации, разрабатываемые как в рамках движения по *elsi*-фикации, так и на научных форумах, частично получают нормативное выражение на международном уровне в декларациях, рекомендациях, кодексах профессиональной этики специалистов разного профиля и т.п. Эти документы, по сути, содержат в себе нормы мягкого права: их положения нередко имплементируются в национальное законодательство. Дальнейшие перспективы соционормативного регулирования этой сферы связаны с переходом на уровень международно-правовой регламентации процессов научно-технологического развития с последующей гармонизацией и универсализацией соответствующего национального законодательства. Первым шагом на этом пути стало принятие под эгидой Совета Европы международного правового акта регионального уровня — Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины от 4 апреля 1997 г. (далее — Конвенция о защите прав человека), представляющей собой итог работы по конкретизации и юридизации основных принципов и правил биоэтики, по поводу которых в научном сообществе достигнут устойчивый консенсус².

Наряду с этим в настоящее время идет перспективный поиск путей соединения научно-экспертного знания, включенного в механизмы регулирования научно-технологического развития, с позицией широкой общественности. Это нашло воплощение, в частности, в создании таких уникальных институций, как этические комитеты³, которые уже активно действуют в ряде стран (в том числе и в России) в сфере отношений, связанных с проведением научных исследований в области биомедицины, а также с разработкой и применением биомедицинских технологий. Согласно Конвенции о защите прав чело-

¹ Там же.

² Правда, впоследствии движение в этом направлении явно застопорилось: на данный момент, т.е. спустя более 20 лет со дня принятия Конвенции, ее подписало лишь 35, а ратифицировало 29 государств — членов Совета Европы (хотя Конвенция открыта для подписания также и государствами, не входящими в Совет Европы). Россия, кстати, не подписала Конвенцию и, судя по всему, уже не подпишет, поскольку ряд ее положений не согласуется с принятой в стране установкой на обязательную генетическую паспортизацию населения (См.: Указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2019 г. № 97. Основы государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу // URL: [http://http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/72092478/](http://garant.ru/products/ipo/prime/doc/72092478/)).

³ В настоящее время в России функционирует система этических комитетов в сфере научной и практической биомедицины — от комитетов, созданных при научных и медицинских учреждениях, до Российского комитета по биоэтике при Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

века¹ этические комитеты задуманы как некая, пусть и очень упрощенная, модель социума, в рамках которой экспертное знание (причем в число экспертов должны входить философы и юристы) вступает в равноправный диалог с представителями общества. В идеале такое максимально открытое взаимодействие, позволяющее в режиме своего рода краудсорсинга привлекать через современные системы коммуникации так называемые ресурсы толпы, вписывается в предложенную Ю. Хабермасом парадигму функционирования коммуникативного разума, находящегося в ситуации свободной коммуникации. Очевидно, что в такой системе коммуникации наука будет доминировать как наиболее компетентный субъект. Именно в этом, по-видимому, и заключается суть будущего общества знания: не просто в том, что наука — это производительная сила (она давно является таковой), а в том, что наука будет оказывать определяющее влияние на решение важнейших для общества проблем и это влияние будет реализовываться не опосредованно (т.е. не через традиционные политические механизмы), а непосредственно — в рамках специально создаваемых принципиально новых социальных институтов.

То обстоятельство, что теория постиндустриального общества Д. Белла уловила эту зарождающуюся в настоящее время, но еще отнюдь не утвердившуюся тенденцию, позволяет рассматривать данную теорию как перспективный идеологический проект. Но является ли она адекватным инструментом познания реальности, т.е. предусматривает ли она методологию для определения основных внутренних закономерностей общественного развития на данном этапе? Думаем, что эта теория пока что не релевантна не только российской постсоциалистической реальности, но и состоянию западного общества. Д. Белл, говоря, что «идея постиндустриального общества, равно как и идея индустриального общества, или капитализма, имеет значение лишь в качестве концептуальной схемы»², рассчитывал на то, что переход к обществу знания настолько трансформирует производственные отношения, что частный характер собственности, выражающий суть капитализма, уже не будет иметь решающего значения. Однако именно этот его главный прогноз, судя по всему, пока не получает подтверждения. Во всяком случае, серьезные аргументы против такой позиции представлены, в частности, в книге Т. Пикетти «Капитал в XXI веке», которая вышла в 2013 г. и до сих пор широко обсуждается во всем мире. Главный тезис книги состоит в том, что доходность капитала систематически превышает

¹ См.: Статьи 9–12 Дополнительного протокола к Конвенции о защите прав человека.

² Цит. по: *Иноземцев В.Л.* Постиндустриальный мир Д. Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Basic Books. 2001 // URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13269> гл. XXVII//

темпы экономического роста, а наследование состояний усугубляет ситуацию. В результате мы имеем дело не просто с поступательным процессом концентрации богатства и социальной поляризацией, а с таким процессом, когда прошлое (труд, уже овеществленный в капитале) начинает «пожирать» будущее (живой труд, создающий новое богатство). Поэтому не интеллектуальное творчество, а именно накопленный ранее капитал является в современном мире главным источником богатства. Это означает, что данное общество, даже будучи постиндустриальным, остается капиталистическим.

Именно в таком качестве, т.е. как капиталистическое общество, оно и обсуждается сейчас ведущими специалистами. В связи с этим можно сослаться, в частности: на прошлогодний юбилейный доклад к 50-летию Римского клуба¹, выражающий консолидированную позицию его членов; на сборник статей «Есть ли у капитализма будущее?», изданный в 2013 г. пятью ведущими мировыми социологами²; на монографию Ю. Хабермаса «Проблема легитимации позднего капитализма»³ и даже на работы известного провозвестника конца истории Ф. Фукуямы, вынужденного признать, что нынешняя форма «глобализированного капитализма разрушает социальную базу среднего класса, на котором держится либеральная демократия»⁴. В этом ряду необходимо назвать и работу Г. Явлинского «Рецессия капитализма — скрытые причины», где он пишет о том, что переход от индустриального капитализма произошел не к постиндустриальному обществу, а к так называемому финансовому капитализму, что «высокие технологии как основа или несущая часть экономики Европы или США — не более чем миф, искаженно отражающий некоторые элементы реальности, но не отражающий ее саму» и что основанная на этих технологиях хозяйственная деятельность «даже теоретически не может образовать крупный кластер занятости и дохода, достаточный для того, чтобы содержать значительную часть населения сколько-нибудь крупной страны. При всех плюсах «экономики знаний» она может существовать лишь как небольшое вкрапление в огромном массиве экономики, поддержи-

¹ Отмечая, что нынешний капитализм, лишившийся своего геополитического конкурента, «стал высоकोмерным», они особо подчеркивают то обстоятельство, что капитализм все больше утрачивает связь с реальным производством // *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. A Report to the Club of Rome*. New York: Springer. 2018. P. 71.

² *Does Capitalism Have a Future?* London: Oxford University Press. 2013.

³ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.

⁴ Фукуяма Ф. Будущее истории: сможет ли либеральная демократия пережить упадок среднего класса? Можно назвать несколько причин // URL: <http://globalaffairs.ru/number/Buduschee-istorii-15456>

вающей жизнь десятков и сотен миллионов людей в развитых странах»¹.

Показательно, что в современном обществоведческом словаре когнитариат — это всего лишь наемные работники умственного труда. Представители некоторых профессиональных групп из этого социального слоя очень хорошо зарабатывают, но вовсе не они аккумулируют в своих руках основное богатство и власть в западных обществах, которые по-прежнему являются капиталистическими, поскольку основаны на частной собственности, проникающей во все сферы общественной жизни, в том числе и в науку. Более того, значительная часть когнитариата уже пополнила ряды прекариата² (от англ. — *precarious* — случайный, неопределенный), т.е. людей без стабильной занятости и без соответствующих социальных гарантий. «В России, как и во всем мире, — пишет Ж.Т. Тощенко, — в конце XX — начале XXI вв. появился новый социальный класс — прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей непреходящий, постоянный и устойчивый характер. Причем... его численность имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и часто относимых к среднему классу»³.

В настоящее время есть достаточно оснований включать в состав этого формирующегося в нашей стране социального слоя значительную часть работников науки и высшего образования, чей так называемый эффективный трудовой контракт при нынешних критериях оценки их труда никак нельзя считать стабильным трудовым договором. В этом смысле Россия вполне вписана в мировую тенденцию, в том числе в части развития финансового капитализма. Хотя применительно к России употребление термина «капитализм» можно как раз оспаривать, но вовсе не с позиций концепции постиндустриального общества знания.

А вот понятия «социализм» и «постсоциализм» в нашей ситуации являются работающими методологическими инструментами осмысления современных реалий, которые нельзя бездумно отбрасывать⁴. Конструктивный опыт такого осмысления представлен в теории

¹ Явлинский Г.А. Рецессия капитализма — скрытые причины. М., 2013 (гл. 2. р. 2.1.3 «Передовой отряд мирового капитализма: к «высоким» технологиям и новым услугам»).

² См.: Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. London: Bloomsbury, 2011.

³ Тощенко Ж.Т. Прекариат — новый социальный класс // Социс. 2015. № 6. С. 5–6.

⁴ Обоснование необходимости гносеологической реабилитации этих понятий см.: Лапаева В.В. Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсисянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56; Её же. Постсоциалистическое будущее как предмет исследований социологии // Социс. 2019. № 3. С. 3–12.

цивилизма как нового постсоциалистического общественного строя¹, разработанной академиком В.С. Нерсисянцем еще в конце 80-х годов прошлого века. Конструктивный характер такого подхода проявляется в том, что он позволяет: 1) вписать социализм в диалектическую логику всемирной истории, а не относиться к этому очень значительному периоду в жизни страны как к какому-то историческому недоумению; 2) выявить вектор исторического развития как переход от частной собственности на средства производства, которая есть лишь у некоторых, к индивидуальной собственности каждого гражданина страны; 3) сформулировать новый тип права, адекватный новому типу собственности, — прирожденное и неотчуждаемое право каждого гражданина на равную с другими долю от рыночного функционирования бывшей общенародной собственности и 4) предложить пути решения проблемы легитимации крупной собственности, сложившейся по итогам приватизации нашего общего социалистического наследства, через общественный договор о собственности, который позволил бы ослабить зависимость собственников от власти, стимулировать таким образом политическую конкуренцию (потому что партии во всем мире создаются на деньги крупного бизнеса) и разблокировать экономическую конкуренцию, которая невозможна без периодической ротации власти.

Важно подчеркнуть, что теория цивилизма не отрицает то лучшее, что есть в концепции постиндустриального общества знания с его идеей раскрепощения творческого научного труда, высвобождения науки от рыночного и бюрократического диктата, превращения ее в главную производительную силу (о чем, кстати, писал еще Маркс) и формирования механизмов непосредственного влияния науки на политическое управление обществом. Теория цивилизма как раз и показывает путь в этом направлении для общества с социалистическим прошлым.

Несмотря на то что некоторые элементы становления общества знания уже обозначились, логика развития двух основных конкурирующих в глобальном пространстве моделей социально-экономического развития, которые можно условно обозначить как западную и китайскую, не дает оснований рассчитывать на формирование постиндустриального общества знания в обозримую историческую перспективу. Что же касается России, то перед страной прежде все-

¹ Термин «цивилизм» (от лат. *civis* — гражданин) означает общество, в котором каждый гражданин имеет прирожденное право на равную с другими долю от рыночного использования некоего исходного общего достояния. Такое неотчуждаемое право автор обозначает как право цивилитарной (гражданской) собственности (См.: *Нерсисянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М.: Норма, 2000).

го стоит задача не просто ускоренного развития, а, по сути дела, научно-технологического прорыва. И хотя эта задача по своим масштабам напоминает идею построения социализма, минуя развитую капиталистическую стадию, история показывает, что в России возможно все. Однако, если всерьез рассчитывать на такой прорыв, то первое, с чего следует, по-видимому, начать, — это формирование основ его нормативно-правового обеспечения. Однако вынесенная на общественное обсуждение предварительная версия проекта федерального закона не соответствует этим задачам. Во всяком случае, именно к такому выводу пришли участники круглого стола, состоявшегося в журнале «Управление наукой: теория и практика»¹. Показательно, что обсуждение этого важнейшего как для страны, так и для научного сообщества законопроекта не было проведено ни в одном юридическом научном институте. В связи с этим нельзя не отметить то обстоятельство, что юридическая наука в большом долгу перед научным сообществом страны, поскольку почти не занимается проблемой свободы научного творчества, сводя ее по умолчанию к свободе от идеологического диктата. А между тем сюда входят и оплата труда научных работников, и критерии оценки этого труда, и режим научной работы, и правовой статус РАН, и гарантии от бюрократического давления на науку, которое ничуть не менее опасно, чем идеологическое, и т.д. Решение этих проблем хотя бы на теоретическом уровне стало бы конструктивным вкладом юридической науки в создание условий для продвижения России к обществу знания.

¹ См.: Ваганов А. Миннауки задало ученым внеклассное чтение на лето. На общественное обсуждение вынесен законопроект, который общественность просит не принимать // Независимая газета. Приложение «НГ-Наука». 2019. 1 июля.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

И.Л. Честнов

Постиндустриальное общество, воспетое Д. Беллом¹, в котором сегодня находится большая часть человечества, отличается от индустриального социума не только новыми технологиями и превращением информации в основное средство производства, но и формированием новых ценностей, потребностей, мотиваций человеческой деятельности, образа жизни. «По мере развертывания важнейших хозяйственных изменений... — увеличения доли услуг в экономике, опережающего развития производства уникальных и невозпроизводимых благ, формирования адекватных новым условиям производственных структур — создаются объективные предпосылки для трансформации системы общественных ценностей, расширения хозяйственной и личной свободы. Вместе с тем современное производство обнаруживает все большую зависимость от творческого потенциала человека.

Таким образом, впервые в истории хозяйственный и технологический прогресс воплощается уже не столько в наращивании объемов производства или совершенствовании выпускаемой продукции, сколько в изменяющемся отношении человека к самому себе и окружающему миру»². Эти изменения, которые начались во второй половине XX в. и продолжаются по сей день, приводят не только к осознанию принципиально важной роли культуры в воспроизводстве

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М., 2004.

² Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000. С. 92.

и трансформировании социальных отношений, но и к формированию нового образа мира — господствующему в постсовременном социуме представлению о мире и человеке в нем. Новое постиндустриальное общество характеризуется иным — по сравнению с эпохой модерна — типом культуры, важнейшим аспектом которого выступает постсовременная картина мира¹.

Так как право — это социальное явление, обладающее относительной автономией, то и научные изыскания в юриспруденции не могут не основываться на философских идеях, на общесоциальной или социолого-гуманитарной теории. Именно в социальной философии и таких науках, как лингвистика, психология (или в междисциплинарных направлениях, например в психолингвистике), достаточно активно исследуется концепт «картина мира». Юристы же, за редким исключением, практически не обращают внимания на эту новую область исследований в постсовременной социогуманитарной мысли. «Юридическая картина мира» — новое понятие, разрабатываемое несколькими отечественными теоретиками права. Нужно ли вводить в научный оборот понятие «юридическая картина мира»? Каковы его роль и эвристический потенциал? Действительно ли введение в научный оборот данного понятия «открывает новые возможности и перспективы концептуализации ключевого предмета теоретического правоведения — социокультурных, ментальных и когнитивных условий и факторов юридической эволюции»²? Об этом пойдет речь в первой части статьи. Во второй части акцент будет сделан на тех изменениях, которые происходят в постсовременной юридической картине мира постиндустриального общества.

Для того чтобы разобраться в вопросе о важности концепта «юридическая картина мира» для юридической науки, необходимо прояснить значение понятия «картина мира» и его место в научном юридическом дискурсе. Данное понятие активно исследуется в лингвистике и таких новых постклассических междисциплинарных направлениях научных исследований, как психолингвистика, когнитивная лингвистика или лингвокультурология. Так, авторы одной интересной работы по (нео)психолингвистике и (психо)лингвокультурологии (так по крайней мере они сами себя позиционируют) пишут: «Под КАРТИНОЙ МИРА в целом в разных науках принято

¹ Полагаем, что термин «постмодернизм» гораздо более уместен не для описания нового этапа эволюции человечества (для этой цели вполне приемлем термин «постиндустриальное общество» или «постэкономическая эпоха», как ее именует В.Л. Иноземцев), а для характеристики его постиндустриального социума — культуры.

² Именно так — громогласно — заявляет адепт данного концепта Ю.А. Веденеев. *Веденеев Ю.А. Юридическая картина мира: между должным и сущим // Lex Russica. 2014. № 6. С. 641.*

понимать схематичное отражение действительности в сознании человека. В современной лингвистике признается существование двух картин мира — НАУЧНОЙ и НАИВНОЙ, которые выделяются на основе их принадлежности к научному и обыденному сознаниям соответственно. /.../ В реальной жизни эти картины интегрированы в единое целое — ОБРАЗ МИРА отдельной ЛИЧНОСТИ, под которым в психолингвистике понимается «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии». ОБРАЗ МИРА — это не просто предметный, но чувственный мир, наполненный значениями¹.

Существенную роль в концептуализации картины мира, ее метафизическом осмыслении сыграл М. Хайдеггер. В работе «Время картины мира» он пытается осмыслить Новое время через «новоевропейскую картину мира». Однако, утверждает великий философ, ее нельзя отличить от средневековой и античной картин мира². Картина мира говорит о большем, нежели «полотно сущего в целом». «Мы подразумеваем тут сам мир, его, сущее в целом, как оно является определяющим и обязывающим для нас... Картина мира, сущностно понятая, означает, таким образом, не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины. Сущее в целом берется теперь так, что оно только тогда становится сущим, когда поставлено представляющим и устанавливающим его человеком... Напротив, везде, где сущее не истолковывается в этом смысле, не может и мир войти в картину, не может быть картины мира. То, что сущее становится сущим в своей представленности, делает время, когда это происходит, новым по сравнению с прежним. Выражения «картина мира Нового времени» и «новоевропейская картина мира» говорят дважды одно и то же и подразумевают нечто такое, чего никогда прежде не могло быть, а именно средневековую и античную картины мира. Не картина мира превращается из прежней средневековой в новоевропейскую, а мир вообще становится картиной, и этим отличается существо Нового времени»³.

При всем уважении к гениальности немецкого философа полагаем, что возможно и иное прочтение картины мира. В любом социуме существуют господствующие социальные представления о мире, вырабатываемые референтной(ыми) группой(ами). Они образуют как наивный образ мира, так и интеллектуальный консенсус эпохи

¹ Бубнова И.А., Зыкова И.В., Красных В.В., Уфимцева Н.В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В.В. Красных. М., 2017. С. 123, 125.

² См.: Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М., 1993. С. 49.

³ Там же.

(применительно к данному обществу). Именно так сегодня трактуют картину мира в лингвистике или психологии: как общественное сознание (включающее разные уровни — идеологию, мировоззрение, обыденные представления, бессознательное), интериоризируемое в индивидуальное сознание, установки, стереотипы.

Разновидностью картины мира выступает научная картина мира, которая играет принципиально важную роль в структуре философских оснований науки. По утверждению В.С. Степина, философские основания науки включают в себя нормы и идеалы исследования, научную картину мира и философские идеи и принципы, с помощью которых обосновывается картина мира и эксплицируются нормы и идеалы исследования¹. «Научная картина мира — целостный образ предмета научного исследования в его главных системно-структурных характеристиках, формируемый посредством фундаментальных понятий, представлений и принципов науки на каждом этапе ее исторического развития... Обобщенный системно-структурный образ предмета исследования вводится в специальной научной картине мира посредством представлений: 1) о фундаментальных объектах, из которых полагаются построенными все другие объекты, изучаемые соответствующей наукой: 2) о типологии изучаемых объектов: 3) об общих особенностях их взаимодействия: 4) о пространственно-временной структуре реальности. Все эти представления могут быть описаны в системе онтологических принципов, которые выступают основанием научных теорий соответствующей дисциплины»².

Как и любая наука, юриспруденция не может не основываться на исходных философских допущениях — философских основаниях, к которым относятся юридические научные картины мира. Они, как и любая научная картина мира (согласимся с В.С. Степиным), выполняют «три основные взаимосвязанные функции в процессе исследования: 1) систематизируют научные знания, объединяя их в сложные целостности; 2) выступают в качестве исследовательских программ, определяющих стратегию научного познания; 3) обеспечивают объективацию научных знаний, их отнесение к исследуемому объекту и их включение в культуру... Осуществляя система-

¹ См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 188 и след. В другой работе он пишет: «Система философских идей и принципов, обеспечивающих эвристику поиска и обоснование полученных результатов при их включении в культуру, образуют особый компонент научного знания — философские основания науки». *Степин В.С.* Конструктивные и прогностические функции философии // *Человек в мире знания: К 80-летию Владислава Александровича Лекторского* / отв. ред.-сост. Н.С. Автономова, Б.И. Пружинин; науч. ред. Т.Г. Щедрина. М., 2012. С. 90.

² *Степин В.С.* Научная картина мира // *Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; науч.-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, А.П. Огурцов.* М., 2010. С. 32.

тизирующую функцию, научные картины мира вместе с тем выполняют роль исследовательских программ. Специальные научные картины мира задают стратегию эмпирических и теоретических исследований в рамках соответствующих областей науки... В теоретических исследованиях роль специальной научной картины мира как исследовательской программы проявляется в том, что она определяет круг допустимых задач и постановку проблем на начальном этапе теоретического поиска, а также выбор теоретических средств их решения»¹.

«Юридическая картина мира, — справедливо отмечает Ю.А. Веденеев, — в этом плане и представляет собой систему общих рамочных ценностно-нормативных ориентаций и мотиваций, обеспечивающих равновесие в различных социальных порядках, основанных на репутации, авторитете, силовом давлении, социальном консенсусе или контракте.

Среда обитания юридической картины мира — юридическое мышление. Различным историческим формам юридического мышления — символическим и дискурсивным, предметным и воображаемым, практическим и теоретическим и, соответственно, юридическим картинам мира — корреспондируют различные правовые онтологии и правовые базисы, юридические техники организации и реализации права типа юридических знаний о праве, понимания и восприятия права, правовой психологии и идеологии»².

«Роль феномена «юридическая картина мира», — подчеркивает известный московский теоретик права, — в процессах социальных трансформаций фундаментальна. Составляя социокультурный и нормативный аспект правовой реальности, юридическая картина мира не только отражает правовую реальность в системе юридических понятий и значений, она ее формирует и ориентирует в системе юридических ценностей и смыслов, т.е. обеспечивает новые правовые практики и траектории развития. Юридическая картина мира, по существу, управляет процессами изменений в содержании и формах существования и выражения права, направляет траекторию институциональных преобразований в системе юридических конструкций и решений, определяет ее историческую динамику и структуру. В ее рамках складываются ценностные, концептуальные и нормативные юридические модальности, определяющие параметры и характеристики конкретно-исторических правовых систем, фиксирующих новые юридические границы в системах социальных отношений.

¹ Там же. С. 33.

² Веденеев Ю.А. Указ. соч. С. 646.

Юридическая картина мира — не застывшая структура. Она часть социокультуры и меняется в логике ее цивилизационного развития. Вопрос не в траекториях ее эволюции или трендах развития. Концепт «юридическая картина мира» включает в себе одновременно и апологию, и критику наличного правопорядка. Поддерживая правовую реальность в рабочем состоянии на протяжении всего цикла ее существования, юридическая картина мира, разумеется, меняя свои концептуальные, ценностные и нормативные основания и модифицируя их, не разрушает себя. Смысл ее существования в первую очередь состоит в том, чтобы обеспечить преемственность в развитии своей соционормативной системы в процессах ее перехода в другое состояние»¹.

Соглашаясь с приведенной точкой зрения о роли концепта «юридическая картина мира», тем не менее заметим, что его содержательный анализ предполагает выявление и описание структуры (уровней) юридической картины мира. Полагаю, что *в картине мира, включая юридическую, уместно выделить мировоззренческий или философский уровень, научный (догматический, применительно к юриспруденции), профессиональный, обыденный, а также уровень бессознательного*. Для различных субъектов эти уровни разным образом актуализируются, взаимодополняя друг друга. Так, философский уровень призван задавать научную эвристику, методологию и философскую рефлексию научного дискурса, формулировать исходные научные гипотезы, обосновывать общенаучные понятия. При этом нельзя не учитывать господствующее мировоззрение (эпистему, свойственную соответствующей исторической эпохе и культуре цивилизации). В то же время ученый, исследующий какую-либо область правовой реальности, не может не воспроизводить в своих научных изысканиях топорсы — общие места как само-собой-разумеющееся знание (как сказали бы представители социальной феноменологии), например «право регулирует общественные отношения», «закон охраняет и обеспечивает права человека», «право реализуется в правоотношениях», «государство выполняет социальную функцию» и т.п. Эти и тому подобные топорсы выступают в определенном смысле бессознательным юридической науки (странно, что их использование до сих пор не признается плагиатом). Профессиональная юридическая картина мира (или профессиональный ее уровень) включает в себя смутные мировоззренческие представления (большинства юристов-практиков) о сущности и смысле права, а также огромный пласт не только образов нормативного правового материала, но и его конкретизацию в схемах (фреймах или скриптах) повседневных юридических практи-

¹ Там же. С. 648.

тик, приобретаемых в процессе социализации, накопления опыта и принимающих форму навыков и стереотипов практического мышления. Именно такие взаимодополнения и взаимообусловленность уровней отличают постклассическую юридическую картину постсовременного, постиндустриального мира.

Содержание юридической картины мира, с нашей точки зрения, образуется благодаря *социальным правовым представлениям*. Под социальным представлением С. Московичи — автор этого термина — понимает набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной жизни по ходу межличностных коммуникаций. В современном обществе они являются эквивалентом мифов и систем верований традиционных обществ¹. Ж.-К. Абрик в социальном представлении выделяет центральное ядро, которое связано с коллективной памятью и историей группы, обеспечивает консенсус и тем самым устанавливает гомогенность группы, выполняет функцию порождения значения социального представления и определяет его организацию. Кроме того, в социальное представление входит периферическая система, обеспечивающая интеграцию индивидуально-го опыта и истории каждого члена группы, она поддерживает гетерогенность последней, выполняет функцию адаптации социального представления к конкретной реальности, предохраняет его центральное ядро².

Применительно к праву социальное представление — это образ типичной юридически значимой ситуации, господствующий в данной культуре (субкультуре) социума. Он является основанием для категоризации и квалификации ситуации в качестве правовой (правомерной или противоправной) и для формирования рамки (фрейма или скрипта) должного юридически значимого поведения.

В связи с излагаемой проблематикой юридической картины мира возникает принципиально важный и сложный вопрос: а существуют ли сегодня в постсовременном социуме единая юридическая картина мира, общие и общезначимые социальные правовые представления? Исходя из изысканий постклассической философии, социологии, когнитивной лингвистики, юриспруденции и других социогуманитарных дисциплин, важнейшей характеристикой постсовременной картины мира является ее фрагментарность. Она связана с отсутствием позиции «божественного метанаблюдателя» (по терминологии Х. Патнэма) и вытекающей отсюда множественностью референтностей — плюрализмом референтных групп, конструирующих социаль-

¹ См.: *Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by M. Farr, S. Moscovici. London, 1981. P. 181.*

² См.: *Abric J.-Cl. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers of social representations. 1993. Vol. 2. № 2. P. 76.*

ные правовые образы, значения, которые интериоризируются в правовые смыслы конкретными людьми — носителями статуса субъектов права. Поэтому структурированность юридической картины мира «по вертикали» (выделение соответствующих уровней) сегодня дополняется ее фрагментированностью (или сегментированностью) «по горизонтали», исходя из множественности референтных групп, сегментов власти юридической номинации, категоризации и квалификации (хотя бы на уровне обычного права, повседневных юридических практик). При этом если на философско-правовом и теоретическом уровнях юридической картины мира такие изменения довольно активно рефлексировались, то трансформации, которые происходят на профессиональном, обыденном уровнях и в области юридическоего бессознательного, остаются практически не исследованы.

Постклассическая юридическая картина постиндустриального мира отличается от представления о праве, господствующего в эпоху модерна, динамизмом, постоянным переформированием, фрагментарностью, человекообразностью, релятивностью, контекстуальностью. В связи с этим уместно привести еще одну цитату Ю.А. Веденеева: «Очевидно, что новая социальная реальность (эпохи постмодерна), ее становление и развитие будет сопровождаться процессом становления новой юридической картины мира, через которую будет сконструирована, оформлена и санкционирована новая правовая реальность. Ее контуры уже обозначены. Правовое пространство претерпевает структурные трансформации. Стабильные правовые онтологии должны уступить место подвижным нестабильным онтологиям правовой реальности. Юридическое измерение социальной реальности радикально переформатируется. На смену нормативным модальностям в юридической технике запретов, позитивных и негативных обязываний, дозволений и ответственности в их различных комбинациях в публично-правовых и частноправовых конструкциях приходят новое постправо и новая постправовая реальность. Это мир воображаемых сетевых сообществ, мир виртуальных субъектов и объектов, возникающих из ниоткуда и исчезающих в никуда; мир игры юридических симулякров и профанаций правовой определенности в отношениях власти, собственности и управления»¹.

В.В. Лазарев отмечает следующие особенности неклассической юридической науки, которые, можно полагать, образуют неклассическую юридическую картину мира: децентрация науки, отказ от методологического редукционизма, распространение иррационалистических умонастроений, скептицизм, индетерминизм, вероятност-

¹ Веденеев Ю.А. Указ. соч. С. 647.

ность, полипарадигмальность, субъективированность объекта познания и принцип личностного знания¹. Постклассическая юридическая картина эпохи постмодерна, по его мнению, отличается идеей метапарадигмальности научного познания, креативностью человека, исследователя и исследовательского процесса, конструированием мира и совокупной множественностью интерпретаций, единством субъекта и объекта познания, саморефлексией и самокритикой исследователя в качестве свидетельства его креативности и соединения субъекта и объекта, стохастичностью жизненных процессов и правовых систем, разветвленностью знаний, отсутствием единого концептуального восприятия реалий, диалогизмом как необходимым следствием информатизации и вместе с тем отсутствием определенности, которая в классическом правоведении обеспечивалась законом, движением в сторону особой формы интеграции знания к синтезу классических и неклассических представлений (формирование «синтетического», интегративного понимания права), к соединению детерминистских и индетерминистских представлений (понятие детерминированного хаоса)².

Эти положения несомненно свидетельствуют об актуальности анализа юридической картины мира, о теоретической значимости этого концепта, становящегося научным понятием. В то же время происходящие трансформации юридической картины мира нуждаются в дальнейших исследованиях, особенно применительно к ее практическому профессиональному и обыденному уровням, а также к уровню юридического бессознательного.

¹ См.: Лазарев В.В. Методология классической и постклассической юридической науки // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А.В. Корнев. М., 2017. С. 49–50.

² Там же. С. 53–54.

О ПРАВЕ В ПРОГРАММИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

С.И. Захарцев, В.П. Сальников

Тема настоящей конференции содержит сразу несколько вопросов, требующих философской оценки. И речь в данном случае надо вести не столько о понимании права в философском смысле, его отличии от закона или тождественности с ним, правомерном (неправомерном) поведении, сколько о том, что есть программируемое общество, не живем ли мы в нем, не подталкивают ли нас в нем жить?

Этот вопрос требует философского анализа. С одной стороны, Россия объявлена демократическим государством. Вторая глава Конституции Российской Федерации содержит перечень прав и свобод всех и каждого на территории России. Но проблема состоит в обеспеченности прав. Конечно хорошо, что каждому, например, гарантируется право на собственность. Но если у человека изначально, с рождения, на приобретение собственности нет и не предвидится средств? Прекрасно, что каждый имеет право на медицинскую помощь, однако ввиду отсутствия у человека денежных средств требуемая квалифицированная медицинская помощь ему оказана не будет. И то же можно, к сожалению, сказать о многих из задекларированных в Конституции естественных прав человека. Права на свободу места жительства и перемещения, равно как права на труд и отдых, образование и пенсионное обеспечение и т.д. в России, сейчас для абсолютного большинства жителей финансово не обеспечены. Своими правами в полной мере, по разным оценкам социологов, могут воспользоваться менее одного процента жителей. В подтверждение наших слов приведем пример. Если (даже при наличии права)

денег на образование нет, то человек его и не получит. Далее, он не сможет устроиться на высокооплачиваемую работу. Это определит статус человека в жизни, его потребности и возможности, в том числе в отношении отдыха, медицинского обслуживания, жилищного обеспечения, передвижения и т.д. Только у богатых и успешных людей жизнь поливариативна.

Но самое интересное другое. Все, конечно, помнят, что современную Конституцию Российской Федерации писали на основе конституций западных стран. Но ведь и в западных странах ситуация примерно такая же: у всех задекларированы одинаковые права, однако их реализация зависит от финансовой составляющей конкретного индивида. И, как правило, каждый человек с рождения имеет в зависимости от финансов свой, если так можно выразиться, четко выстроенный жизненный коридор. Причем выбраться из своего коридора в другой — лучше обустроенный — почти невозможно. Более того, если в России продолжается период раннего капитализма, связанный с накоплением и переделом первоначальных капиталов, то на Западе, например через налоговую систему, доходы вновь рожденного человека и его семьи сразу прозрачны и понятны. Но и в западных странах полностью реализовать предоставленные права может очень небольшое количество людей. Получается, что западное общество применительно к людям запрограммировано. Об этом не раз писали зарубежные социологи и философы.

Давайте задумаемся о праве. Его роль в развитых западных странах связана с обеспечением четкого движения людей по своим коридорам. Под такое движение принимаются законы о строгом декларировании доходов, об уплате с них налогов, о жесткой ответственности за неуплату и т.д.

Одними из главных регуляторов выступают также нормативно-правовые акты в сфере образования. Именно уровень образования и образованности находится у истоков разделения людей по своим жизненным коридорам. У кого-то родители не смогли заплатить за среднее образование — его жизненный путь понятен, у кого-то смогли заплатить только за среднее образование — их жизненный путь тоже в принципе понятен (исключение составляют известные спортсмены и артисты). И только если родители или сам человек накопил денег на высшее образование, то в этом случае (при обязательном наличии способностей, здоровья и удачи) он может претендовать на полную реализацию своих прав.

Перманентные реформы образования в России мы связываем именно с перестройкой общества и попыткой его программирования. В советское время среднее образование было обязательным для всех. Причем его уровень значительно превышал уровень подготов-

ки в любой другой развитой стране. Многие эксперты справедливо считают, что советское среднее образование было близким к высшему образованию отдельных стран. Причем советское среднее образование было еще и бесплатным. Бесплатным и доступным для всех было также и высшее образование. В советское время тот, кто хотел учиться, независимо от социального и финансового положения родителей высшее образование получал. Сейчас российская элита не заинтересована в таком количестве людей с высшим образованием и даже с полным средним образованием. Именно поэтому, на наш взгляд, среднее образование в России все более извращается и обедняется, а высшее образование становится платным и доступным далеко не всем. Обеспечивают эти процессы нормативные-правовые акты.

Поэтому, как нам представляется, право и закон в запрограммированном обществе можно рассматривать как минимум в двух плоскостях: 1) декларирование всеобщего равенства, абсолютного равенства между высшим чиновником и рабочим, миллионером и бедным крестьянином; 2) с помощью права и закона рабочий остается рабочим, крестьянин — крестьянином, а миллионер — миллионером.

Таким образом, роль права в программируемом обществе связана с обеспечением нормального существования тех, кто это общество программирует, т.е. тех, кому принадлежит реальная власть. В зависимости от конкретной страны и исторического этапа здесь возможно несколько вариантов: официальному главе государства, его окружению, духовному лидеру, самому богатому человеку страны или группе таких людей.

В программируемом обществе право обязательно будет выполнять функцию законодательного обеспечения как правомочности программирования, так и получаемых в результате программирования результатов. В обществе, где права носят на самом деле декларативный характер, а программы жизни (или коридоры жизни) жестко прописаны, роль права будет во многом сходна с известным определением — как воля правящего класса, возведенная в закон.

Подобное программирование, конечно, имеет место не во всех странах, но встречается нередко.

Кроме того, существует также и другое явление, которое отдельные исследователи путают с подлинной демократией: когда в программе общественной жизни для человека заложен относительно высокий уровень социального обеспечения. При такой ситуации рядовой рабочий (служащий, крестьянин) получает довольно высокую пенсию, более-менее хорошую медицинскую помощь, относительно неплохие социальные гарантии. Этот человек тоже выполня-

ет свою роль, идет своим запрограммированным жизненным коридором (из которого также очень трудно выйти), но удовлетворен в социальном плане и не думает о переменах. А чтобы о возможных переменах в жизни человек не помышлял, ему дают весьма усеченное среднее образование.

Активно внедряемая в XXI в. цифровизация несомненно поможет как программированию, так и праву. Достаточно сказать, что с появлением мобильных устройств человек даже формально лишился многих из задекларированных прав. Уже не секрет, что с помощью мобильных телефонов можно точно отслеживать перемещение человека, его общение и намерения, оплаты, вскрывать личные тайны¹. В XXI веке люди становятся гораздо более подконтрольными, чем даже в XX в.² И такая подконтрольность человека опять же обеспечивается необходимой законодательной базой и правом³.

Отсюда вновь возникает вопрос: что такое право? Насколько противоречиво и многогранно оно?! В последнее время отдельные философы и юристы России право идеализировали. Например, В.С. Нерсисянц начал книгу о философии права так: философия права занимается познанием права как необходимой формы свободы, равенства и справедливости в общественной жизни людей⁴.

Однако право гораздо сложнее и противоречивей. Ведь право — это и защита от насилия, и насилие по принуждению исполнения норм, и регулятор насилия. Причем в каждом обществе с учетом его ментальности, традиций, культуры и других социальных факторов параметры регулирования насилия различны. Право в ряде случаев формирует политику и одновременно является инструментом политики. Право регулирует экономику и в то же время зависит от экономических процессов. Право — это и реализация человеком потреб-

¹ См.: Евстратиков Б.М., Захарцев С.И., Медведев В.Н., Сальников В.П. Оперативно-разыскные мероприятия на каналах связи (правовой анализ). Серия: Теория и практика оперативно-разыскной деятельности / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2005.

² См.: Захарцев С.И. Наука оперативно-разыскной деятельности: философский, теоретико-правовой и прикладной аспекты. СПб.: СПбГУ, 2011; Захарцев С.И., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-разыскная деятельность в XXI веке: монография. М.: Норма, 2015.

³ См.: Захарцев С.И. Оперативно-разыскные мероприятия в России и за рубежом / под ред. В.П. Сальникова. СПб.: Фонд «Университет», 2004; Захарцев С.И., Сальников В.П. Оперативно-разыскная политика: понятие и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 95–110; Захарцев С.И., Вихров В.А., Игнащенко Ю.Ю., Сальников В.П. Оперативно-разыскная деятельность и военная безопасность: монография. М.: Граница, 2017; Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П. Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / под ред. В.И. Рохлина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007.

⁴ См.: Нерсисянц В.С. Философия права. М., 2011. С. 1.

ностей, и их ограничение, и регулятор потребностей. Право декларирует свободы и равенство, но одновременно, под угрозой строгого наказания, жестко регулирует поведение в угоду конкретных лиц.

Мы разработали **комплексную теорию изучения права** (от лат. *comprehenndo* — всеохватывающий). Актуальность формирования и формулирования этой теории вызвана необходимостью с философских позиций обратиться к понятию права, оценить его комплексно и честно, отказываясь от часто применяемого сегодня метода его идеализации. Указанная теория по нашему замыслу должна выполнить роль частной теории в философии права.

Предметом теории комплексного изучения права является само право как сложное, противоречивое, многоаспектное, динамично меняющееся социальное явление, **оцениваемое без господства какой-либо правовой концепции.**

Предмет теории комплексного изучения права включает в себя также:

- закономерности диалектических сущностных противоречий в праве и правовом бытии;
- закономерности влияния на адекватную и объективную оценку права и правовой реальности сторонних факторов (к таким факторам относятся экономика, политика, идеология, роль руководителя государства и др.);
- перспективы развития права в контексте правовой реальности.

Путь к познанию права, по нашему мнению, лежит не через упорное обоснование какой-либо одной концепции права, чем нередко грешат многие ученые, и не через интегральную теорию права, сводящуюся к попыткам взять лучшее из имеющихся правовых концепций. Полностью не познав право, невозможно сказать, что в нем лучшее, а что — худшее. Речь идет не об объединении разных правовых концепций. Смысл предложенного подхода нам видится в строго объективном, реальном, деидеализированном познании права, не допускающем господства какой-либо концепции. Чем объективней мы будем оценивать право как сложное, противоречивое, многогранное социальное явление, чем четче вскрывать все его противоречия и изъяны, сильные и слабые стороны, возможности и пределы этих возможностей и т.д., тем скорее мы придем к его познанию.

Право нам представляется большим бриллиантом. Как известно, наиболее распространенная огранка бриллианта составляет 57 граней. И вот, мы видим ту или иную грань камня, подчас даже подробно рассматриваем ее, при этом упуская из виду еще как минимум 56 граней этого же камня. То же происходит и с правом. Специалисты по одной грани этого феномена нередко судят о нем как о целом. Очевидно, что получаемые таким образом теории со временем упи-

раются в неразрешимые противоречия. Далее появляются новые мыслители, которые также, искренне полагая, что видят предмет целиком, заостряют взгляды на одном из проявлений предмета. Их теории также опровергаются другими концепциями, которые тоже далеки от совершенства. Сколько различных концепций понимания права существует? Казалось бы, немало. Однако их и не так много, как граней бриллианта.

Наши исследования позволили нам высказать предположение, что пока не будет создано значительное количество самостоятельных концепций, объективно и полно раскрывающих конкретные грани права, единого и общего понятия нам не удастся создать. Но как только количество определений права достигнет критической массы, оно перерастет в качество, в результате чего мы получим понимание права на уже совершенно новом уровне, может быть, удивительным для нас всех.

Основные отличия компрехендной теории права выражаются в следующем:

- ее разработчики не придерживаются какого-либо одного подхода к праву, а учитывают все;
- все подходы к праву в этой теории рассматриваются не критически, а как данность, как очередные грани права, которые могут проявляться в праве в тот или иной момент;
- все подходы к праву рассматриваются не отдельно друг от друга, а комплексно.

В завершение отметим, что сформулированные нами идеи о компрехендной теории познания права были отражены в трех монографиях¹. Эти монографии вызвали большой интерес у специалистов и получили положительные рецензии², в том числе от одного из кори-

¹ См.: *Захарцев С.И.* Некоторые проблемы теории и философии права: монография / под общ. ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия. Философия права. Юридическая наука. М.: Юрлитинформ, 2015; *Захарцев С.И., Сальников В.П.* Философия и юридическая наука. М., 2019.

² См.: *Дворецкая Е.В., Масленников Д.В., Гук А.И.* Вышла интересная книга о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» (М.: Юрлитинформ, 2015) // Мир политики и социологии. 2016. № 3. С. 184–189; *Керимова Т.В.* Классическая монография о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука» М.: Юрлитинформ, 2015 // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 168–172; *Колесников А.С., Масленников Д.В., Гук А.И.* Размышления о философско-правовых работах С.И. Захарцева и своеобразии его философии // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 12. С. 177–184; *Масленников Д.В., Гук А.И., Числов А.И.* Философско-правовые работы С.И. Захарцева: от происхождения права до перспектив правового бытия // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 4. С. 194–200; *Покровский И.Ф., Гук А.И.* Когда философия и право снова вместе. Рецензия на монографию С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / под ред. В.П. Сальникова.

феев философии права Д.А. Керимова¹. Более того, компрехендная теория права вызвала интерес за рубежом, а монографию, раскрывающую сущность этой теории, перевели на английский язык и издали в Кембридже. Эту теорию учитывают при обучении английских юристов². Статьи о компрехендной теории права переведены на несколько языков мира. Надеемся, что и данная статья привлечет внимание ученых, практиков и всех, кто интересуется правом.

М.: Норма, 2014 // Мир политики и социологии. 2015. № 2. С. 184–190; *Рохлин В.И., Захарцев С.И., Миронов М.А., Стуканов А.П.* Институт реабилитации в российском законодательстве: возникновение, развитие, понятие, перспективы / под ред. В.И. Рохлина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007; *Хабибулин А.Г., Мурсалимов К.Р.* Рецензия на книгу С.И. Захарцева «Некоторые проблемы теории и философии права» / под ред. В.П. Сальникова. М.: Норма, 2014 // Мир политики и социологии. 2015. № 9. 203–209.

¹ См.: *Керимов Д.А.* В развитие дискуссии о философии и праве. Рецензия на монографию С.И. Захарцева и В.П. Сальникова «Философия. Философия права. Юридическая наука». М.: Юрлитинформ, 2015 // Правовое поле современной экономики. 2015. № 1. С. 78–85.

² См.: *Zakhartsev S.I., Salnikov V.P.* The Philosophy of Law and Legal Science. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018.

ПРАВО КАК ИНФОРМАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ПРАВУ И ПРАВОПОНИМАНИЮ

Исаков В.Б.

I

Правопониманием в современной юридической науке называют комплекс подходов к понятию и определению права. За период развития юридической науки он чрезвычайно разросся и превратился в сложный, запутанный конгломерат идей, направлений, представлений¹. Попробуем показать своеобразие информационного подхода к праву на фоне иных концептуальных подходов.

Проблемное поле основных вариантов правопонимания можно изобразить схематически следующим образом (схема 1).

Данная схема в обобщенном виде концентрирует основные подходы к правопониманию, сложившиеся в отечественной и мировой юридической науке. Прежде всего это **нормативное понимание права**, т.е. совокупность юридических норм, издаваемых и защищаемых государством. При этом сторонники *нормативизма* — одного из главных течений в нормативном понимании права — зачастую полностью или в основном выводят за скобки социальное содержание

¹ См., в частности: Современное правопонимание: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М.: Норма; Инфра-М, 2016; Журнал российского права. 2017. № 7 (материалы дискуссии); Козлихин И.Ю. Интегральная юриспруденция: дискуссионные вопросы // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца. М., 2009; Лазарев В.В. Интегративное понимание права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 20–29; Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10 и др.

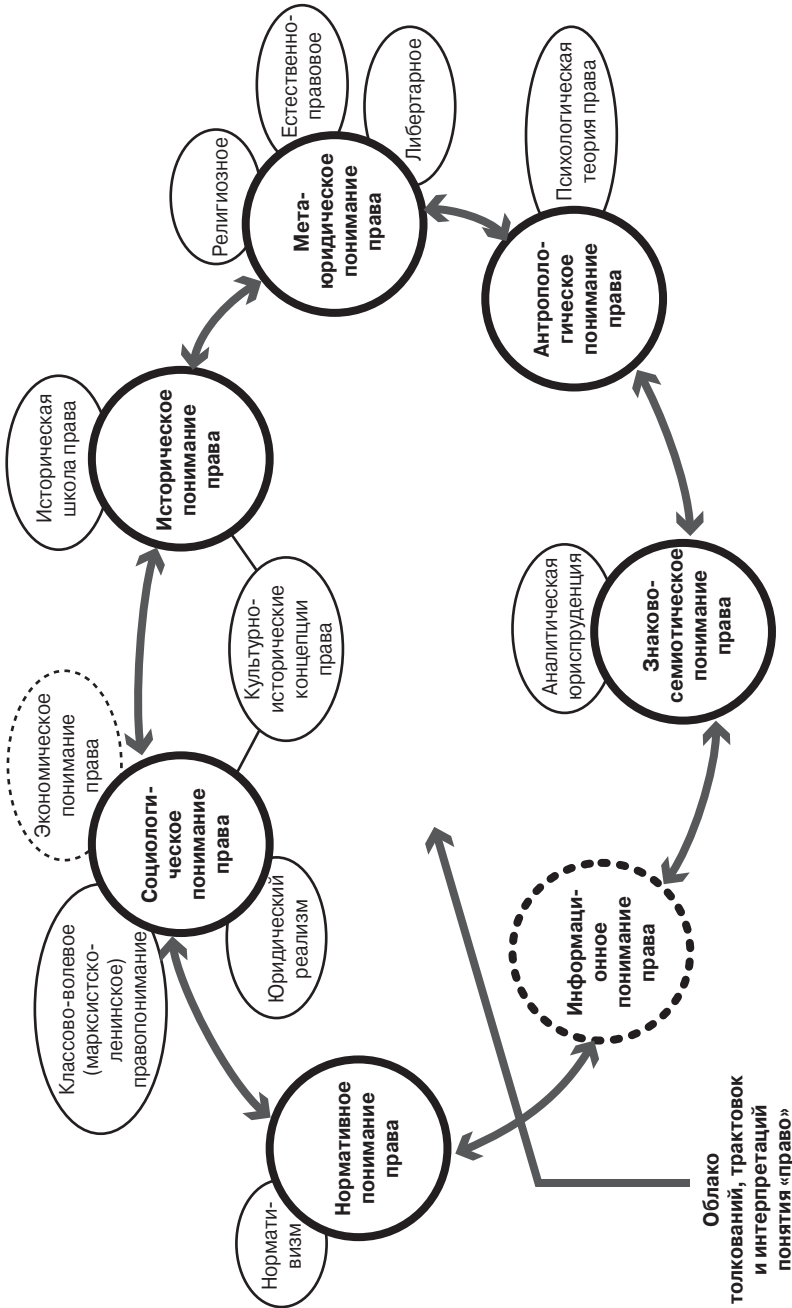

Схема 1. Проблемное поле научных подходов к пониманию права

юридических норм, абстрагируются от него (Г. Кельзен, А. Меркль, А. Фердросс и др.).

В современной научной и учебной литературе нормативный подход к праву нередко дискредитируется как узконормативный, ограниченный, позитивистский и т.д. Полагаем, что это необоснованно. Научный подход, ориентированный на изучение нормативной стороны права, был, есть и навсегда останется одним из центральных в юридической науке, без него юриспруденции как самостоятельной науки не существует. Другое дело, что юридическая наука не может замыкаться внутри одного подхода. Нормативный подход не может и не должен быть единственным, отрицающим иные взгляды на тот же самый предмет. В современной юридической науке трудно привести примеры «чистых нормативистов». У большинства ныне работающих исследователей нормативный подход сочетается с социологическими, социально-историческими, культурологическими, психологическими и иными подходами к пониманию права.

Нормативное понимание права — это доминирующий взгляд на право огромного отряда юристов, находящихся на службе у государства, — законодателей и правоприменителей, государственных чиновников, судей, прокурорских работников, сотрудников правоохранительных органов. По этой причине нормативное понимание права занимало и продолжает занимать ведущие позиции в юридическом образовании и подготовке юридических кадров.

Следующий по влиянию и значимости подход — **социологическое понимание права**. В его основе — стремление увидеть в праве социальную реальность, которую можно «пощупать», «измерить», «оценить». (Р. Иеринг, Ф. Жени, Е. Эрлих, Р. Паунд. В России — С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов и др.).

Внутри социологического подхода также есть свои течения. Крупнейшим и весьма влиятельным в свое время было *классово-волевое (марксистско-ленинское)* правопонимание, господствовавшее в нашей стране в советский период. Это понимание права как воли господствующего класса, в общенародном государстве — как воли всего народа. Очевидно, что по своим основаниям это социологический с элементами социальной психологии взгляд на право. Догматизм, свойственный советскому обществоведению, и силовое навязывание единственной «истинной» точки зрения на право практически полностью дискредитировали данный подход, подорвали доверие к его научности и объективности. Однако и в современных условиях классово-волевой анализ права и правовых явлений сохраняет реальное практическое значение.

Другое широко известное в мировой практике социологическое течение — *юридический реализм*, считающий правом не то, что напи-

сано в законах, а то, что реально решил суд (Дж. Фрэнк, К. Левелин). Данный вариант социологического подхода к пониманию права проистекает из особенностей англо-американской правовой системы, в которой ведущая роль принадлежит суду.

Пунктирной линией на схеме показано *экономическое понимание права* (С.Б. Авдашева, А.Г. Карапетов, А.В. Шмаков и др.). Это относительно новое в науке направление в понимании права, рассматривающее его через призму экономических категорий «цена», «стоимость», «полезность», «выбор», «спрос», «услуга», «рынок», «конкуренция», «издержки», «риски» и т.д. При добавлении к ним прилагательных «правовой» или «правовая» создается впечатление, что образуется новый уровень знания, новое оригинальное понимание права. Однако результаты данного исследовательского подхода вызывают сомнения. Понятийный аппарат юриспруденции и экономической науки создавался для разных задач, и его нельзя механически объединять в единое целое. На наш взгляд, пока что происходит лишь переодевание традиционной, хорошо освоенной научной проблематики в новые терминологические одежды. Представляется, что экономическому пониманию права еще предстоит доказать свою полезность и ценность как для юридической, так и для экономической науки.

Чьим интересам соответствует социологический подход к праву, на кого он рассчитан, кто его сторонники? Прежде всего это инструмент в руках управленцев, работающих как в бизнесе, так и на государственной службе. Этой категории специалистов важно не столько формальное соблюдение норм, сколько достижение конкретного управленческого результата. А потому им необходимо понимать возможности юридических инструментов и реальные последствия своих действий. В социологическом подходе к праву заинтересованы юристы, разрабатывающие правовую политику, в том числе в таких сферах, как борьба с преступностью, наркоманией, алкоголизмом. Разумеется, социологический подход — это естественный взгляд на право ученых-аналитиков, юристов и социологов, изучающих социально-правовые процессы в обществе.

Следующая позиция на схеме — **историческое понимание права**. Это подход, порожденный применением на почве права общенаучного исторического метода исследования. Соответственно, он не претендует на универсальность и исключительность, а обычно сочетается с другими методами и подходами.

Крупнейшим самостоятельным течением в рамках исторического подхода принято считать *историческую школу права*, появившуюся в Германии и Австрии (Г. Гуго, Ф.К. Савиньи, Г.Ф. Пухта, К.Ф. Эйхгорн и др.). Данное направление рассматривает право как про-

изводное «народного духа» — правосознания народа, сложившегося в той или иной стране. Особое значение данному направлению придавал четко видимый современниками идеологический и политический подтекст: в качестве консервативного течения мысли оно противостояло либеральному «естественному праву», вечным и неизменным принципам права, действующим как бы вне истории, времени и пространства.

Между социологическим и историческим пониманием права на схеме показаны *культурно-исторические концепции права* — совокупность концепций, которые рассматривают право с культурологических позиций, как один из институтов культуры (А. Вебер, А. Тойнби, П. Сорокин. В России — Н.Я. Данилевский). Данное направление теории права представлено в науке совокупностью работ, одни из которых тяготеют к социологии, другие — к культурологии.

Культурно-исторический подход к праву основательно идеологически нагружен. Поэтому он интересен для политиков, идеологов, общественных деятелей, а также ученых, изучающих исторические и культурные корни социальных и правовых институтов. Данный подход к праву представляет несомненную ценность также для художественного творчества, юридического образования и воспитания подрастающего поколения.

Еще один подход к пониманию права, представленный на схеме, обозначен нами как **метаюридическое понимание права**. Общая черта различных направлений, охватываемых данным подходом, заключается в том, что они выводят право из внешних по отношению к нему реальностей, отсюда и термин — «метаюридическое понимание права».

Исторически первым в этой группе следует указать *религиозное понимание* права, которое трактует его как проявление в том или ином виде божественной воли (Ф. Аквинский, Ж. Маритен и др.). Божественная воля демонстрирует себя в жизни различными путями. Поэтому внутри религиозного понимания существует множество течений и направлений, по-разному трактующих конкретный механизм возникновения права. Религиозное происхождение права, как и само наличие Бога, невозможно ни доказать, ни опровергнуть, поэтому данная концепция обречена на вечное существование.

Следующее направление в рамках указанного подхода — *естественно-правовое*, оно также имеет глубокую историю, выводит право из неких естественных прав, якобы присущих человеку от природы. Естественные права нельзя ни изменить, ни отменить, государство должно воспринимать их как непреложную данность (Г. Гроций, Ж-Ж Руссо, Ш. Монтескье, Дж. Локк, Т. Джефферсон и др. В России — А.Н. Радищев, С.Е. Десницкий и др.). Теория есте-

ственного права составляет идеологическую платформу политического либерализма. Возникнув в XVII в., теория естественного права остается действующим инструментом политической борьбы, влиятельной политико-правовой доктриной, причем как в национальном, так и в международном праве.

Наконец, *либертарное* направление трактует право как внешнее проявление и реализацию неких фундаментальных общесоциальных принципов — свободы, формального равенства, социальной справедливости (В.С. Нерсисянц, В.А. Четвернин). Данное направление обычно рассматривается как один из возникших на российской почве современных вариантов естественно-правового подхода.

Ценность метаюридического понимания права в том, что оно выводит мышление о праве за рамки самого права, позволяет оценить право и решения государственных органов с позиций фундаментальных социальных принципов и ценностей. По этой причине естественно-правовой и либертарный подходы к праву популярны у адвокатов, правозащитников, реформаторов, широко используются в деятельности национальных и международных правозащитных организаций.

В качестве отдельного подхода нами выделено **антропологическое понимание права**, которое определяет право на основании свойств и качеств человека, прежде всего особенностей человеческой психики (С.И. Архипов, В.И. Павлов, И.Л. Честнов и др.). Право — социальный регулятор поведения человека и одновременно продукт деятельности человеческого интеллекта, поэтому гносеологические корни для формирования антропологического подхода к праву безусловно существуют. Рано или поздно этот подход был бы открыт.

Внутри данного направления следует особо отметить *психологическую теорию права*, которая рассматривает процесс возникновения и действия права в терминах социальной психологии (Л. Петражицкий). Как и антропологический подход в целом, психологическая теория права пока не получила необходимого развития. Однако исследования в данной сфере способствуют привлечению внимания к проблеме структуры, содержания и влияния правосознания.

Антропологический подход к праву — это естественный инструмент в руках тех, кто работает с людьми: педагогов, воспитателей, сотрудников исправительных учреждений и т. д. Именно для этой категории специалистов принципиально важно, чтобы норма права не осталась только правилом, зафиксированным на бумаге, а вошла в межличностную коммуникацию, стала элементом сознания человека.

Следующий подход — **знаково-семиотическое понимание права** — опирается на языковую природу права. С этой точки зрения право —

феномен языка. Нормы права выражаются средствами языка, поэтому в сфере права действуют многие закономерности, которые свойственны знаково-семиотическим структурам.

В качестве отдельного самостоятельного направления в данном аспекте должна быть упомянута *аналитическая юриспруденция* — популярное направление в западной, а с недавних пор и в отечественной теории права (Дж. Остин, Г. Харт, О. Вайнбергер. В России — А.Б. Дидикин и др.). Аналитическая юриспруденция рассматривает право как последовательную, логически непротиворечивую систему предписаний, видит свои задачи в том, чтобы выявлять и устранять противоречия, которые жизнь неизбежно вносит в правовые нормы.

При некоторой абстрактности, отвлеченности от юридической точности знаково-семиотическое понимание права имеет и вполне конкретное практическое применение. Оно направлено на совершенствование юридической лексики, терминосистем законодательства, правил юридической техники нормативных и индивидуальных правовых актов.

Наконец, в числе перспективных типов правопонимания следует указать **информационное понимание права**, формирующееся у нас на глазах. Суть этого подхода — в понимании права как структурно сложного, динамически развивающегося массива информации, а правового регулирования — как совокупности информационных процессов разного уровня, протекающих в обществе. Информационное понимание права необходимо тем, кто занят развитием электронного государства и информационного общества в нашей стране, созданием и применением робототехники и искусственного интеллекта в сфере права¹. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что информационный подход к правопониманию имеет серьезную научную перспективу.

II

Законотворчество — непрерывно развивающийся процесс, на который влияют меняющиеся состояние экономики, политики, культуры, социальной жизни, накапливающийся опыт законотворчества в России и за рубежом, переменчивые внутри- и внешнеполитические и социально-экономические обстоятельства, а в современных условиях — еще и бурно прогрессирующие информационные технологии. Если с позиций информационного понимания права

¹ См.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. Вып. 55. СПб., 2017. С. 46–62; Йонк Р. Сердце машины: наше будущее в эру эмоционального искусственного интеллекта / пер. с англ. М.: Бомбора, 2019.

взглянуть на состояние современной правовой системы России, можно отметить ряд тенденций, требующих научного анализа.

1. Непрерывный и неуправляемый количественный рост нормативных правовых актов. Одна из ключевых проблем развития российской правовой системы заключается в постоянном, непрерывном, неоправданном росте общего количества как нормативных правовых актов, так и актов высшей юридической силы — федеральных законов. Ежегодно правовая система России пополняется на 300–500 новых федеральных законодательных актов, а количество подзаконных актов, зарегистрированных в Регистре Министерства юстиции России, перевалило за 1 млн 200 тыс. единиц. Тенденция к увеличению количества принимаемых нормативных правовых актов наблюдается во всех отраслях законодательства, за исключением законодательства в области международных отношений (схема 2).

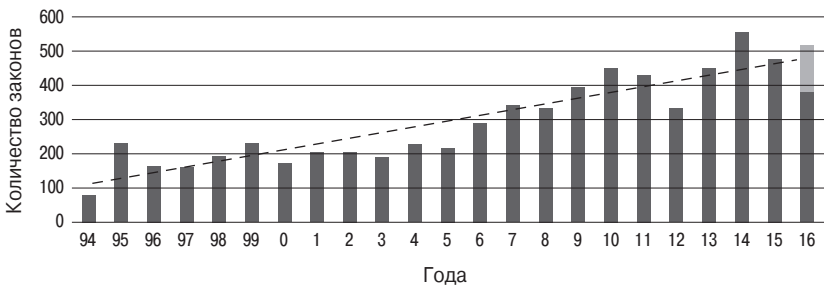

Схема 2. Количество принимаемых федеральных законов (по годам)¹

В результате непрерывного неконтролируемого роста российское законодательство теряет системность и обозримость. В некоторых отраслях законодательство в полном объеме неизвестно даже специалистам, а нормативные правовые акты невозможно найти без обращения к электронным базам данных.

Непрерывный необоснованный рост — признак утраты контроля со стороны государства над процессом нормотворчества. Это выглядит, на первый взгляд, парадоксом: речь идет об утрате управления над процессом, который в своей основе сам является процессом управления обществом. Однако нечто подобное, по-видимому, сейчас реально происходит: процесс нормотворчества настолько сложен, структурно неоднороден, к тому же подвержен влиянию политической стихии и бюрократическому давлению, что отдельные аспекты управления этим процессом могут быть временно утеряны.

¹ См.: Ткаченко Н.В. Статистическое исследование законодательства Российской Федерации. М., 2017.

Можно ли вернуть управляемость процессу нормотворчества? Вероятно, можно. Однако элементы стихийности в этом процессе настолько укоренились, что устранить их непросто. Призывов, пожеланий, обращений и даже обоснованных научных рекомендаций сегодня уже недостаточно. Потребуются, вероятно, административные ограничения на принятие новых нормативных правовых актов и жесткие плановые задания субъектам нормотворчества, связанные с систематизацией и кодификацией законодательства, сокращением избыточного количества нормативных правовых актов.

2. Недостаточный уровень стабильности законодательства. Российскую правовую систему отличает низкий уровень стабильности даже основных, системообразующих нормативных правовых актов — кодексов. Причем, по данным статистического исследования, период стабильности нормативных правовых актов имеет тенденцию к сокращению (см. таблицу).

Таблица

Период стабильности некоторых кодексов¹

Документ	Период стабильности (на 31 декабря 2010 г.), дней	Период стабильности (на 31 июля 2016 г.), дней
Земельный кодекс Российской Федерации	75	27
Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях	18	10
Лесной кодекс Российской Федерации	131	22
Налоговый кодекс Российской Федерации (ч. 1–2)	18	14
Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации	42	26

Поправки в основные законодательные акты не только неоправданно часты, но и во многих случаях бессистемны, плохо скоординированы между собой. Имели место случаи, когда изменения или дополнения вносились в статьи законов, которые изменялись или отменялись следующей поправкой. Низкий уровень стабильности законодательства, в свою очередь, является одним из факторов дестабилизации общественных отношений, что особенно остро ощущается в сферах экономики, предпринимательства, налогов и финансов.

¹ Там же.

3. Многопредметность нормативных правовых актов. Еще одна негативная тенденция современного законотворчества — многопредметность, объединение в одном нормативном правовом акте нескольких разных предметов правового регулирования.

В качестве конкретного примера приведем Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Даже по наименованию видно, что перед нами — три разных закона, искусственно объединенных законодателем под одной крышей.

Каков смысл в принятии таких законов? Основным источником подобной практики, на наш взгляд, является законодательный популизм, желание принять на американский манер закон с броским названием, который производил бы впечатление серьезного, комплексного решения крупной государственной проблемы.

Но популизм и научная обоснованность плохо вяжутся между собой. Каждый из искусственно связанных в букет законодательных актов продолжает жить своей жизнью, образно говоря, летает по своей орбите. Их объединение приводит к загромождению законодательства сложными по содержанию, многопредметными актами.

Многопредметность затрудняет кодификацию и систематизацию законодательства: нормативный правовой акт продолжает действовать, даже если он на 99% устарел, но оставшийся 1% держит его на плаву, не позволяет признать утратившим силу.

Многопредметность вредна и с точки зрения функционирования правовых баз данных, поскольку вместе с полезной информацией пользователю выдается огромное количество сведений, представляющих для него информационный шум.

На наш взгляд, в законотворческой практике следует придерживаться простого и понятного юридико-технического принципа: «один предмет — один правовой акт».

4. Снижение уровня системности российского законодательства. В правовой системе России нарастают негативные процессы, которые свидетельствуют об определенном снижении ее системных качеств. Например, следующие.

Массовое принятие нормативных правовых актов с одинаковыми заголовками. Один из важных элементов законодательного текста — заголовок, наименование федерального закона. Благодаря заголовку

¹ СЗ РФ. 2007. № 49. Ст. 6071.

мы отличаем один закон от другого, лучше понимаем их цель, смысл и содержание.

Как складывается современная практика присвоения наименований федеральным законам? С использованием официального интернет-портала правовой информации pravo.gov.ru нами была проанализирована практика присвоения наименований федеральным законам в Государственной Думе шестого созыва. Согласно этой базе данных она приняла с 4 декабря 2011 г. по начало октября 2015 г. 1619 федеральных законов. Из них 252 федеральных закона имели одинаковый заголовок: «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Каковы основания для присвоения такому количеству нормативных правовых актов одинаковых заголовков? Видится несколько причин. Первая — пренебрежение правилами юридической техники. Поиск короткой и четкой формулировки заголовка нормативного правового акта требует определенных интеллектуальных усилий, но современным законодателям некогда этим заниматься. Проще присвоить закону безликий стандартный заголовок. Возражений ни у кого не последует.

Вторая причина связана с попытками законодателей замаскировать содержание нормативного правового акта, скрыть под заурядным наименованием проблему, которая может привлечь к себе внимание и вызвать дискуссию в обществе и в СМИ.

Третья причина — периодически возникающая потребность внедрить в законодательство положения, которые понадобились для решения текущих задач управления, причем сделать это как можно скорее. В первые годы после принятия Конституции РФ такие положения технически «подклеивались» к ближайшему законопроекту, находящемуся на стадии принятия. Но появление в тексте законов норм, не относящихся к предмету регулирования данного закона, бросалось в глаза и порождало ряд практических неудобств, например при кодификации подобного нормативного правового акта и при поиске заложенных в него посторонних норм. Тогда нашлось другое решение — стали формироваться комплексные по содержанию сборные законы, которые депутаты остроумно называют «братскими могилами».

В качестве примера можно привести Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федера-

ции»¹. Данный нормативный правовой акт содержит 35 статей, и практически все они посвящены разным, никак не связанным между собой вопросам. Именно так выглядит типичная «братская могила». На практике у законов такого типа выявилась еще одна особенность: они оказались замечательным инструментом для лоббирования, поскольку в «братской могиле» бессмысленно копаться, пытаясь выяснить, кто туда попал и на каком основании: никакой общей концепции, логики и единого предмета регулирования в таком законе нет по определению.

С точки зрения информационного подхода к праву очевидно, что принятие законов со стандартными безликими наименованиями опирается на использование электронных баз данных с развитыми системами поиска (без них эти законы невозможно найти). А если пользователь не имеет доступа к базе данных или не владеет технологией поиска правовой информации? Тогда перед ним выстраиваются в шеренгу все 252 федеральных закона с одинаковыми наименованиями: пожалуйста, ищите среди них тот, который вам нужен.

Запутывание структуры законодательства происходит тогда, когда изменения или дополнения вносятся не в первичный правовой акт, а в правовой акт, который ранее внес изменения. Подобного рода «пристройка флигелей к флигелям» крайне затрудняет пользователям определение последней редакции, в которой должен применяться нормативный правовой акт.

Современный законодатель должен стремиться к соблюдению принципа «одно изменение — один нормативный правовой акт». В этом случае в интеграции нормативного правового акта в правовую систему не возникнет каких-либо трудностей. В тех же случаях, когда изменения вносятся одновременно в несколько нормативных правовых актов (совсем исключить подобную практику невозможно), следует стремиться к тому, чтобы все эти изменения касались одного и того же предмета. В ходе последующих кодификационных работ акты об изменениях и дополнениях по мере утраты их значения должны переводиться в статус недействующих путем поглощения их крупными кодифицированными актами, утверждаемыми в новой редакции.

Представляется совершенно недопустимым, когда изменения не просто вносятся в изменения, а представляют собой «изменения, в изменения, в изменения», т.е. являются третьим уровнем изменений, внесенных в акты об изменениях. Приведем в качестве примера Федеральный закон от 6 ноября 2011 г. № 301-ФЗ «О приостановлении действия отдельных положений законодательных актов

¹ СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4359.

Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» и признании утратившими силу отдельных положений статьи 2 Федерального закона «О внесении изменения в статью 31 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и приостановлении действия отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2011 год и на плановый период 2012 и 2013 годов»¹. Принятие подобного рода нормативных правовых актов представляет собой, с нашей точки зрения, грубое нарушение правил юридической техники, крайне затрудняющее нахождение и систематизацию нормативных правовых актов.

Деформация структуры законодательного текста. Текст федерального закона подразделяется на статьи, имеющие некоторый привычный, устоявшийся объем: как правило, это не свыше страницы, в крайнем случае — полторы страницы. Такой объем статьи нормативного правового акта (НПА) основывается на возможностях оперативной памяти человека, он оптимален для того, чтобы несколько взаимосвязанных положений могли бы обрабатываться мозгом человека как некоторое единое целое.

В текущей практике законотворчества мы находим многочисленные факты отклонения от данного оптимального объема. В качестве примера можно привести некоторые статьи Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»². Так, например, ст. 62 «Предвыборная агитация» занимает пять страниц текста, ст. 85 «Порядок подсчета голосов» имеет 32 части и растянулась на 11 страниц и т. д. Удержать в памяти такое количество информации и эффективно работать с ней обычный рядовой человек не может. Очевидно, законодателю следует глубже продумывать структуру нормативных правовых актов, с тем чтобы не создавать статей-монстров, составляющих по объему отдельный самостоятельный нормативный-правовой акт.

Проблема соотношения нормативности и инструктивности. Завышенный объем статей нормативных правовых актов связан с другим системным дефектом законотворчества, который можно назвать «нарушением баланса нормативности и инструктивности закона».

Если взять в руки двухтомник «Законы СССР» и сравнить союзные законодательные акты с нынешними, российскими, бросается в глаза, что союзные нормативные акты выглядят как весьма компактные документы. Союзный законодатель не разменивается на

¹ СЗ РФ. 2011. № 45. Ст. 6331.

² СЗ РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

мелочи, он оставляет поле деятельности для законодательства союзных республик, подзаконных ведомственных актов и правоприменительной практики. Нынешний российский законодатель пошел по другому пути: он пытается порой избыточно реализовать свою правотворческую компетенцию, максимально детализировать законодательное регулирование и превращает законы в подробные описательные инструкции. Избыточная инструктивность законов отчетливо просматривается в избирательном законодательстве, а также ряде актов налогового, финансового, экологического, социального, пенсионного законодательства и др.

Может быть, изменилась эпоха, изменились общественные отношения, изменился и подход законодателя к их регулированию? На первый взгляд, некоторое расширение инструктивности российских законов соответствует общедемократическому требованию максимально регулировать отношения на уровне законов и сокращать подзаконное бюрократическое регулирование. На самом деле за этим стоят нечеткость в определении и использовании законотворческих полномочий, законодательная мелочность, непонимание законодателем рамок своей компетенции, необоснованная попытка раздвинуть эти рамки. Безусловно, оптимум нормативности и инструктивности неодинаков в различных отраслях законодательства и требует серьезного научного анализа.

5. Меняющееся соотношение нормативно-правового и технико-юридического регулирования — одна из проблем, нуждающихся в осмыслении. В ряде случаев техническое регулирование может заменять и даже вытеснять нормативно-правовое, оказываясь более простым, экономичным и эффективным. Поскольку современный человек живет в окружении мира техники, все чаще удовлетворяет свои потребности, используя разнообразные технические средства, данная тенденция, скорее всего, будет усиливаться.

Учитывается ли данное обстоятельство в законодательной практике? На наш взгляд, далеко не в полной мере. В 2000-е годы в нашей стране состоялась реформа технического регулирования, одним из результатов которой стало принятие Федерального закона «О техническом регулировании»¹. Данным Законом было установлено, что технические регламенты могут приниматься альтернативно в форме федерального закона либо постановления Правительства.

На наш взгляд, уже сама возможность «альтернативного регулирования» — теоретический и практический нонсенс. Ведь предметы регулирования законов и подзаконных правовых актов четко различаются: принятие федерального закона по предмету деятельности

¹ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

Правительства противоречит конституционному принципу разделения властей.

Не менее важно и то, что законы — это акты политического характера, которые принимаются в ходе законодательного процесса, имеющего политико-правовой характер. Акты технического регулирования имеют совершенно иную природу. Они основываются на достижениях науки и техники и являются результатом консенсуса профессионалов, работающих в данной сфере. Оживленные дискуссии в пленарном заседании Государственной Думы, например вокруг правил разработки, принятия, применения и исполнения требований к продукции, зданиям и сооружениям, процессам проектирования, производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, внесения депутатами поправок, изменений и дополнений в указанные технические нормы, вызвали бы недоумение ученых и практиков и иронию средств массовой информации.

Реальные итоги указанного законодательного эксперимента выглядят следующим образом. С 2002 года было принято в форме федеральных законов семь технических регламентов, из них действуют полностью или частично четыре, отменены три. В настоящее время компетенция по принятию единых актов технического регулирования передана в соответствующие структуры Таможенного союза. Можно было бы и забыть о неудачной попытке реформирования технического регулирования, если бы не чувствительный урон, который был нанесен авторитету российского законодателя.

III

С точки зрения информационного подхода к праву несколько по-новому видятся подходы к задачам, организации и технологиям систематизации и кодификации законодательства.

Назревшая кодификация российского законодательства будет проходить в принципиально новых условиях широкого функционирования электронных документов, правовых баз данных, наличия открытого и закрытого электронного документооборота и т.д. Поэтому в организации систематизации и кодификации наряду с опытом прошлых лет должны активно использоваться возможности современных информационно-коммуникационных технологий.

Полагаем необходимым обратить внимание на следующие принципиальные моменты.

1. Современная систематизация и кодификация законодательства должна вестись в основном в электронной форме. Систематизационные операции на бумаге должны быть сведены к минимуму.

2. Необходимо разработать и принять федеральный закон о кодификации и систематизации, который определил бы задачи и полномочия участников процесса и порядок взаимодействия между ними. Процесс систематизации и кодификации законодательства должно взять под свой контроль и защиту первое лицо в государстве, в противном случае осуществление систематизационных процедур встретит многочисленные препоны, упрется в формальные препятствия и, скорее всего, будет остановлено влиятельными бюрократическими структурами.

3. На начальной стадии систематизации, а именно: при составлении списков действующих НПА; выявлении НПА, фактически утративших юридическую силу; внесении предложений об объединении НПА или, наоборот, их разделении; упорядочении наименований НПА; устранении замеченных технических ошибок; подготовке инкорпорированных или консолидированных проектов НПА на основе актов действующего законодательства — необходимо задействовать не только государственные организации, но и имеющие необходимый опыт коммерческие структуры: «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и другие.

4. В процессе кодификации массив действующего законодательства необходимо пройти насквозь, для того чтобы снять препятствия и создать предпосылки для использования современных информационно-коммуникационных технологий: электронного документооборота, цифровой подписи, блокчейна, искусственного интеллекта, смарт-контрактов, электронного арбитража и т.д. Правовые процедуры должны учитывать возможность их альтернативного осуществления как в обычной, традиционной, так и в электронной форме. НПА в цифровой среде также неизбежно существенно изменится, поменяет свои конституирующие признаки¹.

5. В ходе предстоящей систематизации законодательства необходимо завершить переход на электронное официальное опубликование НПА, сделать электронную форму опубликования первичной, а опубликование печатным типографским способом — вторичным, подчиненным. Решение этой задачи потребует обширного комплекса мероприятий, которые подробно разработаны в соответствующем монографическом исследовании².

6. В процессе предстоящей кодификации необходимо модернизировать систему текущей кодификационной обработки принимаемых нормативных правовых актов. Существующая система сложи-

¹ См.: *Исаков В.Б.* Юридическая техника электронных нормативных правовых актов // *Юридическая техника.* Т. 2 / под ред. В.М. Баранова. М.: Изд-во Юрайт, 2016. С. 103–120.

² См.: *Электронное официальное опубликование: История, подходы, перспективы.* М.: Формула права, 2012.

лась в бумажный период и не отвечает современным требованиям. Суть необходимого изменения заключается в том, что вся кодификационная обработка нормативного правового акта как базовой единицы правовой информации должна производиться централизованно, как правило, органом, принявшим данный акт. На практике это означает, что по каждому закону, вносящему изменения и дополнения в законодательство, должно производиться не одно, а два голосования: одно — по проекту закона, вносящему изменения и дополнения, второе — по тексту всего нормативного правового акта в новой редакции. Соответственно, публиковаться (в электронной форме) и одновременно вступать в силу будут два закона: принятый закон об изменениях и дополнениях и действующий нормативный правовой акт в новой редакции. Такой порядок позволит ликвидировать дублирование, устранить чересполосицу в кодификационной обработке, избежать ошибок, возникающих в процессе децентрализованной кодификационной обработки, создаст предпосылки для перехода к непрерывной кодификации законодательства.

7. Представляется назревшим перевод законотворческой деятельности в режим непрерывной кодификации, т.е. принятия основного массива новых законодательных актов в форме изменений и дополнений в крупные кодифицированные правовые акты, не эпизодического, а непрерывного проведения работ по систематизации и кодификации законодательства. При этом необходимо продумать способы противодействия политической стихии, порождающей принятие случайных, популистских, несистемных нормативных правовых актов, ломающих и запутывающих действующее законодательство.

8. Как уже отмечалось, должны быть приняты эффективные меры для прекращения стихийного неконтролируемого роста законодательства, вплоть до установления плановых заданий министерствам и ведомствам по концентрации и сокращению объема правового регулирования, а для законодательных органов — по подготовке регулярных публичных докладов о сокращении количества действующих нормативных правовых актов на основе их систематизации и кодификации.

9. Процедура систематизации и кодификации предполагает в качестве важных элементов уточнение законодательных полномочий всех участников законодательного процесса, а также механизма их взаимодействия и создание системы контроля (мониторинга) состояния правовой среды. В противном случае огромная работа, проделанная по упорядочению и систематизации законодательства, начнет размываться и терять содержание уже на следующий день после ее завершения.

10. Реализация задач кодификации российского законодательства требует довольно плотного и постоянного научного сопровождения, включающего в себя разработку оперативных корректировок к проекту, изменений и дополнений, решение возникающих прикладных и фундаментальных теоретических проблем. Практика кодификационных работ неизбежно потребует подтянуть юридическую науку на уровень решаемых задач, в частности создать задел опережающих научных исследований. Правовая инженерная мысль должна предвирать текущие события, а не плестись у них в хвосте.

В Российской Федерации в настоящее время имеются необходимые научные силы для научно-теоретической и практической поддержки масштабных кодификационных работ. Это прежде всего научные и научно-исследовательские учреждения: Институт государства и права РАН, другие профильные институты Академии наук, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, российские учебные заведения высшего профессионального образования, начиная с Правовой академии Минюста России. К сожалению, за время реформ, начавшихся в 90-х годах XX в., связи юридической науки с практикой законотворчества, систематизации и кодификации законодательства в значительной степени ослабли. В силу невостребованности исчезли многие научные школы в теории права и в отраслях законодательства. Ученые-юристы утратили вкус к постоянному деловому сотрудничеству с органами законодательной и исполнительной власти по вопросам систематизации и кодификации законодательства. В случае реализации новой масштабной программы осуществления кодификационных работ отношения между юридической наукой и практикой придется восстанавливать и укреплять.

ДОКТРИНА РАЗУМНЫХ ОЖИДАНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Х.И. Гаджиев

И ндустриальное общество, пришедшее на смену аграрному, отражало во многом очевидные тенденции и стремления к более быстрому развитию, связанному в первую очередь с зарождением новых технологий, требующих преодоления социальных противоречий путем революций, с движением к свободе и равенству, с желанием надежных гарантий защиты прав человека. Создание и ускоренное развитие цифровых технологий предусматривали образование государственных институтов на более совершенной основе, вписывающихся в представления глобального миропорядка, устремленного к новому типу социальной организации общества — постиндустриальному, которому присущи сбор, обработка данных, управление благодаря анализу огромных потоков информации. Даниел Белл в 1980 г. издал книгу «Социальные рамки информационного общества»¹, в которой раскрыл перспективы постиндустриального развития, утверждая, что в новых обстоятельствах информация решает все, становясь источником власти, наличие же доступа к ней служит условием свободы. Он также считал, что знание и информация являются стратегическими ресурсами, важным фактором трансформации постиндустриального общества². Высказанные ученым идеи, хотя и перекликаются с мыслями Харари Юваль Ной, автора таких известных бестселлеров, как «Краткая история человечества», «Краткая история завтрашнего дня» и «21 урок для XXI века», но в то же время

¹ См.: *Bell D. The social Framework of the information society. Oxford. 1980.*

² См.: *Белл Д. Социальные рамки информационного общества. Новая технократическая война на Западе: сб. ст. М., 1986. С. 330.*

отмечены постановкой новых проблем нынешнего времени. Харари замечает, что «хотя нейробиология показывает нам, что не существует такой вещи, как свобода воли, в практическом плане это имело смысл, потому что никто не мог понять и манипулировать вашими самыми сокровенными чувствами. Но теперь слияние биотехнологии и информационной технологии в нейробиологии и способность собирать огромное количество данных на каждого человека и эффективно их обрабатывать означают, что мы очень близки к тому, что внешняя система может понять ваши чувства лучше, чем вы. Мы уже видели это в последней эпидемии фальшивых новостей»¹. Д. Белл, словно предвидя зигзаги развития, предупреждал, что как бы не называли общество будущего — постиндустриальным, обществом знаний, технотронной эрой или активным обществом — его особенностью будет требование более совершенного социального управления и более широкого использования экспертных оценок². Общество, как предвосхищал события Д. Белл, будет сталкиваться с проблемами, которые имеют тенденцию усложняться, поэтому необходимо объединение усилий на основе доброй воли. Он предупреждает в названной статье о возможных отрицательных последствиях компьютеризации, ссылаясь на угрозы полицейского и политического наблюдения за индивидом с использованием информационных технологий³.

Сложности, с которыми сталкиваются страны, касающиеся защиты частной жизни и персональных данных в век цифровых технологий, полностью соотносятся с мыслями Д. Белла, его отношением к роли информации в постиндустриальном обществе. По точному определению Д. Белла, информация — это власть, а доступ к ней условие свободы... вопрос контроля за использованием огромного количества данных — важнейший факт будущего свободного общества⁴.

Говоря о защите частной жизни и конфиденциальности, следует заметить, что юридическое понятие конфиденциальности не было провозглашено до тех пор, пока Сэмюэл Д. Уоррен (Samuel D. Warren) и Луи Д. Брэндайс (Louis D. Brandeis) не опубликовали свою знаменитую статью «Право на частную жизнь» (1890 г.). Они выражали обеспокоенность, что современные технологии, а именно недавно изобретенная портативная камера и быстрое развитие печатных СМИ позволят выявлять нежелательные подробности личной жизни простых людей: мгновенные фотографии и печать про-

¹ The Guardian, Yuval Noah Harari. The idea of free information is extremely dangerous. 2018.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Akademia, 2004. С. 357.

³ Там же. С. 340.

⁴ Там же.

никили в самые значимые для человека места частной и семейной жизни, а многочисленные механические устройства угрожают оправдать предсказание о том, что то, «о чем кто-то шепчет в шкафу, становится общеизвестным»¹. С начала развития технологий стали актуальными анализ и новый взгляд на доктрину частной жизни: от сомнения относительно прослушивания телефонных разговоров в начале XX в. до широкой дискуссии о массовом наблюдении, сборе и обработке метаданных в начале XXI в. В 1966 году судья У. Дуглас (W. Douglas) в особом мнении по делу *Osborn v. United States* предупредил о том, что общество очень быстро вступает в эпоху отсутствия конфиденциальности, где каждый доступен для ведения за ним наблюдения, где нет тайн от правительства². Технологические возможности сейчас более изощренные, нежели в период написания данного мнения. Широкая экспансия Интернета представляет собой новую степень интенсивности в отношении старой проблемы.

Понятие «разумные ожидания конфиденциальности» широко используется в практике Европейского Суда по правам человека, но пришло оно в Европу из США, где было применено впервые в деле *Katz v. United States*³. Данное дело касалось использования ФБР специальных устройств для подслушивания беседы о незаконных азартных играх подозреваемого, которые он вел из общедоступной телефонной будки. Как подчеркнул Верховный Суд, человек в телефонной будке может рассчитывать на защиту согласно Четвертой поправке к Конституции США не меньше, чем человек в офисе, квартире или такси. «Тот, кто платит пошлину и закрывает за собой дверь, что позволяет ему сделать звонок, несомненно, вправе предполагать, что слова, которые он произносит в микрофон, не будут переданы всему миру». Критерии, введенные в качестве концепции разумных ожиданий, были сформулированы в названном деле судьей Харлан следующим образом: во-первых, человек выступает в роли субъекта, действительно имеющего разумные ожидания; во-вторых, данные ожидания общество готово признать как обоснованные. Человек не может ожидать конфиденциальности от инстанции, которая предполагает раскрытие информации о нем для общественности. Такое обоснование позволяет суду рассматривать человека как предполагающего, что сообщаемая им информация может стать известной уполномоченным на то органам власти.

Представляется интересным в связи с этим высказанные В.В. Лазаревым идеи о том, что «о разумности и неразумности можно гово-

¹ Warren and Brandeis, the right to Privacy, 4 Harv. L. Rev. 193 (1890).

² См.: *Osborn v. United States*, 385 U.S. 323 (1966).

³ См.: *Katz v. United States*, 389 U.S. 347 (1967).

речь по отношению к тому, что регулируется правом, по отношению к тем жизненным отношениям, которые могут складываться разумно или неразумно. «Отсвет неразумности» может падать на право, если оно поддерживает, охраняет неразумные отношения (объявление родителями тех, кто по определению биологически не мог быть родителем), но по большому счету все опять упирается в волю творца права»¹.

Анализ накопленного человечеством опыта показывает, что важно поддерживать пропорциональность между разумными ожиданиями защиты конфиденциальности и развитием законодательства и правоприменения, которые не должны и не способны остановить технологический прогресс, а желаемая картина выражается в сочетании стимулирования технологического развития с защитой частной жизни и персональных данных. Таким образом, необходим основанный на человеческом разуме баланс между защитой указанных ценностей и потребностями растущих цифровых технологий. Однако при использовании последних следует учитывать соблюдение соразмерности с возможностями человеческого разума.

В литературе обоснованно отмечалось, что постоянное наблюдение приводит к «предварительному соответствию», где риск видимости влечет ситуацию, когда человек корректирует свое поведение сообразно «нормативным стандартам наблюдателя»². Используемые современные технологии, в особенности для наблюдения, предоставляют широкий спектр цифровых средств для манипулирования социальным поведением и, как следствие, для воздействия на социальные ценности, в частности на личную жизнь³. Можно сказать, что применяемые методы воздействия на поведение человека — это не только вмешательство в право человека на уважение его частной жизни, но и нарушение его разумных ожиданий неприкосновенности личной жизни. Существует непосредственная связь между разумностью восприятия реального состояния и анализа ее динамичного развития и четкого определения ожиданий, что особенно важно для законодателя с точки зрения ясности и предсказуемости предлагаемых правовых норм. Цифровые технологии способны путем манипуляций вызывать неопределенность ожиданий, что является результатом влияния на сознание людей. Частная жизнь уязвима при воздействии крупных институциональных субъектов, а шкала ожиданий может реально снизить степень ее защиты, которую судьям

¹ Лазарев В.В. Об органичности для права разумности и определенности. Рецензия на книгу Н.А. Власенко // Журнал российского права. 2015. № 3. С. 144.

² См.: Zuboff S. In the age of the smart machine — The future of work and power. Oxford: Heinemann, p. 345.

³ См.: Marx G.T. La société de sécurité maximale. Deviance et société. 1988. P. 166.

сложно будет представить. Уровень ожиданий конкретного общества в отношении неприкосновенности частной жизни непосредственно служит эталоном, стимулирующим либо ослабляющим действия по совершенствованию законодательства. Восприятие технологий, основанное на здравом смысле, позволяет избегать явных нарушений в соразмерности и поддерживать баланс.

В Европе конфиденциальность защищена ст. 8 Европейской Конвенции по правам человека и ст. 7 и 8 Хартии Европейского Союза об основных правах. Названная защита гарантируется практикой Европейского Суда по правам человека (далее — Суд) и Судом ЕС. В деле *Lüdi v. Switzerland* Суд определил, что вовлеченное в преступную деятельность (незаконный оборот наркотиков) лицо меньше рассчитывает на неприкосновенность частной жизни, чем обычный человек. В этом деле полиция тайно установила технические устройства для получения доступа к дому истца и записи его разговоров. Кроме того, заявитель обещал продать внедренному сотруднику полиции наркотическое вещество в виде кокаина. Суд решил, что истец, участвуя в преступной деятельности, предполагал, что возможно вмешательство в его частную жизнь путем тайной полицейской операции (постановление от 15 июля 1992 г., § 40).

Считается, что Суд применил в полном объеме доктрину разумных ожиданий в деле *Halford v. The United Kingdom*, отметив отсутствие каких-либо доказательств того, что заявительнице было сделано предупреждение о возможности перехвата ее телефонных звонков. Пользователь внутренней телекоммуникационной системы, действующей в полицейском управлении, не предполагала, что телефонные звонки, совершенные на рабочем месте, могут быть прослушаны. Таким образом, по мнению Суда, заявительница имела право ожидать уважения конфиденциальности (постановление от 25 июня 1997 г., § 45). В другом деле — *Copland v. The United Kingdom* Суд сослался на рассматриваемую доктрину, установив, что при отсутствии какого-либо предупреждения сотрудница колледжа имела разумные ожидания относительно конфиденциальности используемой ею электронной почты и Интернета (постановление от 3 апреля 2007 г., § 42).

Представляется интересным также ряд весьма значительных для развития практики Суда дел, анализ которых раскрывает его подходы к рассмотрению дел о защите частной жизни. К примеру, дело *P.G. and J.H. v. The United Kingdom*, которое модерировалось с учетом разумных ожиданий в европейской юриспруденции. Данное дело касалось скрытых подслушивающих устройств, установленных в месте жительства В., получения данных об использовании телефона в его квартире и скрытых подслушивающих устройств в полицейском

участке. Суд решил, что названные факты нарушили § 2 ст. 8 Конвенции, поскольку описанное вмешательство не было предусмотрено законом. В данном деле Суд подчеркнул, что само понятие «частная жизнь» — довольно широкое и не поддается исчерпывающему определению. В указанном постановлении описываются интимные моменты личной жизни человека, которая находится под защитой ст. 8 Конвенции, включая право на идентичность и личное развитие, установление и поддержание отношений с другими людьми. Частная жизнь может включать в себя деятельность профессионального характера. Имеются области взаимодействия человека с другими людьми в публичном контексте, которые также могут подпадать в сферу частной жизни. Далее в решении подчеркивается, что, поскольку имеются случаи, когда люди преднамеренно участвуют в деятельности, которая может быть зафиксирована публично, разумное ожидание человека в отношении конфиденциальности может быть значительным, хотя и не обязательно решающим фактором (*P.G. and J.H. v. The United Kingdom*, постановление от 25 сентября 2001 г., § 56–57).

В деле *Perry v. The United Kingdom* суд повторил подход, использованный в предыдущем деле, указав, что частная жизнь — общее понятие, не поддающееся исчерпывающему определению, имеющее много аспектов. Частная жизнь человека может быть связана с мерами, оказывающими влияние вне его дома или частных помещений. Разумные ожидания лица в отношении конфиденциальности являются значительным, но не обязательно решающим фактором (постановление от 17 июля 2003 г., § 36–37).

В деле же *Uzun v. Germany*, касающемся слежки за заявителем и его соучастником, которые подозревались в совершении преступлений, речь шла об установке системы GPS в автомобиле, которым они пользовались. Суд не нашел нарушения ст. 8 Конвенции, подчеркнув, что действия властей соответствовали закону и были необходимы для обеспечения общественной безопасности и предупреждения преступлений. Сославшись на подход в деле *Perry v. The United Kingdom*, Суд вновь отметил, что разумные ожидания конфиденциальности могут быть значительным, хотя и не решающим фактором при определении того, затрагивают ли личную жизнь человека меры, предпринимаемые вне дома или частных помещений (постановление от 2 сентября 2010 г., § 44).

Изложенная практика показывает, что разумные ожидания рассматривались вначале в качестве эффективной доктрины, способствующей расширению применения ст. 8 Конвенции в целях надежной защиты частной жизни. Однако, начиная с дела *P.G. и J.H. v. The United Kingdom*, они отошли на второй план, что подтверждается выводами Суда, изложенными в постановлении *Uzun v.*

Germany. Можно согласиться с тем, что разумные ожидания не всегда имеют решающее значение при принятии решения по ст. 8 Конвенции, хотя, как показало дело *Benedik v. Slovenia*, указанная доктрина сохраняет свои свойства как важный инструмент, к которому могут обращаться в целях надежной защиты частной жизни в век цифровых технологий. Отметим, что дело *Barbulescu v. Romania*, в котором доктрина разумных ожиданий только упоминалась, связано с увольнением заявителя после проверки его электронных сообщений, в основном через его учетную запись Yahoo Messenger, которую ему было поручено создать для общения с клиентами. Было установлено, что он использовал Интернет в личных целях в течение рабочего дня в нарушение внутренних правил. Суд не прояснил вопроса относительно того, имел ли заявитель разумные ожидания неприкосновенности личной жизни, и были ли четкие инструкции работодателя, касающиеся запрета на любую личную деятельность на рабочем месте, и посчитал, что инструкции работодателя не могут полностью исключить личную социальную жизнь на рабочем месте (постановление от 5 сентября 2017 г.). В деле *Benedik v. Slovenia* заявитель пользовался анонимностью, поскольку динамические IP-адреса могут быть связаны с личностью только в том случае, если они специально раскрыты поставщиком услуг после соответствующего запроса. Ожидания заявителя в отношении его частной жизни были законными, несмотря на абсолютно незаконный характер его деятельности. Суд решил, что закон, по которому оспаривается предпринятая мера, т.е. получение полицией информации о подписчике, связанной с данным динамическим IP-адресом, не имел достаточной ясности в отношении гарантий против произвольного вмешательства в осуществление прав по ст. 8 Конвенции. В особом мнении судья Вахабович (*Vahabovic*), оспаривающий доводы постановления, сообщил о своем несогласии с тем, что субъективный взгляд заявителя на его ожидание неприкосновенности частной жизни должен приниматься во внимание тогда, когда рассматривается преступная деятельность. Почти во всех случаях виновные не хотели, чтобы их действия становились известны другим лицам. Такого рода ожидание неприкосновенности частной жизни не является разумным, если оно основано на незаконном или даже преступном намерении. Ожидание сокрытия своей преступной деятельности не следует рассматривать как разумное. Что касается разумного ожидания защиты частной жизни, заявитель обменивался файлами, в том числе содержащими детскую порнографию, через общественную сеть, которая была доступна другим пользователям. Следовательно, он знал или должен был знать, что его действия не носят анонимного характера. Таким образом, заявитель не стремил-

ся к сокрытию своей деятельности на момент совершения преступления (постановление от 24 апреля 2018 г.).

В Общем регламенте по защите данных, направленном на усиление и унификацию защиты персональных данных (вступил в силу 25 мая 2018 г.), представлена новая доктрина разумных ожиданий субъектами данных, основанных на отношениях с контролером. Саму доктрину в указанном Регламенте можно сравнить с разумными ожиданиями в других областях права, например в законодательстве о защите прав потребителей, договорном или административном праве. Введенная доктрина была в целом положительно воспринята адвокатами защиты данных, хотя не обошлось и без возражений. По мнению критиков, правовая защита обусловлена ожиданиями людей в отношении неприкосновенности частной жизни, но эти ожидания в значительной степени формируются непосредственно самой правовой защитой. В литературе отмечалось, что в определенных ситуациях существуют нормативные и практические аргументы, снижающие достоинства этой доктрины. В то же время разумные ожидания в отношении защиты частной жизни сохраняют свою силу, направляющую движение права. Следует признать, что они не всегда отличаются определенностью и порой судам сложно руководствоваться ими. Тем не менее общество заинтересовано в их эволютивном развитии, позитивно влияющем на законодательство и правоприменение.

ПРАВКУЛЬТУРНЫЕ МЕМЫ В ОБЩЕСТВЕ ПРОГРАММИРУЕМЫХ КОММУНИКАЦИЙ

М.М. Баранова

Иntenсивное развитие технологий, внедрение достижений науки в повседневный быт человека, возможность общения в режиме реального времени на больших расстояниях, ускорение темпа жизни затронули все сферы современного бытия и во многом обусловили трансформацию общественных отношений. Право, являясь порождением социума, чутко реагирует на подобные изменения, подстраиваясь, а порой пытаясь опередить следующие шаги эволюции. В глобализованной реальности право действует иначе, а социум требует более креативных и действенных путей упорядочения отношений, распространения правовой информации, ее актуализации. Граждане по-прежнему нуждаются в правовой регламентации, но специфика проявляющего себя в интенсивно развивающихся государствах постиндустриального общества предлагает новое видение места и роли права, особенностей его восприятия.

Даниел Белл, обращаясь к проблеме социального прогнозирования, справедливо указывал, что постиндустриальное общество проходит процесс активного, эффективного построения и представляет собой «социум, где индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль под воздействием возрастающей технологизации, где основной производственной силой станет наука, потенциал же всякого общества будет измеряться масштабами той информации и тех знаний, которыми оно располагает»¹. В таких государствах постепенно осу-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 20.

шестьвляется переход от производства товаров к экономике услуг. При этом индустриальный сектор отступает на второй план, пропускающая вперед образованный и владеющий специальными навыками и умениями технический класс. Профессионалы высокого уровня выходят на первый план, значимыми становятся умения и навыки в системе, наукоемкие, чистые производства приходят на смену привычной индустрии, основанной на переработке и потреблении природных ресурсов. Знания превращаются в капитал, позволяющий генерировать нововведения, влиять на формирование политики в государстве, избирать приоритетные пути развития. Распространение информации для осуществления сложных коммуникаций, в том числе удаленных, требует разработки и быстрого внедрения технологий, а сама информация становится ценным ресурсом, замещающим сырьевой или индустриальный. Постиндустриальное общество базируется на научных изысканиях, придавая науке в целом новый смысл — основной производственной силы, обеспечивающей стабильное поступательное развитие социума. Саморегулирование как значимая сила проходит интенсивное становление именно в рамках построения постиндустриальных обществ.

В этих условиях формируется общество программируемых коммуникаций, в котором потоки информации посредством компьютерных систем передаются с высокой скоростью на большие расстояния, обеспечивая взаимовлияние правовых культур. На смену средствам массовой информации приходят коммуникационные сети, требующие для поддержания качественного, устойчивого прямого и обратного контакта постоянного совершенствования программного обеспечения. Скорость передачи информации многократно возрастает, упрощается ее получение, информационные единицы архивируются, сжимаются в мемы, обмен которыми позволяет распространять идеи, популяризировать инновации, осуществлять мониторинг мнений, восприятия в публичной сфере. Жизненные процессы общества ускоряются и трансформируются, что влияет на воспроизведение культурных единиц, принятие или отказ от культурных универсалий, в том числе и в сфере права. Не случайно Макс Вебер в связи с этим говорил о возможности реформатирования культурных кодов через достижение конвенциональных договоренностей, что в равной степени справедливо для политической, социальной и собственно правовой реальности. Правокультурное наследие транслируется в форме неких единиц информации, мемов-идей. В работе «Эгоистичный ген» Ричард Докинз впервые ввел в научный оборот понятие «мем-идея», под которым предлагал понимать единицу передачи культурного наследия (единицу имитации), способную передаваться от одного мозга

к другому¹. Мем-идеи присущи правовой культуре, долговечны, распространяемы, широко и довольно точно копируемы. Они способны детерминировать и формировать представление граждан о праве и правовой реальности, влиять на уровень правовой культуры и правосознания. Мемы довольно устойчивы. Обращая внимание на качество выживаемости мемов, Р. Докинз отмечал их долговечность, плодовитость и точность копирования².

Понятными и легко опознаваемыми мемами в различных интерпретациях стали изображение листа конопли, трех богатырей, элементов религиозной символики. Для восприятия предлагаемого образа, сопровождаемого текстом и несущего сжатый посыл, необходима причастность к культуре общества или субкультуре общности, где генерируется и распространяется мем. Например, мем с рекламным слоганом Reebok в России «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо» вызвал зимой 2019 г. непонимание и бурю негодования³. Активная позиция рекламного лица этой компании — известного блогера в отстаивании прав женщин отошла на второй план, поскольку форма и содержание предложенного креатива противоречили представлениям большинства о допустимом и этичном, а также рекламному законодательству Российской Федерации. Вслед за этим ресторан «Тануки» разместил в социальных сетях рекламу к празднику 14 февраля: «Твоя девушка сегодня вечером» с изображением двух девушек. Одна из них с пышными формами «после похода в «Додо пиццу», другая — стройная и внешне более привлекательная — «после похода в «Тануки». Рекламопотребители высказали возмущение относительно тиражирования мема, содержащего нелицеприятное и даже оскорбительное сравнение не в пользу девушек крупного телосложения. Вместе с тем рекламный посыл был воспринят как завуалированный намек на конкурента ресторана «Тануки» — пиццерию «Додо пицца», что недопустимо в соответствии с рекламным законодательством⁴. И в первом, и во втором случаях распространение информации привело к негативным последствиям, в том числе правовым. Мемы часто связаны с правом, обусловлены им, детерминируют изменения в праве, влияют на правосознание и правовую культуру, являются частью этой правовой культуры. Таким образом, можно говорить о феномене «правовокультурные мемы» как о единицах передачи правового культурного наследия, т.е. о сжатой до легко воспринимаемого образа единицы

¹ Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2018. С. 295.

² Там же. С. 298.

³ URL: <https://news-24.ru/2019/02/14/neumestnyj-kreativ-set-tanuki-peregnula-s-provokatsionnostyu/>

⁴ URL: <https://memepedia.ru/peresjad-s-igly-muzhskogo-odobreniya/>

правовой информации, способной передаваться от одного мозга к другому.

Особое значение в связи с этим приобретает наличие новых каналов распространения информации, специальных форм воздействия, поддерживающих в обществе программируемых коммуникаций должный уровень правовой культуры, правосознания. Технологизация жизни позволяет осуществлять обмен информационными единицами, мемами-идеями, культурными кодами, правовыми универсалиями, причем этот диалог публичен и открыт. Интернет справляется с задачей распространения и обмена информации, но порой приводит к одержимости репрезентацией как самоцелью. Возникает примитивизация понимания и роли права, на первый план выходит его утилитарное восприятие. Люди все больше склоняются к пассивному потреблению готовой информации, не прилагая усилий к ее оценке, обработке.

Справедливости ради следует отметить, что подобные проявления имели место на разных этапах развития общества, сохраняются в модернизированном виде и сейчас. Характеризуя специфику социума, Д. Белл говорил о сосуществовании различных типов общества¹. Доиндустриальное общество, по его мнению, характеризовалось в первую очередь интенсивным освоением человеком природы, и коммуникация строилась по типу «человек — природа». Индустриальное общество предполагало капиталистический уклад и коммуникацию «человек — преобразованная природа», а постиндустриальное общество должно привести к социализму и преобладанию коммуникации «человек — человек». Анализ реалий жизни социума действительно позволяет предположить некоторую условность подобного деления на типы, поскольку отдельные признаки доиндустриального, индустриального и постиндустриального общества сосуществуют одновременно в элементах единой системы.

Проявления и уровень технологизации в настоящее время указывают на ключевые признаки постиндустриального общества. Реалии современного бытия изобилуют примерами не только обмена информацией посредством коммуникационных сетей, но и появления нового типа коммуникации «человек — высокая технология», что позволяет предположить перспективное существование «постпостиндустриального общества». Весьма интересен пример обращения в суд слабовидящего американского гражданина с иском к сайтам издания Playboy. Взаимодействие с интернет-ресурсами не позволило ему в полном объеме воспользоваться предоставленными продук-

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 23.

тами, услугами, возможностями, что послужило основанием воспринять это как нарушение законодательства США об инвалидах¹. Также примечательно открытие в Японии отеля, персонал которого состоял преимущественно из высокотехнологичных роботов. Вскоре после громкой PR-компании половина роботов была «уволена» в связи с недостаточной эффективностью (нерасторопностью, неумением понимать и предугадывать нужды постояльцев, быстро реагировать на проявления человеческих эмоций)². И в первом, и во втором случае воплощение режима законности в реальных отношениях, т.е. правопорядок, будет достигаться на основе действующего в государстве права, но новыми средствами и в новых обстоятельствах.

Можно предположить, что с течением времени будут выработаны четкие и эффективные механизмы сложного взаимодействия человека с высокими технологиями, но уже сейчас видна тенденция к формированию элементов «пост-пост-индустриального общества», где коммуникация будет строиться в том числе по типу «высокая технология — высокая технология». Исключит ли такая модель правового взаимодействия человека как субъекта, неизвестно. Однозначной останется необходимость достижения взаимопонимания и согласия при правовой регламентации отношений. Новые люди, новые технологии, новый тип восприятия информации, новые формы и каналы воздействия не изменят базовой необходимости упорядочения отношений, востребованности в социуме правомерного поведения, продуманного выстраивания коммуникативного действия, «ориентированного на достижение взаимопонимания и согласия»³.

Общество программируемых коммуникаций обуславливает особые черты взаимодействия в сфере правового регулирования:

во-первых, этот процесс опосредуется построением сложных системных коммуникаций между субъектами регулируемых правом общественных отношений (коммуникационные сети);

во-вторых, планомерная, целенаправленная, должная реализация нормативных установлений осуществляется с опорой на цифровые носители (программное обеспечение, компьютерные системы);

в-третьих, субъекты воздействия нормативных установлений осведомляются о трансформации государственных властных велений, обмениваются опытом возможных моделей правового поведения через средства массовой коммуникации (потoki информации);

¹ URL: <https://ria.ru/20181129/1533958569.html>

² URL: https://www.1tv.ru/news/2019-01-17/358865-yaponskiy_otel_uvolyaet_zaneeffektivnost_robotov_i_snova_nanimaet_lyudey?start=auto

³ См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000 // <https://cyberleninka.ru/>

в-четвертых, адресаты нормативных предписаний могут выбирать не только возможную модель правомерного поведения, но и удобный и доступный источник получения правовой информации для последующей защиты или реализации субъективного права, выполнения юридической обязанности (возможность выбора информационных каналов);

в-пятых, широта охвата потенциальной аудитории норм права, возможность общения в правовом поле удаленно детерминируют правокультурный обмен, влекущий за собой элементы рецепции, конвергенции; процессы правовой аккультурации и правовой инкультурации протекают иначе (взаимовлияние правовых культур);

в-шестых, сжатие правовой информации до легко воспринимаемых и усваиваемых сознанием индивидов образов, идей, «правокультурных кодов», «культурных универсалий» типично для глобализованных общностей и позволяет внедрять желаемые юридически значимые установки, подготавливать процесс изменения или рефрейминга значения социальных феноменов и стереотипов поведения при регламентации общественных отношений (обмен мемами).

Правокультурные мемы различного уровня и генеза присутствуют в жизни современного социума, особо среди них выделяются:

- нормативные правовые акты в электронной среде;
- нормативная составляющая в интерпретационном акте;
- рецепция элементов иных правовых систем;
- идеологизация правового регулирования;
- дробление правовой регламентации;
- формализация правовой среды;
- правокультурные единицы, получившие устойчивое словесное, знаковое выражение: «достаточная степень точности», «чувства верующих», «человек со средними умственными способностями», «моральные страдания», «общепринятые моральные ценности».

Сегодня новая технологизированная реальность детерминирует модернизацию всех сторон жизни общества. Отказ от достижений прогресса в обозримой перспективе невозможен и нецелесообразен. При этом любые новации — плод креативной деятельности человека по преобразованию бытия и именно человек, его интересы, потребность в безопасности, защищенности, упорядоченности жизни должны обладать первостепенной значимостью. В обществе программируемых коммуникаций представление о законе, правовой регламентации обретает новые черты. Средства, способы, каналы распространения правовой информации постоянно модернизируются. Сложно предсказать с точностью и уверенностью, каким будет мир в отдаленной перспективе. Не случайно Даниел Белл, обращаясь к проблемам грядущего постиндустриального общества, настаивал

на необходимости различать прогнозирование и предсказание. Будущее для него — термин относительный и этим особенно ценный. «Социальная футурология», по мнению Даниела Белла, пронизана и обусловлена представлениями о существующих и возможных способах и приемах воздействия науки и технологий на общество, что во многом определяет наше понимание специфики, роли права и человека в грядущем. Право и закон в обществе программируемых коммуникаций обретают новые черты, отвечая на вызовы времени, приходя в соответствие с запросами глобализованного, быстрого, пронизанного многоуровневыми, сложными, высокотехнологичными связями мира. Неизменной остается глобальная потребность социума в праве как основе упорядоченного бытия. Правокультурные мемы в этих условиях являются уникальным средством передачи правовых универсалий широкому спектру лиц в максимально сжатой, образной и доступной форме, позволяют повышать уровень правосознания и правовой культуры граждан.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПОЗНАНИЯ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.А. Денисов

Исследования постиндустриального общества внесли важный вклад в теорию периодизации обществ. Они дают возможность увидеть образцы применения общих методов познания, пригодных для изучения правовых систем мира и России. А. Турен говорит о типах культуры и общества, о смене одной культуры другой, более эффективной¹. Эту теорию можно положить в основу типологизации правовых систем, отделив традиционные правовые системы от современных (модерн) и постсовременных (постмодерн), и на этой основе попытаться найти место правовой системы России в системе современных координат.

В нашей стране предпринимаются попытки приспособить идеи постиндустриального общества для характеристики существующего в стране общества, государства и права и даже доказать, что Россия уже переходит к постиндустриальному обществу, что в ее праве содержатся те же институты, что имеют место в развитых странах Запада. В.Л. Иноземцев заявляет, что Россия может перепрыгнуть из своего доиндустриального состояния сразу в пост-

¹ См.: Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программируемого общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 412.

индустриализм¹, минуя промежуточные стадии индустриального капиталистического общества и соответствующего ему права. Задачу перехода нашей страны к постиндустриальному обществу ставил в 1993 г. профессор В.Т. Кабышев². Есть ли в России черты постиндустриального общества и способна ли она к нему перейти — большой вопрос.

А. Турен предлагает отделить социально-политическое и культурное развитие страны от экономики, отказаться от жесткого экономического детерминизма³. Это полезно для анализа российской действительности. По мнению автора, производительные силы России в основном находятся на раннем индустриальном уровне, а социальное, политическое и культурное развитие соответствует доиндустриальному уровню: иерархия, основанная на власти; отсутствие сильного общества граждан и сильных политических объединений в обществе; традиционалистское сознание с его верой и господством чувств над разумом. Это вводит исследователей в заблуждение. Экономические детерминисты пытаются использовать некоторые прорывы России в экономике как основания к отнесению российского общества и его правовой системы к группе современных развитых обществ.

Россия имеет традиционную подданническую политическую культуру, в которой население доверяет правителю и бездумно поддерживает его или отказывается от участия в управлении государством. Это приводит к тому, что здесь только имитируется появление конституционного права. Закрепляемые в Конституции РФ правовые институты суверенитета народа, демократии, республики, местного самоуправления, гражданства не реализуются на деле. Они не находят своего потребителя.

«Возникновение индустриального и постиндустриального общества, — полагает А. Турен, — означает исчезновение как священного, так и традиционного»⁴. Возможно поэтому российское право, особенно в последние годы пытается консервировать традиционные институты, защищать религиозные ценности (ст. 148 УК РФ).

Ф. Фукуяма говорит о роли в развитии постиндустриального общества накопленного социального капитала (культурных устоев)⁵,

¹ См.: *Иноземцев В.* Перспективы постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

² См.: *Кабышев В.Т.* Становление конституционного строя России // *Кабышев В.Т.* С Конституцией по жизни: Избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. С. 39, 43.

³ См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 14.

⁴ Там же. С. 96.

⁵ См.: *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

частью которого являются традиции частной собственности, добросовестности, договороспособности. В России нет этого социального капитала. Поэтому нормы часто не действуют. Без поддержки общества они повисают в воздухе.

В постиндустриальном обществе уходят в прошлое машинный строй производства, нарастающая концентрация и централизация власти, превращение человека в винтик огромных технических, экономических и социально-политических систем. В России все еще делается ставка на централизацию всех сфер жизни: развитие государственной собственности и инвестиций, ручное управление, ликвидацию федерализма и местного самоуправления.

Современное общество для А. Турена — «это в первую очередь общество развития, действия, обладающее способностью производить и воспроизводить себя и свою окружающую среду»¹. В этом плане следует еще исследовать, в какой мере российское общество относится к числу современных. В чем-то оно напоминает нуждающееся в постоянном подталкивании вперед государством (реформы сверху) доиндустриальное общество, в котором официальное позитивное право искусственно создается государством (как корпорации чиновников) и навязывается обществу в качестве необходимого. В свою очередь, последнее склонно, на наш взгляд, к отторжению этого права. Традиционное общество консервативно. Оно отвергает даже те нормы, которые полезны для него. Это особенно наглядно видно на примере конституционного права, нормы которого часто не действуют или действуют в качестве ритуала, не реализуя тех целей, которых они достигают в конституционных странах. В России только имитируется республика, имитируется федерация, за которой мы находим имперские отношения между центром и провинциями, имитируется демократия с ряжеными вместо партий. Советская Россия оставила наследие в виде общества-инвалида, которое не способно к саморазвитию без опекающего его государства (как корпорации чиновников) и искусственно создаваемого права, призванного, с одной стороны, заставлять общество развиваться в направлении, выгодном правящему классу, а с другой, не позволять ему стать самостоятельным. Оно сковывает его по рукам и ногам.

А. Турен отмечает, что традиционное общество озабочено «главным образом собственной стабильностью»². Это наглядно проявляется в правовой политике по введению все новых запретов и санкций, направленных против сил, стремящихся к изменению существую-

¹ Фомина В.Н. Рецензия. Алан Турен. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998 // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 55.

² См.: Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 411.

шего положения дел. Это проявляется и в практике правоохранительных органов, преследующих указанные задачи. МВД открыто заявляет, что оно будет и дальше бороться с теми, кто «раскачивает ситуацию в стране»¹, т.е. пытается бороться с застоем.

Ф. Фукуяма обращает внимание на такую характеристику постиндустриального общества, как наличие доверия между людьми². Все социологические исследования России указывают на атомизацию населения, отсутствие коллективизма. За коллективизм часто выдают стадную психологию традиционного общества. Низкий уровень коллективизма приводит к высокому уровню насильственных преступлений, увеличению количества судебных исков, необходимости принятия суровых охранительных норм, создания большого репрессивного аппарата и траты значительных средств на его содержание³. Такое общество не способно создать инструменты самозащиты, которыми на Западе являются профсоюзы, иные общественные объединения, местные общины и т.д. В постиндустриальном обществе, по мнению Ф. Фукуямы, «...наиболее действенные организации включают в себя коллективы, члены которых разделяют общие этические ценности. В таких сообществах не требуется широкого договорного и правового регулирования отношений, поскольку между их членами существует предварительный морально-нравственный консенсус как основа для взаимного доверия»⁴. Отсутствие доверия вызывает потребность тотальной заорганизованности всей жизни с помощью вездесущих норм права. Но право является лекарством со значительными побочными последствиями: устраняет гибкость в отношениях, требует большого аппарата для его реализации и охраны. «... Люди, не испытывающие доверия друг к другу, смогут взаимодействовать лишь в рамках системы формальных правил и положений, которые нужно постоянно вырабатывать, согласовывать, отстаивать в суде, а потом обеспечивать их соблюдение, в том числе и с помощью мер принуждения. Все эти правовые приемы, заменяющие доверие, приводят к росту того, что экономисты называют «транзакционными издержками». Иначе говоря, преобладание недоверия в обществе равносильно введению дополнительного налога на все формы экономической деятельности, от

¹ См.: Кирилова А. Судебная статистика вошла в экстремистский рост // Коммерсантъ. 2018. 19 апреля. С. 5.

² См.: Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

³ Там же.

⁴ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

которого избавлены общества с высоким уровнем доверия», — пишет Ф. Фукуяма¹.

В основу российской правовой системы положен принцип верховенства человека, его прав и свобод (ст. 2 Конституции РФ). В постиндустриальном обществе этот принцип опирается на характер производственных отношений. Человек стал ключевым фактором производства. В рентной экономике высшей ценностью, от которой зависит жизнь всего общества, является товар, дающий рентные доходы. В средневековом обществе — это земля. В современной России — это нефть и газ. Успехи общества определяются ценой этих товаров на мировом рынке. От человека здесь мало что зависит. Поэтому сколько ни пиши о высшей ценности человека в нормах права, в реальности его оценка не поднимется. Все так и останется на бумаге. Свободный человек самостоятельно принимает решения в отношении себя через нормы частного права. При сырьедобывающей экономике получаемая рента распределяется между членами общества с помощью норм публичного права. Здесь государство оценивает человека по его полезности для себя и в зависимости от этого наделяет его долей общественного богатства.

Ф. Фукуяма пишет, что жизнь общества «зависит не только от правового регулирования, но и от самоограничения отдельных личностей. Если они не способны проявлять терпимость и уважение друг к другу или не соблюдают ими же установленные законы, возникает нужда в сильном государстве, заставляющем их держаться в определенных рамках. Если они не могут объединиться и действовать сообща ради достижения общих целей, необходимо активное вмешательство государства для выполнения организующих функций, на которые сами они не способны. И наоборот, «отмирание государства», о котором писал Карл Маркс, возможно разве что в обществе с чрезвычайно большой способностью к добровольному объединению, где самоограничение и поведение в рамках установленных норм возникают внутри общества, а не навязываются извне. Страна с небольшим общественным капиталом не только будет иметь мелкие, слабые и нерентабельные компании, она будет страдать от широкого распространения коррупции среди правительственных чиновников и неэффективности системы государственного управления»².

Пока Россия не может построить даже основ буржуазного общества. Декларации о защите частной собственности и предпринимательства, о свободном рынке работают плохо. Ф. Фукуяма пишет,

¹ Там же.

² Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

что люди зачастую не учитывают, что права собственности и другие экономические институты «зидуются на фундаменте общественных и культурных устоев, которые воспринимаются всеми как нечто привычное и неизблемое. Современные институты являются необходимым, но недостаточным условием благосостояния и благополучия современных обществ; они могут эффективно функционировать лишь в сочетании с определенными традиционными общественными и этическими нормами. Договоры и контракты позволяют незнакомым людям, не имеющим оснований для взаимного доверия, работать друг с другом, но эта работа будет гораздо более эффективной, если такое доверие есть. Юридические формы, такие как акционерные общества, обеспечивают возможность сотрудничества между людьми, не связанными родственными узами, но, насколько сложенным будет такое сотрудничество, зависит от способности конкретных работников к взаимодействию с чужими им людьми»¹. В России еще не появились эти общественные и культурные устои, а без них право не справляется со своими задачами.

Из сказанного можно сделать вывод, что правовые системы следует отличать не по тем нормам и принципам, которые они декларируют, а по наличию субъектов права, способных реализовать те или иные нормы. Вторым критерием для различения правовых систем является система условий, в которых действуют эти нормы. Одни условия способствуют реализации продекларированных норм, а другие делают их спящими или даже мертвыми. Российская система права включает в себя те же нормы, что и системы права развитых стран. Это приводит юриста-позитивиста к убеждению, что между ними нет никакой разницы. Но в развитых странах эти нормы работают, а в России — нет (или работают недостаточно эффективно). Отличие правовых систем может заключаться в том, какие нормы работают в большей степени, а какие в меньшей. Даже между правовой системой 1990-х гг. и современной правовой системой существует разница — в том, что тогда внедрялось в жизнь частное право, а сегодня одерживает победу более бюрократизированное публичное право.

Исследователи постиндустриального общества обращают внимание на то, что здесь возрастает роль государственного регулирования, а вместе с этим увеличивается значение групп управленцев (администрации). Это позволяет делать вывод, что Россия движется вперед, поскольку у нее административный класс всегда был господствующим. Для выяснения этого вопроса следует внимательно анализиро-

¹ Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.

вать качество бюрократии в развитых странах и в России. В постиндустриальном обществе мы имеем бюрократию с широкими полномочиями, но находящуюся под полным контролем общества и демократического государства. В России ощущается его дефицит. Здесь бюрократия самодержавна. Все это приводит к тому, что государственное регулирование в России и в развитых странах имеет совершенно разный смысл и последствия. В развитых странах возникает социальное государство. В России за него выдают патерналистское государство. В развитых странах чрезмерность государственного регулирования экономики и увеличение размера государственной собственности указывают на движение этих стран по пути социализма. В России огосударствление экономики доказывает чрезмерность власти государственной бюрократии. Д. Белл говорит об оттеснении рынка политическим выбором с переходом к постиндустриальному обществу¹. Но там рынок оттесняется общественным выбором, а не волей бюрократии, которая действует в собственных интересах.

В последнее время в России получила популярность теория идентичности. А. Турен отмечает: «В зонах доиндустриальной экономики приходится слышать призыв к защите идентичности способа производства и образа жизни. Особенно именитые граждане защищают такую коллективную идентичность, выразителями которой они были и от которой получали наибольшую выгоду. Франция знала великое множество традиционалистских региональных движений, в особенности в довоенный период в Нормандии и Бретани, но и в настоящее время во многих регионах. Эти движения региональной защиты никоим образом нельзя смешивать с движениями, стремящимися к региональному развитию, и еще меньше — с движениями национального освобождения. В других странах секты или мессианские объединения могут представлять собой защиту утопической коллективности, которой угрожают социальная дифференциация и секуляризация. В этих и во многих других случаях призыв к идентичности кажется особенно связанным с защитой традиционных элит»². Как представляется, такую же роль выполняет теория конституционной идентичности в России. Она призвана оправдать отказ от универсальных принципов конституционализма и внедрить в правовую систему России антиконституционные принципы, выражающие интересы группы, не желающей терять свою власть.

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. С. 489–491, 498.

² Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. С. 68.

Итак, обозрение ряда признаков постиндустриального общества позволяет прийти к выводу, что Россия еще далека от него. Правовая система России лишь внешне похожа на правовые системы развитых стран. Фактически она часто обеспечивает реализацию доиндустриальных ценностей.

«ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО» И «ПРОГРАММИРУЕМОЕ ОБЩЕСТВО» — ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ ИЛИ ФОРМЫ?

С.Б. Поляков

В литературе обозначилась полемика в употреблении терминов «информационное общество» и «программируемое общество». Предлагаем посмотреть на них через призму категорий «содержание» и «форма».

Взаимосвязь содержания и формы подобна взаимосвязи цели и средства. Взаимообусловленность цели и средства — в том, что не только цель определяет ценность средств, но и средства определяют цель через результат, в котором она объективируется. Цель и средства не только взаимообусловлены и взаимоопределены, но еще и соотносимы. Это значит, что каждая цель в другой ситуации может выступать уже в роли средства и, наоборот, средство — в роли цели¹.

То, что является формой чего-либо, имеет свое содержание (свойства, элементы). Содержание общества — отношения между людьми

¹ См.: Бакштановский В.И. Принципы морального выбора. М., 1974. С. 48–49. См. также: Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 91; Экимов А.И. Интересы и правотворческий процесс // Вестник Ленинградского университета. 1984. № 23; Экономика, философия, право. Вып. 4. С. 76; Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984. С. 12. Непонимание такой взаимосвязи приводит, например, к шпаргалочному извращению мыслей Макиавелли до апологетики суждения «цель оправдывает средства».

и их социальными группами. Две ведущие противоположности этих отношений по поводу разных предметов — сосуществование и соперничество. Белл писал о выборе между политикой консенсуса или политикой тупика¹.

Тенденция многовекового развития — консенсус, выражающийся в повышении ценности личности. Детская смертность перестает восприниматься как естественная неизбежность. Стариков не умерщвляют, когда они утрачивают работоспособность и не в состоянии прокормить даже себя. Война постепенно утрачивает пафос героического ремесла и осознается бедой человечества.

Но соперничество за первенство в чем-либо, за обладание чем-либо не исчезает, а приобретает новые формы. Для уничтожения противника можно использовать не холодное оружие, а экономические средства. Белл писал, что экономическая и социальная жизнь — это игра между людьми, в которой индивиды стремятся, — либо сотрудничая, либо находясь в антагонистических отношениях с другими индивидами, — увеличить собственные преимущества².

Гуманным соперничеством являются спортивные игры. Хоккей, шахматы становились формой борьбы социалистического строя с капиталистическим и наоборот. Но спортивные игры имеют свое содержание. Выигрывают в них не за счет вдохновенного исполнения гимна, как думают многие политики, а за счет достижений в освоении игры.

По учебным определениям информатика — это наука о методах и процессах сбора, хранения, обработки, передачи, анализа и оценки информации с применением компьютерных технологий, обеспечивающих возможность ее использования для принятия решений. Программирование — процесс создания компьютерных программ.

Сбор, хранение, обработка, передача, анализ и оценка информации всегда присутствовали в человеческой жизни. Программирование не в приведенной дефиниции, а как процесс подчинения поведения людей целям властвующих также всегда было присуще человеческому обществу. Появление компьютеров позволило вывести эти процессы на новый уровень. Белл выделял четыре новации третьей технологической революции, подчеркивая, что нельзя путать технические средства (компьютеры, средства телекоммуникации и т.п.) с лежащими в их основе процессами³. Он предупреждал: «Тех-

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 172.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 286.

³ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. CV–CVIII.

нология не задает социальные изменения, она лишь предоставляет для этого возможности и инструменты. Как они будут использованы — предмет общественного выбора»¹. Внимание к своим работам Д. Белл привлек как раз тем, что его прогнозы, его методологический плюрализм, анализ общества как совокупности трех сфер (технико-экономической системы, политического строя и культуры)² оказался результативнее поиска их сущности. Бурный технический прогресс актуализирует мысли Д. Белла о влиянии технологических революций на базовые социальные структуры.

Информация всегда была средством и формой соперничества в самых разных человеческих отношениях. Средства получения и передачи информации имеют собственное содержание, создаваемое не политиками, а творцами, которые через эти средства влияют на соперничество и сосуществование людей.

Приведем слова Билла Гейтса: «Наш современный образ жизни создан вовсе не политиками. До 1700 года люди были бедны как церковные мыши, а их жизнь была короткой и жестокой. Все изменилось, когда люди начали активно изобретать. Да, стабильность и образование крайне важны, я не буду с этим спорить, но настоящий двигатель прогресса — это инновации»³. Уместно здесь вспомнить и мнение И.А. Ильина о том, что культура, но не политика является смыслом жизни⁴.

Право, как и политика, не производит научных открытий, улучшающих качество жизни, в том числе в сфере информации. Поскольку право не создает предметы и явления, изменяющие мир, а регулирует отношения по мере их возникновения, юридическая наука объективно ограничена и в социальном прогнозировании.

Содержание права — это обязывающие, запрещающие, управомочивающие нормы. Обязывания, запреты, дозволения С.С. Алексеев назвал «вездесущей троицей», образующей «первичный исходный материал, который так или иначе проявляется в различных юридических классификациях и из которых складываются основные конструктивные построения позитивного права, типы регулирования»⁵.

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. СХ.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. ХСХ.

³ URL: <https://24smi.org/celebrity/1280-bill-geits.html>

⁴ См.: Ильин И.А. Что есть государство — корпорация или учреждение? / Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи // Совместное изд. Свято-Троицкого монастыря и Корпорации Телекс. США. 1991. С. 21–26.

⁵ Алексеев С.С. Право: азбука — теория — философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 352.

Запреты по определению ничего нового создать не могут. Они запрещают известные действия. Политик и юрист не могут сформулировать обязательные действия, создающие новые предметы и явления, например указать, что нужно сделать, чтобы появился мобильный телефон или космическая ракета. Максимум, что они могут, — это сформулировать общее дозволение на научные открытия. Поэтому по своему содержанию право — бесплодная форма инноваций, рождающихся не по приказу.

В некоторых вузах сегодня от преподавателей требуют объяснительные записки в связи с тем, что они не написали некое количество статей определенной формы учета. В служебные контракты преподавателей «в погонах» включены обязанности по защите диссертаций к определенному сроку. Между тем государство должно использовать инструмент права только для возложения на себя материальных обязанностей по подготовке почвы для науки и поощрения конкретных достижений ученых.

Непонимание несоответствия формы права содержанию науки обрекает на отставание от тех, кто это понимает. А, в свою очередь, отставание в науке, в информатике (формы соперничества государств) приводит к отставанию в качестве жизни — в содержании общественных отношений соперничающих государств.

Еще одна цитата Б. Гейтса: «Бизнес — увлекательнейшая игра, в которой максимум азарта сочетается с минимумом правил»¹.

Новое всегда рискованное. Художественный пример: у профессора Преображенского получился Шариков. Каждое новое явление наряду с положительными имеет и отрицательные свойства. Вспомним, как в фильме «Человек с бульвара капуцинов» новое изобретение — кино — вначале превратило разнузданных ковбоев в добрых людей, а затем — в руках проходимца — обратно. Боязнь нового (чеховский образ «человека в футляре» с вечной фразой: «Кабы чего не вышло») — имманентное свойство бюрократии. Но именно устами бюрократии говорит государство.

Белл писал: «Исторически наука представляет собой силу, стремящуюся к свободе. Однако науке, как и многим другим общественным институтам, грозит бюрократизация...»².

Суть бюрократизации — жизненные принципы формируются с целью приспособления к деятельности чиновника, собственные интересы которого ставятся выше цели, для которой он должен ра-

¹ URL: <https://24smi.org/celebrity/1280-bill-geits.html>

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. CXLIV.

ботать¹. Отсюда, например, оценка работы ученых не по содержанию их статей, а по форме (рангу журналов), в которых они опубликованы². Так программируется под интересы бюрократии научная деятельность. Опубликовать пусть научно не значимое, но в «нужном» журнале. Ранг журнала должен определяться содержанием его реальных статей. Для получения соответствующего ранга у журнала есть свои ориентиры, определяющие программу его деятельности³.

Бюрократия, когда ее собственные интересы совпадают с общественными, может быть в специфических формах двигателем некоторых научных направлений. Вспомним «шарашки» конца 30–40-х гг. прошлого века для оборонных нужд, в которых аккумулировались ученые, совершившие прорывы в физике, химии, необходимые для создания новых видов оружия. Космическая наука во всех странах тоже развивалась сообразно потребностям вооружения. Сегодня информатика нужна бюрократии для контроля над обществом.

Но бюрократия без интереса относится к научным изысканиям, не сулящим непосредственной выгоды для ее собственных нужд, т.е. не финансирует их. А то и нарекает их лженаучными, подлежащими запрету⁴. Отсюда «генетика — продажная девка империализма». Да и ученые подозрительны в своем имманентном вольнодумстве, распространяющемся не только на свой научный предмет, но и на все окружающее. Д. Белл в связи с этим вспомнил А.Д. Сахарова, Фан Личжи⁵. В той же информатике бюрократам видится угроза неподконтрольных им процессов.

Отсюда вывод: чем бюрократичнее государство, тем больше отставание в науке. И «патриотические» формы от такого отставания не спасают. Вспомним реплики профессора Преображенского о песнопениях под предводительством Швондера из «Собачьего сердца».

¹ Weber M. *Gesammelte politische Schriften*. Muenchen, 1921. P. 149–150; цит. по: Pipes R. *Max Weber and Russia* 11 *World Politics*. April 1955. P. 377; цит. по: Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. С. 89; Протасов В.Н. Иррациональные методы властвования как инструмент самосохранения и экспансии бюрократически организованных систем управления // *Государство и право*. 2017. № 10. С. 56.

² О подмене целей науки в оценке научной деятельности библиометрическим подходом см.: Толстик В.А. Проблема оценивания результатов научной деятельности: фетишизация библиометрии или здравый смысл // *Государство и право*. 2019. № 1. С. 65–74.

³ Выхолащивание содержания статей подгонкой их под формальные рубрики «нужных» журналов и напичкивание цитатами пусть не по предмету статьи, но из тех же «нужных» журналов, снижение обоснованности статей ради соблюдения запретов цитирования под понимание программы «антиплагиат» — отдельная тема.

⁴ См. замечания Белла об отношении в Советском Союзе к фундаментальной науке: Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. XCIV.

⁵ Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. CXLIII–CXLIV.

Противоположностью произволу, ручному управлению, бюрократии является право как форма регулирования человеческих отношений. Содержание этой формы создается правотворческой и правоприменительной деятельностью, качество и содержательность которой обеспечивается эффективной борьбой с бюрократической формой, тормозящей развитие науки, в частности информатики, ведущей к прогрессу общества. Непосредственно правовые предписания как форма бюрократического управления губительны для науки. Право служит прогрессу науки, а вместе с тем и общества, не напрямую, а через борьбу с бюрократическим управлением.

Работа над содержанием правотворческой и правоприменительной деятельности является собственным вкладом юридической науки в прогресс общества. Юридическая техника данной деятельности — эксклюзивный предмет правоведов, который никакие другие науки осваивать не могут.

Информатика и программирование могут и должны быть формами совершенствования содержания правотворческой и правоприменительной деятельности. Но тут наблюдается инфантильность юридической науки: правоведы ждут, что им программисты подарят программные продукты для облегчения правовой работы, вместо того чтобы планировать развитие правовой науки на основе взаимодействия юристов с программистами.

Слишком ли очевиден процесс применения научного знания, чтобы не считать его собственно научным знанием, или это все же особая наука?

Одна из книг по программированию имеет характерное название «Алгоритмы + структуры данных = программы»¹. Создание алгоритмов правотворческой и правоприменительной деятельности — удел юридической науки. Формирование соответствующих им структур данных — труд программистов.

Развитие информатики заставляет менее чем через полвека переосмыслить слова Белла: «Тот факт, что люди [в общественном производстве] сегодня общаются с другими людьми, а не взаимодействуют с машинами, является фундаментальной характеристикой труда в постиндустриальном обществе»². В начале XXI в. люди в общественном производстве и в сфере услуг едва ли не в большей степени, чем при производстве материальных благ, общаются с компьютером, начиная с покупки билетов на самолет или в кино и заканчивая передачей отчетности в организациях и получением госуслуг, общаются

¹ См.: Вирт Н. Алгоритмы + структуры данных = программы. М.: Мир, 1985.

² Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 220, CLVI.

ся посредством соцсетей, закачанных в гаджеты. Их взоры обращены не в глаза собеседника, а в экран смартфона. Поэтому не «новое чувство» как проявление культуры, по Беллу¹, а качество компьютерных программ (новой формы общения людей) определяет содержание человеческих отношений в сфере производства и услуг, а через них и в быту.

Тот, кто создает компьютерные программы, сегодня управляет обществом. Соотношение между теми, кто способен получить и систематизировать информацию, и теми, кому направляются результаты обработки информации для послушного следования воле первых, сопровождает всю историю человечества. Не может быть массового понимания того, что Белл называет «управлением организованной сложностью»². Программирование с помощью новых форм (компьютеров) лишь многократно интенсифицировалось через совершенствование технического и программного содержания компьютеров. Поэтому в структуре общества следует видеть противостояние создателей и потребителей компьютерных программ. Надо осмыслить привязанность к гаджетам — формы компьютерных программ — как новую форму «опиума для народа».

Белл писал, что знание представляет собой «коллективное благо», поскольку по своему характеру с момента создания оно становится доступно всем³. Побочная реплика к этой мысли: сегодня знание, т.е. систематизированная информация, — это компьютерная программа, содержание которой ее массовым пользователям недоступно.

Многие статьи в юридических журналах, в названии которых присутствуют слова «информационные», «электронные», отражают инфантилизм правоведения: ожидание чуда для юридической деятельности в виде информационных технологий, описание информационных систем обработки и систематизации судебных документов, фиксация процессуальных действий с предсказанием электронного правосудия. Но «начинку» для программ, опосредующих юридическую деятельность (ее алгоритмы), в указанных статьях найти сложно.

¹ Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1996. P. 34; цит. по: Иноземцев В.Л. Постиндустриальный мир Даниела Белла // Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. LVII.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 36.

³ Эта мысль высказана им для постановки вопроса о том, кто должен платить за исследования, рождающие новые технологии. У отдельного человека и у предприятия нет особого стимула платить за это, поскольку патенты все реже и реже гарантируют исключительность владения (См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. CLII).

«Интеллектуальная технология представляет собой замену интуитивных суждений алгоритмами (правилами решения проблемы)»¹. Выработка юридической наукой алгоритмов правотворческой и правоприменительной деятельности развивает эту деятельность вглубь через формирование ее новых форм (компьютерных программ) вместо хождения по кругу изобретения и переименования юридических терминов. Именно эта часть работы, касающаяся программирования юридической деятельности, позволит создавать зримые содержательные результаты, выражающиеся в современных формах (информационных и программных), противостоящих бюрократическим формам управления, тормозящим развитие общества.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. С. 39.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.В. Шатковская

Информационно-технологическая природа современного общества, характеризующегося в общественных науках как общество развивающегося знания без четких пространственных границ, не могла не сказаться на реальной жизни права, наиболее ярко проявляющейся в юридической деятельности. Последняя во многом зависит от особенностей предмета ее воздействия, который, в свою очередь, обусловлен ее целью. Согласимся с Д.Ю. Шапсуговым в том, что юридическая деятельность есть внешнее проявление воли субъекта права, направленное на реализацию правовой цели, состоящей в формировании и осуществлении прав и полномочий, исполнении юридических обязанностей в соответствии с установленными юридическими нормами¹.

Специфика юридической деятельности состоит в том, что она вмещает в себя не только существующие, но и накопленные отношения, воплощающие юридический опыт и практику, а также направляет их дальнейшее развитие. Ревизия юридической формы общественных отношений, обусловленная их постоянным социаль-

¹ См.: Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. М.: Издательская группа «Юрист», 2003. С. 501.

но-экономическим движением, является естественным сегментом юридической деятельности. Об этом еще 100 лет назад Г.Ф. Шершеневич писал следующее: «Разработка вопросов о праве, как оно должно быть, в отличие от права, как оно есть, составляет ... постоянную задачу правоведения» с тем, чтобы «в острые моменты жизнь могла бы обратиться к правоведению за ответами, подготовленными постепенно». При этом ученый предложил алгоритм переосмысления действующего права, включающий в себя выявление неудовлетворительных составляющих правового порядка, постановку целей и направлений преобразования права и разработку мер, необходимых для перехода от «существующего к желаемому» праву¹.

Полагаем, что сказанное выше не только не утратило, но и приобрело особую актуальность в условиях ускоренной модернизации общественных отношений под влиянием информационной революции. Техногенная цивилизация в отличие от индустриальных обществ ускоряет темпы социального развития, трансформируя систему ценностей и меняя приоритеты юридической деятельности². Творчество и креативность в соединении с научной рациональностью вытесняют ценностные приоритеты прошлого века. Поэтому в каждой исторической ситуации необходимо определять сущность целей юридической деятельности и их последовательное осуществление в правовом пространстве.

Исходя из этого, и надо формировать стратегию правового развития, под которой в данном исследовании понимаются научно обоснованные позиции, касающиеся направлений его развития, базирующиеся на осмысленных и постоянно переосмысливаемых общечеловеческих ценностях и принципах человеческого общежития и ориентированные на достижение баланса между технической однородностью права (соотношение права и закона), с одной стороны, и обеспечением баланса прав и обязанностей личности, общества и государства, с другой.

При этом юридическая деятельность не будет соответствовать критериям разумности и справедливости без предварительного разрешения вопроса о ее целях. Как отмечал И.А. Покровский, без ответа на эти вопросы все юридические построения будут лишены «телеологической ориентировки», «великие идеи и всеобщие истины сознательно или бессознательно лежат в основах нашего правосознания, и законодатель ничем не может так усилить или укрепить

¹ См.: Шершеневич В.Ф. Общая теория права. М., 1910. С. 800.

² См.: Шатковская Т.В., Епифанова Т.В., Вовченко Н.Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146. С. 145.

впечатление от своего произведения, как если ему удастся выразить их в его редакциях»¹.

Юридическая деятельность, будучи организованной посредством процедурных или процессуальных норм, осуществляется путем принятия государственно-властных решений как общего, так и индивидуального характера. В эпоху гибридных форм коммерческих и правительственных организаций, широких полномочий межправительственных структур, транснациональных корпораций нормативно-правовая база государства должна обладать мягкостью, гибкостью и либеральностью, создавая конкурентоспособную и комфортную для жизнедеятельности регуляторную среду, но вместе с тем обеспечивая государственный контроль, национальную безопасность и суверенитет.

В связи с вышеуказанным считаем, что формирование, стратегическое программирование и правовое обеспечение юридической деятельности является одной из основных функций современного государства. Трудности этого процесса сложно переоценить, так как, с одной стороны, современное общество можно назвать обществом без границ, с другой стороны, оно характеризуется максимальной степенью индивидуализации его членов. При этом отдельные субъекты выполняют множество правовых ролей, участвуя как в реальных, так и в виртуальных правоотношениях, одновременно могут быть несколькими правовыми лицами. Ситуация усложняется двойственностью юридической деятельности, которая является и отражением реально существующего социального строя, и инструментом его теоретического анализа.

Исходя из этого, сущность юридической деятельности определяется целями и ценностными ориентациями граждан, выступающих основными элементами социальной системы, в пределах которой юридическая деятельность осуществляется и отражением которой она является.

Современные социальные системы социологами характеризуются как программируемые². В сфере правового регулирования программирование является составной частью юридической технологии, а именно правовым средством формирования образца, который, в свою очередь, представляет собой упорядоченную совокупность нормативных признаков создаваемой системы, обуславливающей режим достижения целей и средства программирования.

Метод программирования является интеллектуальным «переходным мостом» между аналитической стадией исследования юридиче-

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1917. С. 48.

² См.: Touraine A. La societe postindustrielle. P., 1969. С. 53.

ской деятельности к практической, характеризующейся разработкой системы конкретных мер и действий по юридическому обеспечению намеченных приоритетов государственно-правового развития. Тем самым метод программирования служит связующим звеном и инструментом взаимодействия основных типов юридической деятельности (теоретической и практической).

Субъектом программирования юридической деятельности могут быть как публично-правовые образования, так и различные организации, заинтересованные в разработке целостной системы юридических действий и средств для реализации приоритетных целей при осуществлении долгосрочных проектов, преодолении проблемных ситуаций, внедрении инновационных научно-исследовательских программ, подготовке и осуществлении нормативно-правового обеспечения государственного прогнозирования и стратегического планирования социально-экономического развития Российской Федерации.

Необходимость разработки методики политического программирования юридической деятельности обусловлена распространением такой формы государственного прогнозирования, как стратегии государственного развития. Данная взаимообусловленность объясняется общностью их целей и функций. Так, стратегии нацелены на выработку системы критериев, показателей и требований к содержанию и качеству определенного жизненного цикла (как правило, средне- и долгосрочную перспективу) социальной системы в целом или отдельных ее сфер. Выполнение стратегий гарантируется и контролируется политической силой. Посредством политического программирования формируются механизм обеспечения жизнеспособности данной социальной системы в соответствии с закрепленными в стратегии условиями, заданиями и имеющимися точками роста, а также механизм предотвращения или преодоления дисбаланса системы, вызванного новациями или изменениями.

В юридической деятельности данная функция реализуется с использованием такого инструментария, как юридические действия и средства, созданные на основе научного анализа и экспертизы правовой действительности с учетом ее состояния в определенных временных рамках и наличия внутренних и внешних средств достижения поставленных в стратегиях целей. Кроме того, непрерывность использования метода политического программирования на всем жизненном цикле стратегии позволяет выделить наиболее проблемные аспекты ее реализации и подобрать оптимальные варианты правовых алгоритмов их преодоления, а также сформировать механизм правовой интеграции стратегий в общеполитический контекст государственных решений.

В современных исследованиях содержание метода политического программирования не раскрывается. Чаще всего данный метод не разграничивают с методом анализа¹. На наш взгляд, это не совсем корректно, так как применением метода анализа достигается генерирование знаний о правовой реальности, а с помощью метода программирования происходят функционализация этих знаний и конструирование юридических инструментов воздействия на общественные отношения в соответствии с заданными целями. Речь идет о действиях и средствах, в которых выражается деятельное отношение субъектов к социальной среде, проверяемое по их практическим результатам и обеспечивающее оптимальное развитие социального порядка.

Тем самым, если метод анализа в праве нацелен на всестороннее исследование объекта изучения и выявление закономерностей устройства и развития правовой системы, то метод программирования юридической деятельности предназначен для формальной институционализации и организации правового регулирования общественных отношений, упорядочения социальных связей исходя из поставленных цели и задач на основе полученных знаний об объекте регулирования и с помощью юридического инструментария и технологий.

В демократических государствах формирование стратегии и программирование государственно-правового развития возможны только путем широкого использования приемов и средств децентрализованного равноправного взаимодействия общественных и государственных институтов, развития различных форм государственно-частного партнерства, стимулирования социальной активности граждан и их организаций. При этом государству отводится миссия основного координатора, так как, во-первых, государственная организация обладает высшей социально-политической ценностью, во-вторых, в процессе исторического развития именно государству перешли ключевые социальные полномочия, в том числе легализованного принуждения.

Таким образом, разработка национальных стратегий с использованием метода политического программирования предполагает решение государством ряда внутренних и внешних задач. В числе внутренних задач выделим:

— создание органов стратегического управления, анализа и прогнозирования, обеспечивающих прежде всего рационализацию роста

¹ См.: Рой О.М. Исследование социально-экономических и политических процессов. СПб., 2004. С. 305.

пределов права, объема законодательного регулирования и оптимизацию параметров правовой системы;

- децентрализацию организации государственной власти и широкое делегирование оперативных управленческих функций негосударственным структурам;

- распределение регулятивных полномочий и ответственности за их осуществление между публичными и частными субъектами;

- создание эффективного механизма правового мониторинга для получения объективных данных о характере влияния нормативной базы на общественные отношения и о его последствиях;

- стимулирование различных форм государственно-частного сотрудничества и предпринимательской активности граждан.

К основным внешним задачам отнесем:

- координацию и последовательную реализацию единой государственной стратегии правового развития на международной арене;

- развитие межнациональных региональных форм юридической деятельности, обеспечивающих взаимодействие с государствами — стратегическими партнерами.

ОСМЫСЛЕНИЕ РОССИЙСКИХ РЕАЛИЙ В СВЕТЕ ИДЕЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА Д. БЕЛЛА

В.В. Таболин

Т еория постиндустриального общества Д. Белла отличается фундаментальностью. Отсюда и достоверность не только его основного труда 1973 г., но и введения, которое было написано к русскому изданию через 20 лет. Обширность исследованного материала вызывает уважение, особенно анализ трудов российских и советских ученых разных отраслей науки. Подобный всесторонний подход к исследованию разноплановых социальных, экономических, политических и других явлений жизни того периода дает неоценимый пример полиметодологических и междисциплинарных изысканий, весьма актуальных и востребованных в современной юридической науке.

Особенно значимой константой остается положение о высокой роли теоретической науки в условиях постиндустриального общества. Д. Белл приводит слова А. Эйнштейна, который однажды сказал: «Именно теория определяет, что нам дано увидеть»¹. Д. Белл прямо подчеркивает: «Фактически теоретическое знание все больше становится стратегическим ресурсом, осевым социальным принципом, а университеты, исследовательские организации и интеллектуальные институты, где оно кодифицируется и обогащается, оказываются осевыми структурами нарождающейся цивилизации»². На

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Academia, 2004. С. 11.

² Там же. С. 33–34.

наш взгляд, это актуально для сегодняшнего положения дел в нашем государстве, науке и образовании.

В чем проблема? Она довольно хорошо известна — отсутствие системного подхода в организации государственной деятельности, множественность, запутанность и излишняя конкретизация законодательства, низкий уровень квалификации государственных и муниципальных служащих, невостребованность научных исследований в практической деятельности, оторванность тематики гуманитарных исследований от реальных потребностей общественного развития и т.п. и т.д.

Особенно огорчает отсутствие ясного представления о нашем государстве и его будущем — в какой стране мы живем, что строим и строим ли вообще что-то, каковы стратегические идеи общественного и экономического развития, какой должна быть конституция страны и др.

Все это связано, по нашему мнению, с отсутствием понятной, осмысленной и обоснованной теоретической правовой модели российского государства как базы для отраслевого правового и общегуманитарного научно-практического обоснования системы народовластия и законодательства, политической и экономической систем, конституционного развития и государственного строительства, развития институтов гражданского общества.

В силу авторской специализации представляется уместным в связи с этим обратить внимание на отношение Д. Белла к роли городов в государстве и обществе: «Исторически общество связывалось воедино тремя типами инфраструктуры. То были торговые пути и центры коммерческой деятельности, система размещения городов и связи между народами»¹. Анализируя труды Дж. Форрестера, он выделяет отрицательные подходы к развитию города, которые актуальны и сегодня: «...примитивный подход предусматривает, что если есть потребность в жилье, его нужно строить больше, в то время как более комплексный подход предполагает усилия, направленные на изменение характера занятости и баланса населения»².

Д. Белл неоднократно подчеркивает, что его идеи носят не обязательный, а возможный характер. Это важно иметь в виду при оценке процессов развития России.

По нашему мнению, применяя западные теории, нужно не забывать исторический опыт Петровских реформ, о которых И.И. Дитятин писал: «Займствуя ... формы оттуда, где они сжились с самой сущностью содержания, будучи порождением самой исторической

¹ Там же. С. CXVII.

² Там же. С. 43.

жизни, Петр отлично понимал, что перенесение всего строя европейского городского управления и насаждение его на Руси совершенно немыслимо во всей его неприкосновенности потому, что бытовой строй русского города, а, главным образом, сами цели преобразователя шли вразрез с жизненными основами этого строя»¹.

Полагаем, что основные параметры постиндустриального общества противопоставлены России. Д. Белл формулирует пять его компонентов². Рассмотрим их последовательно применительно к российской ситуации.

1. Переход от производства товаров к экономике услуг. Мы уже имеем большой и горький опыт значительной деиндустриализации российской экономики на фоне дезинтеграции общества. Отсюда возникает вопрос: может нам сначала вернуться и восстановить индустриальное общество, а уже потом хорошенько подумать, нужно ли нам постиндустриальное?

Самой социально опасной политико-правовой идеей нужно считать теорию «сервисного государства», которое рассматривается как особая политическая форма организации публичной власти, располагающая специальным аппаратом управления, направленным на оказание публичных услуг индивидам, а также как система социально-правовых гарантий достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод³. Проблема уже сложилась — государство в лице своих органов само решает, какие услуги оказывать (какие может или хочет), никаких гарантий и повышения качества этих услуг не происходит (в лучшем случае — чуть больше «от достигнутого»). При 19 млн граждан России, живущих за чертой бедности, говорить о достойном жизнеобеспечении не приходится.

2. Доминирование профессионального и технического класса в структуре занятости. Как отмечают А.Е. Варшавский и Е.В. Кочеткова, для России проблема нехватки научных, инженерно-технических кадров особенно актуальна. Дефицит этих профессий испытывает примерно 44% работодателей. Значителен спрос на квалифицированных рабочих⁴.

3. Центральное место теоретических знаний как источника нововведений и формулирования политики. Возникает вопрос: что мешает нашим талантливым и опытным ученым-государствоведам разрабо-

¹ Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб.: Издание О.Н. Поповой. Паровая скоропечатня А. Пороховщикова, 1895. С. 2.

² Там же. С. 18.

³ См.: Коженко Я.В., Мамычев А.Ю. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации // Власть. 2010. № 3. С. 44–46.

⁴ См.: Варшавский А.Е., Кочеткова Е.В. Проблемы дефицита инженерно-технических кадров // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 32. С. 2–16.

тать новую теоретическую модель современного государства, исходя из реальной ситуации в стране, а не из придуманных иностранцами идей, которыми они сами никогда не пользовались? Нет достаточных знаний и практических навыков? Нужен госзаказ от Правительства? Трудно сформировать творческий коллектив, способный решить данную задачу, или это никому не нужно?

На наш взгляд, это гражданский долг юридического научного сообщества, который требует высокой нравственной ответственности от каждого ученого перед будущими поколениями.

Д. Белл справедливо подчеркивает, что научное сообщество — уникальное явление человеческой цивилизации. У него нет идеологии, так как у него нет набора постулируемых догм, но у него есть нравственные устои, которые предопределяют неписанные нормы поведения. Это не политическое движение, в которое можно вступить по желанию и стать полноправным членом только на выборной основе, а движение, для принадлежности к которому необходимы талант и убеждения¹.

4. Особая роль технологии и технологических оценок. Необходимо согласиться с Д. Беллом, но без системы эффективного и быстрого внедрения новых технологий в массовое производство и активного возрождения российской промышленности это бессмысленно, так как по-прежнему мы продолжаем во многом зависеть от импорта, технологий и высокотехнологичной продукции.

5. Создание новой «интеллектуальной технологии». В постиндустриальном обществе это главная проблема. По мнению Д. Белла, она состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория, в которых проводится эта работа².

Судя по ситуации, сложившейся в нашем образовании и науке, мы еще долго будем жить чужими виртуальными идеями и теориями, пытаясь попасть в глупые рейтинги и сорбонские процессы.

¹ Там же. С. 507.

² Там же. С. 159.

ПОНИМАНИЕ ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ПАРАДИГМ Д. БЕЛЛА И Э. ТОФФЛЕРА

Р.А. Ромашов

Понимание будущего на современном этапе социального развития

Настоящего как статичного (неизменного) во времени показателя (характеристики) состояния общественных отношений в реальной жизни не существует.

Время как средство измерения представляет собой систему координат, актуальную и значимую только для того, кто в ней находится. В таком понятии следует использовать термин «современное», означающий соучастие субъектов в социальных процессах, протекающих в рамках совместимых для конкретных участников конкретных коммуникаций временных параметров.

Время делится на объективное астрономическое (календарное) и субъективное (социально-историческое). Выделение во времени прошлого и будущего актуально только для социально-исторического времени, применительно к которому прошлое можно измерять, описывать, анализировать, оценивать, но нельзя изменять. В свою очередь, будущее можно моделировать с той или иной степенью вероятности и достоверности. Будущее объективно. Оно наступит независимо от субъективного восприятия и отношения к грядущим перспективам. Понимание будущего предполагает следующие модели исторического развития: репродуцируемая в направлении беско-

нечности современности и альтернативная современности циклической истории.

Будущее, возникающее в результате репродукции современности, по сути своей есть неизменное в социально-пространственных координатах и непрерывно прирастающее во временных координатах прошлое, становящееся с течением времени не старше, а, наоборот, моложе. Конца социальной истории нет, исторический век рассматривается по аналогии с бесконечностью историческим постоянством. Для марксизма такое историческое состояние ассоциировалось с переходом к коммунистической общественно-экономической формации, являющейся завершающей для изменяющегося исторического развития вехой начала «бесконечного во времени земного рая»¹. По мнению Д. Белла, постиндустриальная эпоха является следствием завершения предшествующей ей эпохи индустриального общества². Для В. Суркова это выход на «постоянные обороты машины долгого государства Путина»³. При этом во всех перечисленных моделях есть три последовательно сменяющих друг друга этапа, которые с определенной долей условности могут быть привязаны к временным периодам прошлого, настоящего (современного), будущего. Для Маркса — это архаическая, экономическая, коммунистическая формации; для Белла — доиндустриальный, индустриальный, постиндустриальный мир; для Суркова — русский мир до Путина, при Путине и после него. При этом автор последнего концептуального формата идет даже дальше апологетов научного коммунизма, опериовавших персоналистскими концепциями марксизма, ленинизма, сталинизма... но все же выделявших в качестве «конца бесконечности» не персоналистскую, а обобщенную модель коммунистического мироустройства для всего земного, а в дальнейшем — модель вселенского человечества.

Альтернативное будущее представляет собой иной по сравнению с современным путь социального развития, начинающийся с момента «окончания линейной истории», основанной на сохранении и воспроизводстве традиционной взаимосвязи предшествующего и последующего поколений.

Волновая теория Э. Тоффлера в отличие от перечисленных концепций исторического развития, основывающихся на преемствен-

¹ См.: Зибарев М.В. К проблеме периодизации общественно-экономических формаций // В мире научных открытий. 2013. № 11-9 (47). С. 126–131.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004.

³ См.: Сурков В. Долгое государство Путина // Независимая газета. 2019. 11 февраля / http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

ности и взаимной обусловленности поколения отцов и поколения детей, оперирует качественно иной методологией понимания социальной истории¹.

Волна — следствие проявления двух стихий: земной и водной.

Волна — порождение водного мира, средство преобразующего воздействия на земную поверхность. Взаимодействие волны и суши носит приливно-отливной характер. На определенном этапе волна может поглотить сушу либо, напротив, суша, вытеснив воду, может таким образом уничтожить волну. В любом случае история как некое измеряемое временными параметрами социальное состояние в контексте волновой теории не является линейной, а представляет собой сочетание замкнутых исторических циклов (локальных континуумов), которые, будучи взаимосвязанными, вместе с тем непосредственным образом друг друга не порождают и могут сосуществовать в качестве альтернативных (параллельных) социальных миров.

Подверженность волнообразным изменениям в таком понимании свойственна не столько государственным образованиям, сколько социальным общностям (сословиям, классам, стратам, ситусам (Д. Белл) и т.п.), а также отдельным личностям, которые могут адаптироваться к условиям иных циклов (социальных сред), живущих в своем социально-историческом времени, не совпадающем с другими циклическими системами.

В качестве примеров подобного рода сочетаний можно привести сосуществование в одних и тех же временных координатах рабовладельческих, феодальных и капиталистических отношений в США и Англии в XIX в., социалистических, капиталистических государств и стран «третьего мира» в XX в. и т.п.

Если взять за основу рассуждений парадигму волнового развития цивилизации, то получается, что представители различных социальных систем, сосуществующих в современности, однако находящихся в дихронных социально-исторических временах, будучи способными к перемещению из одной социальной системы в другую, тем самым демонстрируют свои возможности к путешествиям не только в пространстве, но и в социально-историческом времени, адаптация к которому происходит в относительной независимости от воли государств, а также от национальных традиций.

Понимание права в парадигмах Д. Белла и Э. Тоффлера

Право в своем наиболее общем понимании представляет собой регулятивно-охранительную систему, объединяющую нормативные

¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2004.

(типовые) модели (стандарты) общезначимого, общеобязательного поведения, обеспеченные соответствующими гарантиями (условиями реализации) и санкциями (последствиями реализации).

Рассмотрение права в неразрывной связи с государством позволяет говорить о последнем и как о субъекте права, и как об объекте правового воздействия. В первом случае государство ассоциируется с государственной властью, творящей право и распоряжающейся им по собственному усмотрению. При таком понимании права человека и международное право обладают юридической силой в том объеме, который предоставляется им государством, а понятие правового государства как политической структуры, ограниченной в своей организации и функционировании правом, лишено смысла, поскольку, будучи всего лишь инструментом, принадлежащим в качестве предмета собственности государству как владельцу, не может ограничивать государственную волю, связанную с состоянием и применением правовых средств и технологий.

Право для Д. Белла неразрывным образом связано с выделяемыми им эпохами. Доиндустриальная эпоха базируется на аграрной (сельскохозяйственной) культуре производства и основывающейся на этой культуре системе социальных отношений. Непосредственная связь проживающих на земле и прикрепленных к земле поколений отцов и детей, предполагает восприятие в качестве основной формы права «закона отцов», в равной степени выраженного в обычае и государевом (царя отца) указе. На смену традиционной культуре земли приходит механистическая культура индустрии, в которой сельские поселения вытесняются городами, а традиционное право, основывающееся на исторической неизменности традиции и неограниченном волюнтаризме государя, трансформируется в право как технологию, подчиненную в своем развитии объективным законам социальной экономики, эффективность которой определяется подлежащим измерению и оценке соотношению спроса и предложения, цены и качества производимых жизненных благ. Само право, а также производные от него составляющие — права человека и международное право приобретают относительную самостоятельность и выступают для государства такими же объективными категориями, как естественные и экономические законы. В условиях индустриализации политико-правовых отношений меняется парадигма понимания государства.

Главенствующее в условиях аграрной культуры доиндустриального периода государство — kingdom, по сути своей производное от деспотической формы государственного устройства и государственного правления, с переходом к индустриальной эпохе сменяется state — обезличенным порядком организации общества и обществен-

ного управления, в котором право столь же постоянно и столь же трансформируемо, сколь постоянны и трансформируемы любые другие производственные технологии независимо от того, определяют ли они порядок плавки стали, сборки автомобилей либо подготовку и смену профессиональных кадров на всех уровнях технологической цепочки, включая высших должностных лиц государственного конвейера.

Постиндустриальная эпоха для Д. Белла представляет собой своеобразный аналог безгосударственного коммунистического общества, в котором государственная бюрократическая власть сменяется меритократией, национальное законодательство — международным правом, основанным на естественных неотчуждаемых правах человека; на смену частной собственности, выраженной в вещной форме, приходит коллективная собственность на информационные ресурсы, а товарный дефицит сменяется дефицитом свободного времени. Таким образом, будущее, по Д. Беллу, построено примерно по той же схеме, что и у других представителей диалектической концепции исторического развития, по мнению которых историческим трансформациям подвержены целостные государственно-правовые массивы, проживающие этапы ранней (древней), современной и пост-современной истории. Причем, будучи представителем западной цивилизации и, соответственно, носителем западной культуры, Д. Белл не может да и не особенно стремится выйти за рамки того социально-исторического времени, современником которого он является. Его постиндустриальное общество и порожденное этим обществом право — это общество и право Запада, существующие в отрыве от иных цивилизационных конструкций и фактически не интегрирующие с ними, как не интегрировали в свое время имперская политико-правовая культура Рима и варварские культуры, «сотрудничество» которых строилось по модели взаимодействия онкологического новообразования с человеческим организмом. XX век наглядно доказал ошибочность как концепций мировой пролетарской революции, так и строительства коммунизма в отдельно взятой стране либо группе стран.

Современный мир проходит непростой путь — от монистической цивилизационной культуры к плюралистической, от монологовых форм общения центров мировой силы к диалогичным формам взаимодействия разных по внешней форме, но равных по своей содержательной ценности субъектов права. Особенность такого рода современности заключается, по Э. Тоффлеру, в волнообразности нынешних и грядущих изменений, предполагающих возможность сочетания, и в довольно причудливых комбинациях представителей различных социально-исторических временных периодов.

Право, возникнув, подобно языку, представляет собой инструмент социального общения и средство социальной коммуникации как внутри социальной группы, так и за ее пределами. Каждая новая волна несет в себе новую информацию и вместе с тем представляет иную среду обитания, адаптация к которой связана с пониманием иприятием иных понятий, правил, ценностей, столь же чуждых для первичного восприятия, как и все то, к чему мы относимся как к чужому, а значит враждебному.

Каждая новая волна способна унести и растворить в себе только тех, кто не держится за земную твердь и готов плыть по воле волн, преобразуя собственную волю в совокупную энергию движения несущей его волны. В таком понимании постиндустриальное общество Э. Тоффлера формируется не из тех, кто, ругая традиционное государство и одновременно уповая на него, ждет когда же в конце концов привычная и от того надоевшая земля сменится непривычной и потому страшной в своей неизвестности водой, будущая жизнь в которой столь же непонятна и не представляема, как жизнь в загробном мире, а из тех, кто готов и стремится плыть к собственной цели, столь же значимой и ценной, как и цели остальных пловцов, увлекаемых жизненной энергией волны, открывающей новые жизненные перспективы и предоставляющей новые возможности.

Традиционно-волюнтаристское право аграрного общества сменяется воплощенным в национальном законодательстве технологическим правом индустриального общества, которое, в свою очередь, постепенно вытесняется международным полисемичным правом постиндустриального (информационного) общества. Это происходит не в силу раз и навсегда устоявшейся национальной традиции либо по воле царя-бога, а вследствие объективных закономерностей развития человеческих отношений. Последние подчиняются в своей динамике не диалектической линейности, а непрерывной волнообразной цикличности, в которой рождение и смерть носят взаимоисключающий и вместе с тем взаимообуславливающий характер. Такая цикличность предполагает неопределенность и связанные с ней риски, порожденные альтернативным будущим, и одновременно непередаваемую прелесть новизны рождаемых этим будущим ощущений.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОСУДИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.А. Колоколов

«Мы ждем перемен»¹, а они уже произошли

Общеизвестно, управлять — значит предвидеть. Чтобы сегодня организовать государственное управление, по своим параметрам достойное нашего светлого будущего, необходимо обладать обширным комплексом научных знаний как о реальных перспективах развития общества в целом, так и (применительно к избранной теме) о целях, задачах, структуре и инфраструктуре правосудия в постиндустриальном обществе.

В настоящее время мы вынуждены констатировать, что практически все существующие в мире судебные системы, свойственные их функционированию технологии — порождение эпохи индустриальной (века прошлого, а то и позапрошлого). Совершенно очевидно, что многим из них просто не найдется места в постиндустриальном обществе. Уже сейчас на смену классическому судебному офису (помпезный дворец правосудия, в котором восседают судьи в мантиях, адвокаты перед жугог произносят пространные речи) стремительно идет офис виртуальный, но все еще по инерции именуемый судебным.

В частности, система массового квазиправосудия, в рамках которой в России рассматривается большинство дел об административных правонарушениях, допускаемых в сфере организации дорожного движения (ч. 2 ст. 12.9, ч. 1 ст. 12.16 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ)),

¹ Цитата из песни В. Цоя «Хочу перемен».

работает практически без участия человека (ч. 1 ст. 2.6.1, ч. 3.1 ст. 4.1, ч. 3 ст. 28.6, ст. 29.10 КоАП РФ).

Общеизвестно также и то, что смена систем мышления неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых системы защиты жертв правонарушений (преступлений), системы привлечения виновных к юридической ответственности и назначения им наказания. Например, введение системы квазиправосудия с легкостью трансформировало наше традиционное правосопонимание, в рамках которого ответственность за содеянное несет исключительно лицо, совершившее правонарушение, в нечто новое, характерное скорее для права частного, гражданского, по правилам которого наказывается уже не персонально правонарушитель, а владелец источника повышенной опасности — транспортного средства (ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

Введение нового неизбежно влечет отказ от чего-то устаревшего, того, без чего в новой жизни можно обойтись. Классики марксизма-ленинизма доказывали, что государство рано или поздно канет в лету. При таких обстоятельствах adeptам их учения оставалось ограничиться спором, какой атрибут государства отомрет раньше: армия, полиция или суд.

Наши современники о полном демонтаже государства уже не помышляют. Профессор М.И. Клеандров (в прошлом судья Конституционного Суда РФ), рассуждая на тему, каким будет «мир, в котором хочется жить и работать», «если уж не нашему поколению, то точно нашим детям», утверждает, что «в будущем сохранятся государственные институты, будет и судебная власть»¹. При этом Михаил Иванович констатирует: «Считать, что нынешнее состояние правовой организации механизма судебной власти в нашей стране идеальное, нет никаких оснований»². Далее автор задается вопросами, «какими будут, точнее, какими должны стать суд, правовая организация судебной власти, всех трех ее составляющих — судоустройственной, судопроизводственной и судейско-статусной в их динамическом развитии»³.

Как правило, исследователи обозначенной нами проблематики забывают, что судебная система — не более чем одна из государственных подсистем, причем в их ряду далеко не самая важная. Вспомним, что у государства не одна цель, а иерархия целей. Следовательно, эффективность работы судебной системы (фактически рядовой под-

¹ См.: Клеандров М.И. Правовая организация механизма правосудия Российской Федерации: проблемы совершенствования. М., 2017. С. 7.

² Там же. С. 5.

³ Там же.

системы) напрямую зависит от схемы сложения активностей всего ряда подсистем. В связи с этим от исследователей, в том числе и от М.И. Клеандрова, хотелось бы получить ответ: может ли быть эффективным функционирование судебной системы (социальной подсистемы), если в конкретный исторический период неэффективна государственная политика в целом.

Со всех сторон в адрес судов слышатся упреки в отсутствии результативности. Более того, многие утверждают, что без эффективного суда не может быть развитого общества. Совершенно очевидно, что подобные рассуждения от лукавого, попытка увести общество от поиска истинных причин плохой работы всего государственного механизма.

В рамках анализа судебных систем не всегда уделяется достаточное внимание вопросам значимости их инфраструктуры, а равно среды (в первую очередь — культуре народа), в которую данные системы погружены. Вместе с тем несовершенство первой, а в ряде случаев не только фрагментарность, но и ее полное отсутствие не позволяют обществу в полной мере задействовать многие заблаговременно созданные им «мощности» судебных систем.

Эмпирическим путем доказано, что эффективность судопроизводства зависит и от качеств «чисто внутренней системной инфраструктуры» (здания, оборудование, кадровый аппарат), о которых уже написано много и подробно (в том числе и М.И. Клеандровым), и от уровня подготовки всех участников конфликта, в первую очередь пользователей правосудия, от понимания ими сути процесса правоохраны, знания его особенностей. В частности, суд — это не столько государственное учреждение, сколько метод. Исследование проблемы именно в таком ракурсе позволяет сделать, казалось бы, ошеломляющий вывод: в суде первостепенное значение имеет персона не судьи, а стороны (пользователи правосудия), ибо низкий уровень последних с легкостью похоронит самое совершенное процессуальное законодательство.

Что день грядущий нам готовит?

Ответ на вопрос, вынесенный в этот подзаголовок, можно попытаться найти в трудах Д. Белла (1919–2011) «Конец идеологии» (Bell D. The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge, 1960), «Грядущее постиндустриальное общество» (Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973) и «Культурные противоречия капитализма» (Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976). Если классики марксизма-ленинизма считали, что «государственная машина, свойственная обществу индустриаль-

ному, — «паразит», который обязательно должен быть полностью замещен чем-то новым», при этом они настойчиво призывали революционеров, отбросив «мещанские иллюзии мирного развития демократии», обратиться к повивальной бабке истории — насилию, то, по Д. Беллу, «старый мир разрушать до основания» (*zerbrochen*) никакой необходимости нет, ибо государство и право, равно как и прочие достижения цивилизации, вполне могут пригодиться новому постиндустриальному обществу.

Иными словами, отвечая на вопрос, чем и в какой степени детерминировано настоящее, Д. Белл, во-первых, предлагает не разбрасываться социально-правовыми ценностями прошлого. В этом он далеко не одинок. Например, его современник российского происхождения — философ С.Н. Булгаков (1871–1944), который уже в первой половине XX в. успел заметить, что на жизнь «как отдельного лица, так и народа огромное влияние имеет их прошлое»¹. Социально-правовые технологии, пусть даже и разработанные обществом в очень далеком прошлом, — это те грани бесценного опыта человечества, которые лежат в основе его современного рационального поведения.

Во-вторых, трудно спорить с Д. Беллом в том, что пролетариат — та часть социума, которая некогда вдохновила авторов «Коммунистического манифеста» (1848) на призывы к революции, изменилась кардинально. Могильщик капитализма, столь красочно прорисованный в художественной литературе того времени (Э. Золя «Жерминаль» (*Germinal*), 1885; А.И. Куприн «Молох», 1896), канул в лету. Его место занимают высококвалифицированные специалисты, у власти — безродные меритократы — фактически достойнейшие из достойных.

Будущее Д. Белл видел в господстве науки, новых информационных технологиях, появление которых способно рационализировать развитие человечества.

Совершенно очевидно, что реальная трансформация общества влечет модернизацию как системы власти в целом, так и аппарата управления — государства, в том числе такого важного его элемента, как суд.

Судебная власть

Судебная власть — суть феномен, т.е. явление далеко не познанное, как и прочие виды власти (в том числе и государственной), данное нам в ощущении². Судебная власть — это сложная, системная,

¹ Булгаков С.Н. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 73.

² См. подробнее: Колоколов Н.А. Судебная власть: о сущем феномена в логосе. М.: ИГ «Юрист», 2005; Его же. О праве, суде и правосудии: (избранное). М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2006; Его же. Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М.: Издательская группа «Юрист», 2010.

историческая реальность, уникальные и в то же время закономерно возникающие общественные отношения, социальная природа которых заключается в потенциальной способности человечества, базируясь в своей деятельности на право как социальную ценность, посредством средств, речи, символов и знаков мобилизовать свои ресурсы для разрешения определенных категорий конфликтов, а равно наличие у общества, делегированных им органов — судов права не только принимать решения в процессе их разрешения, но и добиваться обязательного их исполнения.

Судебная власть — это присущее социальной природе цивилизованного человека средство и необходимое условие функционирования хорошо развитой социальной общности, а равно средство всеобщей связи (коммуникации), возникающее между высокоорганизованными людьми в процессе разрешения определенных категорий социальных конфликтов, «символический посредник», обеспечивающий выполнение взаимных для граждан и государства обязательств.

Судебная власть — институализация ожидания обществом (его отдельными членами, социальными группами) того, что разрешению возникших социальных конфликтов будет уделено достойное внимание.

Судебная власть — это принятая определенной человеческой общностью парадигма поведения при разрешении социальных конфликтов.

На текущий момент развития общества бесспорно одно: суд — неотъемлемый атрибут государства. Данная констатация — наглядное свидетельство эффективности суда как института государственной власти. Естественно, что как само государство, так и его составной элемент — суд не обделены таким качеством, как привлекательность для общества.

Аппарат судебной власти

Судебная система — аппарат судебной власти, становление судебно-властных отношений заключается в определении эмпирическим путем места и роли суда в механизме конкретного государства.

В эпоху постмодерна и свойственной ему глобализации формируются наднациональные судебные аппараты, к каковым следует отнести, например, так значимый для стандартов современного российского процесса Европейский Суд по правам человека.

Для успешного выполнения судебной системой своих задач необходимы следующие условия: в стране должно быть ясное, четкое и единообразное понимание природы суда, его роли в механизме государства; за судом должны быть закреплены полномочия на твор-

ческое применение права, в том числе и международного; у населения страны должно существовать доверие к судебному корпусу. Для организации эффективного судопроизводства одних только профессионально подготовленных судей недостаточно, навыки участия в судоговорении должны иметь все представители сторон. Для органов судебной власти необходимо соответствующее не только кадровое, но и материальное обеспечение; судебная система должна быть доступной для тех, кто в ней нуждается; деятельность судов положительно воспринимается обществом, если она отличается ясностью и прозрачностью. Процессуальное законодательство немыслимо без совершенного механизма исправления судебных ошибок.

Право — база судебной деятельности

Общественное признание получила концепция, согласно которой в основе права лежит природа человека, его разум. Таким образом: 1) право существует вне зависимости от совокупности принятых в государствах законов; 2) нормы права могут быть обнаружены законодателем и облечены им в форму нормативных актов; 3) как правило, жизнеспособные правовые нормы выводятся из нравственных категорий, которые являются основой организации поведения в обществе.

В то же время многие сообщества признают обширные prerogatives государственных лидеров (от монархов до президентов), которым на самом высоком уровне априори даруется право регламентировать поведение подданных. Право — это то, что сформулировано в распоряжениях правителя. По Г. Кельзену (1881–1973), в основе всего — базовая норма — *Grundnorm* (конституция), следование которой должно насаждаться посредством принудительных санкций. Следовательно, право существует в том объеме, в котором общество может быть принуждено к его исполнению.

Судья У. Блэкстон (1723–1780) исходил из того, что право — это совокупность множества обычаев и традиций, облеченных в форму судебных принципов. Именно тогда в Англии нового времени был разработан существующий поныне свод принципов толкования и вынесения судебного решения. Суть данного подхода к формированию права: нет нормы без ее материализации в судебном решении — прецеденте.

В рамках другой доктрины, автором которой является теоретик Кристофер Лангделл (1826–1906), высказывалось мнение, что судьи не издают и не создают законов, а лишь толкуют и применяют их, судебное усмотрение должно быть сведено к минимуму, ибо его наличие подрывает авторитет законодателя. Запрет на судебский активизм в применении права неизбежно вел к «механической юриспруден-

денции»: последующие правила выводились из предыдущих путем казуистического прочтения последних, что в условиях динамично развивающегося общества оказалось равнозначно схоластике.

Многочисленные промахи, систематически допускаемые законодателем, явились причиной появления социологического подхода в праве, сторонником которого в судебной деятельности считается судья Верховного суда США Бенджамин Кардозо (1870–1938), не закликивающийся на регламентах, изложенных в книгах.

По мнению Б. Кардозо, судья должен отслеживать социальную реальность, уметь выбирать из множества правовых принципов только те, которые в конкретной ситуации наиболее приемлемы для общества. Судьи должны быть знакомы с историческими, социальными и экономическими аспектами права.

Справедливости ради, следует отметить, что Кардозо не отрицал того, что судья, принимающий решение, неизбежно находится во власти собственных предрассудков. Общеизвестно также и то, что существующие в развитых правовых системах обжалования, проверки и пересмотра судебных решений минимизируют «неудачное судебское личное» в прочтении общественно важного¹.

Наш первый национальный судья в Европейском Суде по правам человека А.И. Ковлер классифицирует деятельность судебных инстанций как «лабораторию мысли». По его мнению, судьи должны не только давать юридическую квалификацию предполагаемых нарушений, но и излагать свою оценку анализируемым фактам через призму истории².

Интересное прочтение результатов развития отечественной судебной практики — в коллективной монографии Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации³. Современное состояние и возможные перспективы развития правосудия были исследованы в другой фундаментальной коллективной монографии, подготовленной как специалистами названного института, так и судьями Верховного Суда Российской Федерации⁴. Будущее судебной деятельности в России (в первом случае — В.В. Лазарев, во втором — В.М. Лебедев и Т.Я. Хабриева) авторы видят в дальнейшей интеграции отечественного правосудия в мировую систему судопроизводства.

¹ См. подробнее: Кардозо Б.Н. Природа судебской деятельности. М., 2017.

² См. подробнее: Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека. М., 2019.

³ См.: Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017.

⁴ См.: Правосудие в современном мире / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.М. Лебедева. М., 2012; изд. 2-е. М., 2018.

Судебно-правовая реформа в России

В конце XX в. в нашем Отечестве на повестку дня опять был вынесен вопрос о проведении полномасштабной государственно-правовой реформы. Поскольку развитие права само по себе немислимо, речь шла о реформировании экономики, а также всего государства, в первую очередь его судебной системы, так как именно судьи в состоянии наполнить формальные правовые конструкции необходимым содержанием.

Пока чуда не произошло, европейский уровень культуры в судопроизводстве, в том числе и его юридико-техническая составляющая, не достигнута, «барьер не взят» (В.Д. Зорькин). Как и в конце позапрошлого века, крепнут голоса тех, кто считает, что европейская культура россиянам чужда.

В эпоху перемен, закономерно грянувших на рубеже второго и третьего тысячелетий, российская правовая наука вошла без необходимой суммы теоретических знаний о власти вообще и о государственной и судебной власти в частности. Судья воспринимается соотечественниками не как самостоятельный и независимый арбитр в споре равных, а как заурядный чиновник, которого слабый униженно просит защитить от сильного.

Идеология правосудия

Универсальный девиз: «За Веру, Царя и Отечество» начиная с XIX в. был весьма широко распространен в Российской империи. Существовали и иные его версии, например: «Православие, самодержавие и народность». Их расшифровка была понятна каждому. Вера — идеология. Царь — форма правления, трансформированная в конкретных лидеров. Отечество каждый понимает по-своему, памятуя при этом, что оно у конкретного народа одно.

Современной европейской цивилизации (другие нами не рассматриваются) известны три идеологии, послужившие базой для организации власти в государстве: либерально-демократическая, коммунистическая (социалистическая) и фашистская.

Существование независимого суда приветствует только либерально-демократическая концепция организации власти в обществе формально равных людей. Таковая в свое время была выращена в недрах реформаторского крыла католической церкви. Очевидно, что независимого суда ни при социализме (при коммунизме суд отмирает вместе с государством), ни при фашизме быть не может, ибо в основе организации общества лежит неравенство: в первом случае — бесправные изгои, лица, названные эксплуататорами, их уничтожа-

ли как класс; во втором — изгой — целые нации, представители которых также уничтожались миллионами.

Православная (ортодоксальная) церковь тоже не знает независимого суда. Да и вообще, судебно-властные отношения для России не характерны, поскольку для россиянина основа власти — ее вертикаль. Судья — мелкий чиновник (в Древней Руси — раб).

Каков же в таких условиях девиз служителей Фемиды? Если с Родиной согласно процессуальному законодательству все ясно (приговоры и решения провозглашаются именем Российской Федерации), то возникает вопрос: какова идеология правосудия, какого «царя» почитают в судебной системе? Профессор М.И. Клеандров пишет о некоем «просвещенном патриотизме», «уповая при этом на то, что проекты будущего России — ее национальной идеи разрабатываются сотрудниками РАН, философских факультетов МГУ и ВШЭ»¹.

Вопрос далеко не праздный, правильно и своевременно поднятый профессором В.В. Лазаревым², особенно в силу того, что без идеологии нет политики, а суд, сколько бы ни говорили о его деидеологизации и деполитизации, — орган государственной, следовательно, политической власти, которая без идеологии немыслима³. В текущий момент времени Россия в очередной раз пересматривает свое отношение к европейской идеологии. Ряд свойственных ей суждений, облеченных в решения Европейского Суда по правам человека, уже признан неприемлемым. Как долго будет длиться данный процесс, судить читателю.

Непоследовательны в вопросе толкования идеологии правосудия и сами европейцы. Так, современный автор К. Беше-Головко, рассматривая суд как элемент государственного механизма и связующее звено между политикой и гражданским обществом, свои рассуждения начинает с анализа риторического вопроса, заданного Г. Кельзенем: «Что должно быть высшей ценностью: жизнь индивида или национальный интерес?», и отвечает словами этого же великого метра «Нет никакой возможности признать рациональным и научным образом первенство одного из этих двух ценностных суждений, которые опираются на две противоположные концепции»⁴.

¹ Клеандров М.И. Механизм этической ответственности судьи: проблемы формирования. М., 2019. С. 6.

² См.: Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия // Мир политики и права. 2019. № 4. С. 17–32.

³ См.: Колоколов Н.А. Идеология и политика — неотъемлемые функции современной судебной власти // Российский судья. 2001. № 9. С. 4–9; 2003. № 6. С. 29–35.

⁴ Беше-Головко К. Правосудие и идеология // Суд и государство / под ред. Л.В. Головки, Б. Мате. М., 2018. С. 259–260.

М.И. Клеандров по этому поводу пишет, что «сегодня в Европе главные этические ценности — свобода самовыражения, самореализации, гипертрофированная толерантность, отрицающая прежние сдерживающие факторы»¹. Разделяющая такие же консервативные взгляды К. Беше-Головко критически относится к подобной «неолиберальной идеологии», носители которой, с одной стороны, «бьются с государством», с другой — заявляют, что «только выборность может обеспечить легитимность полномочий судьи»².

Особо следует подчеркнуть: в конце XX в. казалось, что в мировом масштабе уверенно побеждает либеральная идеология; история же в очередной раз показала, что нет ничего постоянного и вечного; политики констатируют ее кризис³.

Профессор М.И. Клеандров желает видеть в образе судьи некий идеал морали и нравственности. Ниже он доказывает, что люди, достойные судейского кресла, были во все времена. Наш вопрос к автору: воспитало ли наше общество необходимое количество достойнейших из достойных? Судейский корпус в России — это десятки тысяч человек. Где гарантии того, что эти достойнейшие, оказавшись при должности, останутся в рамках кодекса судейской этики?

Судебная власть в России: в ожидании будущего?

Считается, что законодательный базис (теория) для запуска механизма независимого, демократического правосудия в Российской Федерации в основном создан. Работает ли он, удовлетворено ли общество качеством судебных решений — опять-таки судить читателю. Может быть, будут уместны вопросы относительно качества самого социума? До сих пор непонятен тип общества, в котором мы живем. Ученые по инерции все еще используют приставку «пост», называя его постсоциализмом, т.е. «после социализма» (был ли он), «после советов» (что это было такое, историки еще должны сказать).

Почему не работает механизм независимого правосудия, декларируемый в законах? Очевидно, что ментально мы все еще в СССР. Как тут не вспомнить слова Г. Гегеля (1770–1831) о том, что человеку нельзя дать государственное устройство, находящееся за рамками его сознания.

Как только появляется в судебной системе нечто автономное, например особое братство — Высший Арбитражный Суд РФ, его оптимизируют, включив в «общую юрисдикцию». Заодно прошли

¹ Клеандров М.И. Указ. соч. С. 12.

² Беше-Головко К. Указ. соч. С. 264–265.

³ См. подробнее: Гидденс Э. Непokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем. М., 2015; Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М., 2019.

«чистку» все судьи прежнего состава Верховного Суда РФ¹. Конечно, можно исходить из того, что развитым правовым порядкам автономная юстиция по делам бизнеса миру неведома (Л.В. Головкин), но можно и оценить слова бывшего председателя Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Иванова: в России честный бизнес невозможен. Если честного бизнеса нет в принципе, то что может сделать честный суд? Да и нужен ли он нечестному бизнесу?

Как известно, суд — последняя инстанция как в правоприменении, так и при рождении нового смысла закона². Общеизвестно: право — это не то, что задумал автор закона и записал в норму законодатель. Право — это то, что прочитал конкретный судья!

Как видим, очень многое из того, что относится к правосудию, т.е. к сфере функционирования судебно-властных отношений, находится за рамками классической юриспруденции.

Народ и правосудие

Согласно ст. 3 Конституции РФ народ является единственным источником власти (ч. 1), который вправе осуществлять ее непосредственно (ч. 2). Формой непосредственного участия в осуществлении государственной власти является личное участие граждан в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32). Право на включение гражданина Российской Федерации в состав коллегии присяжных заседателей (juror — жюри) следует рассматривать как одну из высших форм демократии.

В действующем Основном Законе (ст. 20 (ч. 2), 47 (ч. 2), 123 (ч. 4)), а также в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ст. 1, 5, 8) четко зафиксировано, что в установленных федеральным законом (Уголовно-процессуальный кодекс РФ) случаях по инициативе стороны защиты уголовные дела могут быть рассмотрены с участием juror (в переводе с англ. «жюри»). Данный краткий термин полностью эквивалентен понятию «коллегия присяжных заседателей», поэтому

¹ Е.И. Алексеевская по данному поводу пишет: «Не дождавшись результатов реформы, власть проводит контрреформы»; «противоречивые законодательные инициативы на коротком отрезке времени создают эффект *déjà vu*»; «судебная система с 1917 года по настоящее время повторила гипервиток своего предыдущего развития (хотя и в более сжатые сроки) и снова достигла критического значения в количестве судебных инстанций, сейчас она находится в точке бифуркации, и следующая стадия еще не наступила». См. подробнее: Алексеевская Е.И. Законы развития судебной системы. М.: Юстицинформ, 2016.

² Имеются в виду только те судебные решения, которые исполняются. Если судебное решение не исполнено, возможность возникновения судебно-властных отношений была только обозначена, самого суда не было.

ниже он будет использоваться в качестве синонима. Участие граждан в југог является их **почетным гражданским долгом** (ч. 2 ст. 8 указанного Федерального конституционного закона).

Казалось бы, вот они ясные перспективы для торжества истинного народовластия в судебной деятельности. Однако в России суд с непосредственным участием народа — явление скорее экзотическое, чем обычное, повседневное.

Удар по романтикам от «суда народа» нанесло дело Ульмана, когда југог из Ростовской области дважды в 2004 и 2005 гг. оправдывали капитана спецназа ГРУ Эдуарда Анатольевича Ульмана (1973 г.р.), обвинявшегося в убийстве шести мирных жителей Чечни (11 января 2002 г.). Ульман был оправдан только потому, что в представлении југог он был не убийцей, а Солдатом с большой буквы¹, которого предало его руководство².

В процессах, подобных делам В. Засулич, Э. Ульмана, стороне обвинения, прежде чем выступить перед коллегией заседателей, необходимо убедиться, на какое правосудие настроены ее члены, так как судьи из народа осуждают по совести, а не по заданию руководства. Если в XIX в. для русского народа героем была В. Засулич, то в конце XX в. такой статус получил Э. Ульман, человек направленный на войну, именуемую рядовой контртеррористической операцией.

Суд — это не более чем ресурс, который может быть использован для осуществления каких-либо определенных целенаправленных действий, но не более того. Судебно-властные отношения не могут заменить иные формы общения между людьми, они в состоянии их только дополнить.

Электронные весы правосудия

Мнение о значимости таковых читатель найдет в статье Л.В. Головки³, который совершенно справедливо отмечает, что большинство проектов на тему электронного правосудия «серьезной научной перспективы не имеют. Очень важно не дать себя увлечь ложны-

¹ См., например: *Строительева Е.* Они выполняли приказ. Известия. 2004. 29 апреля.

² Осуждения Ульмана все-таки добились. Правда, для этого с привлечением Конституционного Суда РФ пришлось в корне пересмотреть вопрос о подсудности его дела. Как видим, сначала профессиональные (коронные) судьи Конституционного Суда РФ в своем постановлении от 6 апреля 2006 г., а затем судьи военные (коронные) Северо-Кавказского окружного суда заказ руководства государства выполнили: 13 апреля 2007 г. обвинительный приговор в отношении Ульмана, пусть и при его отсутствии, все же постановлен, а сам он объявлен в федеральный розыск.

³ См.: *Головка Л.В.* Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

ми смыслами и не потерять драгоценное время на то, что в конечном счете в очередной раз окажется «мыльным пузырем»¹.

Безусловно, «искусственный интеллект уже очень скоро вытеснит широкий пласт юристов». «Если машины могут обеспечить соблюдение закона, это здорово. Но для начала должен быть закон»². Ответ на вопрос, удовлетворяет ли современный уголовный закон в части соразмерности наказания содеянному реалиям жизни, оставляем на усмотрение просвещенного читателя³. В 1984 году в США был принят закон о реформе системы назначения наказания, тогда же была создана Комиссия, которая разработала руководящие принципы назначения наказания. В 2005 году Верховный суд США по делу *United States v. Booker* решил, что больше не следует рассматривать данные принципы как обязательные, они могут носить лишь рекомендательный характер⁴.

Традиционное государство — только фасад

Социальное управление — это своего рода айсберг, видимая (официальная) часть которого — традиционный государственный аппарат (обычная государственная иерархия), содержащий в себе системы правосудия и свойственные ему технологии человеческого общения. Остальное — тайные коммуникации — скрытая иерархия безопасности, живущая по канонам транснационального государства. Это тайное, глубинное государство (спрятанное у всех на виду) — гибридное образование, включающее в себя высшие финансовые и промышленные структуры, высокопоставленные элементы в спецслужбах, армии, судебной системе и организованной преступности и, естественно, подконтрольные им СМИ.

История свидетельствует: существование прописной независимой и самостоятельной судебной системы в рамках даже классического государства — скорее благое пожелание, чем реальность. Возникает вопрос, какова же роль суда в условиях не только стремительно уходящего суверенитета традиционных государств, но и появления параллельных властных сетей⁵. Есть все основания считать, что мы

¹ Там же. С. 25.

² См. об этом интервью профессора Р.Л. Ферсмана журналу «Закон» под заголовком «Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов» // Закон. 2019. № 5. С. 8–30.

³ Позиция автора по данному вопросу изложена в книге: Колоколов Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность. М., Юрлитинформ, 2014.

⁴ См. подробнее главу 13 в книге: Уинтер Г. Вопросы права и экономики. М., 2019. С. 346–349.

⁵ См. подробнее: Джессоп Б. Авторитарный этатизм // Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. С. 412–426.

стоим на пороге чего-то кардинально нового в правосудии. Четко очертить параметры этого нового наука пока не в состоянии. Впрочем, не случайно даже классическая судебная власть — феномен далеко не познанный.

Основные научно-практические выводы

1. Судебная власть — важнейший элемент государственной власти, однако суд — далеко не единственный механизм разрешения споров в силу его дороговизны и громоздкости. Следовательно, общество должно задуматься о диверсификации механизма разрешения споров, смело идти на легализацию аутсорсинга многих его функций. Например, в Англии существует четкое разграничение между медиацией, арбитражем и собственно традиционным правосудием. Лица, жаждущие защиты в государственном суде, обязаны сначала доказать обществу, почему их интерес не может быть удовлетворен без государственного вмешательства.

2. Крепнет такой институт, как *Rechtspflegung* — разрешение споров помощниками судей (квазиправосудие). Широкое распространение медиации, арбитража, триумф института *Plea Bargaining*, прочих форм аутсорсинга в некоторых странах позволили сократить нагрузку на судей более, чем на 80%. Как видим, экономия государственных средств налицо, однако авторы этих идей признают, что классическое правосудие, его «аромат» исчезают.

3. Каждая правовая система характеризуется уникальностью построения, понимания и достижения справедливости по конкретным юридическим делам. Поскольку в наши дни принято считать, что все мы — дети единой цивилизации (Ю. Харари), то в последние десятилетия наметилась устойчивая тенденция к унификации национальных систем правосудия и неизбежная при этом, пока еще частичная, утрата таковыми государственного суверенитета¹.

4. Изучение организации правосудия на примере отдельных стран позволяет проследить общее, частное и особенное судебных систем. Например, общим параметром для России и Румынии является уровень финансирования судебных систем², который на порядок отличается от топовых показателей. При этом не следует забывать, что бюджет правосудия состоит не только из государственных средств,

¹ См. подробнее: Стратегия развития правосудия в условиях глобализации. М., 2017.

² См.: Европейские судебные системы. Совет Европы, октябрь 2018 г. Отпечатано в Издательстве Совета Европы (на франц. яз.): *Systemes judiciaires europeens — Efficacite et qualite de la justice* Edition 2018 (donnees 2016) Etudes de la CEPEJ N 26 ISBN 978-92-871-8565-5.

в него по полной программе вкладываются и стороны (расходы на адвокатов, экспертизу).

5. Общим является ориентир на защиту прав человека. Что касается путей достижения данной цели, то судебные системы, используемые ими техники и технологии, как правило, существенно различаются.

6. Бесспорно, что в организации судопроизводства особую значимость имеют информационные технологии. Уже в наши дни ничто (кроме уровня подготовки персонала судов и пользователей правосудия) не мешает организовать «умный суд», сотрудники которого, как и его пользователи, смогут коммуницироваться не выходя из дома.

7. Как правило, большинству авторов, исследующих судебную власть, не удается обозначить и четкую позицию относительно роли личности в организации управления судебными системами. Вместе с тем именно идеология их кадрового корпуса — одна из основ эффективности функционирования любой системы.

8. Судебная власть — явление объективное, как и все прочие виды власти, свойственные человеческому обществу, начиная от организации отношений в семье и заканчивая властью государственной. Аппарат судебной власти — судебная система, архитектура которой предопределена уровнем развития общества в целом. Судебно-властные отношения — элемент государственно-властных отношений, что и определяет предел их эффективности. Прежде чем ответить на вопрос, каким должен быть суд, необходимо выяснить: как называется общество, в котором мы живем и каковы его запросы?

9. О реальном уровне эффективности российских судов общей юрисдикции выразил свое мнение М.В. Кротов — полномочный представитель Президента РФ в Конституционном Суде РФ, выступая в Общественной палате РФ: «Многие дела наша судебная система разрешить не в состоянии, граждане по пустяковым вопросам вынуждены обращаться в Конституционный Суд РФ, Европейский Суд по правам человека. Данные инстанции, несмотря на то что разрешение этих «пустяковых вопросов» не их функция, терпеливо разрешают возникшие коллизии, вынесенные в результате этого судебные решения, — база для пересмотра правовых позиций судов общей юрисдикции. Что касается привлекательности судов, то их, как и Родину, не выбирают».

РАЗДЕЛ II

ПРАВО И ЗАКОН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ ГЕНОМА КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В.Л. Лукьянова

Право, представляющее собой «систему общественных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения, обеспечивающего юридическую регламентацию общественных отношений в масштабе всего общества»¹, является одним из важнейших социальных регуляторов. Оно формирует «поле возможностей», в рамках которого осуществляется хозяйственная и иная деятельность людей, предопределяет легитимность и правомерность тех или иных ее видов. Однако сегодня роль и место правовых регуляторов в жизни человека и общества постепенно меняется, что обусловлено, в частности, воздействием сложных политических и социально-экономических процессов, протекающих в современном мире. Для того, чтобы выработать эффективные механизмы, позволяющие элиминировать негативные последствия этих перемен, необходимо, на наш взгляд, обратиться к геному культуры² современной цивилизации и регистрируемым и (или) прогнозируемым его трансформациям.

В настоящее время ученые³, рассматривающие развитие человеческого общества с точки зрения цивилизационного подхода, выде-

¹ Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии»). М.: Книжный мир, 2010. С. 631.

² В настоящем исследовании термины «геном культуры цивилизации» и «культурная матрица цивилизации» используются как синонимы.

³ См. подробно: Степин В.С. Философская антропология и философия науки / В.С. Степин; Респ. центр гуманист. образования. М.: Высшая школа, 1992. С. 49–54; Он же. Эпо-

ляют два типа цивилизаций: традиционные, где жизненный уклад ориентирован на воспроизведение своего образа жизни как раз и навсегда данного, а ценность человеческой личности детерминируется ее включенностью в строго определенные (и часто от рождения заданные) семейно-клановые, кастовые и сословные отношения, и техногенную, в развитии которой решающую роль играет «воля к прогрессу», которая становится моральной обязанностью человека, формируя нормативные структуры и регулятивы социальной активности¹, а в качестве ценностного приоритета утверждается идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими. Иначе говоря, в культуре традиционалистских обществ «идеалом полагались адаптация человека к сложившейся природной и социальной среде, его стремление включиться в качестве малой части в живое целое мироздания. ... Природа понималась в этих культурах как живой организм, в который в качестве составной части включен человек. И все его действия и поступки должны быть подчинены целому, не нарушая его гармонии.

В противоположность этим установкам в культуре техногенных обществ доминирующим становится понимание природы как преимущественно неорганического мира, который представляет собой особое, закономерно упорядоченное поле объектов, выступающих материалом и ресурсами для преобразующей деятельности, ... и человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир. Соответственно этому пониманию утверждается идеал креативной деятельности². Причем в силу прогрессизма (новационизма) техногенной цивилизации все, что совершается на пути прогресса, признается успешным, и, следовательно, априорно полезным и морально оправданным.

Особенности культурной матрицы той или иной цивилизации предопределяют и роль права в системе социальных регуляторов обществ, принадлежащих к соответствующему типу цивилизацион-

ха перемен и сценарии будущего. М.: ИФРАН, 1996; *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М.: ИФРАН, 1994. С. 5–17; *Крапивенский С.Э., Омельченко Н.В., Стризое А.Л. и др.* Цивилизационный подход к концепции человека и проблема гуманизации общественных отношений / под ред. С.Э. Крапивенского. Волгоград, 1998; *Пристенский В.Н.* Западная ментальность и проблема инокультурного восприятия права // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 141–152 и др.

¹ *Козловски П.* Прощание с марксизмом-ленинизмом: О логике перехода от развитого социализма к этическому и демократическому капитализму: Очерки персоналистской философии. СПб: Экономическая школа, 1997. С. 85.

² *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития: научное издание. М., 2018. С. 6–8.

ного развития (рис. 1). В частности, традиционное общество для того, чтобы быть по-настоящему полноценным, должно быть сакрализованным, ибо «нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим.13:1-2). И «сакрализованным правильно»¹: в нем не должно быть мощных межконфессиональных разломов.

Источник: Составлено автором на основе трудов В.С. Степина, В.Д. Зорькина и др. исследователей.

Рис. 1

Если же одна часть общества начинает воевать с другой по вопросам веры, власть в обществе теряет традиционалистскую — сакральную — легитимность. Соответственно, и устанавливаемые этой властью правовые нормы перестают восприниматься всем обществом как обязательные для применения и исполнения, утрачивают свой регулятивный потенциал, свою действенность.

В свою очередь общество, придерживающееся техногенного типа цивилизационного развития, базируется на вере во всемогущество писанного закона и поддерживающих закон институтов. «Любому обществу нужна какая-то формула равенства, — подчеркивает В.Д. Зорькин². — Раньше речь шла о равенстве всех и вся в Боге. ... В обществе модерна [техногенном обществе] возобладала идея равенства перед законом и основанный на ней — предложенный и

¹ См.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография. М.: Норма, 2013. С. 21.

² Зорькин В.Д. Указ. соч. С. 21–22.

принятый обществом — тип правового равенства. Закон неумолим. И желанен в силу этой уравнивающей всех неумолимости. Закон готов покарать как богатого, так и бедного. Нормы закона носят не устный, а писанный характер. Специальное сословие людей придает писанному закону всеобъемлющую полноту. Строго регламентированы процедуры, позволяющие отделить виновного от невиновного. Эти процедуры известны обществу и приняты обществом. За исполнением процедур следят институты. Институты построены так, чтобы в максимальной степени исключить процессуальные ошибки». Иначе говоря, значимым политико-правовым результатом становления техногенной цивилизации явился легализм как монополия государственной власти на установление и преобразование права в сочетании с подчинением этому праву всех элементов общества и интеллектуализм как постижение правового бытия. Право стало восприниматься как объективно существующий феномен, который проистекает из метаюридических оснований, выступающих аксиомами и не подвергающихся сомнению в принципе, и не зависит от воли и желания отдельных субъектов.

По мнению некоторых ученых, такое понимание права плохо согласуется с установкой техногенной цивилизации на активность и самодостаточность человека как основные ценности эпохи. Однако с этим мнением согласиться нельзя. В условиях техногенной цивилизации субъектом и целью правовых отношений выступает именно личность, «живой человек, с его естественными потребностями, с его реальными наклонностями»¹. Нельзя не учитывать и тот факт, что человек — это существо двойственной, био-социальной природы. Быть человеком — это не объективное естественное состояние, а непрерывное напряжение, своего рода воля к существованию, а потому человек — это не только биологическое существо, но и усилие (М.К. Мамардашвили). Соответственно, право, которое строится на принципе *равенства ответственных личностей, выступающих перед законом в своем личном качестве*, а не в качестве членов различных этнических, конфессиональных и социальных групп, и, «указывая целесообразный порядок действий, всегда обращается к воле разумного существа, способного ставить себе цели и стремиться к достижению их»², «задает» точку и направление приложения этого «усилия».

Не менее значим и еще один аспект: в геноме культуры техногенной цивилизации имманентно присутствует не только своеобразный

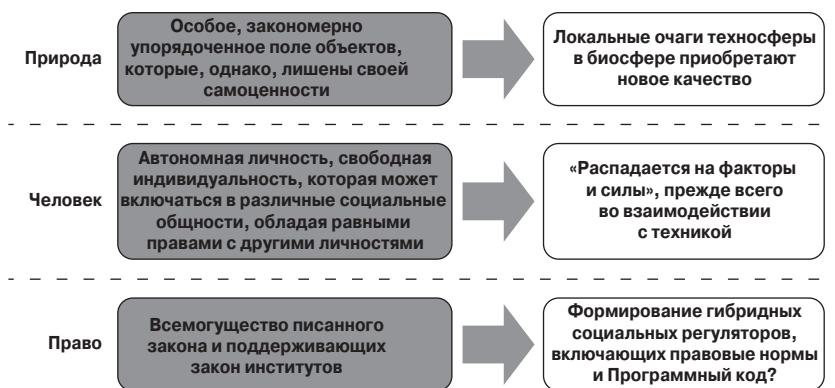
¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие. В 2-х т. Т. 1. Вып. 1. М.: Издательство «Юридический колледж МГУ», 1995. С. 63.

² Там же. С. 85.

«культ» права, но и понимание его конвенциональности (конвенциональности норм писаного закона). Поэтому право воспринимается и как мера формального равенства, и как мера свободы: если закон не обеспечивает формального равенства, то это неправовой закон. Если закон чрезмерно, в большей степени, чем это необходимо для свободы и безопасности всех членов общества, ограничивает свободу личности, то это неправовой закон¹. Такое его понимание становится возможным лишь тогда, когда в системе ценностей и жизненных смыслов техногенной цивилизации центральное место занимает человек — Актор, деятельностное существо, которое «создает явления своей волей, применительно к своим целям»².

Однако сегодня в геноме культуры техногенной цивилизации все активней накапливаются изменения («мутации»), порождаемые интенсификацией процессов научно-технического развития. «Мутации», которые не могут не повлиять на роль и место правовых регуляторов в жизни человеческого общества (рис. 2).

Некоторые трансформации культурной матрицы техногенной цивилизации под воздействием процессов цифровизации

Источник: составлено автором

Рис. 2

Исследователи отмечают, что одним из ключевых элементов культурной матрицы техногенной цивилизации является понимание природы как особого, закономерно упорядоченного поля объектов, которые, однако, лишены своей самоценности и представляют интерес лишь в той мере, в какой они могут удовлетворить потребности

¹ См.: Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

² Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 25.

человека. Оно зародилось с появлением древнегреческого термина «технэ», которое обозначало умение, искусство создания предметного и духовного мира; получило развитие в Средние века и в эпоху Реформации, когда господствующими становятся трактовки христианства¹, фиксирующие дуализм природы и человека, и окончательно «оформилось» в Новое время, когда под влиянием принципиально новых запросов социальной практики природа стала объектом не только тщательного научного анализа, но и поприщем активной практической деятельности человека. Иначе говоря, человек, а в особенности — «человек техногенной цивилизации», утверждая свой суверенитет, постепенно все более и более детелеологизирует и десубъективирует природу. Наиболее интенсивным антропогенное преобразование природы становится с открытием в XIX веке промышленных способов использования ископаемых источников энергии и разработкой новых производственных технологий. В XX и XXI в. этот процесс резко активизируется под влиянием научно-технического прогресса.

Оборотной стороной указанных процессов становится желание человека вновь сотворить природу — уже как технический мир артефактов. Как следствие, к настоящему времени техника превратилась в «мир новых реалий», по-своему формирующий всю систему потребностей общества, деформирующий систему его ценностных установок, которая, в свою очередь, становится реконструируемым фундаментом для нового витка малоуправляемого технологического развития. И мы сегодня вынуждены говорить не только об экологических проблемах, порождаемых хозяйственной деятельностью человека и об их масштабах, но и о том, что, возникающие в биосфере локально-региональные очаги техносферы приобретают новое качество. В частности, с высокой долей вероятности можно предположить, что начало коммерческой эксплуатации беспилотных автомобилей, например, роботизированных такси, повлечет за собой существенные изменения городской среды.

Однако наиболее значимым следствием интенсификации процессов научно-технического развития является изменение понимания роли и места человека в окружающем его мире: взаимодействуя с «технонаучным», как характеризует его французский философ

¹ Антиэкологический, экофобный характер христианства анализируется многими авторами. См., например: *Лось В.А.* Общая и социальная экология: Учебное пособие. М.: издательство РАГС, 2003; *Рополь Г.* Техника как противоположность природы / В сб. *Философия техники в ФРГ*. М.: Прогресс, 1989; *Рормозер Г.* Кризис либерализма / пер. с нем. М.: Издание ИФРАН, 1996; *Урсул А.Д., Лось В.А., Демидов Ф.Д.* Концептуальные основы устойчивого развития. М.: Издательство РАГС, 2003; *Хёсле В.* Философия и экология. М.: Издательская фирма АО Kamі, 1994 и др.

Ж.-Ф. Лиотар, миром, человек «распадается на факторы и силы»¹. В самом деле, каждый раз, рассказывая о какой-нибудь техногенной аварии или катастрофе, как правило, говорят: «В качестве одной из причин происшествия рассматривается человеческий фактор». Иначе говоря, человек из царя природы, который не собирается ждать от нее милостей, и берет их сам, из «меры всех вещей», постепенно превращается в «человеческий фактор», который препятствует нормальному (и беспроблемному) функционированию техники.

В свою очередь техника, прежде всего компьютерная, т.е. «кремний», «берет реванш над жизнью и естественным человеком («углеродом»)»²: интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, Интернет-технологий оказывает негативное воздействие на современного человека. В частности, отмечается:

— информационная перегрузка человека³, что обусловлено постоянным увеличением количества получаемой им информации (полезной, бесполезной, вредной⁴) в сочетании со снижением слухов и фейкоустойчивости коммуникационных систем современного общества и самого общества;

— вытеснение мифических и исторических традиций, конституирующих идентичность коллективных субъектов, элементами «инструментальной рациональности» и массовой культуры. Это влечет за собой постепенное разрушение моральных ориентиров человечества, так как новые социальные образцы и «сфантазированные общие понятия» (В. Хёсле) в общественное сознание «поставляют» именно информационные технологии и средства коммуникации: Ахилла, Цинциннату и святого мученика сегодня заменяют даже не спортсмены и рок-певцы, а условные ольги бузовы и мары багдасарян;

¹ Лиотар Ж.Ф. Заметка о смысле «пост» // Иностранная литература. 1994. № 1. С. 58. Также см.: Кутырев В.А. Философия трансгуманизма. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010.

² Там же.

³ См. подробно: Пасхин Е.Н. Информатизация образования в стратегии устойчивого развития: Филос.-методол. анализ / Е.Н. Пасхин; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М.: Изд-во РАГС, 1999. 218 с.; Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121; Куликов Е.М. Перегрузка коммуникационных систем и функционирование слухов в информационном обществе // Общество и право. 2011. № 3. С. 285–287. Также см.: Лукьянова В.Ю. К вопросу об информационных правах граждан // В кн.: Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий: сборник научных статей / М-во образ. и науки РФ, Вологод. гос. ун-т; под общ. ред. Н.А. Ястреб. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 171–175.

⁴ В частности, особенностью вредной информации является то, что ее психологическое влияние зачастую не осознается тем, на кого оно оказывается, поскольку воздействие на поведение человека оказывается главным образом через эмоции и подсознание, а не на рациональном уровне. Однако даже когда информация воспринимается разумом, существует очень много возможностей для влияния на поведение человека.

— постепенная трансформация современной «культуры книги» в «культуру экрана», вследствие чего мировоззрение заменяется мироощущением, и человек переходит от рационального идеала познания к эстетическому¹;

— «размывание» границ между вымыслом и реальностью и обострение проблемы подлинности и целостности личностной идентичности человека. Каждый индивид, находясь в одной или нескольких «реальностях» одновременно, самостоятельно формирует свою идентичность применительно к каждой «реальности», подменяя «глубинную самоидентификацию личности самопрезентацией, а бытийность — кажимостью»²;

— возможность третьих лиц манипулировать с «цифровым отпечатком» («цифровым следом») человека, в том числе и посмертно³;

— прогнозируемое исследователями⁴ возможное изменение биологической природы человека, замены человека как существа биосоциальной природы «техникой с вкраплениями живого» (на первом этапе: «живым с вкраплениями техники»).

Таким образом, быстрое развитие информационных технологий, все более активная цифровизация различных сфер жизни человеческого общества влекут за собой «размывание» коллективной, инди-

¹ Об этом см.: *Тарасенко В.В.* Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» // *Общественные науки и современность.* 2000. № 5. С. 111–120; *Моргунов А.А.* Homo informaticus как эвристическая модель // *Вестник СамГУ.* 2013. № 1 (102). С. 157–163; *Андреев И.Л., Назарова Л.Н.* Селфи, аудионаркотик и гугл-эффект как патологические метаморфозы сознания человека информационной эпохи // *Наркология.* 2015. № 10. С. 111–120 и др.

² *Дряева Э.Д.* Трансформация идентичности в современных коммуникативных средах: автореф. ... канд. филос. наук. М.: 2016. С. 21.

³ Учитывая объем информации, проходящей через Интернет, свой «цифровой след» в сети оставляет практически каждый. И этот след, далеко не всегда положительный, продолжает «жить» в информационном пространстве и после биологической смерти человека. Поскольку не все люди хотят этого, в законодательстве ряда государств, включая Российскую Федерацию, было закреплено «право на забвение». Некоторые страны пошли дальше. Так, например, во Франции еще в 2016 году принят Закон «О цифровой Республике», которым, в частности, устанавливается право человека на «цифровую смерть». Согласно этому закону, как и в случае с обычным завещанием, лицо имеет право на соблюдение поставщиками онлайн-услуг или доверенными лицами его воли в отношении дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной онлайн, и после кончины. Еще один аспект манипулирования «цифровым следом» человека затрагивается в книге К.Айхорн «Конец забвения» (См., например, https://ideanomics.ru/articles/18242?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com; дата обращения 12.01.2020). Это также свидетельствует о том, что в целом проблема «цифровых следов» отдельной личности далека от разрешения.

⁴ См.: *Кутырев В.А.* Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция. 2001. С. 217; *Он же.* Философия трансгуманизма: учебно-методическое пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2010; *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития: научное издание. М., 2018.

видуальной и личностной идентичности человека, а постоянно возрастающий объем информационных потоков, которые современный человек вынужден воспринимать и обрабатывать, порождает у него трудности с синтезом данных и формированием целостного мировоззрения.

Указанные изменения все более прочно «закрепляются» в геноме культуры современной цивилизации.

Изменения культурной матрицы техногенной цивилизации, обусловленные развитием информационных технологий и цифровизацией все большего количества сфер жизни человеческого общества, меняют не только самого человека, но и сущность социальных отношений. Соответственно, трансформируются и социальные регуляторы, формирующие «поле возможностей», в рамках которого эти отношения реализуются. С этой точки зрения не является исключением и право¹. В частности, отмеченное ранее негативное влияние интенсификации процессов цифровизации на человека ведет к тому, что он (человек) утрачивает свои позиции в качестве субъекта права. Так, в результате разрушения своей коллективной, индивидуальной и личностной идентичности человек оказывается неспособен сформировать целостное мировоззрение. А если нет мировоззрения, какое может быть правосознание? Как следствие, происходит постепенная дегуманизация и инфантилизация права, утрачивается его авторитет.

В этих условиях некоторые исследователи уже констатировали смерть субъекта права². Иные³ склоняются к необходимости признать в качестве субъекта права цифровые сущности и неодушевленные вещи, уделяя все большее внимание исследованию вопросов правосубъектности роботов, ответственности их разработчиков, производителей, эксплуатантов и самих роботов.

Недавно к этой проблеме обратились и правотворческие органы различных государств. В Российской Федерации Указом Президен-

¹ О влиянии процессов цифровизации на право см.: *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–109; *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.

² См., например: *Павлов В.И.* От классического к неклассическому юридическому дискурсу. Очерки общей теории и философии права: монография / В.И. Павлов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». Минск: Акад. МВД, 2011. С. 283–291.

³ См.: *Юридическая концепция роботизации: монография* / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019; *Архипов В.В., Наумов В.Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170; *Они же.* Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. 2017. № 1. С. 19–27.

та Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490¹ утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Резолюция «Нормы гражданского права о робототехнике»² утверждена Европейским парламентом несколько раньше — в 2017 году.

Появление новых — «цифровых» — субъектов права влечет за собой изменение сферы правового регулирования, которая становится мультисодержательной за счет включения нетипичных общественных отношений, в том числе и тех, которые практически исключают непосредственное участие человека. Меняется и содержание права. В частности, в июле 2017 года Правительством Российской Федерации была утверждена программа «Цифровая экономика», которая в настоящее время преобразована в Национальный проект «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В целях нормативного обеспечения реализации этой программы к настоящему времени принято более 15 законодательных актов, еще более 30 федеральных законов находятся в стадии разработки. Однако анализ этих законодательных актов и законопроектов показывает, что российская правовая система реагирует на появление новых общественных отношений, связанных с цифровизацией, применяя, в большинстве своем, инструменты доцифровой эпохи, которые не всегда обладают необходимой гибкостью. Соответственно, и эффективность такого регулирования недостаточно велика.

Еще один аспект влияния цифровизации на правовую систему — это изменения в сфере реализации права. Ключевым моментом здесь является появление квазиправовых регуляторов, средств и инструментов реализации права³, основу которых составляет не норма права, атрибутивными признаками которой являются изложение обыденным языком, а также волевой и формально-определенный характер⁴, а программный код, который излагается на языке программирования или языке разметки, жестко определяет алгоритм действия субъекта регулируемых отношений, не предполагая возможности усмотрения, и не является формально-определенным, след-

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

² Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года 2015/2013(INL) P8_TA-PROV(2017)0051 // http://robopravo.ru/riezoliutsia_ies

³ Так, например, в Великобритании робот-медиатор впервые в истории урегулировал гражданский иск в досудебном порядке в феврале текущего года. См.: <https://www.arbitr-praktika.ru/news/2033-robot-yurist-reshil-sudebnyy-spor>

⁴ Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 1999. С. 368–372; Проблемы теории государства и права / под ред. Марченко М. Н. М., 2005. С. 589–596.

ствии чего основанная на нем программа действует по принципу «черного ящика» (рис. 3).

Представляется, что указанные особенности программного кода и основанных на нем квазиправовых регуляторов и иных инструментов и механизмов будут все более ярко проявляться по мере постчеловеческой трансформации человека: сначала — в «живое существо с вкраплениями техники», а в дальнейшем — в «механизм с вкраплениями живого».

Правовой доктриной до настоящего времени не выработаны единые подходы к восприятию таких квазиправовых регуляторов и, в целом, к регулированию отношений в области цифровизации. Одни исследователи полагают необходимым осуществлять **превентивное** правовое регулирование новых экономических, в том числе, цифровых, сущностей («правовой форсайт»)¹, хотя на практике такое решение вряд ли возможно.

Норма права vs Программный код

Норма права	Программный код
Излагается обыденным языком, должна быть простой и доступной, но без ущерба для полноты и ясности нормативного положения	Излагается на языке программирования или языке разметки
Является формально-определенной, т.е. выражена в письменном виде в официальных документах	Программа действует по принципу «черного ящика»
Носит волевой характер	Жестко определяет алгоритм действия, не предполагает возможности усмотрения

Источник: составлено автором

Рис. 3

Другие предлагают максимально широко использовать правовые институты **действующего** законодательства, например, рассматривать все объекты, функционирование которых основано на использовании сложных программных продуктов, как источник повышенной опасности². Такой подход позволил бы учитывать при осуществлении правового регулирования отношений в области цифровизации принцип «защиты прав и свобод человека...», который упомянутая ранее

¹ См.: Сивицкий В.А. К вопросу о правовом регулировании прогнозируемых экономических сущностей. Доклад на сессии «сессии «Экономика и право» XVIII Апрельской международной конференции по проблемам развития экономики и общества, проводимой Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» // <https://conf.hse.ru/2017/program#13.04.2017>

² Крыжановская А.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный в связи с использованием сложных программных продуктов: научно-практическое исследование. М.: КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. 160 с.

российская Национальная стратегия развития искусственного интеллекта называет одним из основополагающих принципов развития и использования технологий искусственного интеллекта.

Однако до настоящего времени соответствующие положения в законодательстве Российской Федерации отсутствуют. А в общественное сознание все более активно внедряется иной принцип: презумпция виновности человека в любых авариях и инцидентах, связанных с использованием объектов, функционирование которых основано на использовании сложных программных продуктов. И объясняется виновность человека именно особенностями программного кода, его жесткой императивностью, которая детерминирует строгую логичность и предсказуемость функционирования управляемых им машин и механизмов. В отличие от алогичности и непредсказуемости поведения человека.

В целом, анализируя влияние трансформаций генома культуры техногенной цивилизации, одним из проявлений которых является интенсификация процессов цифровизации различных сфер жизни человеческого общества, на правовую сферу, нельзя не согласиться с теми исследователями¹, которые прогнозируют изменение механизма правообразования и композиции существующей модели социального регулирования, коррекцию границ известных социальных регуляторов и образование в ней ниши, которую займет программный код. Однако очевидно, что появление квазиправовых регуляторов, инструментов и механизмов правового регулирования, в основе которых лежит программный код, как и вся цифровизация, несет в себе и выгоды, и издержки. И чтобы максимизировать первые и элиминировать вторые необходимо переломить тенденцию дегуманизации права, и вернуть человеку центральное место и в правовом дискурсе.

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–109.

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

Д.А. Пашенцев

Исследования моделей взаимодействия государства и общества, проведенные учеными-правоведами за время существования юридической науки, наглядно доказали, что есть устойчивая взаимосвязь между развитием экономики, государственными инновациями и эволюцией общества. В свое время классики марксизма убедили нас в том, что именно экономический базис определяет надстройку, т.е. применительно к нашему исследованию — право. Изменения в экономическом базисе общества неминуемо влияют на модель общественного развития, на государственные институты, детерминируют эволюцию системы права. В итоге правовая сфера эволюционирует вместе с экономической сферой общества. Этот вывод с неизбежностью вытекает из поддерживаемого многими учеными тезиса о том, что общество первично по отношению к праву и государству².

Ученые много писали о современной фазе общественного развития, начиная от футурологических прогнозов и заканчивая тщательным социологическим анализом социальной реальности. Те характеристики, которые давали и продолжают давать исследователи современной стадии развития общества, предусматриваются методологическими позициями, которых они придерживаются. Это

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

² См.: Честнов И.Л. Право как механизм социального конструирования властью государства и общества // Право как основа взаимодействия государства и общества. М.: Ру-сайнс, 2015. С. 45.

предопределяет разнообразие высказываемых оценок и подходов, множество применяемых терминов и их интерпретаций. В научной литературе, преимущественно западной, оформились такие характеристики современного общества, как постиндустриальное общество, программируемое общество, информационное общество. В основе этих характеристик лежит анализ нового технологического уклада, который определяется развитием современных промышленных и биотехнологий, технологий социального управления, роботизации. Различия в понимании сущности процессов, типичных для современного общества, предусматриваются конфликтом интерпретаций. Интерпретация, как писал П. Рикёр, «имеет место там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов»¹. Многосложность и многослойность современного общества не может быть оспорена; эта многосложность и есть первопричина конфликта интерпретаций. Современное общество превратилось в феномен, который не поддается однозначной трактовке и оценке. «Сложность определения общества, — полагает И.Л. Честнов, — как и любого социального явления, института, состоит в том, что социальность не имеет непосредственной референции (указания на что-то материальное, фактическое, представляющее собой «общество»)»².

Нередко общество понимают как совокупность социальных отношений, «развивающихся и существующих по своим собственным законам». В.П. Малахов считает, что эти законы «отличают общество как от природы, так и от отделившейся от него организации публичной власти в форме государства...»³.

Формулируя собственное определение понятия «общество» с позиций постклассической юриспруденции, И.Л. Честнов пишет, что под обществом он понимает складывающиеся на основе институализации первичного действия представителей элиты «социальные представления и их воспроизводство (в том числе и воспроизведение) конкретными людьми — широкими народными массами, социализованными в рамках данной культуры, выступающей содержанием общества»⁴.

Если принять такое понимание общества за основу дальнейших рассуждений о его базовых характеристиках в современную эпоху,

¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. М., 2002. С. 44.

² Честнов И.Л. Право как механизм социального конструирования властью государства и общества // Право как основа взаимодействия государства и общества. М.: Русайнс, 2015. С. 57.

³ Малахов В.П. Право и общество: методологический смысл союза «и» // Право и общество: эволюция во взаимодействии: матер. междунар. науч. конф. М., 2015. С. 25.

⁴ Там же.

следует остановиться на тех факторах, которые сегодня в наибольшей степени влияют на формирование массовых социальных представлений, на проявление этих представлений в действиях больших групп людей.

Рассматривая особенности развития сегодняшнего общества, будем опираться на несколько постулатов, выработанных постклассической юриспруденцией. К ним отнесем прежде всего следующие тезисы:

- 1) общество как социальное явление имеет индивидуальные, групповые и коллективные проявления, которые объединены друг с другом на основе сложного диалектического взаимодействия;
- 2) в основе общества лежит массово повторяющееся поведение, основанное на общепринятом ментальном образе;
- 3) общество есть социальный конструкт, основанный на предшествующих практиках;
- 4) общество находится в состоянии постоянной трансформации;
- 5) развитие общества определяется историческим и социокультурным контекстом.

Исследователь при изучении объекта неминуемо вносит в него частицу собственной личности с присущим ей мировоззрением, определяющим выбор методологии его изысканий и характер интерпретации полученных результатов. По указанным причинам исследователи высказывают о современном обществе различные мнения, акцентируя при этом внимание на самых разных его характеристиках, которые могут быть оценены также по-разному.

Одним из первых, кто ввел в научный оборот понятие постиндустриального общества, был Д. Белл. На основе его идей была сформулирована и обоснована теория постиндустриального общества, среди создателей которой можно выделить О. Тоффлера, Дж. Гэлбрейта, Д. Рисмана и других западных ученых. В своих работах они указали на такие характеристики постиндустриального общества, как существенное возрастание роли научного знания, коммуникаций и информации, широкое распространение интеллектуального труда, преобладание сферы услуг над сферой производства и т.д. Теория постиндустриального общества постепенно эволюционировала от футурологических прогнозов к наступающей реальности. Особенно это стало очевидным тогда, когда усилилась роль компьютеров в экономике и других сферах общественной жизни. Д. Белл писал, что в ближайшее время появится новый общественный уклад, основанный на новом типе коммуникаций, связанных с компьютером¹.

¹ См.: Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на западе. М., 1986. С. 330.

Много внимания уделяют ученые, исследующие происходящие в современном обществе процессы, развитию информационных технологий. По их мнению, получившему признание и на официальном уровне, особенности развития современного общества во многом детерминированы именно совершенствованием информационных технологий и изменившейся их ролью в современном мире.

То значение, которое ученые стали придавать информации, способам ее передачи и ее роли в общественном развитии, осознание стремительного увеличения информационного потока — все это привело к появлению нового понятия «информационное общество», которое все шире стало применяться наряду с понятием «постиндустриальное общество». У ученых разные подходы к его определению. Встречаются такие его характеристики, как телематическое общество, общество третьей волны, технотронное общество и т.д. Например, А. Тоффлер пишет о трех стадиях или «волнах» общественного развития: доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная, характеризуя последнюю стадию как «общество третьей волны»¹.

Часто в словах, характеризующих новую стадию общественного развития, встречается приставка «пост». Она показывает, что ученые считают новое общество обществом, наступающим вслед за чем-то, после чего-то. Представляется, что речь может идти об окончании эпохи модерна и наступлении постмодерна как нового этапа не только в экономическом развитии, но и в развитии социально-культурном, в формировании нового общественного сознания. Именно размывание основ индустриального общества породило постмодерн, появление которого относится к начавшемуся и незавершенному историческому периоду. Постмодерну предписывают определенное освобождение человека от власти политических и экономических структур, которое пока еще не наступило. Возможно, что контуры такого освобождения мы видим в сетевом общении, в появлении виртуальных личностей из виртуального пространства.

Тем не менее именно понятие «информационное общество» получило наибольшее распространение, причем нередко его считают синонимом понятия «постиндустриальное общество». В то же время понятие «информационное общество» не может охватить все те концептуальные изменения, которые происходят в многогранной общественной жизни. Эти преобразования не ограничиваются только информационным воздействием и информационной средой. Но представляется, что информационный фактор становится главной движущей силой данных трансформаций, а изменившаяся роль информации во многом определяет сегодня вектор общественного

¹ См.: Toffler A. The Third Wave. Bantam Books, 1980.

развития, сущность происходящих в социуме процессов. Стоит согласиться с мнением В.А. Емелина, который пишет, что «наиболее заметными процессами, характеризующими современное общество, будут процессы, связанные с развитием и распространением информационных и других высоких технологий, но нельзя не отметить, что наряду с ними происходят и другие, не менее знаковые для эпохи события, например смена мировоззренческих установок, утрата доверия к былым ценностям, изменение подходов в научном познании, пересмотр ориентиров в социально-политической практике и т.д.»¹.

Сегодня невозможно отрицать стремительность информатизации всех сфер государственной и общественной жизни. Роль и значение информации и каналов ее передачи непрерывно возрастают, и это непосредственным образом сказывается на функционировании государственного механизма, развитии политической системы общества, динамике формальных источников права. Информационные процессы меняют само понимание права и его роли. В геометрической прогрессии растет объем правовой информации, появляются новые каналы ее передачи и доведения до адресатов, трансформируются механизмы правового воздействия на личность. Все это определяет потребность в детальном теоретико-правовом анализе происходящих в правовой сфере процессов, тесно связанных с информацией и информатизацией, а также в принимаемых государственной властью решений, непосредственно влияющих на правопорядок.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 была утверждена Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество» (2011–2020 гг.)². Она содержит комплекс планируемых мероприятий, направленных на развитие информационного общества, и определяет основные направления государственной политики в этой сфере.

9 мая 2017 г. был принят Указ Президента Российской Федерации № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.»³. Новая стратегия заменила прежнюю, утвержденную в 2008 г.

Принятие указанных документов свидетельствует о том, что государство официально рассматривает происходящие процессы как основу формирования информационного общества, признает его существование и соответствующие перспективы его развития в обозримом будущем.

¹ Емелин В.А. Идентичность в информационном обществе. М., 2017. С. 90.

² СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159.

³ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

В основе информационного общества лежит информационная экономика, которая детерминирована определяющей ролью информации в современном экономическом развитии. Информация сегодня становится самым значимым товаром, порой приобретающим наивысшую ценность. Производство информации и торговля ею в современных условиях являются наиболее прибыльным бизнесом. Информация и скорость ее распространения влияют на принятие всех решений, т.е. в конечном счете детерминируют общественное развитие, определяя его темпы и направления.

В процессе исследования базовых характеристик современного общества нельзя ограничиваться лишь его экономическими параметрами. Общественная жизнь — это не только развитие производства и экономические интересы; экономический детерминизм, как и любой детерминизм, односторонне подходит к осмыслению происходящих в обществе процессов. Опираясь исключительно на способ производства, производственные отношения, базис и надстройку, невозможно понять и описать всю глубину и сущность указанных процессов. Помимо экономики на них оказывает воздействие еще множество факторов, среди которых присутствуют как рациональные, так и иррациональные, порой необъяснимые с сугубо материалистических позиций.

Как отмечал Г.В. Мальцев, «социальная эволюция, развитие индивидов и сообществ людей определяются в значительной мере биологическими и психическими детерминантами, которые проявляют себя как под контролем человеческого сознания, так и в обход его, образуют параллельные либо пересекающиеся линии регуляции индивидуального и коллективного поведения»¹. Отсюда следует, что состояние правовой сферы общества зависит от множества факторов, которые лежат вне сферы права. Массовое поведение людей, которое в конечном счете и составляет правопорядок, получает ментальное, психическое и биологическое измерения. Совокупный вектор всех указанных обстоятельств оказывает влияние на развитие современного общества.

Таким образом, нет сомнений в том, что сегодняшнее общество уже не похоже на общество XX в., его развитие вступило в новую стадию. Одним из ведущих факторов, оказывающих влияние на общественное развитие и его параметры, является цифровизация. Под воздействием цифровых технологий меняется экономический базис, а вслед за ним и правовая сфера общества, и психология участников общественных отношений. Это позволяет охарактеризовать современное общество как общество информационное.

¹ Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2011. С. 12.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

О.А. Степанов

Государство и право как антропологические категории обретают новое содержание в рамках формирования цифровой реальности, одним из базовых элементов которой является цифровой профиль — единая платформа, обеспечивающая обмен информацией между государством, гражданами, организациями, в том числе коммерческими.

Если государство в цифровую эпоху может определяться как высшая форма общественной организации, которая способствует общественному развитию на основе рационального регулирования социальных и политических отношений, складывающихся в условиях управления цифровыми соглашениями граждан на информационный обмен, то право вполне может определяться как равная мера к неравным людям, призванная обеспечивать динамическое равновесие между интересами личности и потребностями общества в цифровую эпоху. При этом в условиях цифровизации не следует пренебрегать процессом критического осмысления правового опыта, связанного с использованием систем искусственного интеллекта и перспективами правового регулирования государством такого использования.

Так, все более очевидна необходимость переосмысления роли права, например в части реализации стратегии, нацеленной на недопущение социальной напряженности в связи с внедрением технологии «больших данных», позволяющей до минимума сузить направление поиска необходимых сведений о физических и юридических лицах.

Использование в России технологии «больших данных», обусловленной генерированием информации не людьми, а роботами (приборами для мониторинга, сенсорами, системами наблюдения, опе-

рационными системами персональных устройств, смартфонами, интеллектуальными системами, датчиками и прочее), находящимися в постоянном взаимодействии друг с другом, даст возможность повысить эффективность деятельности государственных органов, организаций и бизнес-структур в десятки, а в ряде случаев в сотни раз. Однако практическая реализация такой технологии несовместима с установленным в законодательстве принципом ограничения обработки персональных данных с заранее определенными целями, который нивелирует ее преимущества, а обезличивание персональных данных не может рассматриваться как гарантия их анонимности, поскольку не обеспечивает выполнения функции эффективной защиты персональных данных.

Государственный уровень осмысления сущности и возможных последствий внедрения в жизнь технологии «больших данных» является в настоящее время довольно низким как в части предупреждения попыток несанкционированного доступа к ним и их дальнейшего использования, так и в части оказания влияния на субъекта указанных данных при наличии такого доступа. Это определяет актуальность анализа проблемы ответственности при реализации технологии «больших данных».

Вместе с тем в цифровую эпоху к праву следует относиться как к действенному средству осуществления политики государства в системе отношений «человек — искусственный интеллект». При этом важно понимать, что характер проблем по локализации негативных явлений, угрожающих безопасности общества определяется способностью государства своевременно принимать соответствующие меры, связанные с возможностью ограничения свободы как отдельного человека, так и группы людей, ответственных за создание социальной напряженности, способной породить социальный конфликт в обществе.

При этом нормы права важно рассматривать в качестве средства обеспечения безопасного развития общества, призванного нивелировать социально опасные для развития социума процессы.

Поскольку правовая норма способна оказывать психологическое воздействие на человека, то правовой эффект в конечном счете следует искать в самом поведении личности, а не в способах и формах, с помощью которых он достигается. С учетом этого ориентация на результативную составляющую правового регулирования, возникающую после ответной реакции личности на правовые предписания, предполагает, что право должно рассматриваться в качестве средства, позволяющего обеспечивать динамическое равновесие между интересами личности и государства в условиях внедрения технологии «больших данных». При этом минимальным требованием для наступ-

ления, например, уголовной ответственности может быть поведение, связанное с осознанным действием или бездействием, влекущим за собой общественную опасность. Если же такое поведение будет связано с совершением преступления, которое не предполагает наличия виновного психического состояния лица, то содеянное является преступлением, ответственность за которое может наступать и без наличия вины. В этом случае важно, как юридическая доктрина и практика в государстве раскрывают содержание основных признаков преступления, противоправности деяния и виновности в его совершении, т.е. речь идет о том, может ли быть признано преступлением деяние, влекущее за собой общественную опасность, но не являющееся результатом сознания и воли.

С теоретико-правовых позиций за этим скрывается возможность применения объективного вменения. Поскольку ответственность как правовое явление располагается в диапазоне отношений, ограниченном виновной ответственностью, с одной стороны, и безвиновной — с другой, то понятия виновной и безвиновной ответственности являются не абсолютными, а относительными. Соответственно конструкции виновной и безвиновной ответственности носят идеальный характер в том смысле, что в практических целях провести четкую границу между ними невозможно.

Однако важно отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации существует понятие хозяйственного и профессионального риска. Но с точки зрения введения объективной ответственности за правомерную опасную деятельность, связанную, например, с использованием технологии «больших данных», требуется проработка вопросов в части определения допустимой степени риска, возможности его эскалации, а также действий должностных лиц, берущих на себя ответственность за риски¹.

Наряду с этим характер проблем, с которыми придется в личном, групповом, общественном аспектах сталкиваться обществу и государству в цифровую эпоху, предполагает необходимость принятия соответствующих мер по локализации негативных явлений социального характера.

¹ Следует отметить, что еще в 1938 г. идея риска как субъективного основания безвиновной ответственности была выдвинута Х. И. Шварцем при защите им кандидатской диссертации, посвященной значению вины в обязательствах из причинения вреда. Субъективное основание ответственности владельца источника повышенной опасности Х.И. Шварц усматривал не только в умысле и неосторожности, но и в предвидении общим образом этим владельцем вероятной возможности причинения вреда. Это означает, что в рассуждениях Х.И. Шварца речь шла о сознательном предвидении — допущении определенного результата. См.: *Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве*. Душанбе: Ирфон, 1972. С. 211.

Так, в целях реализации обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, а также охраняемых законом интересов общества и государства Генпрокуратура России уделяет особое внимание внедрению в свою практику методов высокотехнологичного надзора — выполнение на основе комплексной оптимизации надзорных функций единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия правоохранительных органов всех уровней между собой и с другими государственными органами¹. Основные задачи такого надзора сводятся к:

- совершенствованию правового, научно-методического и организационно-технологического обеспечения автоматизированной оценки качества деятельности правоохранительных органов;

- повышению эффективности надзора путем внедрения современных и перспективных информационных технологий обработки первичной информации во всех видах надзорной деятельности;

- повышению оперативности прокурорского реагирования на нарушения закона, устранение причин и условий, им способствующих;

- сокращению времени реагирования на поступающие обращения;

- обеспечению своевременного, в том числе дистанционного, получения объективной, полной и достоверной информации о состоянии законности и работы по профилактике правонарушений и преступлений;

- повышению обоснованности принимаемых решений в рамках исполнения надзорных функций и учета характерных закономерностей, свойственных нарушениям в установленной сфере надзора.

Поскольку система средств, обеспечивающая эффективное правовое воздействие на новые общественные отношения, представляет собой комбинацию взаимосвязанных юридических, социально-экономических и психологических элементов, определяющих волевое поведение участников такого рода общественных отношений, то речь следует вести о специфическом комплексе средств регулирования общественных отношений с использованием приемов специально-юридического, социального и психологического механизмов действия права.

Специально-юридический аспект механизма правового регулирования применительно к рассматриваемой проблеме связан с юридическим обязыванием как способом, предопределяющим поведение должностных лиц, ответственных за функционирование электронных банков данных конфиденциальной информации в государственных и муниципальных органах.

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_278651/

Психологический аспект механизма правового регулирования связан с формированием мотивов поведения личности, вовлеченной в отношения, вытекающие из экономических либо иных факторов ее жизнедеятельности и определяющие ее правосознание, а также с взаимовлиянием внутренних и внешних условий, приводящих личность к правонарушению.

Социальный аспект механизма правового регулирования определяется необходимостью формирования социально безопасных образцов поведения лиц, о которых информация хранится в электронных банках данных, а также необходимостью социального контроля за распространением такой информации.

Правовое регулирование, являясь, с одной стороны, результатом целенаправленного воздействия государства на развитие общественных отношений, а с другой — фактором их стабильности, средством достижения общественно значимых параметров при обеспечении обратной связи между результатами регулирования и деятельностью государства, призвано органично объединять все правовые явления, связанные с функционированием системы «личность — право — государство», и одновременно определять их роль в данной системе.

В связи с этим представляет интерес мнение И. Маска о том, что, например, проблема искусственного интеллекта — тот редкий случай, когда необходимо проявить активность в регулировании вопроса, иначе может быть слишком поздно. «Правительственные органы должны активнее вмешиваться в разработку искусственных интеллектов, регулируя и ограничивая ее, дабы избежать негативных последствий — искусственный интеллект является фундаментальным риском для существования человеческой цивилизации, его регулирование имеет «жизненно важное значение»¹.

С учетом этого можно заключить, что роль государства и права в сфере обеспечения безопасности в цифровую эпоху допустимо связывать с прогрессом свободы личности при условии определения границы такой свободы. Данное обстоятельство предполагает настройку правовой системы на режим ее действия, который основывается на реализации принципа ограниченной рациональности, т.е. на выборе удовлетворительной, а не оптимальной альтернативы ее функционирования. Исходя из этого, реализация гарантий безопасности как личности, так и государства в цифровую эпоху должна быть связана с изменениями в системе правовых и нравственных ценностей, которые в ряде случаев предстоит переосмыслить.

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3359613>

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Д.А. Фурсов

Будучи известным социологом, Даниел Белл не мог пройти мимо философских и социологических трудов своего предшественника Карла Маркса. Признавая масштаб мысли последнего, Белл рассматривал общественное развитие не как смену форм собственности и на этой основе переход от одной общественно-экономической формации к другой (феодализм, капитализм, социализм), а как совершенствование научных знаний (доиндустриальное общество, индустриальное, постиндустриальное).

Блестящие воззрения Маркса, основанные на объективных экономических категориях, пока не нашли подтверждения в общественной практике. Следует обратить внимание на то, что Маркс объявил лишь о «призраке коммунизма», бродящем по Европе. Лидеры рабочего движения, обуреваемые личными мотивами классовой борьбы, чрезмерно торопили события, упоая на возможность насильственного свержения прежней власти.

Даже в странах с режимом народной демократии, установленным после Второй мировой войны, этот «призрак» не смог обрести место постоянного обитания. Как справедливо отмечено специалистами, не пролетариат на этом этапе исторического развития уничтожил рынок, а рынок уничтожил плановую экономику.

Идеи Маркса оказались невостребованными не потому, что они глубоко ошибочные, а по причине отсутствия в расчетах вождей рабочего движения критерия, именуемого субъективным фактором, определяющим сознание нового человека новой социалистической формации. Сторонники марксистского учения были уверены в том, что невозможно кардинально изменить способ производства, в отличие от человеческого сознания.

На деле все оказалось иначе. Формирование сознания подчинено своим закономерностям, установленным природой темпам роста и падения, которые не имеют ничего общего с прежними программными заявлениями съездов коммунистической партии и постановлениями ее политического бюро. Воспитание нового человека оказалось очень гуманной, но весьма прожектерской целью, не имеющей достаточного научного основания.

Поэтому вовсе не исключено, что учение Маркса вновь окажется востребованным спустя десятки лет, когда индивидуальное и общественное сознание по свойственным им закономерностям окажутся на качественно ином уровне развития. Объективное к тому основание можно видеть во «Фрагменте о машинах», где Маркс указывал на то, что социализм возможен тогда, когда основной продукт является интеллектуальным, а знание представляет собой главную производительную силу и общее достояние.

Идеи Маркса по существу — это очертания зарождающегося информационного общества и даже цифровой экономики. Они не содержат призыва к созданию пролетарского государства на булыжной основе, несмотря на личные симпатии Маркса к революционной борьбе с эксплуататорским классом.

В современных условиях британский экономист левых взглядов Пол Мейсон заявляет о том, что капитализму угрожает прежде всего цифровая революция. По его мнению, информационные технологии кардинально сокращают потребность в труде, размывают границы между рабочим и свободным временем, ликвидируют дефицит товаров, услуг и самой информации. Тот дефицит информации, на котором строится рынок. Большое количество интеллектуальных продуктов создается добровольно и бесплатно. Ослабевает диктат рынка и менеджерской деятельности, рушатся целые сектора прежней устаревшей экономики, а попытки приватизировать информационные ресурсы, создаваемые всем обществом, заведомо не могут быть успешными¹.

Развитие идей Маркса в трудах Белла тоже нельзя назвать универсальным и безупречным. Работы последнего не могут иметь программное значение и служить руководством к действию, но они представляют огромный интерес с точки зрения подхода к управлению обществом вне зависимости от государственного устройства и политических предпочтений. Сегодня эти идеи получили второе дыхание, поскольку в условиях цифровой экономики, информатизации общества и его отдельных институтов возможности управлен-

¹ См.: Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / пер. с англ. А. Дунаева. М., 2016.

ческого воздействия и ответного взаимодействия с обществом выросли многократно.

Белл называл себя социалистом в экономике, либералом в политике и консерватором в культуре. К этому следует добавить его очевидную роль новатора в науке.

Постиндустриальное общество, очертания которого были предложены Беллом в качестве научного прогноза, является по существу информационным¹. В этом обществе глубоким теоретическим знаниям отдаются все приоритеты. Принятию решений сопутствует использование интеллектуальных технологий. Даже рабочий класс вынужден стать пролетариями умственного труда (по Беллу, это лаборанты, техники, ассистенты, младшие научные сотрудники).

Белл придавал решающее значение научному управлению обществом². Всюду он предлагал видеть социальные подсистемы, применительно к каждой из которых требуется разработка специфических комплексных средств управления.

Одной из таких подсистем, имеющих ярко выраженные особые свойства, является сфера организации государством правосудной деятельности. Она требует научного управления, ее состояние определяется историческими условиями, возможностями в сфере сознания и правосознания, информационными технологиями, создающими открытое пространство для обсуждения образцов справедливого разбирательства и его итогов.

Сегодня имеет место конституционное закрепление самостоятельности и независимости судебной власти от других ветвей государственной власти. Однако для понимания социального управления названной подсистемой этого явно недостаточно.

Требуется глубоко научные теории, позволяющие понять и построить на основе самой лучшей модели все звенья указанной разновидности государственной деятельности — от формирования профессионального судебного корпуса до принятия решений, организации работы в проверочных судебных инстанциях. Рассчитывать на то, что достаточно создать судебную систему, сформировать органы судебного сообщества, а все остальное приложится само собой, лженаучно. В современных условиях модель организации правосудия требует математической точности, информационной наглядности, без которых многие околonaучные рассуждения чаще всего лишены содержания, а порой и смысла.

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.

² См.: Белл Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века. М., 2007.

Мы слабо себе представляем возможности цифровых технологий и тех революционных перемен, которые в них заложены. Это далеко не только социальные сети, официальные сайты, возможности многократного копирования и хранения информации, не только средства телекоммуникаций, информационных баз данных и всего того, что уже сегодня находит широкое распространение в деятельности судебных органов. В рамках настоящей статьи важно обратить внимание на предпосылки правосудной деятельности и условия ее надлежащего осуществления.

Предпосылки правосудия связаны с отбором лучших юридических кадров, которым предстоит взойти на профессиональный Олимп, так как более сложной, ответственной и самостоятельной деятельности, чем судейская, не существует. В этих целях проводятся квалификационные экзамены, по результатам которых проблематично установить масштаб и глубину юридических познаний, поскольку экзаменационная комиссия оценивает знания по одному экзаменационному билету.

Квалификационные коллегии судей как профильные органы судейского сообщества анализируют представленные кандидатами в судьи характеристики, заслушивают при наличии к тому возможностей рекомендации в их адрес, которые по существу являются протекциями.

Такая работа выглядит привычной и в чем-то шаблонной. Она имеет те результаты по формированию корпуса штатных должностных лиц, которые мы наблюдаем. Попутно следует отметить, что подобная работа отражает в основных чертах стандартный мировой опыт.

Институтом проблем правоприменения при Европейском университете (Санкт-Петербург) в прошлом году было проведено исследование на тему создания образа идеального судьи. Поставленная задача не была решена, но экспертами в ходе проведенного анализа более двух тысяч анкет кандидатов в судьи была установлена следующая закономерность. Судебная система принимает в свои ряды тех претендентов, которые готовы мыслить стандартно и, как правило, имеют опыт аппаратной судебной работы.

Независимость и беспристрастность, по их мнению, ценятся намного меньше, чем уважение внутри судейского коллектива, основанного на показателях работы (количество обжалованных и отмененных судебных решений). Поэтому личные убеждения судьи, на основе которых должно приниматься решение без оглядки на перспективы пересмотра дела проверочными судебными инстанциями, не ставятся во главу угла.

С таким экспертным заключением нельзя согласиться в главном. Правосудие как величина стабильная и предсказуемая не может и не

должна зависеть от особенностей психического склада и тем более от оригинальности мировоззрения отдельно взятых судей.

Суды вынуждены заниматься оценкой доказательств и даже недостающим судебным нормотворчеством. Это всем давно понятно. Для обеспечения единства толкования норм права применительно к тем или иным заявленным обстоятельствам, имеющим как типовое, так и индивидуальное проявление, предпринимается система мер по сведению многообразных индивидуальных точек зрения к единому знаменателю (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, рабочие совещания и т.д.). Без такого знаменателя достижение единства судебной практики невозможно. Без единой судебной практики правосудия не бывает. Упование на личность судьи и ее особенности, безразличное отношение к мнению вышестоящей проверочной инстанции могут привести не только к правосудию, но и произволу судебной власти. Поэтому абсолютизация личностных качеств, их отрыв от целей профессиональной деятельности недопустимы.

Тем не менее с точки зрения современной науки в работе по отбору кандидатов в судьи упускается самое главное. А именно установление уровня индивидуального сознания каждого претендента с максимальной точностью. Кинезиологический метод, используемый профессиональными психологами, позволяет решить поставленную задачу быстро и безошибочно, оставляя все возможности для контроля за достоверностью каждого измерения. Удивительно то, что докторская диссертация по указанному поводу была защищена почти четверть века тому назад¹, ее основательность никем не оспорена, но и широкого практического применения полученных результатов мы не наблюдаем.

Все сказанное представляется особенно важным потому, что уровень сознания полностью определяет уровень правосознания, без которого понимание верховенства права, обеспечение справедливости заведомо становится недостижимым либо проблематичным.

Использование указанного метода позволяет обеспечить назначение на судейские должности самых лучших претендентов с математической точностью. Важно детальное знание юридической материи, но не до такой степени по сравнению с уровнем сознания. Детализация профессионального опыта является вполне восполнимой задачей при наличии основательных базовых знаний, и ее решение не занимает много времени, в отличие от уровня сознания, для повышения которого на величину в 5–10 баллов (по шкале в 1000 бал-

¹ Диссертация на тему «Качественный и количественный анализ и измерение уровней человеческого сознания» была защищена Дэвидом Хокинсом в 1995 г.

лов) требуется смена поколения, т.е. период, измеряемый четвертью века.

В последние годы в судебском сообществе все чаще обсуждается возможность полной или частичной роботизации деятельности по отправлению правосудия. Применительно к возможностям искусственного интеллекта это не выглядит задачей надуманной. Сегодня речь идет о создании не вчерашних роботов — механических помощников, а машин, обладающих искусственным интеллектом, для совершенствования которого ежегодно в мире вкладывается, по данным открытых источников, 25 млрд дол.

К сожалению, многие специалисты в области юриспруденции такую возможность категорически отвергают даже на будущее время¹. Авторы ссылаются на незаменимость человека в оценке представленных доказательств, личности правонарушителя, итоговых выводов применительно к обстоятельствам дела.

Имеется и другая точка зрения, в соответствии с которой робот-судья незаменим в силу того, что ему не нужна совесть, он всегда будет действовать в соответствии с законом. Работа невозможно подкупить, заинтересовать, напугать или обмануть.

Когда говорят о том, что судье не нужна совесть и все вопросы решаются автоматически только на основе закона, становится не по себе. Невинные на первый взгляд рассуждения приводят к отказу от верховенства права, на котором построено все современное отечественное конституционное мировоззрение. Эта позиция приводит к верховенству закона по армейскому образцу.

В этом есть некоторые положительные стороны, но в целом подобный подход следует признать неприемлемым, поскольку закон далеко не всегда отражает реалии жизни. Проблема заключается не в освобождении судьи от компонента совести, а в нахождении математических средств для максимально достоверного моделирования параметров правосознания, непосредственно связанных с оценкой человеческого поведения с учетом категории совести.

Во всем остальном, что связано с беспристрастностью, однотипностью оценочного подхода к разным субъектам в одинаковых условиях, содержатся многочисленные рациональные зерна. Современные интеллектуальные продукты придают значение содержанию правоотношений. Они даже раскрывают, опираясь на индивидуальную и групповую выборку фактов, субъективные особенности личности судьи, которые мешают ему работать, приводят к закономерным отклонениям от принятия беспристрастного судебного акта.

¹ См., например: Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6.

Зарубежные исследования, проведенные с использованием возможностей искусственного интеллекта, демонстрируют, что судья бывает более добрым ранним утром и сразу после обеда в противовес периоду до обеда и к концу рабочего дня. Искусственный интеллект установил и другие, так называемые скрытые, закономерности судейского поведения, в том числе связанные с тем, каким аргументам судья отдает предпочтения, какая стилистика выступлений сторон его раздражает (Thinking, Fast and Slow).

Создатели интеллектуального продукта отдают себе отчет в его реальных возможностях, способны тестировать программные продукты в любых проекциях и измерениях. Понятно и нам, что работа судьи без привлечения помощи со стороны искусственного интеллекта уже является неэффективной либо чрезмерно затратной. Неэффективность, как и чрезмерные временные затраты, связаны главным образом с освоением огромного массива сложившейся, порой противоречивой судебной практики, без изучения которой невозможно обеспечить ее единство в рамках заявленных требований.

Искусственный интеллект в отличие от человеческого интеллекта способен к круглосуточному и круглогодичному самообучению. Он никогда не устает, не болеет, не отвлекается, не пугает исходные данные, не страдает логическими ошибками, свойственными человеку. Он легко осуществляет систематизацию, выявляет пробелы и противоречия, обеспечивает должностному лицу условия для продуктивной работы. В недалеком будущем он сможет выполнять все указанные функции, вплоть до принятия итогового решения самостоятельно.

В области медицины, где в самых сложных ситуациях на грани жизни и смерти требуется собрать, интеллектуально обобщить огромный объем разнородной информации в минимально допустимый отрезок времени, использование нейронных сетей стало нормой профессиональной деятельности. Без этой разновидности искусственного интеллекта и постановка окончательного диагноза, и методика хирургического вмешательства, и медикаментозное сопровождение пациента, и прогнозы его состояния были бы невозможны. Если врачи по аналогии с судьями откажутся от современных аппаратных средств с элементами искусственного интеллекта, ссылаясь на незаменимость человеческого фактора и личного врачебного опыта, то они неизбежно возвратятся из века высоких технологий в мир, подобный мрачному средневековью.

Конечная цель правосудия очевидна, и она состоит в скорейшей защите, а также восстановлении нарушенного права¹. Но такое док-

¹ См.: Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции. М., 2000.

тринальное обозначение цели еще не обеспечивает средства для ее реализации. Общеизвестно, что путь к достижению поставленной цели должен быть истинным, а не основанным на отрывочных знаниях, разорванных суждениях, непредсказуемых впечатлениях.

Речь идет о том, что все процессуальные действия, все процессуальные институты должны быть переведены на математический язык алгоритмов. Это первейшая задача, для решения которой понадобится не только исходное программное обеспечение, но и применение искусственного интеллекта в целях анализа доктринальных предложений и практического судебного опыта. Представляется, что без искусственного интеллекта не обойтись при систематизации новых научных знаний, в том числе необходимых для правосудной деятельности, принимая во внимание бесчисленные и разрозненные диссертационные работы, в которых авторы самостоятельно определяют предмет исследования безотносительно к смежным дисциплинам и планам работы иных научных центров.

Единство статуса судей вовсе не обеспечивает их равные интеллектуальные возможности, идентичные нравственные оценки, одинаковую широту и глубину взглядов на содержание спорных правоотношений. Особенно много нареканий высказывается в периодических изданиях применительно к так называемому судебному усмотрению. Этому усмотрению законодатель придает большое значение, на нем по существу основаны оценка судебных доказательств, признание доказанными либо недоказанными юридически значимых фактов.

Многие авторы приходят к убеждению, что судебное (его чаще называют судебским) усмотрение вообще не имеет границ, простирается от высокой морали до ее полного отторжения. При этом они не винят в таких разночтениях судей как вершителей судеб, объясняя названное явление известной поговоркой: каково время, таковы и нравы.

Между тем речь идет о защите вечных ценностей, достижении справедливости в заданных исторических условиях. Расхожее суждение о том, что у каждого своя правда, ничего не объясняет. У истца и ответчика действительно могут быть в силу их личной заинтересованности противоположные взгляды на понимание справедливого разрешения спора. Но особенность суда и состоит в том, что, не имея субъективного интереса к результатам рассмотрения дела, он обязан выдавать образцы, эталоны справедливости при заданных обстоятельствах, в наличии которой не должно возникать никаких сомнений.

Судебная оценка имеет как внешние, так и внутренние границы. Внешние пределы установлены законодателем с учетом природы

спорных правоотношений. Внутренние границы определяются законами логики и нравственными категориями добра, совести. Отсюда следует первейшая обязанность суда проявлять добросовестность при рассмотрении каждого порученного ему дела.

Чтобы обеспечить условия добросовестной судебной работы, необходимо последовательно разобраться с рядом вопросов:

- что является предметом спора;
- что относится к предмету доказывания;
- какие факты, имеющие юридическое значение, не требуют доказывания (признаются сторонами, являются общеизвестными, преюдициально установленными);
- какие доказательства представлены сторонами и какой оценки они заслуживают;
- какие доказательства судом отвергаются и по каким мотивам;
- признаются ли представленные доказательства достаточными;
- какие нормы права и при каком их толковании способны обеспечить содействие в защите и восстановлении нарушенного права.

Приведенный перечень вопросов легко укладывается в рамки той компетенции, которая относится к возможностям искусственного интеллекта. Это обнадеживает.

Чтобы определить реальные возможности искусственного интеллекта в осуществлении деятельности по отправлению правосудия, необходимо передать ему на рецензию судебные акты первой инстанции, после чего получить оценку полученных заключений от лучших профессиональных кадров.

Не меньше возможностей имеется для использования искусственного интеллекта в проверочной судебной деятельности. Было бы весьма познавательно с его помощью проанализировать судебные определения об отказе в отмене судебного решения апелляционным и кассационным судом либо об отказе в пересмотре судебных актов во второй кассации, судебном надзоре.

Выбор названной группы судебных актов связан с двумя группами фактов. Во-первых, при всей незаинтересованности суда в исходе дела все-таки подготовить отказной акт намного проще, чем детально разобраться во всех обстоятельствах, связанных с доводами лица, подавшего жалобу. Во-вторых, в высокие судебные инстанции поступают тысячи жалоб, а пересмотр дел исчисляется ничтожной долей от общего количества обращений.

Искусственный интеллект мог бы оказаться незаменимым арбитром при обсуждении обоснованности отказов в пересмотре дел, организации действенного контроля, осуществляемого руководством судебного учреждения за этим участком работы. Вряд ли искусственный интеллект согласится с судебным определением без какой-либо

его привязки к жалобе, т.е. с таким текстом определения, который можно как штамп использовать при отказе в пересмотре любого дела.

В настоящее время известно, что робот-судья сконструирован британскими специалистами. Он имеет своего прототипа и в отечественной науке (одна из моделей создана, в частности, специалистами Казанского государственного университета). В связи с этим говорить о роботизации правосудия на основе искусственного интеллекта как об утопической далекой мечте не приходится.

Речь идет даже не о будущем. Это одна из главных современных проблем, которой свойственно ускоренное научное развитие в условиях конкурентной среды. Роботизация необходима для совершенствования научного управления обществом в таком его сегменте, который именуется правосудной деятельностью. Решение этих задач со всей очевидностью позволит не только идти в ногу со временем, но и поднять правосудие на качественно новый уровень и по глубине аналитики, и по параметрам справедливости, и по степени открытости в деятельности всех органов судебной власти.

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Р.Р. Исмаилов

Появление искусственного интеллекта, под которым обычно понимается небиологическое, автономное существо, обладающее способностью принимать самостоятельные решения, существенно изменило жизнь общества в различных его проявлениях. Такие направления жизнедеятельности человека, как транспорт, здравоохранение, образование и многие другие, подверглись революционным изменениям благодаря использованию возможностей искусственного интеллекта.

Судебная деятельность не может быть исключением и находится в стороне от этих процессов. Председатель Верховного суда США Джон Робертс на вопрос о том, наступит ли день, когда искусственный интеллект будет помогать судье при разрешении дел, ответил, что этот день уже наступил¹.

Следует отметить, что использование искусственного интеллекта в судебной деятельности имеет различные положительные последствия. Так, искусственный интеллект способствует значительному уменьшению негативного воздействия таких факторов, как усталость и эмоциональная нестабильность. В связи с этим интересны результаты исследований израильских ученых, проведенных по поводу вынесения судьями решений об условно-досрочном освобождении осужденных. Исследование показало, что судьи чаще удовлетворяют ходатайства об освобождении в начале рабочего дня. В частности, один из судей примерно в 65% случаях был гораздо мягче в начале дня, а ближе к наступлению обеденного перерыва отклонял большинство оставшихся ходатайств².

¹ См.: *Liptak A. Sent to Prison by a Software Program's Secret Algorithms* // New York Times. 1 May 2017.

² См.: *Danzigera Sh., Levavb J., Avnaim-Pessoa L. Extraneous factors in judicial decisions.* URL: www.pnas.org/content/108/17/6889.full.pdf

Использование искусственного интеллекта также может выявить и наглядно показать существующие в обществе предубеждения в отношении той или иной социальной группы. Так, одна из программ, предсказывая вероятность совершения осужденными повторных преступлений, выдала результат, имеющий дискриминационное значение по отношению к афроамериканцам¹.

Использование искусственного интеллекта в судебной деятельности также может быть позитивным шагом в вопросах, связанных с минимизацией коррупционных рисков. Однако он, несмотря на положительное воздействие на качество отправления правосудия, подвергается существенной критике. Одним из наиболее распространенных доводов против применения искусственного интеллекта в судебной деятельности является утверждение о том, что толкование неизбежно сопряжено с такими категориями, как честь, достоинство, справедливость, добросовестность, оценить которые не представляется возможным². Не давая оценку данным утверждениям, хотим отметить, что полемика по этому вопросу в конечном счете приводит к возобновлению споров о соотношении права и морали, о роли позитивизма и естественно-правовой теории в правовом толковании.

В конституциях ряда стран наряду с принципом отправления правосудия только судами закреплены основополагающие требования, предъявляемые к судьям. Так, согласно ч. 1 ст. 126 Конституции Азербайджанской Республики «судьями могут быть граждане Азербайджанской Республики, обладающие избирательным правом, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 5 лет»³. Сходное требование предусмотрено в ст. 119 Конституции Российской Федерации⁴.

¹ См.: *Ehrenfreund M.* The machines that could rid courtrooms of racism // The Washington Post. 18 August 2016.

² См.: *Shay L., Hartzog W., Nelson J., Conti G.* Do robots dream of electric law? An experiment in the law as algorithm // *Robot Law*. Edward Elgar Publishing, 2016. P. 274, 277; *Surden H.* Computable Contracts // *U.C. Davis Law Review*. 2012. Vol. 46. P. 629.

³ Azərbaycan Respublikasının Konstitusiyası. 1995-ci il noyabrın 12-də ümumxalq səsverməsində (referendumda) qəbul edilmişdir. 1995-ci il noyabrın 27-dən qüvvəyə minmişdir. 2002-ci il avqustun 24-də ümumxalq səsverməsində (referendumda) qəbul edilmiş dəyişikliklərlə. 2009-cu il martın 18-də ümumxalq səsverməsində (referendumda) qəbul edilmiş əlavə və dəyişikliklərlə. 2016-cı il sentyabrın 26-da keçirilmiş ümumxalq səsverməsində (referendumda) qəbul edilmiş əlavə və dəyişikliklərlə. URL: <http://www.e-qanun.az/framework/897>

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Из указанных норм следует, что судьями могут быть люди (граждане), отвечающие определенным критериям (возраст, специальное образование, стаж работы по специальности). Все эти критерии — необходимые условия, а отсутствие хотя бы одного из них является препятствием для замещения должности судьи. Соответственно, в указанной конституционной норме речь не идет об искусственном интеллекте.

Кроме того, озвученные положения об отправлении правосудия исключительно судом означают, что только суд (судьи) вправе выносить юридически значимые решения, имеющие обязательную силу, — судебные акты. Учитывая сказанное, попытаемся выяснить, какая роль может быть отведена искусственному интеллекту в условиях конституционного регулирования, предполагающего запрет на делегирование судебных полномочий.

Во-первых, искусственный интеллект может выполнять функцию консультанта, которому поручено обеспечить судью правовыми материалами, необходимыми для разрешения конкретного судебного дела. Такого рода деятельность чаще всего наиболее отчетливо проявляется в деятельности конституционных и верховных судов, когда судьи для разрешения дела должны учитывать не только законодательство, но и доктринальные источники, а также судебную практику, в том числе международных и зарубежных судов.

Запрос на поиск информации может быть как простым (найти конкретную научную статью или судебное решение), так и сложным (найти всю необходимую литературу для разрешения конкретного судебного дела и расположить источники по степени их релевантности). Указанный в качестве примера сложный запрос предусматривает ознакомление искусственного интеллекта с обстоятельствами дела, содержание же запроса предполагает, что его результат будет соответствующим образом структурирован, оказывая таким образом определенное воздействие на ход дальнейшей толковательной деятельности, осуществляемой судьей-человеком.

Кроме того, предоставление информации искусственным интеллектом, скорее всего, сделает невозможным обсуждение с исполнителем запроса, каким образом он пришел к соответствующим результатам своего поиска и почему тот или иной источник является более релевантным. Налицо проблемы транспарентности в деятельности искусственного интеллекта и невозможности контроля за процессом обработки им информации, которые отмечаются в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах.

Как представляется, поиск и исследование материалов, осуществленные искусственным интеллектом, и дальнейшая толковательная

деятельность взаимозависимы. Во всяком случае сложный запрос, включающий в себя основные обстоятельства дела, может фактически вынудить искусственный интеллект дать результаты, которые существенным образом повлияют на структуру будущего судебного решения, если не предопределят его. Поэтому можно с некоторой долей уверенности говорить, что такая форма участия искусственного интеллекта в осуществлении правосудия может быть сопряжена со скрытым делегированием полномочия по непосредственному отправлению правосудия.

Во-вторых, искусственный интеллект может выполнять функции эксперта, которая будет сводиться к предложению своего видения того, как следует разрешить дело. В деятельности конституционных судов ряда стран довольно широко распространена практика по привлечению ученых-экспертов для дачи заключения по делу. В данном случае вовлеченность в процесс искусственного интеллекта носит открытый характер. Такое участие играет вспомогательную роль и может быть оценено как положительное, так как способно оказать существенную помощь суду без делегирования полномочий по отправлению правосудия.

Вместе с тем может сложиться впечатление, хотя вероятно и обманчивое, что частое обращение в судебных решениях к результатам заключения искусственного интеллекта свидетельствует о небольшой квалификации судьи. В любом случае существует вероятность регулярного, без соответствующего критического осмысления, следования варианту толкования, предложенному искусственным интеллектом, в том числе и по причинам психологического характера. Поэтому, несмотря на то что в данном случае участие транспарентно, вероятность фактического нелегитимного делегирования также присутствует.

В-третьих, по мнению некоторых авторов, искусственный интеллект может быть использован в судебной деятельности посредством наделения его ограниченными судебными полномочиями с фактическим, хотя и частичным, делегированием полномочий по отправлению правосудия. В данном случае судья-робот и судья-человек работают над одним и тем же судебном делом в рамках разных процессов. Искусственный интеллект наделяется функцией вынесения решений, однако их оспаривание означает автоматическую отмену и необходимость рассмотрения дел по существу судьей суда первой инстанции.

Такой порядок указанными авторами предлагается применять только в отношении так называемых легких дел, когда обстоятельства дела не требуют толкования или существует устоявшаяся судебная практика по разрешению аналогичных споров.

Несмотря на то что неконституционность такого участия искусственного интеллекта в отправлении правосудия не может быть признана бесспорной, эффективность предложенного варианта вызывает определенные сомнения ввиду наличия проблемы «черного ящика», когда искусственный интеллект не мотивирует своего решения. Однако существует высокая степень вероятности того, что проигравшая сторона по делу воспользуется возможностями двухступенчатой системы рассмотрения дела с обязательной отменой решения судьи-робота при его оспаривании.

Кроме того, представляется довольно проблематичным определить заранее, является ли дело «легким». Указанная градация судебных дел связана с принижением роли толкования по «легким делам», которые, видимо, в силу своего характера должны рассматриваться автоматически, путем механистического сопоставления фактических обстоятельств с регулируемыми нормами. Любое правоприменение независимо от характера и особенностей рассматриваемого дела должно неизбежно включать в себя определенные мыслительные процессы, связанные с выбором и тщательным анализом правовой нормы или группы норм, подходящих к применению в соответствующем деле.

Изложенное свидетельствует о важности дальнейшего обсуждения проблем, касающихся согласования использования искусственного интеллекта в судебной деятельности с конституционным регулированием, не допускающим делегирования полномочий по осуществлению правосудия.

ПРЕДЕЛЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ПОД ВЛИЯНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

М.Л. Давыдова

То, что «...компьютер — в качестве «аналитической машины» ... трансформирует общество второй половины XX века...»¹, сегодня не нуждается в доказательствах и дополнительных иллюстрациях. Вряд ли найдется социальная сфера, до сих пор не подверженная влиянию информационных технологий. Весьма заметно это трансформирующее воздействие проявляется и в правовой сфере, иногда коренным образом ее изменяя.

Следует, однако, оценить, насколько существенными оказываются эти изменения? Вполне наглядными, к примеру, являются развитие внешних форм права, фиксация его норм на различных носителях (от камня и папируса до современного электронного документа и облачного хранилища). Но как бы по-разному не выглядели эти носители, само их существование обусловлено наличием такого существенного свойства права, как формальная определенность и связанных с нею общеизвестности и доступности, с древнейших времен и по настоящее время выступающих основанием презумпции знания закона. Таким образом, то, что на первый взгляд кажется принципиальным новшеством, при ближайшем рассмотрении вполне укладывается в универсальный вневременной набор качеств права.

¹ Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

Право как система характеризуется открытостью, динамизмом и адаптивностью¹, обуславливающими его способность принять и «переварить» любые социальные изменения. Взяв за основу структуру правовой системы и рассмотрев каждый из ее элементов в отдельности, можно оценить те трансформации, которые происходят в праве под влиянием сети «Интернет». В качестве структурных элементов системы могут быть: объективное право; правовая инфраструктура; юридическая практика и правосознание.

Объективное право, взятое в единстве формы и содержания, включает в себя систему права и систему законодательства. На этом уровне наиболее заметны следующие тенденции.

Изменение отраслевой структуры права выражается в появлении новых отраслей права (информационное право) и существенном изменении старых (право интеллектуальной собственности). Следует, правда, признать, что подобным образом право закономерно реагирует на развитие общественных отношений и возникновение новых сфер регулирования, а, значит, речь здесь правильнее вести не столько о коренной трансформации системы права под влиянием сети «Интернет», сколько о вполне естественном эволюционном развитии.

Новые способы распространения правовой информации (электронное официальное опубликование и пр.) — одно из наиболее ярких изменений, произошедших в правовой системе. Эти способы, однако, меняют внешний облик права, но не его сущностные качества. Изменения формы закрепления правовых норм происходят не впервые в человеческой истории² и также могут быть отнесены к числу эволюционных.

Увеличение объема объективного права связано с тем, что Интернет позволяет создать, узнать, систематизировать, держать в постоянном доступе огромный массив информации. По нашему мнению, именно эта тенденция в отличие от всех предыдущих позволяет прогнозировать возможный переход количественных изменений правовой системы в качественные. Увеличение объема нормативно-правовой информации существенно влияет, в частности, на ряд свойств права:

— *стабильность* — важнейшее качество права, особенно востребованное в эпоху социальных трансформаций. В условиях, когда мир постоянно меняется, именно право должно обеспечить устойчивость, формализованность, понятность общественных связей. В то же время анализ современного российского законодательства показывает, что

¹ См.: Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Т. 1. Ярославль: ЯрГУ, 2005. С. 49–53.

² См.: Исаков В.Б. Нормативный правовой акт в электронной форме // Нормография: теория и технология нормотворчества / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М.: Издательство Юрайт, 2017. С. 81–84.

количество изменений, вносимых в нормативные правовые акты, огромно¹. В таких условиях само законодательство начинает выступать фактором дестабилизации общественной жизни. Обращаясь к причинам сложившейся ситуации, приходится признать, что в определенной мере подобное положение может быть выгодно законодателю, стремящемуся за счет нестабильности одних элементов социальной системы обеспечить устойчивость других (например, устойчивость государства относительно общества). Однако помимо политической у этой проблемы есть и техническая сторона, непосредственно связанная с развитием информационных технологий. Сам процесс производства текстов и внесения изменений в нормативный акт, их учета и инкорпорации настолько упростился благодаря использованию компьютера, что стал восприниматься законодателем как нечто обыденное, а потому не требующее по-настоящему серьезной проработки;

— *определенность права*. Она также страдает от возрастающего объема нормативного материала. Чем больше появляется правил, тем сложнее обеспечить непротиворечивость, последовательность правового регулирования. Для правоприменителя становится проблемой не столько поиск правовой нормы (существенно упрощаемый наличием электронных правовых баз) и даже не разрешение коллизий, число которых неизбежно возрастает, сколько внутренняя логика правовых норм, оценка сути того, чего хочет добиться законодатель. А без этого качественное толкование и применение права невозможны. При отсутствии же четких «правил игры» теряется предсказуемость и определенность в развитии общественных отношений;

— *доступность права*. Она необходима для реализации остальных его свойств, в первую очередь общеобязательности. К сожалению, во все времена достичь полной доступности источников права человечеству не удавалось. Официальное опубликование текста, оглашение или размещение его в публичных местах решали эту задачу лишь частично, так как всегда находились люди неграмотные, живущие в отдаленной местности и потому не имеющие доступа к тексту закона. Казалось бы, с наступлением цифровой эпохи проблем с доступностью правовой информации возникать не должно. Однако новые сложности связаны с гигантским объемом этой информации. Количество принимаемых нормативных правовых актов и вносимых в них изменений таково, что охватить их человеку становится практически невозможно. Вряд ли существует сегодня даже профессиональный

¹ Так, с момента принятия части первой Налогового кодекса РФ в 1998 г. в него были внесены изменения посредством 127 законов. Вторая часть с 2000 г. подвергалась изменениям более 500 раз. Земельный кодекс РФ с 2001 г. менялся более 120 раз, Уголовный кодекс РФ — с 1996 г. более 230 раз, а Кодекс об административных правонарушениях РФ — с 2001 г. около 600 раз.

юрист, знающий все действующие законы. В определенном смысле в условиях современной перенасыщенности информацией презумпция знания закона становится даже большей фикцией, чем в те времена, когда люди не умели читать и не могли самостоятельно ознакомиться с текстом закона, выставленным на площади.

Правовая инфраструктура включает в себя в первую очередь субъекты, институты, функционирование которых обеспечивает существование правовой системы.

Основу этой инфраструктуры составляют государственные (правотворческие и правоприменительные) органы, в деятельности которых с распространением Интернета происходят значительные изменения. «Электронная демократия», «электронное правительство», «электронное правосудие» — все эти термины отражают процессы цифровизации государственной деятельности, повышение уровня открытости в их работе, появление новых каналов взаимодействия их друг с другом и с гражданами.

Развитие Интернета приводит к усложнению правовой инфраструктуры, ко все более широкому включению в число субъектов, участвующих в правотворческой и правоприменительной деятельности, представителей гражданского общества. Новые технологии позволяют обществу влиять не только на процесс применения¹, но и на содержание правовых норм, что в определенной мере меняет расстановку сил в правовой системе. Речь идет о таких правовых институтах, как общественная правотворческая инициатива, общественное обсуждение проекта нормативного акта, оценка регулирующего воздействия (далее — ОРВ), оценка фактического воздействия и т.п.

Следует признать, что в настоящее время большинство подобных институтов слабо реализуют свой потенциал. Так, анализ доклада Минэкономразвития России «О развитии института оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации и органах местного самоуправления в 2018 году»² показывает, что, несмотря на наличие во всех регионах соответствующей нормативно-правовой базы и активной консультационной и организационной поддержки со стороны федеральных органов, интенсивность участия субъектов РФ в ОРВ распределяется неравномерно. 36 регионов с высоким рейтингом обеспечивают подготовку 49% всех заключений и 93% количественных оценок избыточности предлагаемого регулирования. При этом из всей массы подготовленных заключений об ОРВ

¹ «Информационные технологии могут решить три вечные и наиболее серьезные проблемы судопроизводства, обеспечив своевременность, доступность и честность правосудия», — *Reiling A.D. Technology for Justice. How Information Technology Can Support Judicial Reform* / Leiden University Press, 2009. P. 17.

² URL: http://orv.gov.ru/Doklad_2018.pdf

только 16% носят отрицательный характер, 28% отражают позицию бизнес-сообщества. Наличие большого количества положительных заключений при низкой активности общественности может свидетельствовать о стремлении государственных органов искусственно повысить статистику. Еще сомнительнее с точки зрения возможностей реального влияния граждан на правотворчество роль площадки «Российская общественная инициатива». Анализ успешных инициатив показывает, что государственную поддержку они получают вне всякой связи с уровнем поддержки общественной¹.

Говорить о существенном влиянии процедур, связанных с общественным участием, на правотворческую деятельность пока преждевременно. В то же время создание инфраструктуры для такого влияния, пусть пока и не наполненной достаточным содержанием, является важным шагом, без которого и в будущем реальное размытие монополии на принятие властного решения было бы невозможно.

Юридическая практика включает в себя внутреннюю (процедурно-процессуальную) и внешнюю (документальную) формы². И, если изменение внешней формы с появлением электронных документов происходит довольно наглядно, то трансформация внутренней заслуживает более внимательного рассмотрения. Во всем объеме юридических процедур выделяются те, которые появились благодаря развитию Интернета (онлайн-трансляции судебных заседаний, распространение информации через автоматизированные системы). Значительно изменились под его влиянием (официальное опубликование нормативных правовых актов) и те процедуры, которые прекратили свое существование, уступив место процедурам электронным (связанные с продажей имущества в рамках банкротства в арбитражном процессе)³.

Среди тенденций, отмечаемых на этом уровне, исследователи называют следующие⁴:

— повышение степени алгоритмизации судебного процесса (увеличивается число процедур, исключаяющих устные разбирательства);

¹ См. подробнее: Давыдова М.Л., Гончарова А.А. Проблемы и перспективы реализации проекта «Российская общественная инициатива» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2015. № 2 (27). С. 58–67.

² Этот уровень правовой системы всесторонне исследован в диссертации В.О. Макарова, подготовленной под научным руководством автора настоящей статьи и защищенной в Санкт-Петербургском государственном университете 22 мая 2019 г. См.: Макаров В.О. Трансформация правовых процедур под влиянием сети «Интернет»: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018 (<https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/149-makarov-vladislav-olegovich.html>).

³ См.: Макаров В.О. Трансформация правовых процедур под влиянием сети «Интернет» // Право и современные государства. 2018. № 1. С. 48–55.

⁴ Там же.

— усиление роли технических норм и, как следствие, расширение подзаконного регулирования, направленного на конкретизацию законодательных норм (технические требования закрепляются преимущественно на подзаконном уровне);

— усиление открытости и гласности в деятельности государственных органов (прозрачность информации обеспечивается в том числе созданием большого количества реестров и баз данных, аккумулирующих ее в систематизированном виде);

— количественное и качественное усложнение процедур (нарастание процедурности правового регулирования).

Все это, особенно последнее, с одной стороны, можно рассматривать как естественную тенденцию к повышению удельного веса процедурных норм. Чем более развито право (и общество), тем детальнее, основательнее проработаны правовые процедуры. С другой стороны, в определенной мере именно Интернет усложняет и усиливает процедурную составляющую права, увеличивая физическую дистанцию между участниками правоотношения, автоматизируя наступление правовых последствий их действий.

Значимые изменения происходят на уровне *правосознания*. Являясь социальной системой, право может принципиально трансформироваться лишь вслед за самим обществом. И речь идет не только о новых социальных связях, но и о том, как меняются люди. В современной социологической и научно-популярной литературе большое внимание уделяется особенностям мировоззрения, характера, привычек представителей разных поколений, в частности так называемого поколения Z — людей родившихся и выросших в эпоху Интернета.

«Generation Z (или Generation MeMeMe) — это люди, родившиеся в начале 1990-х и в 2000-х (издание Business Insider пишет, что Gen Z — это рожденные с 1996 года по 2010-й). На их философское и социальное мировоззрение оказали влияние мировой финансово-экономический кризис, Веб 2.0 и развитие мобильных технологий»¹. Представители данного поколения не помнят времени, когда Интернета и социальных сетей не было в непосредственном доступе, поэтому именно на их примере можно попробовать оценить, каким образом современные технологии меняют людей.

Вот наиболее часто упоминаемые характерные черты поколения Z, потенциально значимые для правовой системы: умение работать с информацией, нацеленность на быстрый результат, прагматизм, вера в собственные силы, высокий уровень персонализации, открытость

¹ Подберезкина А. Поколения X, Y, Z: как в них разбираться? // Zillion, URL: <https://zillion.net/ru/blog/316/pokoleniia-x-y-z-kak-v-nikh-razobrat-sia>

мышления, отсутствие уважения к иерархии, предпочтение горизонтального социального взаимодействия.

Эти особенности ввиду возрастных характеристик представителей рассматриваемого поколения пока не свойственны обществу в целом. Однако благодаря им можно прогнозировать, какие черты Интернет привнесет в общественное сознание и как они смогут изменить право.

В частности, информированность, личная активность, самостоятельность в решении правовых задач порождают общественный запрос на доступность права. С этим связаны изменения как в самом праве, так и в статусе юридической профессии.

Примером собственно правовых изменений может служить упрощение юридического языка. Данная тенденция носит противоречивый характер. Так, анализ нормативных актов, особенно актов стратегического планирования, связанных с развитием цифровой экономики и информационного общества, показывает, что, с одной стороны, технологическая модернизация влечет за собой усложнение понятийного аппарата права, использование большого количества специальных терминов. С другой стороны, сама стилистика данных актов, частое использование в них публицистических оборотов («портфели проектов», «регуляторные песочницы») свидетельствуют о стремлении сделать текст понятнее, красочнее или нагляднее. Применительно к языку договоров данная тенденция проявляется в популяризации такого явления, как информационный стиль¹, предполагающий освобождение языка от громоздких словесных конструкций и канцеляризмов, умение выразить мысль ясно и лаконично². Далеко не всегда упрощение в юридическом тексте оказывается уместным, часто оно связано со снижением уровня профессионализма, усилением декларативности текста. Однако переход права на понятный язык востребован в современном обществе, и именно поэтому можно предположить, что традиционный спор³ о том, для кого пишется текст права — для профессиональных юристов или для обычных людей, в будущем вполне может разрешиться в пользу людей.

Изменения касаются и статуса юридической профессии как сферы, доступной исключительно профессионалам. Появление многочисленных сервисов, позволяющих решить ряд правовых проблем без обращения за юридической помощью (LegalTech), вполне соот-

¹ См.: *Ильяхов М., Сарычева Л.* Пиши и сокращай. Как создавать сильный текст. М., 2017.

² См., например: *Инфостиль в юридических документах*. URL: <https://www.facebook.com/naidemkopiraitera/posts/1129141043807269>

³ См.: *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с франц. Л.В. Головки. М.: Статут, 2007. С. 334–344.

ветствует стремлению молодого поколения к самостоятельности и получению быстрого результата. Предел автоматизации, безусловно, есть. «Машинизация — это вспомогательный прием, который позволяет праву достигать своих целей, а не господствующий принцип, при помощи которого мы должны перестроить право»¹. Тем не менее «в юриспруденции немало сфер, в которых свободное творчество играет лишь подчиненную роль, а в основном действуют стереотипные правила поведения: регистрация большинства юридических лиц и прав на недвижимость, наложение штрафов и арестов, получение разного рода выписок, сдача налоговых деклараций и отчетов, заключение простых договоров»². Именно здесь уже сейчас активно происходит отказ от юридической помощи в пользу компьютера. Вряд ли стоит ожидать, что юристы совсем исчезнут, но можно с большой уверенностью предположить, что право со временем перестанет быть их эксклюзивной собственностью.

Открытость мышления, отсутствие уважения к иерархии, предпочтение горизонтального социального взаимодействия приводят к тому, что люди активнее используют каналы воздействия на государственные органы и принимаемые ими решения, стремятся самостоятельно участвовать в ликвидации социальных проблем. Пока представители поколения Z только входят во взрослую жизнь, возможности права в части обратной связи накапливаются, но не используются в полной мере (именно поэтому такие процедуры, как ОРВ, общественные обсуждения, общественная экспертиза, часто выглядят неработающими, характеризуются крайне низкой общественной активностью). Однако со временем выстроенная сегодня инфраструктура электронного влияния (e-influence) вполне может оказаться востребованной.

Этот вывод подтверждается и социологическими данными. Исследование политической активности граждан, проведенное в 14 странах (включая страны Африки, Латинской Америки, Европы, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии)³, показало наличие общих особенностей в поведении молодой аудитории. Так, люди от 18 до 29 лет реже, чем представители старшего поколения, голосуют на выборах. Однако они гораздо чаще принимают участие в онлайн-обсуждении политических вопросов и гораздо более мотивированы в решении конкретных проблем (свобода слова, дискриминация, коррупция и пр.).

¹ Иванов А. Машинизация права или юридизация машин // *Zakon.ru*. https://zakon.ru/blog/2017/3/3/mashinizaciya_prava_ili_yuridizaciya_mashin

² Там же.

³ См.: Wike R., Castillo A. Many Around the World Are Disengaged From Politics // *Pew Research Center*, 10.17.2018 (<https://www.pewglobal.org/2018/10/17/international-political-engagement>)

В наибольшей степени мотивируют молодую аудиторию к политическому участию проблемы здравоохранения, бедности и образования, т.е. вопросы, лично затрагивающие каждого.

Прямо пропорциональная связь обнаруживается между активностью политического участия и уровнем образования молодых людей, в частности их медиаграмотностью¹. Эта связь кажется вполне логичной: «...Как труд и капитал были центральными переменными в индустриальном обществе, так информация и знания становятся решающими переменными постиндустриального общества»². Чем образованнее и информированнее общество, тем сильнее его позиции в отстаивании своих интересов и обеспечении себе должного уровня существования.

Перспективы развития в этой части нужно, однако, оценивать с учетом фактора государственного влияния. Еще полвека назад Д. Белл писал: «Информация — это власть. Доступ к информации есть условие свободы... Сейчас правительственные агентства и частные корпорации создают гигантские банки данных. Должны ли эти банки данных быть под правительственным наблюдением или им лучше развиваться без правительственного контроля? Это важнейший для будущего свободного общества вопрос»³. Сегодняшние усилия государства по регламентации информационных отношений свидетельствуют, что оно тоже осознает значимость этого вопроса.

Так, анализ Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы⁴ показывает, что вопросы безопасности, защиты национальных интересов, ограждения от вредной информации занимают в ней преобладающее место. По каждому направлению деятельности упоминаются в первую очередь задачи, носящие охранительный характер. Например, на международном уровне сначала предлагается отстаивать суверенное право государства в отношении определения своей информационной политики, ведения работы против использования сети «Интернет» в военных целях, а только потом говорится о партнерстве, интеграции

¹ Kahne J., Bowyer B. Can media literacy education increase digital engagement in politics? // *Learning, Media and Technology*. Volume 44, 2019. Issue 2. P. 211–224 (<https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/17439884.2019.1601108>); Sawchuk S. Teaching Kids About Online Political Engagement Works. Should We Do It More? // *Education Week*, April 17, 2019 (http://blogs.edweek.org/edweek/curriculum/2019/04/teaching_online_political_engagement.html)

² Белл Д. Социальные рамки информационного общества // *Новая технократическая волна на Западе*. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.

³ Там же.

⁴ См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденная Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

и гуманитарных задачах сети «Интернет». Принятие Закона «О суверенном Интернете»¹ показывает, что и к решению поставленных задач государство подходит в соответствии с закрепленными в Стратегии приоритетами.

Усиление государственного контроля за Интернетом является важным фактором, способным оказать влияние на правосознание и на правовую систему в целом. Отметим два направления такого влияния:

— ограничение анонимности в Интернете, которая при всех связанных с ней рисках дает ощущение свободы и хотя бы относительной независимости от государства — ощущение, крайне полезное для развития общественного сознания;

— повышение законопослушности, обусловленное, с одной стороны, расширением возможностей контроля, а с другой, — наличием четких алгоритмов, правил игры, связанных с нарастанием процедурности правового регулирования.

Таким образом, оценить трансформации, происходящие и тем более прогнозируемые на разных уровнях правовой системы, как позитивные или негативные крайне сложно. При этом масштабность таких изменений вполне позволяет говорить о том, что право, если не полностью, то в отдельных своих проявлениях меняется принципиально, что безусловно потребует корректировки классических теоретико-правовых представлений о нем.

¹ См.: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

ТЕХНИКА И ЧЕЛОВЕК В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ: К ВОПРОСУ О ПРИОРИТЕТАХ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

В.И. Павлов

Сегодня в связи с активным развитием информационного общества становится все сложнее обсуждать проблему человека и его свободы в отрыве от проблемы техники. Традиционно тема человеческой свободы в политически организованном обществе рассматривается в контексте ее ограничения государственной властью, т.е. в традиционной новоевропейской постановке вопроса «подозрения государства». Однако проблема свободы человека сегодня должна также анализироваться и в контексте новой мощной тенденции, в соответствии с которой контроль в современном обществе осуществляется не только государством, но и медиаплощадками, интернет-таблоидами, блог-каналами, частными информационными корпорациями и т.д.¹ Речь идет о возрастающем развитии техники и ее влиянии на поведение людей.

Человек и его правовое существование постепенно перемещаются из актуальной в виртуальную реальность, которая все чаще приобретает правовые черты независимо от юридизации этой реальности со стороны государства (прежде всего из-за социальной значимости виртуальных операций и их последствий). Этот процесс объективен,

¹ Например, влияние интернет-портала Tut.by в общественном сознании белоруссов ассоциируется с достоверным и объективным источником информации и в этом отношении вполне конкурирует с государственными СМИ.

и он только нарастает в своих масштабах ввиду увеличивающейся дигитализации социального мира. В связи с этим традиционное рассмотрение права как средства социального контроля, социальной инженерии на современном этапе развития общества постепенно уходит в прошлое — на ее место приходит концепция *техники как социальной инженерии и основного социального регулятора*. Поэтому нельзя не вспомнить знаменитую статью М. Хайдеггера «Вопрос о технике», в которой он довольно рано (1953), еще до широко распространения информационных технологий, подметил антиантропологическую направленность технического развития, достигшего сегодня своей вершины в области высоких технологий: «Человек настолько решительно втянут в постав [раскрытие потаенности через развитие техники в целях получения выгоды — *В.П.*], что не воспринимает его как обращенный к нему вызов, просматривает самого себя как захваченного этим вызовом, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности экзистировать из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя»¹.

Безусловно, государство использует технические достижения в процессах управления и, несмотря на определенное отставание в применении цифровых информационно-коммуникативных технологий в государственно-властной деятельности, постепенно усиливает свою технологическую составляющую. Однако было бы неверным рассматривать использование государством техники только с позиции усиления социального контроля. В своих работах мы уже обосновывали нецелесообразность осмысления данной проблемы только в рамках классического либерализма². Когда говорят о деятельности государства по включению техники в стратегии государственного управления, не обращают внимания на то, что государство таким образом использует технические достижения (базы данных, информационные ресурсы и пр.) для более эффективного управления в дигитализированном мире, в том числе для конкуренции в области социального управления как с субъектами внутри национальной политической системы, так и с другими государствами и иными игроками на международной арене. Например, если еще в начале 2000-х годов координирующие нормотворческие органы Беларуси планировали работу по систематизации законодательства на базе цифровой платформы (это Национальный правовой интернет-портал и интернет-портал «Правовой форум Беларуси»), то в настоящее время они

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике; Его же. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 233.

² См.: Павлов В.И. Государство и проблема правогенеза в антропологическом подходе к праву // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2018. № 1 (35). С. 214–217.

уже вынуждены думать о соотношении новых юридизированных технологических инструментов с традиционными институтами права и о цифровой безопасности созданных правовых информационных систем. Важно понимать, что развитие техники обусловлено не государственной политикой. Это общая тенденция развития человечества, разворачивание новоевропейской установки на подчинение природы. Развитие современных информационных технологий демонстрирует их направленность на человека, на ограничение человеческой свободы и даже угрозу трансформации самого человеческого существа (например, концепция трансгуманизма). Поэтому государство призвано не только технологизироваться ради эффективного управления, но и выступать институтом защиты человека от «власти техники» (например, та же реализованная в России концепция безопасного Интернета), т.е. быть той удерживающей силой, которая поможет миру, чтобы он «до времени не превратился в ад» (В.С. Соловьев).

Кроме того, следует отметить, что возможности использования государством техники в целях социального контроля ограничены, поскольку высокие технологии как раз выступают пространством свободы и независимости от государства. Их техническая природа такова, что они направлены не на централизацию, а на распределение, децентрализацию коммуникативных каналов. Несмотря на все попытки государства в качестве традиционного субъекта организации публичной власти использовать технику как социальную инженерию, в конечном счете развитие техники приведет к кризису такого рода публичного управления. И сегодня мы это видим на примере концепции «государство как платформа», о которой пойдет речь далее. Удержать социальное согласие и публичное пространство посредством государственных технологий контроля и дисциплины в будущем вряд ли удастся.

Развитие Беларуси, России, других государств мира в последние два-три года демонстрирует, что современные государства существенно повысили внимание к информационным технологиям, особенно в сфере экономики. И это не случайно, ведь вследствие интенсификации технического развития и внедрения современных цифровых инструментов практически ежегодно происходит смена технологий и бизнес-моделей в традиционных отраслях экономики, все чаще появляются новые отрасли, сферы, ниши предпринимательской деятельности.

В 2017 году был издан Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2018 г. № 8 «О развитии цифровой экономики»¹, кото-

¹ СПС «КонсультантПлюс». Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2019.

рым введен ряд новых цифровых инструментов для регулирования отношений в сфере экономики и существенно изменен правовой режим субъектов экономической деятельности, в том числе индивидуальных предпринимателей и физических лиц, в части использования цифровых финансовых инструментов для получения прибыли. В порядке правового эксперимента Декрет определил такие новые средства цифрового регулирования, как договор конвертируемого займа, опционный договор, смарт-контракт, институт indemnity (обеспечительный договор), соглашение о неконкуренции и др.¹ 18 марта 2019 г. постановлением Совета безопасности Республики Беларусь № 1 была утверждена Концепция информационной безопасности Республики Беларусь², в которой государство в качестве руководящих правовых принципов в сфере информационной безопасности определило *информационный суверенитет* как неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность; а также принцип *суверенитета данных* как подчиненности отношений по поводу информации в цифровой форме, возникающих на территории Беларуси, национальной юрисдикции Республики Беларусь.

В России повестке цифровизации был посвящен весь 2018 год и ей же, видимо, будут посвящены как минимум последующие шесть лет (до 2024 г. Правительство РФ определило пять базовых направлений развития цифровой экономики в нашей стране). Работающая в России группа исследователей международной консалтинговой компании The Boston Consulting Group (BCG) совместно с государственными чиновниками разработала концепцию «государство-как-платформа»³, а также выделила четыре приоритета цифровизации социальной реальности («цифровая приватизация», «цифровой скачок», «самоцифровизация» государства и «цифровое реинвестирование»)⁴. Концепция сводится к глобальному преобра-

¹ См.: Овсейко С.В. Декрет № 8: операции с криптовалютами и правовой эксперимент // СПС «КонсультантПлюс». Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2019.

² См.: СПС «КонсультантПлюс». Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск, 2019.

³ См.: Петров М. Государство как платформа: (кибер)государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация / М. Петров, В. Буров, М. Шклярчук, А. Шаров. М.: Центр стратегических разработок, 2018.

⁴ Четыре приоритета для прорыва в цифровой экономике // Интернет-портал «Vestifinance». URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/92525>

зованию государственного управления — от традиционной бюрократической системы до цифровых информационно-коммуникативных технологий управления обществом. Прежде всего разработчики отталкивались от идеи развития бизнеса, но не только: в концепции затрагивается и социальная сфера, и вообще вся сфера управления обществом, вплоть до публично-правового регулирования.

Основная мысль «государства-как-платформы» — это переход к сервисному государству, IT-государству, «государству для меня» с мягким отказом от представления государственных органов в качестве органов власти, перевод их на платформенное назначение¹. Раскрытие этой идеи в докладе сопровождается постоянным утверждением авторов необходимости привития государственным служащим «цифрового менталитета»², сервисного мышления.

Полагаем, что разработчики, ориентируясь на развитие бизнес-среды, переоценили возможности распространения предлагаемых идей на всю сферу социальных отношений. В концептуальном плане в докладе имплицитно присутствует мысль о возможности устранения публично-правовых отношений и императивного правового регулирования с помощью техники. Эта идея утопична, ибо власть, управление в обществе неустранимы вследствие природы человека и необходимы для поддержания социальной справедливости. Вместе с тем сами по себе такие соображения небезопасны. Техника — это не освобождение от власти, а ее новая, более сложная и утонченная форма, нередко со скрытыми иерархическими центрами. Но вопрос даже не в этом, а в том, где гарантия того, что технологические средства управления будут более гуманными?

Безусловно, техника дает возможность решить ряд проблем государственного управления, порожденных, как правило, самим техническим развитием. Ведь если внимательно проанализировать развитие моделей управления, то оказывается, что усложнение бюрократии и управленческих операций в XX столетии произошло в основном за счет технологизации процессов менеджмента. Техника, цифровизация порождают, по словам Р. Генона, настоящее «царство количества» (например, появление компьютера, принтера и ксеркса в разы увеличило количество и сложность управленческих операций). Тем не менее не вызывает сомнений то, что действительно во многих сферах управления рутинные операции сегодня могут выполняться программными системами, что взаимодействие граждан и государства в ряде сфер возможно на основе цифровых платформ посредством мультиканальности с использованием мобильных и

¹ См.: Петров М. Указ. соч. С. 7.

² См.: Петров М. Указ. соч. С. 9.

других устройств. Все это может существенно понизить коррупционные риски и облегчить коммуникативное пространство. Однако это еще не означает отмену принципов публичности и императивности социально-правового регулирования.

В концепции «государство-как-платформа», которая вызвала широкое обсуждение в экспертном сообществе и в кругах как государственных, так и корпоративных управленцев, можно выделить несколько проблемных положений, которые являются важными с позиции права:

— максимальная человекоориентированность результатов государственного управления и предоставления сервисов может быть достигнута посредством максимальной человеконезависимости процессов предоставления сервисов¹. Иными словами, человекомерность, к которой в последние десятилетия призывала антропология права, возможна путем замены человека техникой, т.е. формализацией и даже математизацией процессов еще более высокого уровня, нежели любая юридическая догматика. Минимизация человеческого фактора, использование «человеконезависимых алгоритмов» в управленческих решениях означает, по сути, замену субъекта — физического лица на программный сервис, выступающий своего рода *протосубъектом права*, который, по мнению разработчиков, способен достигать управленческой цели более эффективно;

— таким же протосубъектом права в концепции является и «цифровой двойник» — программный комплекс, который предполагает аккумуляцию данных о человеке (здоровье, образование, психологические особенности т.п.) и даже претендует на определение индивидуальной траектории развития личности², т.е. постепенно оказывая обратное воздействие уже на самого человека, имплицитно навязывая ему антропологические практики (сегодня такую функцию выполняет, например, контекстная реклама на мобильных устройствах);

— не менее претенциозным в концепции является и идея микширования нормативного правового материала в форме единого комплекса данных, не разделенных по документам или видам правовых актов с доступом к ним любого санкционированного приложения либо узла цифровой платформы³. Определенно можно сказать, что упразднение дифференциации правовой информации по юридической силе, характеру правовых предписаний и другим традиционным юридическим параметрам создаст проблему дисбаланса с позиции публично-правового и частноправового регулирования;

¹ См.: Петров М. Указ. соч. С. 18.

² См.: Петров М. Указ. соч. С. 22.

³ См.: Петров М. Указ. соч. С. 26.

— контрольно-надзорные функции в работе государственной цифровой платформы предлагается возложить не на реальных управленцев, а на «интеллектуальных агентов» — программные системы, работающие на основе искусственного интеллекта¹, в чем также просматривается идея техники как протосубъекта права. Одна из проблем в связи с этим будет заключаться в формулировании принципа, касающегося возможности человеческой апелляции к интеллектуальному агенту, возможности создания механизма признания программного решения неправильным с позиции целей и эффективности правового регулирования;

— традиционные рабочие группы по выработке управленческих решений и разработке проектов правовых актов предполагается сменить на кросс-функциональные команды, подчиненные непосредственно оператору государственной цифровой платформы, а не руководителю ведомства. Тем не менее, несмотря на продуктивность данного предложения, здесь есть риск демонтажа профессиональной иерархии, что может привести к утрате профессионального опыта и его передачи;

— фактически не раскрыты самые главные — антрополого-правовые риски (на которых мы остановимся ниже), описаны только риски той группы, которая связана с возможными препятствиями в продвижении «государства-как-платформы» в современной системе государственного управления.

С позиции целостной эволюции общества и человека стремительное развитие техники однозначно является односторонним процессом. Положительный социальный и гуманистический эффект технологического прорыва явно преувеличен, но медийная зависимость социума, управленческих элит, а нередко и научного сообщества приводит к эффекту создания сюрреалистичного образа реального положения дел и перспектив технологического будущего. Действительным же показателем роли техники в социальном развитии являются господствующие в обществе антропологические практики, как правомерные, так и противоправные. Это касается процесса становления личности, особенно молодого поколения. Какое место занимает техника в сохранении и защите ценностных оснований социума и, главное, в их передаче в традиции? Делает ли техника человека лучше? Предполагает ли цифровизация совершенствование его нравственного облика?

Кажется, и это не консервативный алармизм, основное негативное последствие цифровизации для человека заключается в том, что она не то что не способствует, а препятствует формированию лично-

¹ См.: Петров М. Указ. соч. С. 30.

сти в онтологическом смысле. В технике просто нет возможностей онтологизации человека, т.е. нет такой модели существования, при которой человек, работая с самим собой, преодолевает личное нравственное несовершенство, заложенное в человеческой природе, и стремится к воспроизведению на личностном уровне нравственно идеального способа существования. А это очень важно для обеспечения правомерного поведения в социуме. Перспективы технического развития направлены не на работу человека с самим собой, а на постепенное вытеснение ценностных, личностно-конститутивных антропологических практик из социального пространства с заменой их на технические «аналоги», «цифровых двойников». Да, техника облегчает жизнь человеку, однако предлагаемые вместо человека тот же «цифровой двойник», «интеллектуальный агент» и другие сервисы еще больше приводят к социальному отчуждению человека в современном мире.

Пожалуй, можно согласиться с исследователем рисков цифровизации реальности О.Н. Четвериковой в том, что основной причиной стремительного развития цифровых технологий является определенная антропологическая практика, инициируемая неолиберальной экономической моделью развития, моделью потребления: «В центре цифровой экономики находится клиент, вокруг которого располагаются производители товаров и услуг, желающие до него дотянуться. Последняя «информационная миля» на этом пути — частная жизнь человека — является самой дорогой. Все за нее бьются, потому что компаниям и банкам хочется знать о клиенте абсолютно все»¹. Глава рабочей группы российской программы «Цифровая экономика» по направлению «Информационная безопасность» Н.И. Касперская также указывает на риски дигитализации реальности. В частности, среди них она выделяет роботизацию человека (его сознания), деградацию собственных компетенций и традиций, утрату тайны личной жизни и приобретение зависимости, потерю рабочих мест, высокую юридическую неопределенность, этические проблемы, рост социального отчуждения и снижение эффективности юридической ответственности и др.² Резонно и следующее опасение, высказанное экспертом: «Мы и так крайне зависимы от Windows, MS Office, Oracle, SAP, Facebook, Google. А если мы построим новую экономику на чужих криптовалютах, если нашим производством и

¹ Четверикова О.Н. Под властью техники. Пойдут ли на пользу человеку блага цифровой экономики? // Интернет-издание «Аргументы и факты» в Беларуси. AIF.by». 2018. № 2. 9 января. URL: http://www.aif.by/social/pod_vlastyu_tehniki_poydut_li_na_polzu_cheloveku_bлага_cifrovoy_ekonomiki

² См.: Касперская Н.И. Цифровая экономика и риски цифровой колонизации // Интернет-портал «МедиаМера»: <https://mediamera.ru/post/25799>

транспортом станет управлять ИИ, разработанный Гуглом или Микрософтом, если мы отдадим большие данные о нашей экономике, наших АЭС и заводах, гражданах и госучреждениях западным игрокам — мы окончательно станем цифровой колонией США»¹.

Конечно, возможно рядовому гражданину малоинтересна такая постановка вопроса о технике в его стране. Однако завтра технические решения будут касаться его и его близких самым непосредственным образом, и ответственность, а также последствия этих решений будут возложены на государство, что совершенно логично.

Одной из главных проблем развития цифровых технологий является трансформация правовой системы, особенно конституционных прав личности, которые выступают базовыми правовыми ценностями.

Основное право, подвергающееся изменению в связи с развитием технологий, — это *право на тайну личной жизни* и вообще на все то, что связано с процессом формирования и существования личности в обществе в целом и в правовой реальности в частности. Какой бы подход правопонимания мы не использовали, человек и его личность всегда находятся в центре правового регулирования, поскольку право по своей природе человекомерно. На заре развития техники никто, наверное, не ставил такую цель, чтобы высокие технологии привели к эпохе «конца анонимности» и полной транспарентности человеческого существования. Однако сама инерция технического развития закономерно несет в себе риск формирования в качестве нормальных особых антропологических практик, характеризующихся полной прозрачностью человеческого существования в определенной социальной системе (коллективе, организации, стране), функционирующей в едином комплексе с цифровыми технологиями социального мониторинга и контроля. Следовательно, иные антропологические практики, исключенные и непрозрачные для той или иной социальной системы на платформенной цифровой основе, постепенно начинают рассматриваться как подозрительные, находящиеся (с позиции системы) на грани девиации. Как девиантные их будет маркировать именно техника на математическом основании. Постепенно в общественном сознании может сформироваться презумпция неправильности, асоциальности человека, стремящегося к внутренней анонимности. Причем основная проблема в данном случае заключается в том, что оспорить систему технической оценки человеку невозможно, ибо такую оценку дает не человек, а объективный математический алгоритм².

¹ Там же.

² В Китае уже сегодня тестируется система социального рейтинга населения на цифровой платформе, которая планируется к введению в действие с 2020 г. Специалисты нередко именуют ее «цифровой диктатурой».

Еще одной проблемой с позиции воспроизводства социальных ценностей является трансформация конституционного *права на труд*. Государство обязано обеспечить реализацию этого права, ведь труд — это не только способ зарабатывания денег, но и созидательный механизм личностного формирования. Развитие же техники само по себе обусловлено не поддержанием практики социализации, не сохранением социальных ценностей и традиций путем продумывания социальной структуры общества посредством создания рабочих мест, а извлечением прибыли и борьбой за клиента. Иными словами, техника прямо или косвенно способствует десоциализации значительных слоев населения, которые постепенно превращаются в деклассированных людей (проблема безработных, прекариата и т.д.).

Право на образование также подвержено рискам. Технологизация образовательного процесса, а также науки, особенно гуманитарной, нарастающий приоритет технического элемента над гуманитарным означают деантропологизацию и дегуманизацию общества. Именно фундаментальные науки, в частности юриспруденция, исходя из онтологических вопросов человеческого существования и, следовательно, формируют онтологический фундамент у обучающихся. В правоведении это вопросы сущности права, справедливости, свободы, гуманизма и др., которые основываются на изучении правовых традиций, истории правовой мысли, философско-правовой рефлексии. Не случайно в рамках формирования общеправовой теории вопросам техники было определено прикладное место в рамках раздела «Юридическая техника».

Подвергается изменению и традиционный институт *права собственности*. Главным объектом собственности становятся не вещи и даже не права на них, а данные — информация в формализованном виде на базе цифровых систем, пригодная для передачи, связи или обработки. Данные — это не наличный, а виртуальный цифровой объект, который хранится в электронной системе. Как точно подметила Н.И. Касперская, данные, по сути, принадлежат не столько человеку, сколько программной среде, цифровому устройству, которым обладает человек. Поэтому перемещение вещей из актуальной в виртуальную среду связано для человека с рисками онтологического сдвига и утраты предметного основания. С.С. Хоружий в этом отношении усматривает однозначную тенденцию движения человека к человеку виртуальному («постчеловеку») и исчезновению человека онтологического — человека как такового¹.

¹ См.: Хоружий С.С. Проблема постчеловека, или трансформативная антропология глазами синергичной антропологии // Интернет-портал «Интеллектуальная Россия». URL: http://www.intelros.ru/intelros/reiting/rejting_09/material_sofiy/5246-problema-postcheloveka-ili-transformativnaya-antropologiya-glazami-sinergijnoj-antropologii.html

С перемещением вещей и процессов в цифровую форму возникают проблемы верификации, подтверждения права собственности (например, концепция «Интернет вещей»¹). Непрозрачность технических устройств, возможность, например, дублирования, копирования, уничтожения, иного неправомерного использования данных серьезно ограничивает реализацию права собственности на них в отличие от традиционной правореализации собственности и права на нее. Ведь данные принадлежат не наличной, а виртуальной реальности, поддерживаемой аппаратными средствами и требующей соответствующего режима и энергозатрат. На основании этого отдельными экспертами даже предлагается предоставить правомочия собственности на данные государству, в первую очередь для возложения обязанности по их защите на национальное государство и для обеспечения гарантий принадлежности человеку.

Действительно, персональные, особенно биометрические, данные, раскрывающие индивидуальные и личностные свойства человека, составляют группу важнейших естественных прав и неотъемлемых личностных характеристик. Поэтому, перенося эти характеристики в виртуальную реальность с помощью цифровых технологий, Big Data, человек, а особенно человек как субъект права становится чрезвычайно уязвимым и зависимым как от правонарушителя, так и, что не исключено, от самого государства. В виртуальной реальности человек должен иметь возможность контролировать свои данные по праву абсолютного владения, пользования и распоряжения ими. Но возможно ли это чисто технически? В связи с этим можно сказать, что по крайней мере государство обязано программными и юридическими средствами обеспечить и гарантировать личностную привязку этих данных к человеку, поддерживая ее аппаратными средствами. Не секрет, что сегодня многие программные сервисы, приложения на мобильных устройствах императивно запрашивают доступ к личным данным, прежде всего из маркетинговых соображений. Личные данные используются для торговли ими и совершения маркетинговых операций, а также для реализации функции оперирования большими объемами антропометрической информации в самых различных целях, вплоть до военных и геополитических.

¹ Internet of Things — концепция вычислительной сети физических предметов («вещей»), оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом или с внешней средой, рассматривающая организацию таких сетей как явление, способное перестроить экономические и общественные процессы, исключаящее из части действий и операций необходимость участия человека. См.: Neil Gershenfeld, Raffi Krikorian, Danny Cohen. The Internet of Things // Scientific American, Oct, 2004 (1 October 2004), P. 76–81.

В заключение сформулируем положения, которые следует учитывать при анализе техники в процессе совершенствования правового регулирования:

1) развитие техники связано с влиянием на антропологическое содержание права, на его человекомерность. В этом процессе действует следующая основная закономерность: *антропологическое вытесняется техническим*, хотя последнее, казалось бы, вводится как раз для улучшения положения человека в качестве главного объекта, ценности и цели правового регулирования;

2) подход, который сегодня используется при совершенствовании отраслевого законодательства в связи с внедрением технологий, имеет серьезные недостатки. Он основан на включении в механизм отраслевого регулирования технических достижений без фундаментального экспертного анализа и оценки, без научной экспертизы. При легализации технических продуктов не пересматриваются критерии функционирования отраслевых институтов и отрасли в целом, не анализируется трансформация целей и задач отрасли права. Внедрение технологий рассматривается исключительно в русле подстраивания традиционных юридических средств под появившийся новый технический инструментарий (предлагается полностью заменить человеческое опосредование в правоприменительной деятельности на техническое, в том числе при вынесении процессуальных решений (создать «следователя/судью-машину»), разработать идеальный способ познания профессиональной компетентности человека с описанием рисков противоправности и придать ему юридическое значение в частном праве (полиграф), заменить юриста-консультанта роботом и т.д.);

3) при проведении научной экспертизы в связи с введением технических инноваций в отраслевом регулировании нужно использовать *аксиолого-правовой подход*. Аксиология права слабо развита в рамках отраслевых правовых теорий. Исследователи не изучают ценностные изменения, происходящие в отраслевом регулировании из-за включения техники, ориентируются на внедрение инновационных подходов в инструментально-операциональном ключе. В связи с этим в рамках отраслевых исследований целесообразно пересмотреть показатели эффективности функционирования отраслевого инструментария, отраслевых юридических средств. В них не должны доминировать количественные и технические показатели, так как нетехнические и качественные показатели в ситуации активного включения техники заведомо проигрывают. Без изменения подходов к оценке достижения цели отрасли права существует риск в один момент просто не понять тенденцию отраслевого развития;

4) юридическая практика своеобразно подстраивается под несовершенство правового режима функционирования технических инноваций. Практики обычно исходят из собственных утилитарных соображений, ориентируясь на удобство, оперативность, низкочастотность и наибольшую легкость решения задач правоприменительной деятельности. Обратный сигнал законодателю о несовершенстве функционирования технического продукта поступает крайне редко. Поэтому довольно часто, на практическом уровне подправляя несовершенство нормативного регулирования техники, страдает рядовой гражданин. Сняв таким образом остроту нормативного несовершенства, заложенного при включении технического продукта в правовую действительность, как правило, с помощью выработки под эти цели правоприменительных обыкновений, юридическая практика нивелирует возникающие проблемы с функционированием техники. В связи с этим становится очевидным, что юридическая практика не может выступать ориентиром должного положения техники в правовом регулировании;

5) фундаментальный анализ включения технических новаций при совершенствовании законодательства должен быть основан на соответствующей юридической методологии, которая была бы чувствительна к техническому элементу в праве. Такой подход должен быть обязательно антропологически фундирован, связан с антропологическими основаниями, поскольку развитие техники в ее современном и будущем состоянии связано с вытеснением антропологических содержаний права. Техника в праве бросает вызов человеку в том смысле, что ключевые юридические регулятивные операции, например создание нормативного правового акта, принятие правоприменительного решения, квалификационная деятельность, определение наказания, оценка правового поведения человека в целом, всегда были в юриспруденции не техническими, а именно антропологическими действиями. Их совершали конкретные люди, учитывающие в правореализации множество юридически значимых контекстов и уникальность разрешаемой ситуации. Под эти цели юриспруденция выработала разные юридические средства и модели дискреционного характера. Вопросы, которые должны решаться в ходе научной, антропологической экспертизы, — это вопросы о пределах включения и способах существования техники в праве, а также о рисках человеческой природы права, которые в связи с этим возникают;

6) в публичном праве, особенно в охранительных отраслях, при включении виртуальной реальности в поле правового регулирования путем конструирования уголовно-правовых и административно-правовых запретов недостаточно по аналогии с обычной правовой реальностью и ее закономерностями юридизировать «поведение» в

виртуальной среде. Для этого в каждом случае нужно соотносить свойства техники с восприятием и поведением человека в виртуальной реальности. Создание широкого поля таких запретов в итоге может привести к нивелированию понятия осознания противоправности и общественной опасности/вредности деяния, в целом юридической конструкции вины, поскольку при простой первичной технической манипуляции производится множество последующих технических действий, являющихся, по сути, действиями техники, а не человека. Например, единичный клик в том или ином программном сервисе для рядового пользователя не означает двух-, трех- четырех и т.д. шаговых последствий разворачивания технических операций в программной среде, однако при выявлении социальной вредности таких последствий они могут быть деликтизированы, и человек становится правонарушителем. При этом проблема заключается в том, что сам программный сервис, особенно в рамках социальных технологий Web 2.0, для пользователя никак не связан по своему назначению с риском противоправности. Задача правовой охраны в таком случае усложняется.

Наиболее верным вариантом решения этой проблемы является анализ и учет в правотворческой деятельности тех свойств техники, которые создают подобные риски, т.е. переносят деликтологический акцент с человека на производные технические функции, за которые несет ответственность разработчик технического продукта;

7) в охранительном праве также проблематична традиционная юридическая конструкция презумпции знания закона, которая обеспечивает возможность привлечения лица к ответственности. Увеличение деликтологических последствий техники, особенно в виртуальной реальности, по сути, для человека превращает презумпцию знания закона *в презумпцию знания техники и ее свойств*. А это, как показывает практика функционирования социальных сетей и в целом постепенная деликтолизация виртуальной реальности, составляет серьезную проблему. Усиление технической составляющей в сфере права заставляет человека предусматривать деликтологические последствия функционирования техники, которые с течением времени будут пропорционально расти.

Здесь существует несколько вариантов решения данной проблемы. Первый вариант — это акцент на традиционной презумпции знания закона посредством более тщательного информирования, предупреждения пользователя технического продукта. Однако в условиях повсеместного вовлечения молодежи в виртуальную реальность и тотального распространения цифровых сервисов данный вариант вряд ли окажется эффективным. Второй вариант, также малоперспективный, — это прямой юридический запрет или огра-

ничество использования технического продукта (практика Китая, Северной Кореи и др.). Третий, наиболее эффективный, на наш взгляд, вариант решения проблемы связан с выдвижением требований к разработчикам технических продуктов, в частности при проведении технической патентной и научной экспертиз, а также в процессе легального использования продукта. При обнаружении антрополого-правовых рисков, вызываемых техническими свойствами образца, особенно неявными, скрытыми от пользователя, разработчику следует предложить создать техническую контрмеру или опцию, предусмотрев юридическую ответственность автора продукта за экспертную оценку последнего на стадии разработки.

О КОНСТИТУЦИОННОМ РАЗВИТИИ В УСЛОВИЯХ ВОЗДЕЙСТВИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ:

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ?

С.А. Грачева

Технологический прогресс (понимаемый, судя по терминологии Д. Белла, как «расширение радиуса связи, когда весь мир находится в сфере пристального внимания любого слушателя»¹) влечет формирование нового уклада общественных отношений, связей, характеризующихся неограниченными информационными возможностями.

Это отражается на праве и правоотношениях. Во-первых, основным благом становится информация (как «абстрактные своды символов») и коммуникация на ее основе. Во-вторых, право предполагается все менее «эмпирическим» (в значении меньшей ориентированности на материальные ценности). В-третьих, оно оказывается более «информационно разобленным» (связывается с существованием множества факторов и концепций). Кроме того, цифровая среда, учитывая ее технологическое единство и трансграничность, отражается на универсализации права.

Заметим, что все перечисленное не является чем-то новым, малоизвестным для права и в той или иной мере служит внешней харак-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia.

теристикой его развития. В то же время в силу масштаба проявления в настоящее время можно вести речь о серьезном влиянии технологических (цифровых) факторов на процесс появления, развития нового права — «права второго модерна, регулирующего экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта»¹.

Не исключено, что в перспективе можно будет выделять цифровое право в числе других юридических областей или вести речь о цифровых традициях в праве. Однако современный виртуальный ракурс права, как правило, предполагает приспособление правового регулирования к отношениям, развивающимся в Интернете и иных зонах цифровой коммуникации.

Обращение к конституционной проблематике, учитывая ее определяющее начало в виде базовой правовой регуляции, служащей источником программных подходов (для настоящей и будущей динамики правоотношений), более чем закономерно. В то же время, очевидно, что любые оценки ключевых вопросов в конституционно-правовой сфере в ракурсе проблемы воздействия цифровой среды имеют поисковый характер.

Тема конституционной динамики в условиях развития права 2.0 обозначается по-разному: от общего взгляда, в рамках которого больше подчеркивается значение (воздействие) цифровой среды для развития конституционного процесса (что есть Конституция в цифровой среде; какова ее роль и пределы влияния?), до более прагматичного, связанного с постановкой конкретных вопросов конституционного права применительно к проблеме виртуальной реальности (как читать Конституцию в киберпространстве; что предполагает конституционное измерение цифровых прав?).

Заметны и крайности в анализе, связанные как с недооценкой, так и переоценкой поставленной проблемы, — обсуждение Конституции с точки зрения неограниченных возможностей или с позиции неограниченных вызовов. Так, можно встретить оценки от рассмотрения «цифровой среды как фактора, влекущего неограниченное расширение конституционной среды с позиции объема гарантированных конституционных ценностей» до «отрицания конституции как средства эффективного правового воздействия (гарантирования) и появления феномена конституционной аномии»².

¹ Зорькин В. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

² См., например: Celeste Ed. The Irish Constitution and the Challenges of the Digital Age. Is it Time for a Bunreacht na hEireann 2.0? // <https://ulsites.ul.ie/law/papers-constitution-80-conference/>; Yannic Blaschke. Digital rights as a security objective: New gateways for attacks // <https://edri.org/donate/>

Также встречается мнение, что специального «конституционного» внимания в связи с фактором развития цифровой реальности не требуется, поскольку конституционные характеристики права в целом остаются неизменными и по умолчанию экстраполируются на виртуальную среду, против чего нелегко возразить. В частности, можно вспомнить принцип регулирования положения личности, обозначенный Генеральной Ассамблеей ООН, — права, которые человек имеет офлайн (англ. offline — вне сети), должны защищаться и онлайн (англ. online — в Интернете)¹.

По меньшей мере очевидно, что конституционная проблематика в современных условиях вызывает интерес с точки зрения обозначения как новых возможностей, так и новых вызовов ее рассмотрения. Можно выделить в связи с этим четыре вопроса/направления, требующих внимания в силу их значения для конституционно-правового развития.

Выделяя такие вопросы не по степени популярности их обсуждения, а с учетом их значения, важности для функционирования конституционно-правового пространства, обозначим их в следующем порядке: сфера публичности власти, правовое положение личности, качество конституционного регулирования (воздействия), идея цифрового конституционализма.

Сфере публичной власти зачастую не уделяется достаточного внимания при обсуждении «цифровых» вопросов права, законодательства.

В правовом дискурсе чаще всего рассматриваются возможности использования ресурсов Интернета для усиления технико-управленческой составляющей функционирования органов публичной власти (с момента их формирования, избирательного процесса до принятия публично-властных решений), обсуждаются вероятные риски появления технократической бюрократии (как в случае «открытого правительства», «электронного правосудия»).

Вместе с тем вызовы, обозначаемые в связи с развитием цифровой среды перед публичной властью границами ее осуществления, значительно шире. Вспомним идеи, прогнозы о развитии «небюрократических форм организации» властных отношений, об устаревании пирамидальных моделей и иерархий, изменении оценок общественного выбора и выражения властно-управленческой воли². Тем самым

¹ The right to privacy in the digital age: Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2013 // URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167>

² См.: Pinto R.A. Digital Sovereignty or Digital Colonialism // URL: <https://sur.conectas.org/en/digital-sovereignty-or-digital-colonialism/>; https://digitalcommons.law.yale.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.com/&httpsredir=1&article=6200&context=ss_papers

динамика цифровых технологий и отношений вполне может актуализировать вопрос об источнике и субъекте конституционной власти, конституционных характеристиках публичной власти.

Проблема основных прав и их ограничений является наиболее чувствительной при оценке возможностей регулятивного воздействия на интернет-пространство, при этом чаще она звучит в аспекте постановки, рассмотрения идеи цифровых прав. В частности, можно вспомнить следующие опасения: «ограничение или отсутствие доступа к информационным и коммуникационным технологиям может лишить людей возможности полностью реализовывать свои гражданские права»¹; «цифровая среда может в силу самой своей природы размывать основы частной жизни и фундаментальных прав, тем самым подрывая ответственное принятие решений»².

Приведем в качестве примера ситуацию с осуществлением двух основных прав, наиболее обсуждаемых в контексте интернет-отношений.

В отношении «права на свободу выражения (мнения/убеждений)» отмечается, что Интернет «предоставляет беспрецедентные возможности для реализации ст. 19 Всеобщей декларации...», «является важнейшим местом для обмена мнениями».³ Однако налицо усиление внимания к контролю (ограничению) такой «свободы в Интернете», воспринимаемом в качестве публично-правового пространства. В результате принятия контрольно-ограничительных мер (увеличения перечня информации, относимой к противоправной, введения мер ответственности за ее размещение в Интернете) получило распространение явление интернет-цензуры. В российской практике немало примеров. Так, крупные блогеры стали соотноситься со средствами массовой информации (что предполагало выполнение требований к наполнению блога, к содержанию публикуемой информации); развивалась практика привлечения к ответственности за экстремистские публикации в Интернете (в 2018 г. констатировали, что 90% осуждений по делам об экстремизме связано с деятельностью онлайн). Довольно актуальна проблема «внесудебной» блокировки сайтов, многие из которых блокируются «заодно», наряду с интернет-ресурсами, содержащими противоправный контент.

В отношении права на частную жизнь — с одной стороны, границы частного пространства в виртуальной среде беспрецедентно

¹ Из преамбулы Декларации Комитета министров о правах человека и верховенстве права в информационном обществе, СМ(2005)56 (13 мая 2005 г.).

² Из Доклада Комиссара СЕ по правам человека «Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире» // URL: <https://rm.coe.int/16806da6be>

³ См.: Celeste Ed. The Irish Constitution and the Challenges of the Digital Age. Is it Time for a Bunreacht na hEireann 2.0?

расширяются (индивид виртуально может находиться где угодно, может создавать копии себя, особенно в случае анонимности его деятельности). Предполагается много естественных (для цифровой среды) прав, обуславливающих частное пространство, — право на анонимность, конфиденциальность, забвение. С другой стороны, «право быть оставленным в покое» (right to be let alone), являющееся квинтэссенцией идеи обеспечения частной жизни, ставится под сомнение — лицо теряет возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного характера (технически с момента ее фактического размещения). Показательно, что предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ стало дело по вопросу, является ли оператор электронной почты обладателем информации, содержащейся в сообщениях пользователей (поскольку, по мнению заявителя, законодательство приравнивало пересылку информации на внешний электронный адрес к ее разглашению)¹.

Генеральной Ассамблеей ООН отмечено, что быстрые темпы технологического развития позволяют людям во всех регионах мира пользоваться новыми информационными и коммуникационными технологиями и в то же время повышают способность правительств, компаний и физических лиц отслеживать, перехватывать и собирать информацию². Известно, что в России по антитеррористическому законодательному пакету легализованы основания систематической электронной обработки данных (без наличия конкретной угрозы правовым благам³) в рамках оперативно-разыскной деятельности.

В связи с этим значимой является идея конституционно-правовой защиты цифровых прав, особенно для целей гарантирования основных прав, реализуемых в цифровой среде. Отсюда не лишено оснований признание новых производных основных прав (как право на информационное самоопределение, право на защиту персональных данных, право на доступ к Интернету), но практически важнее повышение внимания к определению пределов вмешательства в осу-

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26 октября 2017 г. № 25-П.

² См.: Резолюция от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век».

³ Отметим, что проблема появления конкретной угрозы в таких случаях обратила на себя внимание в конституционно-правовых практиках. В частности, Федеральным конституционным судом ФРГ отмечено, что розыск посредством электронной обработки данных совместим с основным правом на информационное самоопределение лишь в том случае, если существует по меньшей мере одна конкретная угроза в отношении наиболее значимых правовых благ; в качестве обычной предварительной меры подобный систематический розыск (с применением названной системы обработки данных) не соответствует требованиям Основного закона (1BvR518/02).

шествие основных прав в цифровой среде (в том числе с учетом критериев пропорциональности ограничения). В этом также может проявляться «расширение конституционной среды».

Постановка вопроса о *конституционном средстве регулирования* (качестве данного средства) является менее определенным направлением анализа (учитывая предполагаемую неизбежность юридических свойств Конституции как формы права), но тем не менее довольно востребованным в силу внимания к роли формально-юридических источников в современных условиях в целом.

Такие факторы, как повышение роли «технического» в принятии решений, тенденция обезличивания права в цифровой среде (с точки зрения субъектообъектной взаимосвязи), развитие неопределенно широкого круга регуляторов, с которыми соотносят правовые системы Больших данных, обосновывают внимание к качеству конституционной регуляции.

Например, существует идея рассмотрения Конституции как некой базы основных правовых данных в русле обсуждения перспективы цифровой переоценки формально-юридических источников, ставится проблема практической емкости Основного Закона. Обозначается и проблема основной формы в социальном регулировании с точки зрения ее общеобязательности. Не менее определенной является идея «актуальной версии» и, соответственно, гибкости обновления конституционной регуляции.

Насущные вопросы развития конституционной регуляции можно черпать из предложений о конституционных поправках, реформах. При этом встречаются не только «умеренно-реформаторские» предложения, связанные с внесением отдельных изменений, например по закреплению «новых» прав (например, права на доступ к Интернету) или «доработки» предусмотренных (право на обращение в органы публичной власти через Интернет)¹, но также и такие, как принятие цифровой конституции (национального билля о цифровых правах)². Вместе с тем отметим, что практическая обоснованность таких предложений пока очевидна не в полной мере, и в целом отвечающим потребностям «цифровых» отношений на данный момент чаще принято рассматривать необходимое «оживление» конституционных норм применительно к вопросам цифровой среды в практике их конституционно-судебного толкования.

¹ См.: Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3. С. 164–182.

² См.: Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. № 12. С. 1075–1082.

*Идея цифрового конституционализма*¹ обозначена и рассматривается как своего рода ценностная идея, служащая обоснованию «цифровых» преобразований в праве, допускающая новую модель конституционного мышления и оценки конституционного развития.

Несмотря на то что названная категория стала употребляться сначала неправовыми науками (связь с конституционным правом прослеживалась слабо), в последнее время она получает все большее признание в правовом сообществе.

Отметим, что содержание цифрового конституционализма в основном предполагается в следующих характеристиках правового развития.

Во-первых, акцент делается на современной, а не на прошлой социальной динамике, когда исторически формировались идеи конституционализма (связанные с правовым определением устройства общества и государства на базе конституционных ценностей, озвученных в XVIII в. (значимых прежде всего для целей ограничения политической власти)).

Во-вторых, в рамках цифрового конституционализма (по сравнению с традиционной моделью конституционализма) в значительной мере меньше внимания уделено государственному и политическому в целом.

В-третьих, на первое место выходит необходимость гарантирования конституционных ценностей, значимых в цифровую эпоху.

В-четвертых, в силу множественности акторов особое внимание получают идеи о процедурах определения «конституционного равновесия» (при установлении противовесов и гарантий).

Подводя итог, подчеркнем, что современный «цифровой» период содействует изменению представлений о правовом укладе общественных отношений, что сказывается в первую очередь на конституционной регуляции. Однако содержание таких изменений не сразу идентифицируется правом, которое на данный момент реагирует на общие изменения в своем концептуальном значении довольно статично — «иногда адаптируя» правовую регуляцию контексту социально-технологической динамики.

В числе основных идей (в плоскости концептуального осмысления которых заложена перспектива развития конституционно-правовой мысли в связи с фактором цифровой среды), способных определять аксиологическую или, может быть, даже идеологическую

¹ См.: Gill L., Redeker D., Gasser U. Towards Digital Constitutionalism? Mapping Attempts to Craft an Internet Bill of Rights/ <https://cyber.harvard.edu/node/99209>; Gunther Teubner. Societal Constitutionalism: Alternatives to State-centred Constitutional Theory/ https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=876941

характеристику конституционного развития, стоит указать следующие:

- возможное размывание традиционных рамок функционирования публичной власти (когда субъекты уравниваются в своих возможностях, а их интересы не определяемы);

- объем и пределы «конституционной свободы» различных субъектов права в цифровой среде (с учетом технологической неограниченности информационных возможностей);

- вероятность превалирования в новых условиях динамических, реалистических проявлений в праве по отношению к статическим, текстуально-оригиналистским;

- усиление внимания к идее ценностной нейтральности основной формы (связанной с возможной потерей «человеческого измерения», переходом на процедурность как ключевую ценность для целей баланса интересов).

Несомненно, названные аспекты развития (хотя и отчасти предполагаемые) важно учитывать или по меньшей мере не игнорировать, чтобы исключить риск утраты способности конституционно воздействовать на отношения, разрешать конфликты на основе конституционно опосредованных ценностей, которыми определяется ответственность и легитимность российской Конституции.

РАЗДЕЛ III

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ПРАВОВОГО ОСВОЕНИЯ И ГЕНЕРИРОВАНИЯ ИДЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ (НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, ПРАКТИКА)

ТИПЫ ПРОГРАММИРУЕМЫХ ОБЩЕСТВ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВА

Н.М. Казанцев

Слово — главный программатор общества

Как известно, «в начале было Слово», и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Конечно, слово закона программирует общество, статусы лиц в обществе, их действия, отношения. Но понятно, что не начертания букв из слов закона программируют общество, а те понятия, которые выражаются словами закона.

Понятия, программирующие общество, — это в первую очередь понятия тех вещей, которые окружают человека и посредством которых он достигает своего жизнеобеспечения. Большинство вещей в современном мире и методов деятельности, которыми пользуется человек для своего профессионального и иного развития в нынешнюю эпоху кибернетизации по всему жизненному циклу (от рождения, образования, профессиональной самореализации и до пенсионного самовыражения и упокоения), изобретены в англосаксонской цивилизации и потому именуется на английском, иногда латинском языке. Слова, обозначающие эти вещи и методы практики, программируют общество каждой, особенно развивающейся страны, например России, и показывают каждому человеку вектор его жизни и карьеры. Это так, начиная с самого маленького гаджета и заканчивая такими высотами философствующего ума, как коммунизм и капитализм, социализм и фашизм.

Российский индустриализм, формировавшийся в XIX в. на основе свободных частных практик гражданского общества, реализовавший было себя в Февральской революции 1917 г., был сломан в октябре. Ленинское военно-коммунистическое хозяйство, опиравшее-

еся, как следует из документов, представленных Д.Л. Голиновым, предписанных В.И. Лениным перманентных репрессий горожан¹, провалилось, и была сделана попытка заменить его НЭПом, т.е. капитализмом под властью коммунистической партии, большинство членов которой — крестьяне, далекие от индустриальной культуры. «Командные высоты» в экономике были за компартией, результат — многомиллионная безработица и хищения в бюджетных организациях, состоящих под управлением партийных функционеров и боровшихся между собой за власть. Принудительная индустриализация осуществлялась посредством планов и межклановых репрессий. Возникло парадоксальное историческое явление — партийно-насилованное индустриализованное государство доиндустриального общества. Управление экономикой проводилось прямыми силовыми действиями подобно тому, как управляют крестьянским хозяйством, и по мере усложнения экономики такое управление привело к ее кризису и падению режима и государства.

Перенос понятий, технологий и вещей из индустриального общества, создавшего их, в развивающееся доиндустриальное общество пользователей не может не влечь упрощение смыслов понятий или даже его вырождение. В этом трудность «перехода границы» между миром, производящим вещи и смыслы, обществом, по меньшей мере индустриальным, и миром потребляющим, общество которого, если оно не изобретает и не производит новые вещи и смыслы, трудно назвать иначе, как доиндустриальным.

Недавний пример тому, как англоязычное digital economy при переносе в русскоязычный мир превратилось в понятие «цифровая экономика» — выражение, которое на английском языке будет иметь совершенно иной, нежели оригинал, абсурдный смысл — figure economy! Цифры — всего лишь изображения чисел, и именно числа как последовательности всего двух цифр, нулей и единиц являются кодами команд, которые исполняет процессор компьютера и генерирует этим свой искусственный интеллект. Строго говоря, даже эти две цифры 1 и 0 не работают в компьютере, это всего лишь обозначения фактов прохождения или непрохождения импульса электрического тока через изобретенные действительным членом АН СССР лауреатом Нобелевской премии Ж.И. Алферовым элементы гетероструктур компьютера или синапсы головного мозга человека и других животных. В этом смысле инициированная правительством «цифровая экономика»² никак не может стать ни числовой экономикой,

¹ См.: Голинов Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 1, 2. М.: Политиздат, 1986.

² См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

ни тем более экономикой, в которой искусственный интеллект обрел свою производительную силу, или просто естественной экономикой. А станет лишь изображением, видимостью экономики, продолжит быть экономикой приписок в статистике национального продукта, дохода, как это было в последнее 10-летие существования СССР. Симулякр самого большого по территории и аббревиатуре государства лопнул.

Понятия, а не их изображения создают и программируют развитие мира. Поэтому уместно применить метод научной школы истории понятий, которая «в последние два десятилетия прочно закрепились в числе наиболее «продвинутых» методик анализа политической истории, применяемых в исследовательских практиках изучения России»¹. Школа истории понятий началась с трудов Райнхарда Ко-зелека в Германии и Квентина Скиннера в Великобритании. По мысли Скиннера, как социальные практики наделяют значением социальный словарь, так и социальный словарь помогает конституировать характер этих практик².

Метод этой школы позволил переосмыслить понятие капитализма через группу смыслов, которые были свойственны первоначальному для капитализма латинскому термину «голова» (*caput, capitis*). Любые живые плодятся, их поголовье растет и потому является самовозрастающей ценностью даже по идее К. Маркса, хотя он и не связывал капитал с этим естественным законом природы. Обнаружилась группа смыслов, в которых исторически упорядочивалось первообразное для капитализма понятие в латинском языке, реализовалось на разных этапах истории и стало выражать интегральный смысл понятия капитала и капитализма. Примечательно, что еще в Древнем Риме в состав латинских смыслов понятия *caput, capitis*³ в его семантическом ядре, следуя нумерации словаря, уже входили человек свободный, лицо (*capitis liberum* — М. Tullius Cicero), голова, жизнь, уголовное дело (*capitis causa* — М. Tullius Cicero), гражданские права, правоспособность (*servus nulum capitis habet* — Codex Justinianus), глава, начальник, суть, главное, сущность (*capitis est*), главный город, столица и, наконец, основная сумма, главный фонд, капитал (*de capite aliquid deducere* — Т. Livius; *deducere de capite aliquid* —

¹ См.: Дмитриев; Очерки исторической семантики...; Марасинова; Тимофеев, 2015; Понятия о России; Рощин; Копосов. Цит. по: Бугров К.Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII в. // История. Институт истории и археологии УрО РАН Екатеринбург, Россия. С. 161 (URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46862/1/iurg-2017-160-13.pdf>).

² Там же. С. 162.

³ См.: Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 5-е, стереотипное. М.: Русский язык, 1998. С. 121.

что-либо вычитать из капитала, — Marcus Tullius Cicero (106-43 В.С.Е.))¹. Как ни парадоксально, но еще при Цицероне и Тите Ливии понятие капитала мыслилось существенно богаче, нежели спустя 20 веков у Карла Маркса. Капитал связывали с естественным природным размножением поголовья стада, увеличением численности людей и, что замечательно, с уголовными делами и гражданской правоспособностью свободного человека. Получаем, что капитал — это *ценность, самовозрастающая вследствие естественных биологических и экономических законов. Осуществление естественных прав человека также влечет возрастание капитала.*

Формационный подход в марксизме основан на деформированном понятии капитала. Советские политэкономы его толковали как самовозрастающую стоимость сообразно переводу «Капитала» К. Маркса, сделанного И.И. Скворцовым-Степановым. Однако, если посмотреть английские издания, то у Маркса речь идет о самовозрастающей ценности. Анекдотично, но советская экономика и была «самовозрастающей стоимостью», которая для своего функционирования требовала все больше и больше затрат, источником которых была нефтегазодобыча. Академик АН СССР Н.П. Федоренко, директор ЦЭМИ АН СССР, в свое время показал, что с 1955 по 1975 г. темпы роста нефтедобычи коррелировали с темпами роста всей экономики. И эта послевоенная тенденция повлекла снижение доли машин и оборудования в советском экспорте с 46% до одноразрядных величин при росте доли углеводов в экспорте до 85% к началу 80-х гг. XX в. К этой характеристике следует добавить такой интегральный показатель, как соотношение средней цены 1 кг импортируемой продукции к средней цене 1 кг экспортируемой продукции. В начале 1980-х гг. он составлял 10 к 1, и это указывало на то, что, по классификации Д. Белла, советское общество относилось к добывающей и доиндустриальной культуре. Расчеты академика Н.П. Федоренко предсказывали падение СССР. Д. Белл не предусматривал возможности сочетания высоких индустриальных и постиндустриальных технологий в обществе доминирующей добывающей экономики и культуры. Однако, как показывает нынешняя российская экономика, это возможно и закономерно для такого специфически устроенного общества.

Государство имеет возможность нормами законов, действующих против естественных прав и свобод человека, тормозить самовозрастание национального капитала, складывающегося из частных капиталов граждан и корпораций для того, чтобы их совокупное частное богатство не обрело существенного значения по сравнению с

¹ Ibidum. P. 226.

публичным капиталом государства. Эта традиция российской государственной власти действовала при царе, затем усугубилась в советскую эпоху и продолжается по сей день, за некоторыми исключениями для лиц, аффилированных с властью. Конечно, эта традиция сугубо доиндустриального качества. Как законы, действующие против естественного права, так и правоприменение не могут не вызывать отток капитала в другие страны. Это и происходит в России в течение последних 30 лет.

Капитал уходит в ту страну и юрисдикцию, где находит себе более производительное применение, где его значение для роста производительности и дальнейшей индустриализации будет выше. Уходит он из тех стран, в которых он уже по каким-то причинам не может найти себе прогрессирующего индустриального применения.

Юрисдикции конкурируют между собой в способностях предоставлять свои специфические, государственные услуги. Следуя по стадиям жизненного цикла человека, это организация, регулирование и развитие многих сфер общественной и частной практики, и в первую очередь здравоохранения, образования, защиты прав собственности и правового положения профессионально квалифицированной личности, прав экономической деятельности, предпринимательского и информационного оборота, страхового и, увы, похоронного и кладбищенского дела.

В зависимости от уровня развития этих государственных услуг в той или иной стране наблюдаются прирост или убыль населения, приезд или отъезд детей и юношества на обучение в конкурентоспособную юрисдикцию, эмиграция или иммиграция специалистов трудоспособного возраста, вывоз или рост инвестирования капиталов в нее. Эти показатели агрегируются в многообразных международных рейтингах, одним из которых является так называемый The Legatum Prosperity Index™ 2018. За прошлый год Россия улучшила в нем свое положение, поднявшись со 101 на 96 место, уступив Турции (93), Индии (94) и Руанде (95)¹. За Россией следуют Азербайджан и Таджикистан. Справедливости ради следует сказать, что такого рода рейтингование может быть одним из видов санкций против страны, а следовательно, методом подрыва ее конкурентной позиции. И дело не в истинности оценок, а в том, что рейтинги сообразно своей признанности другими странами действительно служат ориентирами в выборе людьми для жизни той или иной национальной юрисдикции из представленных в мировом сообществе. В данном случае рейтинг показывает доиндустриальный статус российского общества, из которого представители индустриализма и по-

¹ The Legatum Prosperity Index™ 2018. URL: <https://www.prosperity.com/rankings>

стиндустриализма уезжают в юрисдикции, более соответствующие интересам профессиональной самореализации.

Евростат приводит следующие данные по количеству российских граждан, проживающих за рубежом на конец 2015 г. — первую половину 2016 г.¹: США — 415 000, Канада — 214 000, Израиль — 268 000, Эстония — 89 000, Германия — 201 000, Испания — 66 000, Чехия — 33 000, Латвия — 42 000, Австрия — 30 000, Финляндия — 30 000, Болгария — 17 000, Турция — 21 000. Существенным явлением последнего времени является рост эмиграции из России в другие страны.

По данным Федеральной службы государственной статистики, ситуация с уехавшими из Российской Федерации за последние годы людьми, выглядит следующим образом.

Годы	Количество человек	Годы	Количество человек
2006	54 061	2011	36 774
2007	47 013	2012	122 751
2008	39 508	2013	186 382
2009	32 458	2014	310 496
2010	33 578	2015	353 233

Из таблицы видно, что темпы роста эмиграции в последнее время значительно увеличились. Если до 2011 г. уезжали десятки тысяч человек, то с 2012 г. — сотни тысяч. Данные цифры не показывают реальное положение дел, так как существует огромное количество нелегальных эмигрантов, да и в целом расчеты производить очень сложно. Чтобы получить настоящие статистические данные, стоит увеличить представленные цифры в несколько раз². Источник подчеркивает, что оценки разнообразных информационных агентств шокируют — по ним из России ежегодно уезжает 1–2 миллиона ее граждан. Нарастание потока эмиграции объяснимо. Эмигрирующие граждане индустриальной и постиндустриальной культуры получают отчасти замещение представителями более глубокой доиндустриальной культуры, нежели Россия. Это и ускоряет поток эмиграции носителей высших форм индустриализма и постиндустриализма. Происходит ускоряющаяся замена индустриального и постиндустриального человеческого капитала России доиндустриальным. Соответственно российское общество погружается в нарастающую инволюцию, которая может стать плодородной почвой для нового этапа коммунизации экономики, с одной стороны, как очередного

¹ См.: Дудник В. Эмиграция из России в 2019 году: статистика за все года. URL: <https://emigranto.ru/spravochnaya/emigraciya/iz-rossii.html>

² См.: Эмиграция из России — куда и почему уезжают граждане РФ? URL: <http://passus.ru/migratsiya/emigratsiya-iz-rossii-statistika-po-godam.html>

бунта доиндустриальной культуры против индустриальной. Но, с другой стороны, это может быть актом защиты прав человека от коррупции и расхищения бюджетных средств, что не раз уже констатировалось Счетной палатой РФ. Могут быть названы и другие квалификации такого рода событий. Это показывает, насколько важно слово для оценки, преобразования и развития мира, для останова инволюции и перехода общества из доиндустриальной культуры в индустриальную, для естественного возрастания общественного и индивидуального капитала во всех его человеческих, информационных, финансовых и технологических формах.

Капитал растет естественным путем, начиная от роста поголовья стада одомашненных животных и заканчивая ростом численности населения, которое по мере обучения последовательно создает произведения наскальной живописи, языки, культы богов и произведения литературы, искусства, объекты культуры. Рефлексивное сознание и мышление, открывает числа, применяет дату, чтобы измерить год, локоть — длину, а для ценности — деньги, а вслед за этим открывает естественные науки и создает инженерные изобретения и университеты. И это развитие есть естественное самовозрастание капитала. Однако человек обеспечивает свою жизнь далеко не всегда посредством естественного самовозрастания капитала. Изначально его жизнеобеспечение — это собирательство и охота, а затем война и грабеж наряду с ремесленничеством, возделыванием земли, приручением и выпасом животных.

Под термином «способ жизнеобеспечения» будем понимать тот особенный способ, которым субъект добывает себе средства для поддержания своей жизнедеятельности, а также для осуществления своих целей и развития. Еще с первобытной эпохи эти способы делились на две группы: захват и производство.

Конечно, в конкретных обществах, государствах действуют разные физические и юридические личности, и они применяют эти два противоположных способа извлечения дохода и жизнеобеспечения: захват — доэкономический метод и производство (первостепенный способ по значению для развития мира) — экономический метод.

Первый, доэкономический способ жизнеобеспечения объединяет в себе различные методы: от сбора плодов в лесу, охоты и захвата добычи до предаторизации (с лат. — хищничество), совершаемых в разных сферах. Этот способ проистекает из собирательства, которым жили первобытные люди. Впрочем, он и сегодня в развивающихся странах может составлять основной источник дохода и средств выживания для семей на пространстве целых регионов и на протяжении всей жизни (например, сбор грибов и ягод в России).

Способ жизнеобеспечения получил название «доэкономический» вследствие того, что он не влечет устойчивого и исторически длительного возобновляемого экономического оборота ценностей. Всегда есть пострадавшая сторона — ограбленный или обманутый человек.

Хищническая эксплуатация земель приводит к выветриванию почвы и высушиванию (например, в Африке). Как показали недавние исследования, в пустыне Сахара когда-то были развиты земледелие, скотоводство и даже рыболовство. С середины второго тысячелетия до нашей эры на скалах Сахары появляются очертания колесниц, запряженных лошадьми, изображение которых прослеживается вплоть до II века нашей эры¹. К этой же практике хищнического хозяйствования относится трагедия Аральского моря, исчезнувшего вследствие разбора его вод для полива еще в советское время.

Метод захвата развивается. Эксплуатация рабов — это первый этап предаторства. Высшей степенью доэкономического метода можно было бы признать эксплуатацию заключенных в концлагерях советской России и гитлеровской Германии, если бы не было современной практики эксплуатации гастарбайтеров в России, особенно северокорейских рабочих, сданных в аренду в Россию властями Северной Кореи. К этой же категории относятся пленные российские солдаты в Кавказской войне и завлеченные обманом в горные села безработные из центральных районов России, а также женщины, обманутые и запертые в публичных домах разных стран. Хотя исторически этот метод первый, он практикуется и по сей день не только у сомалийских пиратов. По мере человеческой эволюции хищничество изощряется, камуфлируется и сохраняется в большей или меньшей степени в разных странах. В доиндустриальных обществах преступные сообщества институционализированы, имеют свою управляющую элиту, аффилированную с должностными лицами публичной власти соответствующих территорий. Тяжелые последствия для страны начинаются тогда, когда расхищаются бюджетные деньги на мегастроительных проектах, затеваемых в популистских целях, в то время как роддома и больницы страны остаются без горячей воды даже зимой, а граждане выживают в отдаленных территориях без какой-либо воды или с водой, непригодного для бытового употребления качества.

Методов хищничества как элементов доэкономического способа жизнеобеспечения множество, часть из них получает правовые квалификации в национальном уголовном законе. Среди них не только

¹ URL: <https://историиземли.рф/pustynya-saxara-istoriya.html>, <https://xn--e1adcaacuhnuijmn.xn--p1ai/pustynya-saxara-istoriya.html>

грабеж, кража, мошенничество, но и плагиат. Силовым перераспределением в большей или меньшей степени занимается и государство. Отсюда — экономическая концепция государства, собирающего налоги как стационарного бандита Мартина Макгуайра (англ. Martin C. McGuire) и Мансура Олсона. Принято оспаривать эту теорию, указывая на конкретные государства Западной Европы. Допускается одна и та же ошибка: сущность и природа всех государств тождественны. Данная идея была отвергнута еще в начале XX в. французским правоведом, основоположником правового институционализма М. Ориу. Реальные государства не только занимают некое промежуточное положение между крайностями: стационарным бандитом и ночным сторожем, но и перемещаются по этой шкале то влево к бандиту, то вправо к сторожу. Конечно, государства обществ доиндустриальной культуры были ближе к бандиту, будь то абсолютные монархии или военный коммунизм Ленина. Государства индустриальных обществ передвинулись по этой шкале вправо. Постиндустриальные государства сдвигаются еще правее.

Национальное право тем развитее, чем более им предусмотрены и квалифицированы в качестве преступлений различные доэкономические методы жизнеобеспечения. Доэкономические методы можно также назвать методами силового перераспределения ценностей. Помимо них существуют также методы социального перераспределения ценностей. Социальное перераспределение ценностей осуществляется не только среди людей, но и среди животных, оно также имеет доэкономический или внеэкономический характер.

Никакие из доэкономических методов, как методы силового перераспределения в виде предаторства, хищничества, мошенничества или попрошайничества, не могут возвысить общество до индустриального состояния. Однако методы социального перераспределения, выражающиеся в воспитании, образовании детей, способствуют этому и тем сильнее, чем более высокий уровень знаний и умений достигнут в обществе. Но необходимое возвышение знаний, умений, искусств в обществе — результат экономических методов. Это возвышение и дальнейший переход к постиндустриализму совершает исключительно экономический метод.

Второй, экономический способ жизнеобеспечения — это метод капитализации результатов естественного роста и развития. Естественный рост происходит благодаря приросту любого из типов капитала, взаимодействующих в экономике, частной и общественной жизни: человеческого, бытового (жилья и домохозяйств), производственно-технологического, финансового, информационно-технологического, научных знаний, произведений искусства, литературы, ценностей и обычаев культуры, институционально-правового, рекреа-

ционного, экономических отношений и капитала чести или доброго имени (*due diligence*).

Если доход является естественным результатом взаимодействия капиталов, т.е. естественным доходом, поскольку он получается без насилия и влечет позитивные последствия — инвестирование в рыночные отношения и в оборот денег, то образуется и накапливается капитал развития как капитал истории получения, возрастания доходов.

Приведенное толкование капитала универсально для любого общества. Этим оно не только продолжает латинскую традицию, но и показывает, что альтернативная антикапиталистическая доктрина — это всего лишь доэкономический силовой метод перераспределения ценностей. Даже в случае наемных отношений, какими они были в СССР, имеем доэкономические отношения эксплуатации не только терроризируемого труда в концлагерях, но и несправедливо, нищенски оплачиваемого труда в сельском хозяйстве и на промышленном производстве, равным образом в науке и других сферах. Автору строк довелось заниматься администрированием программы научного сотрудничества с США в эпоху детанта (как тогда писали в газетах) в конце 70-х годов прошлого века. Минувш СССР платил каждому американскому специалисту, приехавшему на конференцию с выступлениями, такую же сумму за день, какую получал отечественный научный работник такой же квалификации (*Ph.D of economics* — кандидат экономических наук) за месяц. При этом советский ученый имел учебную нагрузку, которая была в пять раз больше, чем у американского специалиста, читавшего одну лекцию в неделю. У нашего ученого практически не было времени читать научную литературу и заниматься собственным научным творчеством, если только он мог позволить себе спать не более четырех часов в день годами. Будет заблуждением думать, что такая интенсивность в разных отраслях давала высокую производительность и темпы роста экономики. Темпы роста ВВП фабриковались с помощью иных статистических манипуляций при фактическом увеличении около нуля %.

Хищническая эксплуатация или предаторизация всегда препятствует естественному росту, развитию и капитализации создаваемых ценностей. Она свидетельствует о доиндустриальном характере общества. Особенно существенные препятствия возникают в отношении капитализации научных открытий и изобретений, т.е. их практического внедрения в целях развития экономики, культуры и роста естественно-капитализируемых доходов. В СССР внедрение научных открытий и изобретений было одной из ключевых проблем. Из 360 тыс. заявок, подаваемых в год в Госкомизобретений, регистрирова-

лось около двух третей, а внедрялись в производство статистически незначительные проценты. Сейчас число изобретений и открытий сократилось в 10 раз по сравнению с тем временем, а у стратегических конкурентов нашей страны оно превосходит миллионы единиц. Научные открытия и изобретения — это основная составляющая капитала постиндустриального общества.

Очевидно, что в реальных подюрисдикционных обществах соединяются доэкономические и экономические методы жизнедеятельности. Причем у разных лиц, граждан или деловых обществ это происходит в разной степени: одни лица находятся на шкале между доэкономическими методами и экономическими методами слева, другие — справа, третьи — посередине, переходя иногда к левой части. Различия между обществами по этим критериям могут быть оценены по доле теневой продукции в национальном доходе страны. Автору строк довелось ознакомиться в 1989 г. с письмом, направленным в Правительство СССР из ЦРУ, в котором утверждалось, что, по их оценкам, эта доля достигла в СССР необычайно высокого уровня (56%), что опасно для существования государства. Для сравнения приводились данные по другим странам, самая высокая доля была у Италии (22%).

В связи с этим уместно вспомнить слова Д. Белла о том, что «общественные структуры не изменяются в одночасье, и иногда для того, чтобы революция полностью завершилась, требуется целое столетие. Любое конкретное общество представляет собой сочетание многих различных социальных форм — отдельных экономических укладов, разных политических структур и т.п., — и именно поэтому необходим многогранный подход, способный рассмотреть общество с различных точек зрения, применить различные аналитические схемы. В качестве социальной системы постиндустриальное общество не приходит «на смену» капитализму или социализму, но, подобно бюрократизации, пронизывает оба этих социальных типа»¹.

Возражая Д. Беллу, надо признать, что индустриальная эпоха вовсе не заканчивается с наступлением постиндустриальной, но вступает в следующую стадию, индустриализируя в качестве своего объекта и сырьевого материала саму человеческую личность, а также психологию, идеологию и культуру различных социальных групп и масс. Человек в большинстве отношений перестает быть исключительно субъектом, а становится также и обрабатываемым предметом. Эту обработку производит не только общество, но и он сам. В качестве естественного человека он перестает быть эффективным и нужным в большинстве человеческих практик. Но лишь как пере-

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. С. 655–656.

программированный человек он обретает функцию, благодаря которой становится эффективен и полезен для такого общества, где доиндустриализм смешан с индустриализмом и насаждается постиндустриализм через посредство, как говорят, «цифровизации». Термин «кибернетизация общества» более содержателен, нежели термин «постиндустриальное общество» и сейчас, когда новые черты программируемого общества проявились въявь, приводит к двусторонней роботизации: 1) компьютеры обретают человекообразность не только по внешности, но и по качеству производительной деятельности, не только в какой-либо индустрии, но и в сферах литературного, музыкального, конструкторского творчества и речевого поведения; 2) человек роботизируется, становится функциональным автоматом, и благодаря этому его труд получает востребованность во многих сферах деятельности; приближается время, предсказанное творцом кибернетики Норбертом Винером, когда человека можно будет пересылать по проводам. Здесь мы опять встречаемся со шкалированным распределением типов обществ постиндустриальной эпохи вследствие кибернетического программирования вещей, организаций и людей.

В зависимости от ориентированности киберобщества на сравнительно новые ценности цивилизации — на права человека или на исторически изначальные ценности: силу и прочность государственной власти, получаем, что первые из обществ группируются вблизи первого пункта роботизации, а вторые, соответственно, вокруг второго. Постиндустриальные общества прав человека гуманизируют роботов и государство, которое по своей сути, говоря словами В.И. Ленина, «машина насилия». А постиндустриальное общество, воспевающее культ государства, роботизирует человека.

Развитие этой практики не только не уничтожает «порабощающее душу разделение труда» по К. Марксу, а, напротив, создает глобальное профессиональное разделение труда между нациями и их государствами. Народы превращаются в своего рода сословия глобального мира под управлением их национальных государств. Задачей каждого государства из второй когорты становится углублять доставшуюся его народу специализацию в предустановленной для него сфере деятельности в интересах устойчивого глобального мира. Государства первой когорты берут на себя миссию дирижеров этого глобального оркестра народов.

Будет заблуждением думать, что эта тенденция глобализации нова. Уже В.И. Ленин поставил задачу создания пролетарского государства на территории России, продолжая идеи К. Маркса о совокупном капиталисте и об эксплуатируемом им совокупном рабочем. Эта идея подтверждалась в том государственно-организованном

обществе тем, что члены коммунистической номенклатуры, возглавлявшие любые организации и учреждения в этом партократическом обществе, сами образовывали свое, ограниченное от другой части народа, общество. Это имело место в сословных средневековых обществах, это возродилось и, казалось бы, в новом, социалистическом обществе — СССР. Партийная номенклатура изначально отделилась от остальной части граждан практически по всем элементам жизнеобеспечения¹. Для нее строились комфортабельные дома для проживания, были бесплатные продуктовые пайки, дотируемые цены в спецраспределителях на все товары массового спроса, которые к тому же производились в особых цехах и были предельно высокого для советской системы качества. К этому можно добавить возможности покупать товары заграничного производства с дотируемой за счет государства ценой, иметь счета в заграничных банках и выезжать на отдых в зарубежные страны по путевкам за государственный счет.

С наступлением постиндустриального общества значение идеологии для общества и государства заметно уменьшается. С этой идеей Д. Белла можно согласиться, учитывая его же оговорки. О писал: «Лишь несколько «классических» либералов настаивают на том, что государство не должно вмешиваться в экономику, и лишь несколько серьезных консерваторов считают, что государство всеобщего благоденствия — это «путь в рабство»... Сегодня среди интеллигенции в общих чертах достигнуто некоторое согласие: получили признание государство всеобщего благоденствия, желательность децентрализации власти, смешанная экономика и политический плюрализм. В этом смысле идеологическая эпоха закончилась»². Если наука, исследуя реальность, открывает истины, которые распространяются по мере углубления исследований и совершенствования методов самой науки, то с идеологией все происходит наоборот. Она пытается свести все многообразие научных открытий к

¹ См., например: «Председатель контрольной комиссии РКП(б) А.А. Сольц в «Правде», 1921, писал: «Разлагающее влияние на многих оказывает само пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата. Отсюда бюрократизм, крайнее высокомерие, нетоварищеское отношение к рядовым членам партии и беспартийным рабочим массам. Чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в сфере снабжения. Выработалась и создалась коммунистическая иерархическая каста ответственных работников со своими групповыми интересами, которая для себя имеет особые правила, законы, неприменимые ко всем прочим. Для «коммунистических превосходителей» по пути их следования очищаются квартиры для достойного приема, заготавливаются и предоставляются специальные вагоны, поезда, автомобили и всякие другие преимущества. Такие нравы устанавливаются все больше и больше среди верхних слоев партии». Цит. по: *Ижицкая Е.* Концепция государства как стационарного бандита. URL: <http://neoeconomica.ru/article.php?id=317>

² *Bell D.* The End of Ideology. On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. Cambridge (Ma.), 1960. P. 402–403.

одному для всех истин априорному и предельно обобщенному постулату, провозглашаемому в качестве единой и универсальной причины всего. По своей сути этот метод идеологии противоречит даже культуре индустриального общества. Однако он полезен для государств, которые осуществляют роботизацию человека и человеческого в интересах своего укрепления. В этих обществах идеологии продолжают существовать и править умами, препятствуя совершать открытия новых научных истин и, следовательно, технологий.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ БИЗНЕСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

О.А. Иванюк

Современное развитие бизнеса немислимо вне цифрового поля: информационные технологии применяются на всех стадиях жизни предприятия и проникают во все отрасли хозяйствования, начиная с сельского хозяйства и заканчивая проектированием космических летательных аппаратов.

Динамика «бизнеса в цифре» влияет на появление новых или модернизацию существующих правовых институтов и механизмов.

Цифровая трансформация экономических отношений направлена на повышение эффективности процессов, их максимальную оптимизацию, экономию всех видов ресурсов и в конечном счете на повышение качества жизни граждан и улучшение условий ведения бизнеса. В результате цифровизации постепенно практически все «аналоговые» и «бумажные» формы принятия решений и коммуникаций будут заменены на автоматизированные.

В подготовленном международной компанией McKinsey докладе «Цифровая Россия: новая реальность»² представлены мировые и российские тенденции развития цифровых технологий в различных сферах. В частности, в качестве источников прироста валового внутреннего продукта к 2025 г. за счет цифровизации³ названы:

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий»).

² URL: <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>

³ По оценкам, представленным компанией McKinsey в докладе «Цифровая Россия: новая реальность» (июль 2017 г.), потенциальный экономический эффект от цифровизации экономики России увеличит ее валовой внутренний продукт к 2025 г. на 4,1–8,9 трлн руб. (в ценах 2015 г.), что составит от 19 до 34% общего ожидаемого роста валового внутреннего продукта.

— оптимизация производственных и логистических операций (мониторинг производственных линий в режиме реального времени, а также оптимизация логистических маршрутов и определение порядка приоритетности отправок);

— повышение эффективности рынка труда (поиск работы и заполнение вакансий, возможность удаленной работы, новые профессии и рабочие места);

— повышение производительности оборудования (сокращение простоев оборудования и расходов на ремонты, повышение загрузки оборудования);

— повышение эффективности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и разработки продуктов (быстрое прототипирование и контроль качества, анализ больших массивов данных при создании и совершенствовании продуктов);

— снижение расхода ресурсов (электроэнергии и топлива) и сокращение производственных потерь.

В предпринимательских отношениях наступление цифровой эпохи приводит к размыванию границ между отраслями и к цифровой дезинтермедиации (исключению посредников из сделок между покупателями и продавцами за счет использования цифровых средств коммуникации)¹. При этом «цифровой предпринимательский оборот» будет отличаться подробной фиксацией данных о субъектах и объектах соответствующих отношений, что может привести к тому, что для целей, например рекламы контроля в цепочке «создание — распределение — обмен», появится еще одно урегулированное на нормативном уровне звено — «потребление»². Потребности бизнеса в цифровизации хозяйственной деятельности выражаются в постоянном поиске оптимальных способов применения информационных технологий, их модернизации и разработке новых технологий.

В конечном счете развитие цифровых платформ, технологий и среды неизбежно приведет к изменению принципа функционирования аналоговых материалоемких рынков и отраслей экономики, самой основы жизнедеятельности человека, что повлечет за собой существенные преобразования и в правовом регулировании экономических отношений³.

Помимо правового регулирования и сопутствующих ему традиционных источников права (нормативный правовой акт, прецедент,

¹ См.: Роджерс Д.Л. Цифровая трансформация: практическое пособие. М., 2017. С. 10.

² См.: Михайлов А.В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68–73.

³ См.: Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

правовой обычай) в системе регулирования цифровых правоотношений значительное место занимают также положения, устанавливаемые субъектами саморегулирования.

В частности, отмечается, что при осуществлении субъектами интернет-отношений саморегулирования основное значение имеют общая культура, моральные и нравственные принципы, правосознание, правовое воспитание, юридические знания, образование и психология. При этом мораль (нравственность) в виртуальном пространстве выступает как совокупность действующих и общепризнанных в разных государствах норм интернет-права, правил поведения, согласно которым одни поступки субъектов интернет-отношений расцениваются как правильные, заслуживающие одобрения, другие — как недопустимые, вызывающие осуждение, порицание¹.

Применение цифровых технологий в организациях представляет собой особую сферу деятельности, во многом отличающуюся от использования цифровых технологий на уровнях государственного (муниципального) управления, нормотворчества и правоприменения.

С учетом сказанного одним из актуальных направлений развития цифровизации на локальном уровне является обеспечение совместимости соответствующих локальных и государственных (муниципальных) информационных систем. В частности, в целях обеспечения системы электронного делопроизводства в сфере трудовых отношений предлагается создать специальную единую государственную информационную систему, обеспечив ее взаимодействие с уже существующими информационными системами (например, в сфере государственных услуг), в которой граждане могли бы бесплатно получать необходимую информацию².

Инструменты цифровизации применяются при осуществлении следующих видов деятельности (которые будут рассмотрены далее более подробно): подготовка локального документооборота, в том числе при принятии локальных нормативных актов; раскрытие сведений об организации и ее деятельности; формирование предпринимательской деятельности, в том числе при помощи электронных площадок и возможностей электронной торговли.

Требования к локальному документообороту формализованы в ГОСТе Р ИСО 15489-1-2007 «СИБИД. Управление документами. Общие требования», идентичном международному стандарту ИСО 15489-1-2001 «Информация и документация. Управление

¹ См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2009.

² См.: Куренной А., Костян И., Хныкин Г. Цифровая экономика России. Электронное делопроизводство трудовых отношений // ЭЖ-Юрист. 2017. № 37. С. 10.

записями. Общие требования»¹ (далее — ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007), регулирующему процессы управления документами государственных, коммерческих и общественных организаций, предназначенным для внутреннего или внешнего пользования.

Указанный стандарт распространяется на работу с документами всех форматов, размещенных на всех носителях, создаваемых или получаемых в процессе деятельности организаций всех форм собственности. Он содержит положения об ответственности, политике, процедурах, системах и процессах, связанных с документами. При этом единые принципы организации работы с документами упрощают как проведение комплексного аудита с привлечением международных компаний, сертификацию менеджмента по стандарту ISO:9000, так и взаимодействие с зарубежными партнерами².

В частности, согласно положениям раздела 5 ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007 организации предлагается идентифицировать нормативную среду, регулирующую их деятельность и требования к ее документированию. В частности, политика организаций должна учитывать требования нормативной среды, а нормативные документы, отражающие деятельность организации, должны содержать соответствующие доказательства ее соответствия нормативной среде.

В локальном нормотворчестве цифровые технологии применяются на всех его стадиях: создание проекта локального нормативного акта³ и его регистрация при помощи программных средств локальных информационных ресурсов, согласование проекта документа с заинтересованными структурными подразделениями, подписание (утверждение) локального нормативного акта и размещение принятого локального нормативного акта для ознакомления работников соответствующей организации.

Преимущества электронного документооборота (включая кадровую документацию) ученые видят в повышении удобства и эффективности работы с документами, в увеличении их доступности для географически распределенных бизнес-единиц, в экономии площа-

¹ Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Управление документами. Общие требования. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2007, утвержденный приказом Ростехрегулирования от 12 марта 2007 г. № 28-ст // Вестник Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. 2007. № 7.

² См.: Кузнецов С.Л. Новый стандарт в области ДОУ // Трудовое право. 2007. № 9. С. 72–76.

³ В соответствии с частью первой ст. 8 Трудового кодекса Российской Федерации под локальными нормативными актами понимаются локальные нормативные акты, содержащие нормы трудового права, принятые работодателями (за исключением работодателей — физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями) в пределах своей компетенции в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективными договорами, соглашениями.

дей, необходимых для хранения документации (в том числе за счет упрощения выполнения требований о раздельном хранении определенных документов) и работы с нею, в снижении затрат на поддержание систем хранения информации и самих документов, в сокращении рисков, связанных с не подлежащей восстановлению разрушенной информацией, а также в имиджевых плюсах от перехода на современные, экологически чистые технологии¹.

В трудовом законодательстве существует пример оформления отношений между работником и работодателем в электронной форме — в соответствии со ст. 312.2 Трудового кодекса Российской Федерации трудовой договор о дистанционной работе и соглашения об изменении определенных сторонами условий данного договора могут заключаться путем обмена электронными документами. В этом случае работодатель обязан в трехдневный срок направить дистанционному работнику по почте заказным письмом с уведомлением оформленный надлежащим образом экземпляр указанного трудового договора на бумажном носителе. Таким образом, в полной мере проблема перевода кадрового документооборота в электронную форму названной нормой и иными положениями главы 49.1 Трудового кодекса Российской Федерации не решена.

С учетом сказанного одним из актуальных направлений цифровизации кадрового документооборота в организациях является введение трудовых книжек в электронной форме. Минтрудом России разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части формирования и ведения сведений о трудовой деятельности работника в электронном виде)» (в ноябре 2018 г. прошел публичное обсуждение в рамках процедуры оценки регулирующего воздействия на официальном сайте), направленный на снижение издержек бизнеса при ведении и хранении трудовых книжек на бумажных носителях, в том числе в связи с увеличением числа работодателей, имеющих большое количество региональных подразделений, а также компаний, оказывающих услуги при помощи информационно-коммуникационной сети «Интернет». Кроме того, введение в кадровый документооборот электронных трудовых книжек обеспечит сохранность работодателями трудовых книжек работников и предотвратит необходимость их восстановления, в том числе в случае их утраты самими работниками.

Работник сможет получить сведения о своей трудовой деятельности у работодателя по последнему месту работы (на бумажном носителе) и из вышеуказанной информационной системы Пенсионного

¹ См.: Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. М., 2018.

фонда Российской Федерации — в многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг (на бумажном носителе), в Пенсионном фонде Российской Федерации (на бумажном носителе) или посредством Единого портала государственных и муниципальных услуг (функций) (на бумажном носителе или в электронном виде).

В литературе отмечается, что при переходе к электронному кадровому документообороту возникает ряд технических и междисциплинарных вопросов:

- необходимость и условия хранения бумажных оригиналов документов (при отсутствии в законодательстве положений о порядке установления достоверности электронных документов либо идентичности бумажной и электронной версий документа);

- критерии достоверности электронных документов (например, квалифицированная электронная подпись);

- квалификация правонарушений, связанных с электронным документооборотом и установление мер ответственности за них;

- доказательная сила электронных документов в судебных спорах;

- обеспечение работникам кадровых служб дополнительной подготовки в области электронного документооборота и электронного архивного дела;

- технико-юридические аспекты (например, принципиальная техническая невозможность выполнения требований о полном уничтожении неиспользуемых персональных данных в распределенных (децентрализованных) средах типа блокчейн, частота и методы резервного копирования данных и др.)¹.

Обсуждается также возможность использования информационных технологий в целях оформления такого традиционного процесса в корпоративном праве, как голосование акционеров. В частности, отмечается, что использование в процессе голосования технологии блокчейн позволяет в режиме реального времени увидеть, насколько учтены все поданные голоса при подведении итогов голосования (иные способы и системы учета голосов не дают этой информации, так как позволяют только сформировать итоговый отчет). При этом законодательство не запрещает применение технологии блокчейн для обеспечения процедур голосования в акционерных обществах и не содержит формальных непреодолимых препятствий для ее использования (возникающие проблемы могут быть учтены при создании архитектуры технической системы)².

¹ См.: Особенности регулирования трудовых отношений в условиях цифровой экономики: монография / под ред. Ю.П. Орловского, Д.Л. Кузнецова. М., 2018.

² См.: Новоселова Л., Медведева Т. Блокчейн для голосования акционеров // Хозяйство и право. 2017. № 10. С. 10–21.

Сведения о всех юридических лицах подлежат включению в единый государственный реестр юридических лиц¹ и единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности². Кроме того, сведения в отношении отдельных категорий юридических лиц дополнительно вносятся в такие общедоступные информационные ресурсы, как единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства³, единый федеральный реестр сведений о банкротстве⁴, реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей)⁵, государственный реестр микрофинансовых организаций⁶, единый федеральный реестр туроператоров⁷.

¹ Перечень сведений и документов о юридических лицах, подлежащих размещению в едином государственном реестре юридических лиц, приведен в ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

² Требования к сведениям, подлежащим включению в единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности, установлены ст. 7.1 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

³ Перечень сведений о субъектах малого и среднего предпринимательства, подлежащих размещению в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, приведен в ч. 3 ст. 4.1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

⁴ В единый федеральный реестр сведений о банкротстве включаются сведения о юридических лицах в соответствии с требованиями ст. 28 Федерального закона от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁵ В реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) подлежит включению информация, предусмотренная ч. 3 ст. 104 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

⁶ В государственный реестр микрофинансовых организаций включаются сведения о таких организациях, предусмотренные п. 1.3 указания Банка России от 28 марта 2016 г. № 3984-У «О порядке ведения Банком России государственного реестра микрофинансовых организаций, форме заявления о внесении сведений о юридическом лице в государственный реестр микрофинансовых организаций, форме сведений об учредителях (участниках, акционерах) юридического лица, форме свидетельства о внесении сведений о юридическом лице в государственный реестр микрофинансовых организаций и порядке его переоформления, формах заявлений об изменении вида микрофинансовой организации и осуществлении деятельности в виде микрофинансовой компании или осуществлении деятельности в виде микрокредитной компании, форме и порядке представления документов и информации, подтверждающих наличие собственных средств (капитала) и источники происхождения средств, внесенных учредителями (участниками, акционерами)».

⁷ Сведения, подлежащие включению в единый федеральный реестр туроператоров, перечислены в ст. 4.2 Федерального закона от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

Размещение сведений о юридических лицах в соответствующих информационных ресурсах обусловлено тем, что данные субъекты создаются в целях участия в общественных отношениях для реализации своих интересов, что предполагает открытость определенного набора сведений о юридических лицах для всех их потенциальных контрагентов¹. Такая открытость указанных сведений позволяет иным заинтересованным во вступлении в отношения с указанными участниками оценить основания, риски и перспективы соответствующего взаимодействия.

При этом «...несовершенство существующей инфраструктуры обеспечения участников гражданского оборота сведениями о юридических лицах актуализирует задачу формирования новой системы раскрытия сведений о юридических лицах в условиях цифровой экономики. Процесс включения юридических лиц в цифровое пространство предполагается за счет размещения сведений о юридических лицах по соответствующим параметрам, собранным в рамках профилей (сети профилей) юридических лиц, отраженным в сети «Интернет». При этом участники оборота смогут в рамках одного профиля юридического лица (или сети профилей) получить релевантную и непротиворечивую информацию о конкретном юридическом лице (или о различных группировках юридических лиц), доверяя подлинности сведений, актуальности и синхронности их изменений»².

Нормативными правовыми актами в отношении отдельных категорий юридических лиц устанавливается обязанность раскрытия информации об их деятельности³. Раскрытие соответствующей информации осуществляется в различных целях, в том числе для противодействия коррупции, предотвращения злоупотреблений при совершении юридическими лицами сделок, упрощения проведения контрольных (надзорных) мероприятий со стороны соответствующих уполномоченных органов.

При этом в отношении отдельных организаций Правительство Российской Федерации уполномочено определять случаи, при кото-

¹ См.: *Ефимов А.В.* К вопросу о необходимости формирования единой системы раскрытия сведений о юридических лицах в условиях цифровой экономики // *Право и экономика*. 2018. № 10. С. 48.

² Там же. С. 52.

³ См., например: Федеральные законы от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (ст. 13); от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ст. 28); от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (п. 4 ст. 15.1); от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ст. 92); от 17 августа 1995 г. № 147-ФЗ «О естественных монополиях» (п. 5 ст. 8); от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ст. 8); от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (подп. 12 ч. 8 ст. 26.7).

рых организации, обязанные раскрывать информацию в соответствии с законом, вправе не раскрывать ее или раскрывать в ограниченном составе или объеме¹.

Способы применения цифровых технологий при осуществлении организациями предпринимательской и иной деятельности могут быть разнообразными: размещение рекламы товаров и услуг, организация деловой переписки и переговоров, заключение сделок путем пересылки электронных документов, использование цифровых технологий при организации производства или оказания услуг, локального документооборота и др.

Особенности применения цифровых технологий организациями во многом зависят от специфики соответствующей сферы бизнеса или производства. В частности, в банковском секторе, по оценкам специалистов, цифровая трансформация может проходить в пять основных этапов:

- появление Digital²-каналов: сети банкоматов, интернет-банка, мобильного банка для обеспечения возможности взаимодействия клиента с банком по любым доступным каналам в любое время;

- появление Digital-продуктов: Big Data, бесконтактные платежи, виртуальные карты, искусственный интеллект, машинное обучение, создание продуктов E2E (end to end), отвечающим финансовым запросам клиентов;

- создание полного цикла цифрового обслуживания: банки не только добавляют digital-сервисы к своим традиционным продуктам, создавая новые цифровые бизнесы, но и полностью меняют бизнес-модели, расширяют границы своего бизнеса и становятся действительно глобальными;

¹ См., например: ст. 50.1 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и принятое в ее развитие постановление Правительства Российской Федерации; ст. 92.2 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и принятое в их развитие постановление Правительства Российской Федерации от 15 января 2018 г. № 10 «Об определении случаев освобождения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»; ч. 5 ст. 103.3 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 и принятое в ее развитие постановление Правительства Российской Федерации от 25 января 2018 г. № 65 «Об установлении ограничений на публикацию информации о залогодержателе движимого имущества в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»; ч. 16 ст. 8 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» и принятое в ее развитие постановление Правительства Российской Федерации от 23 ноября 2018 г. № 1404 «Об особенностях раскрытия кредитными организациями информации, подлежащей раскрытию в соответствии с требованиями Федерального закона «О банках и банковской деятельности».

² От англ. digital — цифровой.

— создание Digital Brain («цифрового мозга»), который непрерывно в автоматическом режиме изучает данные во всех бизнес-сегментах, продуктовых линиях и услугах, что дает организации лучшее представление о своих реальных возможностях на рынке;

— создание «цифровой ДНК» — новой системы координат для принятия стратегических решений в течение всего жизненного цикла банка¹.

Одним из наиболее ценных активов современной экономики являются цифровые платформы, разработкой которых, в частности, занимаются Facebook, iTunes, eBay, Amazon, LinkedIn, Airbnb, Tencent, «ВКонтакте», «Яндекс», Avito, OZON. При этом цифровые платформы начинают использоваться в качестве основных каналов взаимодействия с клиентами и осуществления транзакций, а также как средство создания инновационных бизнес-моделей, в том числе и в традиционных отраслях².

Довольно значимыми цифровыми инструментами для участвующих в государственных закупках в настоящее время являются электронные площадки, которые используются для закупок крупных партий товара организациями всех форм собственности и являются одной из наиболее востребованных *форм проведения закупок* продукции, так как данный вид площадок гарантирует непредвзятость в определении победителя.

Электронная площадка позволяет объединить поставщиков и потребителей различных товаров и услуг в одном информационном и торговом пространстве. Заказчики получают возможность проводить электронные торги — тендеры, аукционы, запросы цен и предложений, а поставщики — участвовать в проводимых закупках, размещать информацию о предлагаемой продукции и услугах. Проведением торговых процедур занимаются специализированные компании, которые после размещения информации на торговой площадке обрабатывают полученный результат³.

¹ См.: Банковская система при переходе к цифровой экономике // <https://tpprf.ru/interaction/experts/comments/245746/>

² См.: Доклад «Цифровая Россия: новая реальность», подготовленный в июле 2017 г. международной компанией McKinsey // <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2018 г. № 656 «О требованиях к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок, электронным площадкам, специализированным электронным площадкам и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок, подтверждении соответствия таким требованиям, об утрате юридическим лицом статуса оператора электронной площадки, оператора специализированной электронной площадки».

Элементы электронной площадки: сервер (аппаратный комплекс), программное обеспечение, транзакционная система с подсистемой документооборота, поисковая система, система управления каталогом, система учета персональных данных участников, служба технической поддержки.

Применение возможностей электронных площадок при осуществлении закупок предусмотрено федеральными законами от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» и от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц».

Порядок торговли в электронной форме регламентирован Правилами продажи товаров дистанционным способом, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2007 г. № 612, закрепляющими возможность продажи товаров дистанционным способом (с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов) или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора.

В литературе отмечается, что неотъемлемым признаком электронной торговли является возможность идентификации стороны договора¹. Такая идентификация, например при осуществлении закупок, осуществляется при использовании единой информационной системы в сфере закупок².

На основании вышеизложенного можно сделать выводы о том, что использование цифровых технологий в организациях всех форм собственности является в настоящее время необходимым условием обеспечения их успешного функционирования и интегрированности в цивилизованную деловую среду.

При этом возможности применения цифровых технологий в организациях практически не ограничены: осуществление локального нормотворчества на всех его стадиях, организация локального управления, локальный документооборот, организация производственных

¹ См.: Андреева Л.В. Элементы цифровых технологий в торговой и закупочной деятельности (правовой аспект) // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 1. С. 15–21.

² См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ч. 2 ст. 4); Правила функционирования единой информационной системы в сфере закупок, утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2015 г. № 1414.

процессов и управление ими, раскрытие информации об организации согласно установленным требованиям, закупочная деятельность и др.

В качестве возможных направлений в развитии цифровизации для компаний называются:

- поиск инновационных решений и бизнес-моделей, основанных на применении цифровых технологий (проведение экспериментов с новыми бизнес-моделями, продуктами, идеями и технологиями);

- активное изучение зарубежных «историй успеха» в целях адаптации для российских условий наиболее эффективных бизнес-моделей, технологий, процессов, готовых продуктов, методов управления и других разработок;

- заблаговременное начало освоения современных технологий «Индустрии 4.0», таких как промышленный Интернет вещей, 3D-печать, виртуальная реальность, сенсорные интерфейсы и продвинутая роботизация;

- развитие прочных горизонтальных связей с образовательными и исследовательскими организациями, высокотехнологичными компаниями и с органами государственного управления, что позволит эффективно обмениваться опытом, разрабатывать общие для конкретной отрасли инновационные цифровые решения, продукты и стандарты, адаптировать образовательные программы и развивать навыки применения цифровых технологий. При этом в ближайшем будущем конкурентоспособность компаний будет определяться прежде всего уровнем их цифровизации¹.

Представляется, что достижение компаниями успеха в цифровизации и в современных предпринимательских отношениях в целом возможно при реализации указанных выше направлений цифровой модернизации бизнеса в их разнообразных комбинациях.

¹ См.: Доклад «Цифровая Россия: новая реальность», подготовленный в июле 2017 г. международной компанией McKinsey // <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Locations/Europe%20and%20Middle%20East/Russia/Our%20Insights/Digital%20Russia/Digital-Russia-report.ashx>

АГРАРНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

А.Д. Дюсюпова

В последние годы в Российской Федерации происходит радикальное обновление политической, экономической и правовой систем. В постсоветский период происходившие в обществе перемены сопровождались глубоким кризисом в экономике страны, включая и сельское хозяйство. Вопрос совершенствования производства на основе технологических инноваций в аграрных правоотношениях оказался более сложным, чем в других отраслях экономики.

Аграрный сектор характеризуется высокой капиталоемкостью, длительным сроком окупаемости, низкой прибыльностью, зависимостью от природно-климатических условий, что делает сельское хозяйство более уязвимым и менее конкурентоспособным.

Приоритеты и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. отражены в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642¹. Переход к высокопродуктивному и экологически чистому сельскому хозяйству, разработка и внедрение систем рационального применения средств химической и биологической защиты сельскохозяйственных растений и животных, хранение и оперативная переработка сельскохозяйственной продукции, созда-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

ние безопасных и качественных, в том числе функциональных, продуктов питания — приоритетные звенья взаимосвязанной цепи формирования эффективной агропродовольственной системы страны.

Этапы становления и развития государственной научно-технической политики:

а) первый этап (1991–2001 гг.) — кризисная оптимизация и адаптация к рыночной экономике; основной стратегической целью данного этапа было сохранение научно-технологического потенциала страны, формирование новых институциональных механизмов поддержки развития науки и технологий, адресное финансирование ведущих научных организаций, создание условий для международной кооперации;

б) второй этап (с начала 2000-х гг. и по настоящее время) — переход России к инновационной экономике, который сопровождается существенным увеличением объема финансирования науки¹.

Современное сельское хозяйство России представляет собой сочетание новейших и устаревших технологий, низкую конкурентоспособность, дефицит финансовых ресурсов, медленные темпы внедрения в аграрное производство достижений науки и передового опыта.

В связи с этим в «процессе инновационной деятельности надо учитывать специфику сельского хозяйства, где воспроизводство основано на использовании земли, растений и животных, на обеспечении единства техники и биологии, экономики и экологии. Здесь инновационная деятельность должна быть направлена на обеспечение эффективного экономического роста на основе использования интенсивных ресурсосберегающих технологий производства агропродукции, биологизации и экологизации производственных процессов, сохранение почвенного плодородия и других природных ресурсов.

Поэтому в сельском хозяйстве наряду с традиционными направлениями инновационной деятельности (технологическими, организационными, социальными) используются селекционно-генетические, мелиоративно-экологические и биотехнологические направления, предусматривающие создание новых высокопродуктивных и устойчивых к внешней среде сортов и гибридов сельскохозяйственных растений и пород животных, применение ресурсосберегающих и экологически чистых технологий обработки почвы и производства агропродукции, создание биологических средств для защиты живот-

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 // СПС «КонсультантПлюс».

ных и растений, а также биологической продукции для нужд перерабатывающей промышленности АПК»¹.

Например, государства — члены Евразийского экономического союза определили уполномоченные органы, ответственные за осуществление координации действий участников совместных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере агро-промышленного комплекса (АПК) в рамках Союза. В Беларуси уполномоченным органом является Национальная академия наук, в Казахстане — Национальный аграрный научно-образовательный центр, в России — Министерство сельского хозяйства, при этом координация научных организаций и учреждений Российской академии наук осуществляется Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

В 2018 году государства — члены Евразийского экономического союза, исходя из сформированного перечня тем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, согласились с целесообразностью совместной реализации наиболее актуальных работ в области растениеводства, животноводства и переработки сельскохозяйственного сырья.

Принятые документы сформируют прочную базу для совместного сотрудничества ведущих научных организаций, предпринимателей и уполномоченных органов государственной власти. Сельское хозяйство и пищевая промышленность определены как самые важные и приоритетные сферы по разработке и внедрению в производство инновационных технологий².

Таким образом, рыночные преобразования начального периода реформ в аграрном секторе экономики России за 28 лет изменили аграрные и земельные правоотношения. Первый этап земельной реформы закончился. Несмотря на ряд положительных моментов, процессы реформирования в сельском хозяйстве протекали непоследовательно и медленно. Развитие аграрного законодательства столкнулось с трудностями, связанными с проблемами регулирования земельного оборота. Сельскохозяйственные предприятия различных форм хозяйствования до сих пор сокращают площади земельных угодий, поголовье скота, количество сельскохозяйственной техники. Развитие фермерского уклада осуществляется неравномерно.

Агропромышленный комплекс в Российской Федерации особо нуждается в специально разработанной политике государства, которая предусматривала бы все стороны развития данной отрасли хо-

¹ Соломахина С.И. Инновационная аграрная политика как основа устойчивого развития предприятий АПК // Концепт. 2013. № 3. С. 2.

² См.: [HTTP://www.eurasiancommission.org](http://www.eurasiancommission.org)

зяйствования. Объективная необходимость аграрного реформирования была вызвана тем, что сельское хозяйство России было затратным, в основном экстенсивным и разрушительным для природной среды.

Вместе с тем рыночные отношения, складывающиеся в аграрном секторе сегодня, еще далеки от идеала и требуют дальнейшей разработки и совершенствования, особенно в части регламентации правового положения многообразных форм собственности и различных организационно-правовых форм хозяйствования, включая и индивидуальное предпринимательство.

Негативные тенденции в экономике и социальной сфере сельской местности ошибочно относить исключительно на счет самой реформы и рынка. В переходный период, когда исправляются деформации прежней системы, эти тенденции в определенных пределах неизбежны, объективны, причем во многом они связаны с распадом СССР и разрушением единого экономического пространства с его устоявшимися межреспубликанскими и взаимными поставками. В остальном виновата не реформа, а то, как она осуществляется, как производители овладевают рыночным механизмом, как государство регулирует рынок и осуществляет целевую протекционистскую поддержку села.

В этом отношении между странами СНГ имеются различия, что сказывается и на количественных показателях развития сельского хозяйства. Если в России в 1995 г. по сравнению с 1990 г. производство зерна составило 60%, то в Казахстане — 34%, в Узбекистане — 168%, в Армении — 118%. В производстве молока эти показатели составили соответственно — 73%, 78%, 100% и 122%.

В большей степени снизилось производство в Грузии, Таджикистане, Украине, Азербайджане, Казахстане, Киргизии, в меньшей — в Белоруссии, России, Туркменистане, Молдове, Узбекистане. Абсолютное увеличение производства достигнуто в Армении. Там аграрная реформа осуществлена с наибольшей глубиной и, по сути, вместо прежней колхозно-совхозной системы создана новая социальная структура аграрного сектора с преобладанием индивидуальных частных хозяйств, включенных в новые формы добровольной сельскохозяйственной кооперации.

В то же время довольно стабильным остается сельскохозяйственное производство в Узбекистане (в 1996 г. объем валовой продукции вырос по сравнению с 1995 г. на 12% и практически соответствует показателям 1990 г., а если принять в расчет прежние приписки, то превосходит эти показатели). Однако это обусловлено несколько иной тактикой осуществления рыночных реформ, исключаяющей шоковые методы и ориентированной на эволюционный ход преоб-

разований, особенно в части приватизации и реорганизации крупных коллективных хозяйств.

Если число фермерских хозяйств в среднем по СНГ за 1990–1995 гг. увеличилось в 100 раз, то в России — в 64 раза, в Узбекистане — в 11 раз. Частный сектор в Узбекистане преимущественно развивался за счет более полного использования потенциала приусадебных хозяйств сельских семей, в том числе за счет расширения их землевладения.

Государственное регулирование сельского хозяйства не может осуществляться вне права, вне регулирующего воздействия правовых норм, поскольку только упорядоченная, подчиненная неукоснительному соблюдению установленных государством правил деятельность управомоченных органов может обеспечить продовольствием население страны. Вместе с тем сами по себе правовые нормы без механизма их реализации не могут решить те задачи, которые стоят перед производителями сельскохозяйственной продукции. Необходима организующая воля государства, реализуемая через механизм управления, основой которого является право.

При командно-административной системе государство брало на себя все функции хозяйствования, и сельскохозяйственный сектор экономики не был исключением. Этот процесс был осложнен экономическим, финансовым, правовым, административным кризисом. Непоследовательность земельной реформы определялась также трудностью изменения экономической идеологии самого сельского хозяйства и прежде всего необходимостью его приватизации, появлением частного сельскохозяйственного производства.

Таким образом, проблемы развития сельского хозяйства, совершенствования производства на основе технологических инноваций в аграрных правоотношениях, обеспечения продовольственной безопасности являются в настоящее время актуальными для России.

Важные направления государственной политики Российской Федерации в сфере агропромышленного комплекса определены Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2025 годы, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 717 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 8 февраля 2019 г. № 98), предусматривающей комплексное развитие сельского хозяйства с учетом вступления России во Всемирную торговую организацию и создания Евразийского экономического союза.

Мировой опыт показывает, что рыночный механизм обеспечивает более благоприятный климат для рационального природопользования, нежели жестокое административное принуждение. Рыночный

механизм ценообразования несовместим с искусственной дешевизной природных ресурсов, культивируемой административно-командной системой. Законы рынка диктуют более высокий уровень цен на природное сырье и материалы, цен конечной продукции. Рыночный механизм расширяет границы прибыльных вложений в сбережение природных ресурсов с ростом их дефицитности, чем и объясняются достижения стран с развитой экономикой в области снижения природоемкости общественного производства.

Опыт зарубежных стран свидетельствует о том, что все государства играют активную роль в регулировании процессов развития сельского хозяйства. В США, например, сложился комплекс правового регулирования сельского хозяйства с учетом его специфических особенностей, в том числе по пользованию землей, обеспечивающий довольно высокий экономический и социальный результат деятельности государства. Он касается таких аспектов, как ограничение на иностранное и корпоративное землевладение, льготное получение кредитов и многое другое.

Аграрные отношения и аграрные правоотношения соотносятся между собой, как часть и целое. Современные аграрные правоотношения в Российской Федерации характеризуются через объект, субъект и содержание.

Аграрное правоотношение — это вид урегулированных нормами права социальных отношений, для которых характерны общие закономерности установления и осуществления социальных отношений. Объектом данных отношений является поведение субъектов аграрного права, направленное на получение различного рода благ в аграрной сфере.

Субъектами аграрных правоотношений являются физические и юридические лица, наделенные правами и обязанностями в сфере аграрного производства и его регулирования.

Содержание составляют права и обязанности субъектов, которые определяются спецификой аграрной сферы. Оно представляет собой взаимодействие сторон, урегулированное юридическим нормативом — нормами аграрного права, целью которого является достижение сторонами предусмотренного законом результата, заключающегося в получении какого-либо блага в сфере аграрного производства и его регулирования.

Проведение аграрных экономических преобразований стало объективной необходимостью. Аграрные преобразования неразрывно связаны с земельной реформой, так как земля выступает основным и незаменимым средством производства. В сельском хозяйстве Российской Федерации еще сохраняются серьезные проблемы: высокая степень зависимости аграрного рынка от импорта, что негативно

сказывается на продовольственной безопасности; низкий уровень конкурентоспособности конечной продукции; неэффективное использование бюджетных средств, направляемых на развитие аграрного сектора экономики.

Рыночные преобразования в аграрной сфере привели к качественным изменениям в механизме правового регулирования аграрных правоотношений, что выразилось в коррекции его целей, задач, принципов и методов. Формирование рыночно ориентированной отрасли аграрного права в Российской Федерации вызвано объективными реалиями развития государства и общества. Изменение круга субъектов аграрных правоотношений и содержания их правосубъектности, введение рыночных механизмов аграрного хозяйствования способствовали расширению границ и усилению значимости аграрно-правового регулирования.

Изменение земельного строя страны, законодательное закрепление частной собственности на земли сельскохозяйственного назначения, становление и развитие новых организационно-правовых форм аграрного предпринимательства, введение рыночных экономических рычагов в координации аграрного производства свидетельствуют о качественных изменениях в содержании аграрных правоотношений, что объективно привело к усилению диспозитивного (частного) начал в их правовом регулировании. Все это позволяет говорить о трансформации аграрного права в условиях рынка из сугубо публичной отрасли в частно-публичную отрасль права.

Таким образом, вызовы, с которыми сталкивается не только Россия, но и все человечество, — сохранение почв и благоприятной окружающей среды в целом, изменение климата, старение населения, продовольственная безопасность, новые технологии в сельском хозяйстве, «чистая» энергетика, производство безвредной продукции, модернизация аграрного предпринимательства, формирование и развитие агропродовольственного рынка, социальное обновление сельских территорий диктуют необходимость дальнейших научных исследований важных вопросов аграрных правоотношений в современном постиндустриальном мире.

ПРЕДЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ НАУКИ

Е.С. Зайцева

Научно-технический прогресс и бурное развитие общественных отношений в современном программируемом обществе способствуют расширению сферы правового регулирования, обуславливая появление новых правовых норм и нормативных правовых актов, координирующих сферу науки, отношения в которой регламентируют около 30 федеральных законов, более 30 указов Президента РФ, около 180 постановлений Правительства РФ, более 200 нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти¹.

Несмотря на наличие значительного массива действующего законодательства в данной сфере, его состояние вызывает существенную критику со стороны научного сообщества. Как отмечает Т.Я. Хабриева, хаотичное изменение законодательства о науке и образовании не соответствует задачам устойчивого развития страны, перехода Российской Федерации к инновационному, социально ориентированному типу развития². Отсутствие системной правотворческой политики в целом и в сфере науки в частности способствует несоблюдению пределов сферы правового регулирования, что проявляется, с одной стороны, в большом количестве пробелов в праве, а с другой — в избыточном правовом регулировании (юридификации).

¹ См.: Степаненко Ю.В. Перспективы административно-правового регулирования научной деятельности в свете разрабатываемой стратегии научно-технического развития России на долгосрочный период // Административное право и процесс. 2016. № 9. С. 12.

² См.: Реформа науки и образования: сравнительно-правовой и экономико-правовой анализ: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. М.; СПб., 2014. С. 20.

В частности, Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 26 июля 2019 г.) характеризуется несоразмерностью правовой регламентации. Ряду вопросов уделено чрезмерное внимание: например, на уровне технического регламента в Законе отражены вопросы, касающиеся присвоения ученых степеней и присуждения ученых званий, подтверждения документов об ученых степенях. Другие же, не менее значимые проблемы остаются за рамками законодательного регулирования. Среди них — вопросы о правовом статусе экспертной деятельности в сфере науки, о правовом положении экспертных организаций, о критериях результативной деятельности научных работников и их объединений¹.

Если на уровне законодательного регулирования несоблюдение пределов сферы правового регулирования проявляется как в его избыточности, так и в его недостаточности, то на уровне подзаконного регулирования, в том числе и локального, более существенное значение приобретает проблема избыточности. Как отмечал профессор Г.В. Мальцев, феномен переизбытка норм и нормативная инфляция возникают прежде всего в результате неудачного образования вторичных норм, когда происходит излишняя детализация, игнорируется самоочевидность некоторых положений, возникает соблазн наставлять, инструктировать людей по всяким поводам, вплоть до мелочей². Так, например, планово-отчетный подход к научной деятельности, предусмотренный регулируемыми ее приказами МВД³, приводит к тому, что некоторые вузы МВД в локальных нормативных правовых актах устанавливают количество научных статей в год, которые должен подготовить профессорско-преподавательский состав.

Вопросы, касающиеся пределов правового регулирования в сфере науки, являются частью более глобальной проблемы в отношении пределов правового регулирования, которая, несмотря на свою актуальность, так и не получила комплексного освещения в юридиче-

¹ См.: Третьяк Н.В. Правовое регулирование научной деятельности: проблемы и пути решения // Журнал законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 364; Степаненко Ю.В. Перспективы административно-правового регулирования научной деятельности в свете разрабатываемой Стратегии научно-технологического развития России на долгосрочный период // Административное право и административный процесс. 2016. № 9. С. 9.

² См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 746.

³ См.: Приказ МВД России от 1 апреля 2016 г. № 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации»; приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 «Об организации научного обеспечения и применении положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

ской науке. Тем не менее со второй половины XX в. различные аспекты этой многогранной проблемы привлекали внимание исследователей. Существенный вклад в ее разработку был внесен профессором В.В. Лазаревым¹. Следует отметить также труды С.С. Алексеева², Р.З. Лившица³, В.И. Гоймана⁴, Ф.Ф. Фаткуллина⁵, Н.В. Сильченко⁶, в которых в различной степени затрагивалась проблема пределов правового регулирования.

Сфера правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений, которые объективно должны быть подвергнуты правовой регламентации. Следует отметить, что необходимость и возможность правового регулирования далеко не всегда коррелируют между собой. Возможность правового регулирования может многократно превосходить его необходимость.

Возможность правового регулирования во многом определяется соотношением объективных и субъективных факторов. «Наименьшие возможности для правового регулирования в сфере материального производства, но они возрастают уже в сферах распределения и потребления созданных материальных ценностей. По мере перехода от экономики к социальной сфере, от социальной — к политической сфере и от политической — к духовной сфере доля волевого (субъективного) увеличивается, и, стало быть, возможности регулятивного воздействия возрастают»⁷. К сожалению, субъекты правотворчества не всегда имеют адекватные представления о сферах, которые собираются упорядочивать⁸.

Широкие возможности правового регулирования в духовной сфере жизни общества абсолютно не пропорциональны соответствующей потребности. Именно в духовной сфере жизни общества, к которой относят науку, активное и детальное регулирование в определенных ситуациях может оказывать негативное воздействие на развитие об-

¹ См.: Лазарев В.В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 38–44; Лазарев В.В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5. С. 64–71.

² См.: Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1996.

³ См.: Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994.

⁴ См.: Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М., 1992.

⁵ См.: Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Казань, 1987.

⁶ См.: Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя // Государство и право. 1991. № 8. С. 14–23.

⁷ Фаткуллин Ф.Ф. Теория государства и права. Казань, 2010. С. 63.

⁸ См.: Синюков В.Н., Синюкова Т.В. Общетеоретическая юриспруденция в России: перспективы развития // Теоретическая юриспруденция: традиции, современность, перспективы. Алексеевские чтения / отв. ред. В.Д. Перевалов. Екатеринбург, 2014. Вып. 1. С. 27.

шественных отношений. Не случайно отмечается, что самое сложное — это определить меру воздействия права в направлении научно-исследовательской деятельности¹. Определяя эту меру, необходимо учитывать антропологический фактор², должно быть понимание, насколько любой вновь принимаемый акт соответствует природе человека, способен ли он затормозить его развитие, деформировать его морально-психологическую и культурно-духовную ткань, как будет восприниматься, оцениваться и исполняться человеком, не ограничивает ли, не угнетает ли он человеческую индивидуальность³.

В свое время великий русский философ И.А. Ильин отметил: «Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку. И все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться... Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество»⁴. В XXI веке, когда научное творчество вплетено в ряд иных отношений, такое высказывание звучит несколько категорично, хотя и небезосновательно.

Духовная сфера жизни общества в целом и научная в частности представляет собой сложное образование. Являясь высшим уровнем в структуре общества, она пронизывает все остальные уровни, так как ничто в обществе не происходит без участия духовно-интеллектуальных сил людей⁵. Взаимосвязь отношений в сфере науки с иными сферами общественных отношений, их комплексный характер влияют на установление пределов правового регулирования, обуславливая дополнительную сложность. Например, в процессе финансирования и строительства научных сооружений научная сфера выступает в качестве элемента экономической сферы⁶.

Осуществляя регулирование научной деятельности, необходимо учитывать, что ученых как основных субъектов научной деятельно-

¹ См.: *Ильина О.В.* Роль права в развитии юридического образования в Российской Федерации // *Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Сер. 2. Юридические науки.* 2017. № 3. С. 25.

² См.: *Жинкин С.А.* Психологические проблемы эффективности права. СПб., 2009. С. 252–319.

³ См.: *Баранов В.М.* Очерки техники правотворчества. Избранные труды. Н. Новгород, 2015. С. 630.

⁴ *Ильин И.А.* Основная задача грядущей России // *О грядущей России: избранные статьи / под ред. Н.П. Полторацкого.* М., 1993. С. 257.

⁵ См.: *Пылаева Е.Г.* Роль межкультурной коммуникации в духовной сфере жизни общества // *Система ценностей современного общества.* 2010. № 15. С. 159.

⁶ См.: *Преображенская К.Ю.* Политическое сознание и духовная сфера общественной жизни // *Наука и современность.* 2015. № 36. С. 174.

сти условно можно разделить на четыре группы — по отношению: 1) к научному знанию (когнитивная свобода и ответственность); 2) к самому себе (экзистенциальная свобода и ответственность); 3) друг к другу (коммуникационная свобода и ответственность); 4) к обществу и государству (социальная свобода и ответственность)¹.

Для каждой группы отношений существует своя доминанта регулирования. Так, например, если речь идет об отношениях ученого к научному знанию и к самому себе, правовое регулирование должно быть минимальным. Следует отметить, что научная деятельность, связанная с получением нового знания, предполагает довольно высокий уровень психологической саморегуляции, когда способность индивида упорядочивать свою деятельность собственными усилиями и за счет внутренних резервов вполне удовлетворяет требованиям внешней среды². В основе этой деятельности лежат потребности развития личности³.

Наличие поисково-творческих элементов, инициативы, к которым нельзя обязать и принудить, ограничивает потребность во внешнем и прежде всего правовом регулировании. Кроме того, объемный внутренний пласт этих отношений затрудняет возможность осуществления внешнего контроля как важного свойства отношений, имеющих правовую природу. Отсутствие этой возможности делает правовое регулирование бессмысленным. В данном случае также можно констатировать специфичность интереса, лежащего в основе таких отношений. На наш взгляд, одним из свойств общественных отношений, имеющих правовую природу, является типичный, социально значимый конфликтный интерес. Интерес, лежащий в основе отношения ученого к научному знанию и к самому себе, имея ярко выраженный индивидуальный характер и не имея явного внешнего выражения, с одной стороны, затрудняет возможность его типизации, а с другой — снижает степень его конфликтности, оказывая влияние на потребность правового регулирования данных отношений.

В поведении ученых по отношению друг к другу доминирующим регулятором должны выступать этические нормы. Этическое регулирование является предпочтительным в тех ситуациях, когда слож-

¹ См.: Лебедев С.А. Философия науки: словарь основных терминов. М., 2004. С. 312–313.

² См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 138.

³ Мальцев Г.В. предлагает выделять два вида потребностей личности: негативные потребности, которые являются потребностями сохранения личности, и позитивные потребности — потребности развития личности. Каждая потребность предполагает нормы ее удовлетворения. Но если потребности сохранения удовлетворяются в пределах норм, то потребности развития превышают норму. См.: Социальные основания права. М., 2007. С. 247. Именно поэтому для потребностей развития личности важно учитывать возможности саморегуляции.

но дать однозначную оценку тому или иному действию. Этика является инструментом выбора в сложных ситуациях, при возникновении конфликта двух нравственных позиций, предполагая балансирование между двумя «правдами». Как отмечают специалисты по этике, легко выбирать белое или черное, трудности возникают там, где речь идет о полутонах¹.

Например, «дружно выступая против плагиата, западные ученые расходятся в своем отношении к автоплагиату (двойной или избыточной публикации одним и тем же автором собственных материалов). В некоторых этических кодексах отдельно оговаривается вопрос о недопустимости автоплагиата. Другие считают само понятие автоплагиата оксюмороном и указывают на следующие обстоятельства, оправдывающие повторную публикацию информации, добытой в процессе изысканий: необходимость еще раз изложить результаты предыдущего исследования, чтобы на его базе построить следующее; адресованность этих результатов разным аудиториям, состоящим из людей с различным кругом профессиональной компетенции, сферой научных интересов и т. д.»².

Неотъемлемой характеристикой современного ученого как профессионала являются его мировоззренческие установки, ориентация на всеобщее благо в осуществлении деятельности, что является фундаментом, помогающим ему принимать этически выверенные решения на протяжении всей научной и общественной жизни³. Когда же от нравственного поведения одного человека будет зависеть судьба многих, появится необходимость не только этического, но и правового регулирования. Таким образом, отношения ученых с обществом и государством требуют усиленного правового регулирования. Оно необходимо для защиты законных прав и интересов государства, научных и учебных учреждений, правообладателей интеллектуальной собственности, для пресечения противоправных деяний и возмещения причиненного ими ущерба, для установления задач и функций соответствующих органов управления и стимулирования отношений, способствующих научному прогрессу.

Таким образом, специфика сферы общественных отношений влияет на пределы правового регулирования, а комплексный характер отношений в сфере науки усложняет процесс установления пределов правового регулирования.

¹ См.: Леонтович О.А. Этика научных исследований // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 62. Вып. 8. С. 99.

² Леонтович О.А. Этика научных исследований // Вестник Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 62. Вып. 8. С. 100–101.

³ См.: Андреева И.А., Филимонов О.В. Этика научного исследования. Курс лекций. М., 2018. С. 55.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СТИГМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Т.Н. Горобец

Современная социально-экономическая парадигма российского общества оказывает влияние и на ценностные ориентации людей, проживающих в России, и на потребностно-мотивационную сферу личности. «Духовная жизнь общества воспроизводится в контексте реализации идеологической функции государства, которая определяет основные приоритеты и фундаментальные ценности общества....», что сказывается на состоянии здоровья всего населения — здоровья духовного, социального и биологического. «В результате отсутствия выполнения государством идеологической функции стало возможным проникновение ценностей иной духовной и политико-правовой культуры»¹. Укрепление духовного здоровья населения России является основополагающим фактором сохранения здоровья нации, отсутствие идеологических ориентиров приводит к обратным процессам. Эта мысль отражена в работе Н. Смелзера, который определял функциональную нагрузку идеологии как «ослабление социальной напряженности — если люди осознают расхождение между провозглашенными ценностями и реальными условиями своей жизни, то идеология выражает и защищает интересы различных социальных групп, придавая смысл действиям людей»².

Идеология и здоровье населения страны взаимообусловлены в контексте механизмов реализации фундаментальных духовных потребностей — потребностей в компетентности, преодолении, новиз-

¹ Горобец Т.Н. Духовные потребности в контексте здоровья нации // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2013. № 1.

² Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994.

не. Духовные потребности человек может реализовать в процессе актуализации основной деятельности и самовыражения в субъектно-деятельностной парадигме. Основная задача государства — формировать духовные потребности граждан и определять вектор реализации духовных потребностей в соответствии с ведущей идеологической доктриной. Отсутствие основной идеологемы и государственных механизмов формирования духовных потребностей приводит к двум направлениям поиска духовности — в этнических архетипических паттернах и изобретении псевдокомпенсаторных паттернов поведения. Фрустрированные духовные потребности приводят к состоянию экзистенциального вакуума и пониманию бесперспективности жизни на индивидуальном и социальном уровнях: глубокие переживания фрустрированной личности детерминируют подвижки в психике человека и развитие психосоматической патологии.

Установление социально-психологических стигм (стигма — клеймо, ярлык) нами понимается как наличие определенных социально-психологических констант, характерных для данной социальной группы, отличающих ее от других социальных групп. Социально-психологические стигмы могут иметь положительную окраску с точки зрения рефлексивного социально-психологического компонента — отношения к данному явлению со стороны общества — или отрицательную окраску, что становится фактором дезадаптивных процессов в социальной группе — носителе данных стигм. Для выявления социально-психологических стигм было проведено пилотное исследование студентов, а именно: интервью, беседа и дистанционный опрос. В проведении исследования участвовало 154 человека — студенты-психологи первого, второго и третьего курсов обучения. При проведении исследования вопросы для обсуждения были разделены на две категории в соответствии с потребностями человека — духовными и социальными. В контексте наличия духовных потребностей и их реализации выявлено, что интерес к преодолению практически никак не выражен, диаметрально противоположная тенденция озвучивается как запрос на постоянное нахождение в зоне психологического и физического комфорта, а жизненная позиция находится в доминанте созерцательности. Потребность в новизне малопрезентабельна, в основном отношение к данному явлению таково: «если надо что-то узнать, загуглимся, зачем загружаться избыточной информацией?» Потребность в компетентности в ведущей деятельности в основном представлена выхолащиванием основной функции психики — объединение настоящего с прошлым и будущим. Девиз прост: «живи сегодня, забудь о вчера, не думай о завтра. Самым значимым из выявленных стигм — отсутствие у нашей молодежи национального героя, героя нашего времени, который бы

стал кумиром миллионов и примером для подражания — идеалом поведения во взаимодействиях с социальными группами, в формировании отношения к вечным ценностям, семье, Родине. Поэтому экзистенциальный вакуум заполняется всепоглощающим нарциссизмом, самолюбованием при отсутствии духовной и социальной зрелости, интенции к саморазвитию. Самолюбование сводится к самосозерцанию в бытовой внешней обстановочной афферентации.

В контексте социальных потребностей и их реализации желание принадлежать к большой социальной группе и занимать определенную нишу в групповой иерархии перекликается с необходимостью компетентности, что выражается в понимании молодыми людьми отсутствия перспектив карьерного роста. По их мнению, такие механизмы роста, как компетентность и профессионализм, в настоящее время не работают, а заменены механизмом «свой — чужой». Вместе с тем стремление к успеху в карьере понимается как «любой ценой достичь желаемого результата» — ценой присвоения усилий и результатов другого. Молодые люди полагают, что в данном случае все средства хороши и в этом нет ничего предосудительного. В молодежной социальной группе в настоящее время имеет место обретение псевдопопулярности: экспектационные страдания проявляются в киче, неординарных элементах прически, одежды, макияжа и т.д., т.е. присутствует тенденция выделиться любой ценой, даже со знаком «минус». Отличие прослеживается в социальном взаимодействии в возрастном контексте — отрицание социальных норм «старший — младший». Отмечено практически у всей группы социально-психологической стигмы при отсутствии потребности и интереса к другому в живом общении и взаимодействии — погружение в диалог происходит на основе дистанционных способов взаимодействия. Тем не менее в дистанционных способах взаимодействия молодые люди ищут признания и одобрения своей деятельности, которую демонстрируют миру на фото и видео. Они ждут восторженных отзывов, а количество «лайков» определяет критерий их собственной значимости. В интервью латентно прослеживалась социально-психологическая современная стигма монетизации социальных взаимодействий по вертикали и по горизонтали («купеческая модель») — в профессиональной деятельности, социальных связях, даже в семье. И что самое, на наш взгляд, важное — это стигма.

Полученные данные обуславливают проведение социально-психологической коррекции в прикладном, практическом плане, который предполагает переориентирование вектора активности современного молодого человека с эгоцентрической направленности на альтруистическую. Социально-психологическая коррекция должна проводиться по месту учебы молодежи на основе диагностики ре-

сурсного потенциала каждого человека. Задача проведения такой социально-психологической коррекции — поставить перед студентами вопрос и определить вектор реального практического ответа на него: во-первых, отказ от саморазрушающих тенденций и, во-вторых, ориентация на самосозидание, достойную самореализацию в обществе.

Необходима системная работа с учащейся молодежью по программам социально-психологической коррекции, которая должна состоять из двух модулей. Первый — проведение диагностического исследования для выявления наличия социально-психологических стигм, второй — работа с молодежью по коррекции поведенческих паттернов. Второй модуль должен быть направлен на интериоризацию нормативных отношений в социуме, направленных, с одной стороны, на принятие вечных человеческих ценностей, с другой стороны, — на отторжение антиобщественных субкультурных установок. Второй модуль должен разрабатываться на основе данных диагностики первого модуля, в этом случае социально-психологическая коррекция имеет возможность стать успешной, ориентированной на социальное и духовное оздоровление.

Второй модуль посвящен проектированию будущих целей, задач и направлений разработки проблемы изменения паттернов поведения и формирования нового отношения к духовным и социальным ценностям, к саморазвитию и самосовершенствованию. При реализации второго модуля необходимо разрабатывать индивидуальные планы, согласно которым молодой человек принимает декларацию, касающуюся изменения отношения к себе с учетом результатов диагностики по выявленному ресурсному потенциалу.

Коррекция на основе рациональной психотерапии (объяснение и разъяснение) является основным методом исправления поведения¹. Программа психологической коррекции необходима в каждом учебном заведении для формирования новой модели поведения современного поколения с целью сохранения и укрепления духовного и социального здоровья нации.

¹ См.: Березкин А.С., Горобец Т.Н., Зражевская И.А. Основы психологической коррекции аутодеструктивного поведения. М.: РУДН, 2015.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ

В.И. Руднев

В настоящее время применение цифровых технологий получило бурное развитие. Это явление, распространившееся во многих государствах мира, охватило различные сферы жизнедеятельности. Возникли совершенно новые направления в науке, технике, общественной жизни, что привело к глобализации. Безусловно, любое демократическое государство должно быть заинтересовано в наступлении положительных явлений, которые происходят вследствие глобализации (в том числе в информационной сфере), оказывающей влияние на становление и развитие личности. В связи с этим можно согласиться с выводом о том, что «личность в глобальном информационном обществе есть личность свободная, реализующая принадлежащие ей права и свободы и способная защитить их. Эта личность обладает высокой степенью автономии в информационных отношениях, наличием собственной шкалы ценностей, своими интересами и определенной долей ответственности»¹.

Разумеется, личность в сфере новых технологий вправе воспользоваться различными цифровыми и новыми другими средствами только на законных основаниях и в законных целях.

¹ Чеботарева А.А. Правовое обеспечение информационной безопасности личности в глобальном информационном обществе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 46.

Большое значение применение цифровых и иных технологий имеет во всех видах судопроизводства: в конституционном, гражданском, уголовном, административном, арбитражном. Хотя использование цифровых технологий в одних видах судопроизводства может найти большее распространение, чем в других. Следует отметить, что цифровые технологии позволяют значительно быстрее передавать информацию, воспроизводить и отражать события. Посредством их использования происходит качественное повышение уровня отправления правосудия по всем категориям дел. С одной стороны, это удешевляет судопроизводство, так как дает возможность проводить судебные процессы в более быстрые сроки. С другой стороны, возникают проблемы, связанные с надежностью, исправностью соответствующих технических и иных средств, обеспечением их бесперебойного функционирования, подготовкой персонала для их обслуживания. Применение цифровых технологий позволяет совершенствовать правоприменительную практику, поскольку становится реальным выполнять те действия, которые невозможно было провести раньше. Кроме того, цифровизация дает импульс развитию совершенно новых процессов, появление которых ранее нельзя было даже предвидеть.

При этом достигаются контакты между государствами, в результате чего осуществляется доступ к правосудию как на национальном, так и на международном уровнях. Не исключено, что в этой ситуации возникает необходимость подготовки, разработки и принятия правовых решений государствами, объединениями государств, включая выработку межгосударственных актов, связанных с обеспечением доступа к правосудию и развитием новых видов судопроизводства. Возможно, это может привести к принятию унифицированных актов, позволяющих гражданам различных государств облегчить доступ к правосудию и реализовать их право на судебную защиту (например, гражданские дела в области брачно-семейных отношений, дела, связанные с туристической деятельностью; уголовные дела, касающиеся выдачи лиц, совершивших преступления и находящихся в розыске, и т.д.). Все это будет способствовать интеграции правового пространства между государствами, обогащению правовых обычаев, традиций и может пойти на пользу дальнейшему развитию человечества.

Вместе с тем следует учитывать огромные массивы информации, содержащейся в различных источниках. Нельзя сбрасывать со счетов и потребность в ее получении, необходимости ее использования и т.д. В связи с этим можно согласиться с В.В. Лазаревым, который в свое время отмечал, что «важно определить достаточность информации, заключаемой в самой норме права и сопровождающих ее актах. Однако не лучше и избыток информации, поскольку для ее

освоения требуется длительное время и специальные умственные усилия»¹.

Данный вывод весьма актуален и в настоящее время. Безусловно, что применение новых технологий создает неограниченные возможности для поступления информации, в том числе правовой. Важным представляется разработка методов и способов рационального и правильного ее применения, включая использование в законодательстве и правоприменительной практике. Не исключено, что в этом случае потребуются новые способы систематизации правовых актов. Между тем в юридической литературе отмечается, что правовая информация на основе цифровых технологий может оперативно обновляться. Но реально доступной эту информацию способно сделать функционирование адекватных механизмов, понятных гражданам. Без таких механизмов электронные базы выверенной правовой информации не делают ее доступной для использования².

При этом важно, чтобы получаемая информация была достоверной. Поэтому постоянно возрастают требования к качеству правовых актов, что в конечном счете сказывается и на защите прав человека и гражданина. В связи с этим следует согласиться с высказыванием о том, что «личность в современном мире только тогда может называться личностью, когда она обеспечена точными и недвусмысленными правовыми предписаниями, в свою очередь, обеспечивающими надлежащую юридическую защиту»³.

Безусловно, современные технологии должны способствовать повышению уровня разрабатываемых правовых актов и вероятности их применения на практике. Поэтому в качестве различных инструментов, которые дадут возможность использовать информационные технологии, могут выступать средства связи. Одним из них является видео-конференц-связь. Видео-конференц-связь становится реальной альтернативой, в частности, телефонной связи и в ряде случаев заменяет ее. Видео-конференц-связь можно рассматривать как одно из новых цифровых средств, обеспечивающих также и доступ к правосудию. Применение средств видео-конференц-связи помогает оптимизировать проведение судебных заседаний, не допускать их срывов вследствие отсутствия в судебных заседаниях лиц, которых доставить в суд не представляется возможным по различным причинам. Участие в судебном заседании посредством использования се-

¹ Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 107.

² См.: Княгинин К.Н. Правовая информация и проблемы обеспечения доступа к ней. Право и информация: вопросы теории и практики: сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. Вып. 8. СПб., 2019. С. 111.

³ Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М., 2014. С. 13.

анса видео-конференц-связи может оказаться целесообразным по некоторым категориям уголовных, гражданских и других дел. При этом государство должно способствовать обеспечению доступа к правосудию таким участникам уголовного судопроизводства, как потерпевшие, исходя из положений ст. 52 Конституции РФ.

Все это способно привести к изменению правосознания как правоприменителей, так и законодателей, которые должны будут учитывать возможности и последствия использования цифровых технологий. Их применение может помочь предотвратить совершение каких-либо правонарушений. Хотя при этом неизбежны определенные издержки, которые явятся результатом использования новых технологий, так как распространение цифровых и иных технологий может позволить беспрепятственно вторгаться в сферу личной жизни человека, разглашать различные сведения о нем. Такие примеры уже известны. Человеку наносится урон, выражающийся, в частности, в дискредитации его личности и деловой репутации. В связи с этим можно согласиться с выводом о том, что «права и фундаментальные свободы человека, защита которых составляет одну из задач современного общества в рамках информационной безопасности, в целом не должны зависеть от последствия применения информационных технологий ...новая этика информационного общества способна предвидеть и влиять на результаты информационно-коммуникационных технологий»¹.

Вследствие этого граждане обращаются за защитой своих прав в различные органы, включая суды. Известно, что защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. Согласно ст. 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Разумеется, при обращениях в суды без новых технологий не обойтись, и они должны повсеместно внедряться в судебную деятельность. В юридической литературе отмечается, что «обеспечение доступа к правосудию в настоящий момент невозможно представить без использования интернет-технологий. Формирование новых инструментов с использованием интернет-связи в обеспечении судопроизводства способствует успешной реализации принципа обеспечения права граждан на судебную защиту»².

Лица, которые обращаются в суд за судебной защитой, вправе рассчитывать на реализацию своих прав государством. Если государство гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, то это предполагает совершенствование различных механизмов, направ-

¹ Манжуева О.М., Некрасов С.И., Некрасова Н.А. Философские парадигмы информационной безопасности. М., 2017. С. 153.

² Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 111.

ленных на повышение эффективности судебной защиты. При обращении в суды могут быть использованы также новые технологии. В настоящее время преобладают обращения в письменной форме. В то же время люди направляют жалобы, исковые заявления в суды и в электронной форме. В целях реализации права на судебную защиту в суды обращаются различные категории граждан, в том числе и те, которые считаются уязвимыми. К ним, в частности, относятся и инвалиды, в отношении которых не могут допускаться дискриминация по признаку их инвалидности и ограничение их права на обращения. Инвалидам должна оказываться помощь при направлении их обращений с использованием новых технологий, что может быть предусмотрено в законодательстве.

К уязвимым категориям населения относятся и лица, находящиеся в местах принудительного содержания, в частности, в местах содержания под стражей и отбывания наказания. В местах содержания под стражей находятся лица, в отношении которых ведутся предварительное расследование и судебное разбирательство для решения вопроса о признании их виновными в совершении преступлений, а в местах отбывания наказаний — осужденные, в отношении которых был вынесен приговор суда, на основании которого они были осуждены. Для них особенно важным является обращение в суды, так как они вправе, в частности, ходатайствовать об изменении меры пресечения в виде заключения под стражу, направлять ходатайство о применении условно-досрочного освобождения и т.д.

При обращении в суды этим лицам могут оказывать квалифицированную юридическую помощь адвокаты. Из статьи 1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» следует, что одной из целей адвокатской деятельности является обеспечение доступа к правосудию. Адвокаты должны иметь возможность беспрепятственного обращения в суды в целях представления интересов граждан.

Следует сказать, что для улучшения оказания квалифицированной юридической помощи и доступа к правосудию введен и действует в настоящее время автоматизированный программный комплекс (АПК), который распределяет заявки на участие адвокатов по уголовным делам. Президент Адвокатской палаты Хабаровского края В. Кушнарев отмечает, что с введением АПК уменьшилось количество нарушений прав адвокатов. Согласно регламенту АПК судья, который хочет заменить адвоката по назначению, должен выполнить все требования и указать причины замены¹. Таким образом, внедре-

¹ См.: Катаян К. Все работают честно, система действует отлично // Адвокатская газета. 2019. № 19 (300).

ние новых технологий способно предотвратить потенциальные нарушения не только прав адвокатов, но и прав граждан, которым оказывается юридическая помощь. Поэтому доступ к правосудию может быть расширен путем использования новых технологий. Для этого необходимо принимать определенные меры как законодательного, так и организационного характера и т.п.

Известно, что граждане вправе обращаться за судебной защитой и в межгосударственные органы. При этом следует иметь в виду такое понятие, как «исчерпанность внутригосударственных средств правовой защиты», что предусмотрено ч. 3 ст. 46 Конституции РФ. Исчерпанность внутригосударственных средств правовой защиты может предполагать применение новых методов и технологий при отправлении правосудия, создание новых правовых институтов, способных обеспечить доступ к правосудию и судебную защиту на национальном уровне. Для этого, в частности, в местах содержания под стражей и в местах отбывания наказаний должны быть созданы условия для того, чтобы лица, находящиеся в этих учреждениях и в других местах принудительного содержания, могли обращаться в национальные суды с использованием цифровых технологий. Это потребует соответствующей подготовки не только судей, но и сотрудников аппаратов судов, а также мест принудительного содержания.

При использовании средств видео-конференц-связи следует учитывать особенности их применения в различных ситуациях. Так, в литературе высказано предложение об использовании видео-конференц-связи при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ (жалобы на действия органов предварительного расследования, прокуроров и судов), в частности, о необходимости дополнения части 3 указанной статьи, предполагающей возможность участия заявителя, содержащегося под стражей и настаивающего на рассмотрении жалобы с его участием, посредством использования систем видео-конференц-связи при наличии его согласия на такой способ общения с судом¹.

С этим предложением следует согласиться, это даст возможность обеспечить доступ к правосудию на более ранних этапах судопроизводства, поможет обнаружить нарушения, которые могут иметь место в ходе предварительного расследования.

В настоящее время в связи с созданием апелляционных и кассационных судов важным представляется использование цифровых технологий в судопроизводстве при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб участников судопроизводства. Посредством

¹ См.: Кокотова Е.И. Правовое регулирование применения информационных технологий в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 33.

применения средств видео-конференц-связи обеспечивается реализация права на судебную защиту. Это является особенно актуальным для такого государства, как Российская Федерация, принимая во внимание ее обширные территории.

Таким образом, можно прийти к выводу, что цифровые и иные новые технологии становятся неременным атрибутом развития правовой системы. Их распространение повышает качество принимаемых решений во всех сферах жизнедеятельности человека. Эти технологии на более высоком уровне обеспечивают доступ к правосудию гражданам в целях реализации судебной защиты их прав и свобод. Наибольшее распространение при отправлении правосудия получило такое средство, как видео-конференц-связь. Применение цифровых и иных технологий требует дальнейшего отражения в законодательстве.

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Э.Б. Хатов

Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 (далее — Стратегия), констатируется, что в России значительное увеличение объема данных приводит к формированию и все более активному применению новых технологий. Очевидно, что новые цифровые технологии широко используются как отдельными гражданами, так и государственными органами. При этом развитие механизмов сбора и анализа данных, обмена ими, управления производственными процессами уже осуществляется на основе широкого внедрения когнитивных технологий.

Вместе с тем наряду с задачей обеспечения всеобщего доступа к информационным и коммуникационным технологиям актуальной остается проблема интенсификации их использования. В связи с этим Стратегия требует обеспечить поэтапный переход государственных органов и органов местного самоуправления к использованию инфраструктуры электронного правительства, входящей в информационную инфраструктуру Российской Федерации, а также развитие технологий электронного взаимодействия граждан, организаций, государственных органов, органов местного самоуправления и внедрение электронного документооборота.

В условиях цифровой трансформации современного общества, глобальной интенсификации объемов поступающей информации и

связанных с этим различных правовых и организационных проблем оптимизируется, приобретает новые черты, обусловленные развитием информационной функции государства, и деятельность органов прокуратуры.

Понятие информационной функции как функции государства, рассматриваемой в качестве одного из важнейших направлений деятельности, выражаемого в том числе в виде информационного обеспечения деятельности органов государства в категориальном аппарате теории государства и права, к настоящему времени нашло отражение в работах А.Б. Венгерова, Ю.Г. Просвирнина и др.¹

В современном обществе правильное определение в гигантском массиве разрозненных данных источников достоверной информации и проведение их качественного анализа в целях подготовки выводов и предложений, используемых для принятия управленческих решений, становятся важнейшим фактором, приобретающим большое государственное значение.

Обусловлено это возрастающей ролью информации в жизни общества и государства, внедрением новых цифровых технологий ее приема, обработки, распространения, усилением угроз информационной безопасности. Электронные средства массовой информации, Интернет, информационные системы, социальные сети, электронные мессенджеры стали частью не только повседневной жизни россиян, но и, как отмечено выше, повсеместной практики правоохранительной и контрольной деятельности государственных органов.

Особый интерес вызывает влияние фактора цифровой трансформации на деятельность органов прокуратуры Российской Федерации, широкий круг функций которых, включая координационную, и обуславливает ее особую роль среди иных правоохранительных органов.

Несмотря на то что в Стратегии прокуратура прямо не указана, Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре» устанавливающим принципы ее организации и деятельности, предусмотрено, что органы прокуратуры обязаны информировать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности.

Законом о прокуратуре также определена обязанность Генерального прокурора ежегодно представлять палатам Федерального Собрания и Президенту Российской Федерации доклад о состоянии

¹ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 2000. С. 152–153, 239; Просвирнин Ю.Г. Информационная функция государства // Журнал российского права. 2002. № 3. С. 29–35.

законности и правопорядка в стране и о проделанной работе по их укреплению.

Конституционный статус прокуратуры, а также предусмотренное Законом о прокуратуре ее закрепление в качестве единой федеральной централизованной системы органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов от имени Российской Федерации, дают возможность предположить наличие у нее аналогичной информационной функции, феномен которой проявляется в значительной аналитической¹ составляющей, в связи с чем ее можно конкретизировать как информационно-аналитическую.

На основе полученных из различных государственных органов данных, отражающих уровень преступности и правонарушаемости, а также эффективность деятельности правоохранительных и контрольно-надзорных органов, проблемы в правоприменительной практике, положительный опыт, прокуратурой выполняется комплексный анализ состояния законности и правопорядка в стране, итогов прокурорской деятельности, прогноз основных тенденций, динамики и структуры преступности².

На текущий момент в России созданы отдельные компоненты цифровой среды, функционирует ряд ведомственных и государственных информационных систем, обеспечивающих решение локальных задач в интересах органов прокуратуры, иных правоохранительных, а также контрольно-надзорных органов.

Однако до настоящего времени эта работа в большинстве случаев выполнялась с использованием методики и технологий конца прошлого века. Далеко от идеала и состояние системы информационного обмена между прокуратурой и другими государственными правоохранительными и контрольно-надзорными органами, в том числе из-за того, что внедрение данной системы не завершено.

Большинство эксплуатируемых ведомственных информационных систем создано более 10 лет назад и в основном перестало соответствовать современным темпам развития цифровых технологий.

Отдельные примеры внедрения программных систем, например аналитической информационной системы (АИС) «Правовой анализ нормативных правовых актов», разработанной еще в 2008 г. ЗАО «Информационная компания «Кодекс» (ЗАО «Кодекс») по инициативе прокуратуры Псковской области, способной обеспечить мак-

¹ Более подробно об этом см.: Ларьков А.Н. и др. Аналитическая работа прокуратуры субъекта Российской Федерации: монография / Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2016.

² См.: Хатов Э.Б. Организация информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры: монография. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ. 2016.

симальное выявление коррупциогенных» факторов в правовых актах за счет исключения человеческого фактора, носят преимущественно локальный характер.

Следует отметить, что развитие этой и аналогичных аналитических информационных систем свидетельствует о совершенно новом качестве информационно-аналитического обеспечения прокурора.

Так, в Приволжской транспортной прокуратуре уже применяются компьютерные программы, которые автоматически выискивают в массиве информации о материалах доследственных проверок и уголовных дел данные о нарушенных по ним процессуальных сроках¹.

Следующий шаг, по нашему мнению, — это разработка и внедрение в повседневную деятельность прокуроров программ, которые будут выдавать на основе этих и иных выявленных нарушений готовые проекты актов прокурорского реагирования. Это не фантастика, а вопрос ближайших лет.

Примером может служить ПАО Сбербанк, где уже с прошлого года внедряется программа, работающая на принципе нейронных сетей, выискивающая в базе данных должников с просроченными кредитами и самостоятельно готовящая проекты исковых заявлений, причем гораздо лучше, чем 450 штатных юристов, которых она и заменила². С внедрением технологий нейронных сетей эти процессы значительно ускорятся, и, по нашему мнению, серьезные изменения ждут прокуратуру не только в области информационного обеспечения, но и во всех иных сферах и направлениях деятельности.

Вместе с тем более современные информационные системы, например система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), к которой прокуратура подключена с 2014 г., распространены недостаточно. Так, в процентном отношении к количеству работников органов прокуратуры дефицит подключения к СМЭВ еще весьма значителен (на конец 2017 г. он составлял 98%).

При этом потребность в автоматизированном выявлении и учете закономерностей, тенденций в структуре и динамике нарушений законности перманентно растет.

Ориентиром может служить зарубежная практика ведения электронных уголовных дел, производств по делам об административных правонарушениях, интерактивных электронных карт преступлений и правонарушений, технологий искусственного интеллекта по их выявлению и прогнозированию.

¹ См.: Хатов Э.Б. Информационное обеспечение органов прокуратуры. Актуальные вопросы организации и контроля исполнения в органах прокуратуры: сб. ст. / под ред. Э.Б. Хатова и др.; Университет прокуратуры РФ. М., 2018. С. 7–16.

² Российская газета. 2017. № 7329 (163). 25 июля 2017 г. <https://rg.ru/2017/07/25/german-gref-svoej-lekcij-pered-studentami-vzorval-set.html>

Международный опыт свидетельствует о широком распространении в деятельности правоохранительных органов. Так, в США уже около 15 лет применяется программная информационно-аналитическая система прогнозирования преступности Criminal Reduction Utilising Statistical History (CRUSH), в Великобритании тестировалась аналитическая система Precrime, в Германии — Precobs. Там же действуют геоинформационные цифровые карты преступности. Например, в США — уже около 15 лет, в Великобритании — 10 лет. На постсоветском пространстве одним из признанных лидеров, по нашему мнению, выступает Казахстан, где с 2018 г. внедрены описываемые цифровые информационно-аналитические системы, в том числе оказывающие реальную помощь прокурорам, например при подготовке проекта ответа на обращение гражданина.

Необходимость незамедлительной более полной адаптации информационно-аналитической деятельности органов прокуратуры к цифровой среде обусловлена потребностью практики. В противном случае отставание не только от развитых в этом отношении стран, но и от некоторых отечественных государственных органов, где технологичные информационно-аналитические системы уже в основном внедрены, будет нарастать.

Отсутствие полноценного единого многоуровневого информационного взаимодействия влечет проблемы в оперативном получении достоверной информации, возникающие в том числе при использовании устаревающего, но все еще сохраняющегося во многих случаях бумажного документооборота, создает предпосылки риска принятия дефектных управленческих решений соответствующими должностными лицами, способных привести к негативным последствиям в различных сферах деятельности.

В связи с этим следует отметить Концепцию цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г., утвержденную приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14 сентября 2017 г. № 627. Эта Концепция предусматривает внедрение юридически значимого электронного документооборота и обеспечение интеграции с системой межведомственного электронного документооборота (МЭДО)¹ единой межведомственной цифровой онлайн-платформы взаимодействия руководителей всех уровней правоохранительных и иных государственных органов, прокуроров, следователей, дознавателей для работы с единым электронным уголовным делом.

¹ См.: Колесов М.В. О некоторых вопросах межведомственного электронного взаимодействия // Горизонты гуманитарного знания. 2018. № 3. С. 116–122.

Внедрение единого информационного пространства позволит не только осуществлять информационно-аналитическую деятельность на качественно новом уровне, но и значительно усилить взаимодействие прокуратуры, Следственного комитета, иных правоохранительных и контрольно-надзорных органов, в первую очередь в рамках досудебной процессуальной деятельности по уголовным делам, координации усилий по борьбе с преступностью¹, а также по организации совместных надзорных и контрольных мероприятий.

Перспективные направления совершенствования информационно-аналитического обеспечения прокуроров требуют соответствующих материально-технических затрат, при этом способны принести ощутимый результат в виде реального повышения эффективности системы прокуратуры в целом, в том числе экономии ресурсов в связи с переходом на безбумажные технологии. Представляется, что реализация отмеченных выше мер позволит заметно повысить уровень законности и правопорядка.

¹ См.: Амирбеков К.И. и др. Координация прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: монография / под общ. ред. Ф.М. Кобзарева. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2016.

ТЕХНОЛОГИИ КРАУДСОРСИНГА В ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ¹

М.В. Залоило

Повышению эффективности правотворческого процесса и созданию качественных правовых норм² в развитом информационном обществе (концепция которого была обоснована Д. Беллом³) способствует использование технологий краудсорсинга, к числу которых относится общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов, служащее к тому же одним из индикаторов развития в стране гражданского общества.

По справедливому утверждению В.Е. Чиркина, всенародное обсуждение проекта конституции имеет большое значение для цели легитимации власти, поскольку «внедряет в сознание населения сопричастность в подготовке основного закона, убеждение, что устанавливаемый конституцией порядок отражает его волю»⁴.

Общественное обсуждение проектов нормативных актов и значимых вопросов не является новеллой современного законодательства, оно имело место еще в дореволюционной России (обсуждение проекта Основных положений преобразования судебной части в России в 1862 г.⁵), во времена существования СССР (всенародное обсужде-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

² См.: Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 154–160.

³ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.

⁴ Чиркин В.Е. Легализация и легитимация государственной власти // Государство и право. 1995. № 8. С. 69.

⁵ См.: Илюхин А.В. Общественное обсуждение законопроектов в России (на примере законотворческого процесса в отношении суда присяжных): историко-правовой аспект // История государства и права. 2012. № 5. С. 11–14.

ние проектов Конституции СССР 1936 и 1977 гг.)¹. В конце 1980-х годов в СССР и РСФСР были приняты законодательные акты, предусматривающие регулирование всенародного обсуждения важных вопросов государственной жизни². В 2010 году масштабный резонанс вызвало общественное обсуждение проектов федеральных законов «О полиции» и «Об образовании в Российской Федерации».

Общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов на федеральном уровне осуществляется на основе:

Указа Президента Российской Федерации № 167 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов»³;

Правил раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 25 августа 2012 г. № 851⁴ (далее — Правила).

Возможность вынесения Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации принятого в первом чтении проекта федерального закона на всенародное обсуждение предусмотрена п. 6 ст. 119 Регламента Государственной Думы⁵. Однако данной возможностью Государственная Дума пока не воспользовалась.

Законодательство субъектов Российской Федерации в рассматриваемой сфере опережает федеральное⁶. Основы общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов в ряде субъектов заложены в конституциях и уставах (Республика Татарстан, Вологодская область и др.), а специальное регулирование общественного обсуждения проектов региональных законов или проектов любых региональных нормативных правовых актов предусматривается в одноименных законах субъектов Российской Федерации (республи-

¹ См.: Хохлова Е.А. Общественное обсуждение законопроектов и важных вопросов государственной и/или общественной жизни: конституционно-правовое регулирование и практика применения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 47–59 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Закон СССР от 30 июня 1987 г. «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни» // ВВС СССР. 1987. № 26. Ст. 387; Закон РСФСР от 20 апреля 1988 г. «О народном обсуждении важных вопросов государственной жизни» // ВВС РСФСР. 1988. № 17. Ст. 540.

³ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 939.

⁴ СЗ РФ. 2012. № 36. Ст. 4902.

⁵ См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 801.

⁶ См.: Липчанская М.А. Общественное обсуждение законопроектов как форма участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. № 2. С. 17.

ки Башкортостан и Коми, Архангельская и Вологодская области и др.).

Кроме того, законодательство рассматривает общественное обсуждение как одну из форм общественного контроля¹, но объектом последнего выступают не проекты нормативных правовых актов, а общественно значимые вопросы, проекты решений органов государственной власти и местного самоуправления и пр. Кроме того, различается круг субъектов этих двух видов общественного обсуждения: в общественном обсуждении проектов нормативных правовых актов принимает участие все население страны, тогда как субъектами общественного обсуждения как формы общественного контроля выступают общественные палаты и общественные советы при органах власти², а также представители различных профессиональных и социальных групп, в том числе лица, права и законные интересы которых затрагивает или может затронуть решение, проект которого выносится на общественное обсуждение³.

Законодательно урегулирована общественная экспертиза, объектом которой может являться проект нормативного правового акта⁴. Общественную экспертизу также следует отграничивать от общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, прежде всего в силу их различной природы: если первая представляет собой одну из форм общественного контроля, то второе выступает институтом непосредственной демократии; субъектами первой являются общественные эксперты, отобранные организатором общественной экспертизы с соблюдением определенных правил, тогда как субъектами второго выступают все граждане.

Взаимодействие названных процедур дополнительно гарантирует учет мнения общественности, защиту прав и законных интересов всех слоев населения, активно способствует диалогу гражданского общества и государства, обеспечивает большую эффективность проектируемого правового регулирования. Вместе с тем нельзя не признать некую неопределенность, сложившуюся в результате употребления понятия «общественное обсуждение» одновременно применительно к форме непосредственной демократии и к форме

¹ См.: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // URL: Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

² См.: Статья 9 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

³ См.: Статья 24 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

⁴ См.: Статья 22 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации».

общественного контроля, когда объект общественного обсуждения в этих двух случаях не совпадает. В связи с этим надлежит четко разграничивать два этих института, а также институт общественной экспертизы.

Кроме того, полагаем, что процедура общественного обсуждения проекта нормативного правового акта должна найти отражение в давно обсуждаемом проекте федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации»¹ в качестве обязательного этапа правотворческого процесса. При этом в указанном федеральном законе должно быть оговорено, что его положения не затрагивают проведение общественного обсуждения как формы общественного контроля в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Целесообразна также конкретизация норм федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» в положениях специального Федерального закона «Об общественном обсуждении проекта нормативного правового акта в Российской Федерации».

В настоящее время на федеральном уровне сфера проведения общественного обсуждения ограничена проектами нормативных правовых актов, подготовленными федеральными органами исполнительной власти (включая законопроекты, которые будут вноситься в Государственную Думу Правительством Российской Федерации, проекты постановлений Правительства Российской Федерации, проекты нормативных правовых актов самих федеральных органов исполнительной власти), проектами федеральных конституционных и федеральных законов в сфере социально-экономического развития России, подготовленными федеральными органами государственной власти. Кроме того, Правила предусматривают определенные исключения, когда общественное обсуждение некоторых проектов нормативных правовых актов не проводится. Вместе с тем целям развития гражданского общества, повышению уровня правосознания и правовой культуры граждан будут способствовать расширение сферы общественного обсуждения, его распространение на все проекты нормативных правовых актов.

В литературе отмечается незначительная популярность процедуры общественного обсуждения проектов нормативных правовых

¹ См., например: О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. кол. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2019; Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2015. С. 75–86.

актов у населения¹, что связывается с недостаточным уровнем правовой культуры, «цифровым неравенством» населения, непроработанной рубрикацией специально созданного интернет-портала regulation.gov.ru, отсутствием должного информирования граждан о готовящихся проектах.

Решению обозначенной проблемы и преодолению названных трудностей будут способствовать:

во-первых, создание четкой системы планирования правотворческой деятельности на федеральном уровне, действующей во всех органах государственной власти и предусматривающей разработку как текущих, так и перспективных планов²;

во-вторых, широкое обнародование планов правотворческой деятельности в средствах массовой информации, на интернет-сайтах федеральных органов государственной власти и т.п.;

в-третьих, преодоление «цифрового неравенства» в условиях цифровизации общественной жизни, государственного управления, экономических отношений³;

в-четвертых, надлежащее информирование населения о сущности, порядке, сроках общественного обсуждения проекта нормативного правового акта, особенно в случаях разработки важных, затрагивающих интересы всех граждан законопроектов;

в-пятых, усовершенствование рубрикации на интернет-портале regulation.gov.ru, например выделение рубрик, посвященных разным видам проектируемых нормативных правовых актов (законопроекты, проекты нормативных правовых актов Президента РФ, проекты нормативных правовых актов Правительства РФ, проекты нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, которые также надлежит расположить по рубрикам в зависимости от вида соответствующего министерства и ведомства), разграничение проектов по сферам регулирования и т.д.; возможно даже создание официальной базы, в которой будут представлены проек-

¹ См.: Дзидзовев Р.М., Тамаев А.М. Общественное (публичное) обсуждение проектов законодательных и иных нормативных правовых актов в формате открытого правительства // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 8. С. 66–70 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Абрамова А.И. Актуальные проблемы планирования законодательной деятельности // Журнал российского права. 2012. № 3. С. 42; Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 49–51.

³ См.: Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16; Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102; Залоило М.В., Шулятьев И.А. Право в условиях цифровой реальности (обзор XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 171–187.

тируемые и действующие нормативные правовые акты, а также практика их реализации и которую можно будет использовать как площадку для общественных обсуждений, экспертизы и правового мониторинга¹;

в-шестых, устранение формального характера общественного обсуждения, в частности путем закрепления обязанности органов-разработчиков соответствующего проекта нормативного правового акта по аргументированному ответу на поступившие замечания со стороны населения.

¹ См.: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И ПЛАНИРОВАНИЯ ДЛЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ

С.А. Боголюбов

Из определенных новаторами и исследователями различных признаков отличающихся друг от друга обществ (неоиндустриального, постиндустриального, неоклассического, информационного неолиберального, предмодернистского, постбуржуазного, пострыночного, неоконсервативного, постмодернистского и др.) предпочтительно остановиться на предлагаемых Даниелом Беллом прогнозировании и программировании социума, влекущих проектирование и его экологического развития.

При этом, несмотря на более чем 30-летний «возраст» понятия «экология», нестихающие правовые дискуссии вокруг него предполагают некоторое уточнение этого феномена, включающего в себя использование природных ресурсов и охрану окружающей человека природной среды, опирающегося на ст. 41, 42, 58, 114 и др. Конституции Российской Федерации.

Приобретается ли специфика в условиях современного технологического уклада бытия, извилистого пути глобализации, виртуальных травм эпохи разобщенности индивидуумов, кажущегося либо действительного хаоса, навязываемого транснационального инвестиционного климата, обострения философии выживания, когда желательно уяснить — провозглашается ли действительно новый тип общества либо чрезмерно преувеличивается набирающий количественные показатели уровень междисциплинарных подходов, либо необходимо более эффективное применение прежних средств и методов познания, регулирования экологического, иного развития?

Сколько раз явления, казавшиеся стратегическими рычагами изменения правовой жизни на деле оказывались пустышками. Насколько радужными, эйфорическими были российские анархические, эгалитарные представления и суждения о демократическом обществе, хотя еще французский социолог, историк и политический деятель, член Академии моральных (!) и политических наук Алексис Токвиль в своих книгах «О демократии в Америке» (1835 г.) и «Старый порядок и революция» (1856 г.) предупреждал о возможных пороках деспотических правителей и привилегированной коррупции избранных, «извращенной склонности» к равенству, замыкающему людей в рамках частной жизни, которыми грозят демократические преобразования.

Вместе с тем, не допуская отставания от понимания, осмысления констатируемых тенденций, не стоит игнорировать и консервативное правосознание, присущий многим путь размышлений, инерционный образ поведения. Сбывались порой предсказания о кичливости, низкой политической, правовой, экологической культуре, некомпетентности, «грызне» элит, опасности охлократии при выборной системе на альтернативной основе и демократических режимах, о которых еще в конце XIX в. писал член Государственного совета России, обер-прокурор Синода, профессор Московского университета К.П. Победоносцев в письмах и записках к Александру III, в «Московском сборнике» 1896 г.

Нарождающиеся в юридической картине мира — опаздывающие либо опережающие действительность, предлагаемые новые грядущие формы управления общественными процессами, идущие в ногу со временем или выбивающиеся из колеи, требуют предупреждения негативных последствий кажущихся либо наступающих коренных изменений с помощью анализа, обобщения, внедрения механизмов позитивного, устойчивого развития ¹.

Насколько прогнозирование и планирование являются необходимыми атрибутами, средствами формирования намечающегося правового справедливого государства XXI века? Не сопровождали ли прогностические, плановые начала организацию рационального природопользования и охрану окружающей среды еще раньше, особенно с середины XX в., когда стали очевидны недостаточность безудержного потребления природных ресурсов, превращение их в диалектическую совокупность в виде окружающей человека природной среды и востребованность ее охраны?

¹ См.: Лазарев В.В. Нейтрализация отрицательных характеристик демократии в посттоталитарном мышлении и деятельности // Вестник государственной службы. 1993. № 2. С. 26–29.

Требуют тщательного осмысления усиливающиеся тенденции, проявляющиеся закономерности эволюции права (мнимые? действительные?) с пересмотром базовых идей и моделей регулирования, становления (продолжения? дальнейшего развития?), прогнозирования, программирования общества, его детерминирования эколого-правовыми, социокультурными, технологическими факторами, активации влияния государства, его институтов на динамику, в частности, экологической сферы.

Иначе ложное может быть принято за действительное, привести к ошибкам в научных и практических позициях, предпосылках, предсказании дальнейшего развития. Всемирно известный российский естествоиспытатель И.В. Мичурин полагал: «Многое, что прежде считалось химерой, в будущем может явиться непреложной истиной и наоборот, что казалось неопровержимой истиной, может оказаться очень далеким от правды»¹.

Указанные инструменты управления экологией в виде прогнозирования и планирования появлялись, использовались, приносили определенный эффект по мере вторжения в природу в виде урбанизации, индустриального развития, научно-технической революции, наращивания глобализации, становясь признаками этапов развития общественно-экономических формаций, политических режимов.

Законодательство нашей страны, в том числе конституции, на протяжении 70 лет исходило из публичного ориентирования природопользования, общественных форм собственности на природные ресурсы, планового развития экономики, обусловленного ею социального развития; и в настоящее время конституции некоторых западных стран включают в себя положения об индикативном планировании экономики, использующем финансовые рычаги².

В нормах Закона РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об охране природы в РСФСР» (далее — Закон об охране природы) предусматривалось осуществлять планирование и прогнозирование природопользования и охрану природы через Госплан (призванный явить свое могущество, но не во всем оправдавший возлагавшиеся на него надежды) путем обсуждения крупных перспективных проектов во Всероссийском обществе охраны природы, планирования комплексов природоохранных мероприятий в министерствах, ведомствах, на предприятиях, обязательного преподавания основ охраны природы во всех без исключения учебных заведениях как условия придания этому институту характера «всенародного дела», обеспечения таким спо-

¹ Мичурин И.В. К сведению ботаников и садоводов: листовка. 1923.

² См.: Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / под ред. Т.Я. Хабриевой. 2013. С. 149.

собом информационного фактора рационального природопользования.

В преамбуле Закона об охране природы указывалось, что общественный строй, плановое ведение хозяйства создают возможность экономно расходовать природные богатства страны. В статье 14 «Планирование использования природных богатств (ресурсов)» этого Закона устанавливались следующие обязанности планирующих и хозяйственных органов:

а) учитывать взаимную связь подлежащих охране объектов природы и ресурсов с тем, чтобы эксплуатация одних ресурсов не наносила ущерб другим;

б) при использовании возобновимых природных ресурсов предусматривать не только удовлетворение текущих нужд страны, но и сбережение и возобновление этих ресурсов на основе расширенного воспроизводства;

в) регулярно в плановом порядке предусматривать и выделять ассигнования и другие материальные средства для осуществления работ по охране и воспроизводству природных богатств;

г) не допускать сокращения площади полезных естественных угодий (лесов, лугов, водоемов), если на их месте не создаются более ценные угодья или предприятия, транспортные пути и населенные пункты;

д) при проектировании и осуществлении промышленного, транспортного, коммунального и других видов строительства обеспечивать максимальное сохранение ценных природных объектов¹.

Тридцатилетнее действие Закона об охране природы показало и точность прогнозирования планового экологического развития страны, и идеализм тогдашних проектировщиков. Угасание постулатов планирования сегодня, скепсис по поводу него можно объяснить провозглашенным уходом в сфере природопользования от командно-административно-плановых средств управления, восстановлением рыночных механизмов, поддержкой конкуренции, свободы предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности.

Однако плановые природоохранные мероприятия не сходят с повестки дня в связи с ухудшением континентальной, региональной экологической ситуации, обострением проблем поиска и добычи полезных ископаемых, переработкой и захоронением твердых бытовых отходов, обеспечением устойчивого развития поселений.

Планы развития обозначены в ч. 3 ст. 4, ч. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 9, п. «ж» ст. 71 Конституции РФ. Пункт «е» ст. 71 Конституции РФ к ведению

¹ ВВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 538.

Российской Федерации относит установление основ федеральной политики и федеральных программ в области экологического развития, которые наряду с государственными, экономическими, социальными, культурными, национальными аспектами развития становятся своеобразными факторами прогнозирования и планирования экологических отношений, обеспечивающими их стабильность на основе взаимности.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденных Президентом РФ 30 апреля 2012 г., в одобренной Правительством РФ Экологической доктрине Российской Федерации 2002 г. (признанной в 2017 г. недействующей) намечались прогнозирование, планирование государственной экологической политики федерального, региональных и местных уровней, взаимосвязь представляющих их органов публичной власти, граждан, общественных объединений с учетом программ, разработанных на основе научных исследований.

Необходимость предвидения последствий, изменений окружающей среды от антропологического негативного воздействия, чрезвычайных ситуаций, рисков от бедствий техногенного и природного характера приводит к ориентированию российского общества в XXI в. на долгосрочные действия при сохранении краткосрочных и среднесрочных проектов, определяет особенности правового регулирования прогнозирования и планирования в экологической сфере¹.

При использовании природных ресурсов, в том числе углеводородов, пригодных для сельского хозяйства земель, пресных вод, растительного и животного мира, проектировании экологического будущего необходимо:

- полноценно учитывать расположение и взаимосвязь подлежащих охране объектов природы и ресурсов с тем, чтобы эксплуатация одних объектов и ресурсов не наносила ущерб другим, в том числе не соприкасающимся с первыми;
- предусматривать не только удовлетворение текущих нужд жителей населенных пунктов, регионов, страны, континентов, но и сбережение, возобновление этих ресурсов на основе расширенного воспроизводства;
- регулярно выделять в плановом порядке ассигнования, материальные средства для осуществления работ по охране и воспроизводству природных богатств, не допуская сокращения площадей полезных естественных угодий (лесов, лугов, водоемов), если на их

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М., 2015; Кичигин Н.В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 144–154.

месте не создаются более ценные угодья или предприятия, транспортные пути и населенные пункты;

— предусматривать при планировании и осуществлении аграрного, промышленного, транспортного, коммунального, жилищного, спортивного, других видов строительства максимальное сохранение ценных природных объектов, обеспечивающих благоприятное проживание граждан.

Экологические вопросы, как свидетельствуют социологические опросы граждан, анализ их обращений к Президенту РФ, к Уполномоченному по правам человека РФ, в Совет при Президенте РФ по вопросам прав граждан и развития гражданского общества, не занимают приоритетного места по сравнению с более актуальными для населения проблемами: казалось бы, законодателю в настоящее время не до планирования и стратегии в сфере экологии.

Тем не менее согласно ст. 3 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее — Закон об охране окружающей среды) среди 22 основных принципов охраны окружающей среды предусматриваются элементы планирования, необходимые для осуществления экологического развития:

— запрещение хозяйственной и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды (ст. 80 Закона об охране окружающей среды, ст. 1065 (далее — ГК РФ), ст. 3.12, 27.1, 27.16 и 29.6 КоАП РФ);

— презумпция экологической опасности планируемой хозяйственной и иной деятельности, предполагающая заведомое, изначальное представление об отрицательном характере поведения участников экологических отношений, пока не будет доказано обратное, для получения необходимой разрешительной документации;

— учет природных и социально-экономических особенностей территорий при планировании и осуществлении хозяйственной и иной деятельности, в том числе при выборе земельного, лесного участков, мест размещения производственных объектов, рассмотрении их альтернатив, означающий обязательное включение природного фактора в комплексное планомерное территориальное развитие;

— обеспечение интегрированного и индивидуального подходов к государственному регулированию экологического развития, установлению требований в области охраны окружающей среды к субъектам хозяйственной и иной деятельности, осуществляющим такую деятельность или планирующим ее осуществление.

Необходимость прогнозирования и планирования постоянно сопровождается правовыми требованиями. В целях текущего и перспективного планирования мероприятий по снижению негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности на здоровье человека и условия его проживания в соответствии с Законом об охране окружающей среды осуществляются:

- разработка нормативов, государственных стандартов, технических регламентов, иных нормативных документов в области охраны окружающей среды, включающая в себя оценку и прогнозирование экологических, социальных и экономических последствий их применения (ст. 20);

- установление лимитов на выбросы и сбросы веществ и микроорганизмов, допускаемых только при наличии планов снижения выбросов и сбросов, согласованных с органами исполнительной власти, осуществляющими государственное управление в области охраны окружающей среды, на основе использования наилучших доступных технологий, предусмотренных в Федеральном законе от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ч. 3 ст. 23);

- включение в государственный экологический надзор деятельности уполномоченных органов государственной власти по систематическому наблюдению за исполнением обязательных требований, анализу и прогнозированию состояния соблюдения обязательных требований при осуществлении органами государственной власти, органами местного самоуправления, юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и гражданами своей деятельности (ч. 1 ст. 65);

- программирование производственного экологического контроля, включающее в себя сведения об инвентаризации выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросов их в окружающую среду, их источников, о подразделениях и (или) должностных лицах, отвечающих за осуществление производственного экологического контроля, и т.п. (ст. 67);

- предоставление общественным инспекторам по охране окружающей среды права содействовать в реализации государственных программ по охране объектов животного мира и среды их обитания с правом обращения к органам государственной власти Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, органам местного самоуправления о предоставлении необходимой для осуществления контроля экологической информации (подп. 4 и 5 п. 6 ст. 68);

- научные исследования в области охраны окружающей среды, проводимые в том числе в целях разработки концепций, научных

прогнозов и планов сохранения и восстановления окружающей среды, программ реабилитации территорий, отнесенных к зонам экологического бедствия (ч. 2 ст. 70).

Первоначальная редакция ст. 66 Закона об охране окружающей среды включала в полномочия государственных инспекторов в области охраны окружающей среды проверку выполнения не только мероприятий, но и планов по охране окружающей среды, однако Федеральным законом от 18 июля 2011 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» возможность истребования планов из компетенции инспекторов была исключена.

Вероятно, ее заменяет норма ч. 1 ст. 66 Закона об охране окружающей среды, касающаяся права должностных лиц органов государственного надзора в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, запрашивать и получать на основании мотивированных письменных запросов информацию и документы, необходимые в ходе проведения проверки, наряду с упомянутым выше пониманием экологического надзора в ч. 1 ст. 65 Закона об охране окружающей среды.

Заявлений истреблителя о ценности научных исследований в области охраны природной среды было немало, но реальное финансирование, внедрение в практику эколого-правовой науки проводились скачкообразно, в зависимости от культурной подготовленности элиты, и в настоящее время авторитет, например, теории законопроектной деятельности в сфере экологии не является достаточно заметным: научные и конкретные обсуждения концепций и проектов нормативных актов проходят зачастую параллельно, автономно, не принося ожидаемого результата.

Ввиду усложнения производственных, технических, общественных связей в предполагаемом программируемом обществе основой планирования должны становиться экологические, демографические, социальные, экономические, политические, иные прогнозы, данные объективной статистики, экономической оценки природно-антропогенных объектов, предвидения воздействия на окружающую среду любой деятельности (не только хозяйственной), поскольку любая планируемая, осуществляемая человеческая деятельность не может не затрагивать состояние, качество природы.

Свою лепту в прогнозирование, дальновидное планирование экологических отношений вносит Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. Согласно данной Стратегии к основным вызовам и угрозам, которые в обязательном

порядке должны учитываться при разработке документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации, относятся:

- изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы, структуры их потребления, что за прошедшие годы усиливается, подтверждая целесообразность реализации концепции Даниела Белла о программировании общественной жизни;

- истощение экспортно-сырьевой модели экономического развития, резкое снижение роли традиционных факторов обеспечения экономического роста, связанное с научно-технологическими изменениями, природопользованием, ухудшением окружающей человека среды;

- истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере истощения действующих месторождений полезных ископаемых; дефицит разведки и наличия запасов начинает проявляться все чаще и вызывать тревогу по поводу возможного нового предела мира.

Вызывающим озабоченность, парадоксальным для природопользования выглядит отнесение к угрозам экономической безопасности установление избыточных требований в области экологической безопасности, увеличение затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления, что наглядно отражает обостряющуюся конкуренцию экологии и экономики.

Какие требования безопасности победят в этом соперничестве: экологические или экономические? Ответ на этот вопрос зависит от воли законодателей, а на практике — от результата противоборства экологических и экономических интересов, обусловленных экономическими (признаваемыми большинством населения более важными) и экологическими условиями существования, отражаемыми в прогнозах, планах развития страны.

Экономика вступает в трудно разрешаемый конфликт с экологией, поскольку затраты на сбережение, восстановление природных ресурсов, охрану окружающей природной среды противопоставлены достижениям экономического развития (максимальный доход, прибыль), где результат не всегда бывает утешительным.

Попытки преодоления антагонистического противоречия между экологией и экономикой теоретически и практически определяют направления планирования экологических мероприятий, которые призваны уравнивать экономические и экологические интересы, примирять их соперничество.

Прогноз и планы экологического развития определяются признанием земельных, лесных участков, прудов, обводненных карьеров, изъятых из естественной среды обитания животных, общераспространенных, а также добытых полезных ископаемых объектами

гражданского оборота, провозглашением свободы экономической деятельности, не запрещенного законом предпринимательства с его стремлением к доходу, извлечению прибыли, с одной стороны, и желанием жить в здоровой природной среде, с необходимостью выделения все возрастающих средств на охрану окружающей природной среды, с другой.

Прогнозирование и планирование экологического развития неминуемо приводят к необходимости ограничений хозяйственной деятельности в целях сохранения чистого воздуха, питьевой воды, зеленых насаждений, биоразнообразия, выполнения требований, касающихся нормирования хозяйственной деятельности, платы за загрязнение, приостановления и закрытия вредных производств и агрегатов, нарушающих законодательство об охране окружающей среды и рациональном природопользовании.

Конкретизации надлежащего программирования служит осознание обществом того, что реализация фундаментального права каждого на благоприятную окружающую среду, предусмотренного в ст. 42 Конституции РФ, преамбуле, ст. 3.11 Закона об охране окружающей среды, в ряде других федеральных, а также региональных законах, тормозит хозяйственную деятельность: лица, занимающиеся самостоятельным предпринимательством, ставят своей главной целью не удовлетворение природных прав граждан, а извлечение прибыли, что представляет собой фундаментальное противоборство между экономикой и экологией¹.

Надежности прогнозирования, качеству планирования служит разграничение действия и механизмов реализации требований природоохранного, природоресурсного права — подотраслей экологического права (преимущественно, хотя и относительно, публичных), с одной стороны, и гражданского права (преимущественно, хотя и относительно, частного), с другой; вариант гармоничного взаимодействия их положений закреплён в подп. «ж», «з», «н», «о», «р» ст. 71 и подп. «в—д» ст. 72 Конституции РФ, в ст. 129 и 206 ГК РФ, в ст. 3 ЗК РФ, ст. 3 ЛК РФ, ст. 4 ВК РФ, в нормах иных федеральных, а также региональных законов.

В Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ от

¹ Подробнее об этом см.: Правовое регулирование в экономике. Актуальные проблемы / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Юстиция, 2018; Боголюбов С.А. Правовое воздействие на конкуренцию экономики и экологии // Право и экономическая деятельность: монография. М.: ИЗИСП, 2015. С. 328–334; Правовые основы бизнеса в сфере природопользования: учебное пособие для бакалавров / отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов. М.: Проспект, 2017; Бобылев С.Н., Медведева О.Е. Экология и экономика: пособие по региональной экологической политике. М., 2004.

19 апреля 2017 г. № 176, предусматривается совершенствование законодательства в области охраны окружающей среды, природопользования, институциональной системы обеспечения экологической безопасности; по-видимому, система должна включать в себя прогноз и планирование (как свои институты) и другие элементы, предполагающие мониторинг, государственный надзор, контроль и др.

Институциональная система обеспечения экологической безопасности предусматривает проведение стратегической оценки проектов и программ развития Российской Федерации, макрорегионов, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, реализацию стратегий сохранения редких, исчезающих видов растений, животных, других организмов; составление перечня индикаторов состояния экологической безопасности, уточняемого в процессе развития нормативно-правовой базы Российской Федерации в области охраны окружающей среды и природопользования.

Осуществление Федеральным Собранием Российской Федерации законодательного регулирования в сфере экологической безопасности не может не базироваться на планировании законопроектной деятельности, построенном на прогнозировании природопользования, других общественно значимых процессов на основе научных рекомендаций в отношении подготовки законов, проектов иных нормативных правовых актов.

Стратегии экологической и экономической безопасности включены в актуализируемую и постоянно обновляемую, программируемую систему всей безопасности России в соответствии с Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»: объединение различных аспектов безопасности страны способствует обеспечению программирования развития, обобщению угроз, в том числе экономических и экологических, разработке методов их предупреждения.

Вместе с тем происходит реанимация давней дискуссионной проблемы соотношения двух областей человеческой деятельности: охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, представленных в Стратегии экологической безопасности в качестве синонимов. Для стабилизации конструктивных экологических правоотношений необходимо осуществить взаимодействие субъектов и объектов в области охраны окружающей среды и элементов правоотношений в области обеспечения экологической безопасности, требующее размежевания, конкретизации, более подробных, специальных исследований в контексте прогнозирования и планирования экологического развития.

Попытки деления «охраны окружающей среды» и «экологической безопасности», составления соответствующих автономных

прогнозов и планов посредством федеральных нормативных актов не увенчались успехом ввиду дублирования большинства предметов, методов регулирования; принятые в ряде субъектов РФ законы об экологической безопасности повторяют законы об охране окружающей среды, затрудняя, запутывая судебную и административную практику.

Усложнение, социализация общественных связей обуславливает ответственность перед нынешним и будущими поколениями за создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и благоприятную окружающую среду, для чего целесообразно восстанавливать планирование на новой основе, придавая ему стратегический характер, с применением экологической экспертизы, возвращением в законодательную ткань муниципального экологического контроля, внедрением международных рекомендаций в отношении стратегической экологической оценки.

Отношение в обществе к плановой организации охраны окружающей среды не является однозначным. В Законе об охране окружающей среды предусматривалась ст. 14 «Методы экономического регулирования в области охраны окружающей среды», включавшая в себя экологические прогнозы, разработку федеральных программ в области экологического развития Российской Федерации и целевых программ в области охраны окружающей среды субъектов РФ и т.п., утратившая силу в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 29-ФЗ.

В части 1 ст. 15 «Федеральные программы в области экологического развития Российской Федерации, целевые программы в области охраны окружающей среды субъектов Российской Федерации и мероприятия по охране окружающей среды» той же редакции Закона об охране окружающей среды предусматривались разработка указанных документов и осуществление мероприятий по планированию, что увязывалось с рядом обстоятельств и предполагало развитие этой категории экологического права:

— согласно части 3 той же статьи планирование и разработка мероприятий по охране окружающей среды осуществлялись с учетом государственных прогнозов социально-экономического развития, федеральных программ в области экологического развития Российской Федерации, целевых программ в области охраны окружающей среды субъектов РФ на основании научных исследований, направленных на решение задач в области охраны окружающей среды;

— в соответствии с ч. 4 этой же статьи юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность, оказывающую негативное воздействие на окружающую среду, обязаны были планировать, разрабатывать и осуществлять мероприятия по

охране окружающей среды в порядке, установленном законодательством.

Однако с 1 января 2006 г. ст. 15 Закона об охране окружающей среды утратила силу и, таким образом, даже слабые наметки экологического планирования, а тем более связанного с ним, основанного на нем, обобщающего и опережающего его стратегического планирования, а также прогнозирования оказались удаленными из указанного Закона, что не улучшило правового стимулирования рассматриваемых процессов.

В Законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» в преамбуле и среди шести основных принципов охраны окружающей среды понятие «планирование» не фигурирует, но в компетенции республик, автономной области, автономных округов, краев, областей, органов местного самоуправления включены планирование охраны окружающей природной среды и использования природных ресурсов, финансирование и материально-техническое обеспечение экологических программ (ст. 8–10). В какой-то мере шире излагалась ч. 1 ст. 17 указанного Закона, согласно которой планирование мероприятий по охране окружающей природной среды и природопользованию осуществлялось в составе программ, прогнозов социально-экономического развития на основе государственной экологической программы с учетом природоресурсного потенциала отдельных регионов.

Показательно, что авторы комментария этой статьи Закона «Об охране окружающей природной среды» кандидаты экономических наук А.А. Аверченков и А.В. Шевчук — работники Министерства охраны окружающей среды и природных ресурсов РФ ни словом не обмолвились о предусмотренном этой статьей планировании, сосредоточившись на финансово-кредитном механизме природопользования (Закон был принят в 1991 г., а комментарий к нему составлялся два года спустя — в разгар ваучерной приватизации и залоговых аукционов)¹. Целесообразность и роль закрепления в Законе средств экономического регулирования экологии нередко подвергается сомнениям. Тем более удаленная из указанного Закона статья завершалась формулировкой об «иных методах экономического регулирования по совершенствованию и эффективному осуществлению охраны окружающей среды», что подчеркивало условность перечня, его примерный характер. Однако все-таки он служил неким ориентиром, правовым принципом экономического воздействия на экологию.

¹ См.: Охрана окружающей природной среды. Постатейный комментарий к Закону России / под ред. В.П. Ворфоломеева, В.В. Петрова (Р.Д. Боголепов, А.К. Голиченков, О.М. Козырь, О.С. Колбасов и др.). М.: Республика, 1993. С. 47–49.

Прогнозирование и планирование экологической деятельности, исключенные из Закона об охране окружающей среды в качестве элементов экономического механизма регулирования в области охраны окружающей среды, могут быть в нем преобразованы, восстановлены, но не механически, а в совершенно новом, более высоком качестве стратегического планирования законотворчества и правоприменения в экологической сфере с прицелом на дальнюю, не сразу видимую перспективу на основе экологических, демографических, социальных, экономических, политических, юридических прогнозов, использования данных объективной статистики, экономической оценки природно-антропогенных объектов, предвидения воздействия на окружающую среду любой деятельности¹.

Стратегическое планирование в сфере экологического развития представляется, однако, проблематичным ввиду мирового финансово-экономического кризиса, падения уровня производства, приостановления национального развития. Исполнение прошедшей публичное обсуждение и официальное одобрение, принятой на вооружение программы социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., как и реализация лозунга «Удвоение ВВП России», родившегося в докризисное время, в связи с современными трансформационными явлениями, осложнением международной обстановки, турбулентностью межгосударственных отношений также свидетельствуют о проблемах прогнозирования и планирования дальнейшего развития страны.

Некоторым основанием для оптимизма служат: принятие в 2014 г. Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»; реализация ряда подзаконных федеральных, региональных и муниципальных нормативных правовых актов в его развитие; ориентирование общества на долгосрочные действия; уход от краткосрочных проектов социальной практики, включающей в себя экологию и во многом зависящей от нее, в том числе из-за состояния природоресурсного потенциала отдельных регионов, муниципальных образований².

¹ См.: Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал российского права. 2018. № 4; Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 25–36; Данилов-Данильян В.И. О соотношении правового и экономического аспектов в охране природы // Право и экология: матер. междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.А. Боголюбов. М.: ИЗСП, 2014. С. 48–58.

² См.: Двинских Д.Ю., Королев В.А. Стратегическое планирование: опыт прошлого и новые механизмы: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2018. С. 58–81; Кудряшова Е.В. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» — долгий путь через эпохи // Право и государство. 2016. № 12. С. 32–34; Вып-

Законодательное регулирование стратегического планирования с его задачами, целями, способами и методами осуществления, последствиями невыполнения и персональной ответственностью вполне может проецироваться на экологическое развитие России с ее обширной территорией, огромными, в том числе невозстановимыми, природными богатствами, придавать им устойчивость, предсказуемость, стимулировать краткосрочное, среднесрочное и долгосрочное планирование.

Если где и востребовано в настоящее время стратегическое планирование, то, скорее всего, в области предупреждения деградации и восстановления природных ресурсов и объектов, где человечество в состоянии предугадать, сформировать свое будущее, а экологическое развитие может осуществляться на совершенно новом, более высоком качественном уровне с прицелом на дальнюю перспективу.

Может быть, именно в природной сфере, исходя из ответственности перед нынешним и будущими поколениями за создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и благоприятную окружающую среду, для преодоления антагонизма и противоборства экономики и экологии целесообразно, используя сохранившиеся законодательные наработки, восстанавливать в законодательстве, в экологической политике прогнозирование и планирование на конкурентной основе и придавать им стратегический характер с активизацией осуществления национального проекта «Экология», с возвращением в законодательную ткань муниципального экологического контроля, с внедрением стратегической экологической оценки.

Для прогнозирования и планирования экологического развития важно массовое глубокое осознание глобальной экологической опасности, понимание соотношения законов природы и законов юридических; экологическое правосознание вынуждено избавляться от излишней фетишизации государства, надежд исключительно на законы, от веры в чудеса, исходить из того, что человек — это не только социальное, но и природное существо, органическое связующее звено между природой и обществом; для экологического развития важны сущность законов природы, источники знаний о них, вызы-

ханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Государственная экологическая политика и документы стратегического планирования // Экологическое право. 2016. № 3; Жаворонкова Н.Г. Роль документов государственного стратегического планирования в обеспечении охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов // Вестник МГЮА им. О.Е. Кутафина. 2017. № 2. С. 49–52; Королева А.Н. Правовое обеспечение качества окружающей среды в «умном городе» в документах стратегического планирования // Актуальные проблемы предпринимательского, корпоративного, экологического и трудового права: монография. Т. II. М.: РАНХиГС; Проспект, 2019. С. 371–384.

вающие после катарсиса потребность в прогнозировании и планировании.

Выявление общих закономерностей развития, принятие соотношения законов природы и законов общества, где практика, реализация предписаний представляют собой критерий истины, могут на основе полной, своевременной, объективной информации после теоретических изысканий способствовать планированию законодательства, выработке конкретных предложений *de lege ferenda*. Тем более что в XXI в. с его техническими возможностями недопустимы, опасны скороспелые непродуманные решения, способные повлечь необратимые для природы и социума последствия.

Пересмотр приземленных, обыденных представлений о законах естественных, природных и законах антропогенных, человеческих в сторону не только теоретического, но и реалистического осознания прогнозируемого бытия, сопоставление правил природных, объективных (познанных либо непознанных) и правил искусственных, субъективных (изменяемых и регулярно дополняемых), признание императивности первых и производности, волюнтаризма вторых повышают возможности прогнозирования, планирования экологического развития нашей страны.

Таким образом, хотя прогнозирование и планирование как институты, как регулируемые правом элементы экономического механизма охраны окружающей среды в условиях развития рыночных отношений, частной собственности, увеличения разрыва в способах, размерах накопления капитала, угасания командной системы природопользования не присутствуют в Законе об охране окружающей среды, они отражены в сопутствующих им мероприятиях. Планы продолжают быть законодательным стимулом для экологии, не сходя с повестки дня и актуализируясь по мере ухудшения глобальной, континентальной и региональной экологической ситуации, предсказываемого надвигающегося передела Мирового океана, минеральных и других природных ресурсов.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

О.А. Дементьева

Обеспечение прав граждан на образование, медицинское обслуживание, социальную защиту, являющееся одной из основных обязанностей публичной власти, установленных в Конституции Российской Федерации, невозможно без достижения необходимого уровня экономического развития государства.

Начиная с конца 2000-х гг. федеральным центром взят курс на решение задач социально-экономического и в значительной степени научно-технологического развития регионов в рамках государственного стратегического планирования с использованием инструментов бюджетной поддержки и с привлечением (где это возможно и реально) средств частного бизнеса.

В Российской Федерации федеральной властью в 2014 г. приняты государственные программы по социально-экономическому развитию отдельных субъектов Российской Федерации и укрупненных территорий (регионов России) (в 2017 г. в них были внесены корректировки). В ряде случаев образованы специальные федеральные министерства¹.

¹ Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» (срок действия — 2014–2025 гг., ответственный исполнитель — Минвостокразвития России); Государственная программа «Развитие Северо-

Однако необходимо признать, что в целом динамика социально-го развития имеет во многом негативные тенденции. Такой вывод позволяют сделать данные о перманентном сокращении социальной инфраструктуры муниципальных образований (школ, медицинских учреждений и т.д.). Например, по данным официальной статистики, общее количество общеобразовательных учреждений (муниципальных и государственных) за последние 20 лет сократилось на 28,3 тыс. или более чем на 40%¹. Общее количество больничных коек за 12 лет (с 2005 по 2017 гг.) уменьшилось с 1575,4 тыс. до 1182,7 тыс., т.е. на 391,7 тыс. или более чем на 33%. За то же время число больничных коек на 10 000 населения сократилось более чем на 27% — с 110,9 тыс. до 80,5 тыс.²

Президентом страны в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. и в изданном в развитии Послания Указе от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее — Указ) актуализированы задачи по социально-экономическому развитию страны. В Указе определены не только приоритетные направления развития страны³, но и конкретные показатели, которые должны быть достигнуты к 2024 г. Приведем некоторые из этих показателей: увеличение продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7; достижение к 2021 г. 100-процентной доступности дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет; обеспечение охвата всех граждан профилактическими медицинскими осмотрами не реже одного раза в год; обеспечение оптимальной доступности для населения (в том числе для жителей населенных

Кавказского федерального округа» (срок действия — 2013–2025 гг.; ответственный исполнитель — Минкавказ России); Государственная программа «Социально-экономическое развитие Калининградской области» (срок действия — 2013–2020 гг.; ответственный исполнитель — Минэкономразвития России); Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (срок действия — 2014–2020 гг.; ответственный исполнитель — Минэкономразвития России); Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года» (срок действия — 2015–2020 гг.; ответственный исполнитель — Минэкономразвития России).

¹ Общее число государственных и муниципальных общеобразовательных организаций в 2015 г. составляло 41,9 тыс., в 2008 г. — 57,3 тыс., в 1996 — 70,2 тыс. // Российский статистический ежегодник. 2008; Российский статистический ежегодник. 2015.

² См.: Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики. 2018.

³ Демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, производительность труда и занятость, наука, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и индивидуальная предпринимательская инициатива, международная кооперация и экспорт.

пунктов, расположенных в отдаленных местностях) медицинских организаций, оказывающих первичную медико-санитарную помощь; обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования.

По заявленным направлениям развития страны Правительство Российской Федерации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации должно было провести работу по разработке или корректировке национальных программ. Анализ содержания некоторых федеральных программ, утвержденных в 2017 г.¹, позволяет сделать вывод, что порядок выделения целевой финансовой помощи на развитие объектов инфраструктуры регионального и местного значения исходит из возможности субъектов Российской Федерации софинансировать капитальные расходы. Данные об уровне расчетной бюджетной обеспеченности и индексе бюджетных расходов субъектов Российской Федерации говорят о значительно отличающихся возможностях субъектов Российской Федерации осуществлять софинансирование бюджетных инвестиций в объекты социально-экономической сферы. Так, если по Российской Федерации средний уровень расчетной бюджетной обеспеченности и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации были взяты за 1, то в г. Москве эти показатели имели значение соответственно 2,720 и 0,940, в г. Санкт-Петербург — 1,886 и 0,823, в Псковской области — 0,690 и 0,969, в Республике Карелия — 0,686 и 1,366².

Малые значения уровня расчетной бюджетной обеспеченности и высокие значения индексов бюджетных расходов в субъектах Российской Федерации свидетельствуют о том, что в этих субъектах недостаточно бюджетных средств на развитие их социально-экономической сферы. Именно в данные субъекты должны быть направлены средства федерального бюджета в рамках федеральных программ с целью недопущения их дальнейшей деградации. В противном случае вызывает сомнение достижение поставленных Президентом Российской Федерации показателей социально-экономического развития страны, например оптимальной доступности для всего населения первичной медико-санитарной помощи.

¹ Государственная программа Российской Федерации «Развитие здравоохранения», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1640; Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642.

² См.: Уровень расчетной бюджетной обеспеченности и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2019 г. // Сайт Минфина Российской Федерации.

Представляется, что решение поставленных задач по социально-экономическому развитию России в условиях значительного различия бюджетных возможностей ее субъектов является непростой задачей. Социально-экономическая система федеративного государства является сложной системой взаимосвязанных и взаимовлияющих подсистем, распределяющихся по горизонтальному разрезу (экономическое развитие и социальное развитие) и вертикальному разрезу: федеральный центр, субъекты РФ и укрупненные регионы, муниципальные образования (уровень муниципальных районов и уровень сельских и городских поселений). Планирование всех подсистем включает в себя планирование материальных объектов и финансовых средств для их создания и поддержки в актуальном состоянии. Так, например, социальная сфера состоит из совокупности объектов различного функционального предназначения (образование, медицинское обслуживание, социальная сфера и т.д.), находящихся в ведении федерального центра, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, соответственно, и финансовых средств, необходимых для их создания и функционирования. Большое количество материальных объектов в Российской Федерации, необходимых для выполнения социальных обязательств публичной власти, предопределено наличием многочисленных связей как по горизонтали, так и по вертикали, без учета которых невозможно осуществить оптимальное планирование и реализацию социально-экономического развития страны. Планирование подсистем социальных и экономических объектов, обеспечивающих достижение поставленных национальных показателей, связано с возможностями бюджетной системы страны и по существу является непростой многовариантной задачей, которая усложняется наличием больших массивов данных, что предопределяет необходимость применения информационных технологий.

В настоящее время в Российской Федерации принят ряд документов в сфере информационных технологий: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации¹; Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года² (далее — Стратегия развития отрасли); Концепция региональной информатизации³; Программа «Цифровая экономика Российской Федера-

¹ Утверждена Указом Президента Российской Федерации 7 февраля 2008 г. № Пр-212.

² Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2013 г. № 2036-р (в ред. распоряжения Правительства РФ от 18 октября 2018 г. № 2253-р).

³ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 2769-р.

ции»¹; Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы² и др.

Использование информационных технологий в государственном управлении обосновывается необходимостью повышения прозрачности принятия решений в государственном секторе и развития государственного управления (Стратегия развития отрасли). В Концепции региональной информатизации формирование эффективной системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий заявлено как одна из основных целей региональной информатизации. Объективно оценивая меньшие шансы России войти в число мировых лидеров сегмента заказной разработки программного обеспечения по сравнению с мировыми лидерами в этой сфере, разработчики Стратегии развития отрасли указывают в качестве конкурентного преимущества России разработку «программного обеспечения высокой сложности, где может использоваться инженерный и алгоритмический потенциал российских специалистов».

Представляется, что сфера стратегического планирования социально-экономического развития публично-правовых образований и сопряженная с ней бюджетная сфера могут считаться одними из приоритетных направлений применения информационных технологий, так как использование этих технологий с целью анализа больших массивов данных и знаний, включая новые методы и алгоритмы для их сбора, хранения и интеллектуального анализа (что заявлено в качестве приоритетных направлений исследований и разработок в области информационных технологий) отвечает характеристикам эффективного стратегического планирования и бюджетного процесса.

В Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»³ в качестве одной из задач этой системы предусмотрено создание инструментов для осуществления взаимосвязи стратегического и бюджетного планирования, проведения мониторинга достижения финансовых результатов реализации государственных программ. Однако при принятии Государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»⁴ указанная задача, пред-

¹ Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р.

² Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203.

³ Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 июля 2011 г. № 1275-р.

⁴ Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 658.

ставляющая собой метод оптимального планирования расходования бюджетных средств государства с целью достижения показателей социально-экономического развития страны, не была поставлена.

Решение задач подобного уровня сложности возможно с помощью суперкомпьютерных технологий, которые используются для моделирования социально-экономических систем. В настоящее время указанные технологии применяются не только за рубежом, но и в Российской Федерации¹. В литературе приводятся примеры использования суперкомпьютерных технологий в работах Центрального экономико-математического института РАН² для моделирования некоторых процессов социально-экономических систем, при котором необходимо оперировать большими массивами данных.

Планирование социально-экономического развития публично-правовых образований и распределения бюджетных средств как по уровням публично-правовых образований, так и по целевому назначению включает в себя следующие этапы: постановка задачи, разработка научно обоснованных критериев обеспеченности населения объектами социального значения (школы, медицинские учреждения, объекты ЖКХ и др.) и порядка бюджетного обеспечения реализации утвержденной на федеральном уровне схемы обеспеченности населения объектами социального значения и возможного бюджетного софинансирования экономических объектов, формулирование алгоритмов, предусматривающих обработку большого массива исходных данных. Решение этой задачи усложняется территориальными (географическими, экономическими, демографическими и др.) особенностями публично-правовых образований нашей страны. Использование вычислительной техники несомненно облегчит достижение показателей социально-экономического развития страны, предусмотренных на высшем политическом уровне.

¹ См.: Окрепилов В.В., Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Кузьмина С.Н. Применение суперкомпьютерных технологий для моделирования социально-экономических систем // Экономика региона. 2015. № 7. С. 301–312; Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Бекларян Г.Л., Акопов А.С. Имитационное моделирование системы «Умный город»: концепция, методы и примеры // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. № 2. С. 200–224; Малинецкий Г.Г. Стратегическое планирование, междисциплинарные подходы и инновационное развитие России // Инновации. 2018. № 4. С. 22–35.

² См.: Окрепилов В.В., Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Кузьмина С.Н. Применение суперкомпьютерных технологий для моделирования социально-экономических систем // Экономика региона. 2015. № 7. С. 301–312.

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ В ПРОГРАММИРУЕМОМ ОБЩЕСТВЕ

О.В. Попова

Основоположником постиндустриализма считается американский социолог Даниел Белл, именно он назвал будущее общество программируемым¹. Белл рассматривает развитие общества как смену обществ: аграрное, индустриальное, постиндустриальное (программируемое). Он гениально предугадал траекторию развития общественных отношений, однако нельзя забывать о том, что и в программируемом обществе человек остается биологическим существом, ему необходим воздух, вода, питание. Без сельскохозяйственного производства, без сохранения экологически чистой среды обитания человек выжить не сможет, поэтому в современном обществе, обществе программируемом должны учитываться принципы устойчивого развития.

Сам термин «устойчивое развитие» впервые был использован в 1987 г. в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (доклад норвежского общественного и политического деятеля Гру Харлем Брундтланд)², в дальнейшем употреблялся в Декларации по окружающей среде и развитию, принятой на конференции ООН в Рио-де-Жанейро

¹ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования. 2-е изд., испр. и доп. / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева // Издательство Academia. 2004.

² См.: Официальный сайт Организации Объединенных Наций (ООН). URL: <http://www.un.org/ru/ga/pdf/brundtland.pdf>

в 1992 г.¹, Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию 2002 г.² Под устойчивым развитием следует понимать сбалансированное экономическое, социальное развитие и охрану окружающей среды, учитывающие интересы не только нынешнего, но и будущих поколений. Необходимость устойчивого развития пронизывает все сферы жизни — от финансов до обращения с мусором. Концепция устойчивого развития базируется в том числе на принципе предосторожности (принцип 15 Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию), который ограничивает инновации в целях сохранения будущего.

Концепция устойчивого развития идеально встраивается в концепцию Белла, так как, программируя общество, человек берет на себя ответственность и за устойчивость его развития, и, главное, за сохранение природы и самого себя.

Вопрос устойчивого развития в разных областях поднимается многими учеными. Есть некоторые исследования и в сфере устойчивого развития сельских территорий, например А.П. Анисимова и В.Я. Рыженкова³. В.В. Устюкова ставит вопрос о необходимости сохранения земель сельскохозяйственного назначения для устойчивого развития и обеспечения продовольственной безопасности⁴. Е.Л. Минина обращает внимание на процессы урбанизации и деурбанизации, поддержание и сохранение быта и уклада малых сел и деревень в целях развития сельских территорий⁵.

Сельские территории в связи с территориальной разобщенностью, недостаточностью обеспечения связью, несоответствием компетенций сельских работников требованиям цифровой экономики из-за процессов смещения самих осей развития наиболее уязвимы. В Программе «Цифровая экономика»⁶ затрагивается вопрос прав, свобод и законных интересов личности в условиях цифровой эконо-

¹ См.: Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. М.: БЕК, 1996. С. 135–138.

² См.: Официальный сайт Организации Объединенных Наций (ООН). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml

³ См.: Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Понятие и правовые аспекты обеспечения устойчивого развития сельских территорий в Российской Федерации // Правовая культура. 2012. № 2 (13). С. 149–152.

⁴ См.: Устюкова В.В. Устойчивое развитие и продовольственная безопасность // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты: матер. междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т.А. Сошникова, Н.В. Колотова, Е.Е. Пирогова. 2018. С. 141–147.

⁵ См.: Минина Е.Л. Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий // Журнал российского права. 2009. № 12. С. 31–37.

⁶ См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

мики, однако только в контексте безопасности персональных данных и информационной безопасности. Одним из направлений реализации данной программы является «создание умных городов». О сельских территориях в Программе не сказано ни слова.

А в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года¹ ничего не говорится о цифровизации, вступлении цивилизации в новое постиндустриальное общество. Не только крестьяне (сельские жители, сельские труженики, сельскохозяйственные товаропроизводители — в этом контексте, я полагаю, можно использовать все эти понятия) зависят от принимаемых государственными органами решений, но и каждый из нас. От того, насколько крестьянам будет обеспечена достойная жизнь, равные права и равные возможности, зависит и наше благополучие. На плечах крестьян остается обеспечение продовольственной безопасности.

Однако надо признать, что наименее приспособленным к реалиям программируемого общества является именно сельский житель, сельский труженик. Главным риском станет проблема цифрового труда в сельском хозяйстве. Занятые ранее работники в сельском хозяйстве становятся лишними и ненужными. Граждане, которые потеряют работу и заработную плату, не будут обладать покупательной способностью. Причем данный вопрос нельзя будет решить путем перехода от одного работодателя к другому, который тоже будет менять своих работников на роботов. Даже если предположить, что государство будет предоставлять им пособия по безработице, рынок не будет развиваться. Транспортные услуги, офисная и рабочая одежда, рынок профессиональных образовательных услуг, да и многое другое будут не нужны. Производить товар предпринимателю не будет иметь смысла. Масса свободного времени у освободившихся от работы граждан, отсутствие достаточных денежных средств и каких-либо перспектив будут вызывать депрессию, толкать на правонарушения. Наибольший удар, на наш взгляд, получит именно сельская местность и сельские жители, не обладающие достаточными возможностями для того, чтобы переквалифицироваться, хотя бы на какое-то время, теряющие при цифровой экономике не только работу, но и весь свой крестьянский уклад.

Второй риск — индустриализация и цифровизация сельскохозяйственной отрасли. Сельскохозяйственные предприятия укрупняются, малое предпринимательство не может конкурировать на равных

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 2 февраля 2015 г. № 151-р (ред. от 13 января 2017 г.) «Об утверждении Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2015. № 6. Ст. 1014.

с крупными предприятиями. К сожалению, идеи кооперации не получили должного развития и сами пока нуждаются в государственной поддержке. Возникают вопросы: можно ли полностью довериться крупным холдингам, переложить на них решение продовольственной безопасности; нет ли серьезных рисков в связи с распространением эпизоотий, заражения территорий вредоносными объектами, уничтожающими урожай; как могут повлиять электроэнергетические сбои на работу таких комплексов, на разнообразие продукции? Проблемами могут стать утрата агротехнологических знаний и неполучение новых в сельскохозяйственном производстве, которые необходимы в связи с меняющимся климатом. Вопрос о том, как должно пойти развитие сельскохозяйственной экономики, остается открытым. Должен ли отстаиваться принцип многоукладности экономики (разнообразия форм собственности и организационно-правовых форм) или можно положиться только на один экономически выгодный вариант, а малые формы хозяйствования, например агротуризм, органическое земледелие, оставить для ограниченных сфер. Будет ли устойчива такая сельская экономика?

Белл говорит о том, что изменения касаются не только экономики и социальной сферы, но и культуры (глава «Культура и сознание»). Разрушение сельских территорий, урбанизация уничтожают культуру крестьянского уклада жизни. Уже сейчас мы видим потребительское отношение к природе и пренебрежительное отношение к физическому труду. Полагаю, что это должно восприниматься как серьезная потеря, не меньшая, чем утрата быта малых коренных народов.

Вот такие, как нам кажется, в настоящий момент есть риски устойчивого развития сельских территорий в связи с изменением оси развития. И рекомендацией должен стать учет этих рисков в законодательстве с целью их минимизации и преодоления. Кроме того, необходимо прийти к обсуждению и выработке этико-правовых принципов гармоничного существования всех слоев общества, частных и публичных интересов, усилить ответственность человека, программирующего общественные и иные отношения, за устойчивое развитие мира, территории обитания людей, сохранение биологического разнообразия в целях передачи природного достояния (природных ресурсов и объектов) будущим поколениям.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ И НОРМ В КОНТРАКТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ ПОСРЕДСТВОМ «ЭЛЕКТРОНИЗАЦИИ» ЗАКУПОЧНЫХ ПРОЦЕДУР¹

А.П. Адаменко

Традиционно развитие систем электронных государственных закупок связывают с инициативой государства «повышение эффективности системы государственных закупок». Анализ ст. 24 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 44-ФЗ) показывает, что законодатель изначально выделил наряду с неконкурентным способом определения поставщика у единственного источника также следующие конкурентные способы: открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, закрытый конкурс, закрытый конкурс с ограниченным участием, закрытый двухэтапный конкурс, электронный аукцион, закрытый аукцион, запрос котировок, запрос предложений. При этом из п. 1 ст. 5 Закона № 44-ФЗ следовало, что в ряде случаев заявки на участие в конкурентной процедуре можно подать в электронной форме с использованием единой информационной системы (ЕИС). Однако организационно-технологические трудности не позволили реализовать подачу электронных заявок через Единую информационную систему, и с 1 января 2014 г. до 2019 г. в электронной форме на электронных площадках проводились только аукционы. Вместе с тем

¹ СПС «КонсультантПлюс».

цель электронизации закупочных процедур, которую, очевидно, ставил законодатель при принятии Закона № 44-ФЗ, привела к принятию значительных поправок в данный Закон. Так, Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон № 504-ФЗ) предусматривается проведение в электронной форме открытого конкурса, конкурса с ограниченным участием, двухэтапного конкурса, запроса котировок, запроса предложений, а также закрытых электронных процедур — закрытого конкурса, закрытого конкурса с ограниченным участием, закрытого двухэтапного конкурса, закрытого аукциона. При этом проведение открытых электронных процедур предполагается осуществлять на электронных площадках, а закрытых электронных процедур — на специализированной электронной площадке. По смыслу Закона № 504-ФЗ заказчики с 2018 г. вправе проводить в электронной форме открытый конкурс в электронной форме, конкурс с ограниченным участием в электронной форме, двухэтапный конкурс в электронной форме, запрос предложений в электронной форме, запрос котировок в электронной форме, а с 2019 г. — в обязательном порядке определять поставщиков путем проведения электронных процедур. И, соответственно, с 2019 г. заказчикам нельзя проводить открытый конкурс, конкурс с ограниченным участием, двухэтапный конкурс, запрос котировок, запрос предложений не в электронной форме. Разумеется, полноценный анализ законодательных новелл, связанных с электронизацией закупок, можно будет осуществить после реализации их на практике.

Вместе с тем, учитывая, что уже сейчас широко проводятся электронные аукционы, а соответствующие контракты по их итогам заключаются на электронных площадках с использованием электронной подписи, можно выделить некоторые проблемы, связанные с электронизацией закупочных процедур. Если государственный и муниципальный контракт заключен на электронной площадке с использованием электронных подписей, появляется вопрос о том, как при возникновении спора в суде доказать, что контракт действительно заключен, ведь при распечатывании на бумажном носителе реквизиты «Подписи сторон» останутся пустые строки. Можно обратиться к нотариусу и оформить протокол осмотра сайта электронной площадки в сети «Интернет». Однако оформление, предусмотренное ст. 102 и 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹, требует

¹ Утверждены ВС РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 3 августа 2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 октября 2018 г.) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

дополнительных затрат времени и средств. Естественно, сотрудник заказчика или поставщика может самостоятельно сделать скриншот соответствующей страницы электронной площадки, чтобы представить суду сведения о заключении контракта посредством электронных подписей. Согласно ч. 3 ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ¹ (далее — АПК РФ), документы, полученные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», допускаются в качестве доказательств в случаях и порядке, которые предусмотрены законами, иными нормативными правовыми актами или договором. Так, согласно п. 11 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² документированная информация — это информация, зафиксированная на материальном носителе путем документирования с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или ее материальный носитель в установленных законодательством Российской Федерации случаях. В письме Федеральной налоговой службы России от 31 марта 2016 г. № СА-4-7/5589³ со ссылкой на анализ арбитражной практики утверждается, что снимки экрана компьютера (скриншоты) являются надлежащим доказательством только тогда, когда на них проставлены дата и время получения информации с сайта в сети «Интернет». Об этом указывали суды Российской Федерации.

Например: постановление ФАС Северо-Западного округа от 6 декабря 2010 г. по делу № А56-11028/2010. В удовлетворении требования отказано, поскольку отсутствуют доказательства ненадлежащего выполнения обязательств исполнителем, а также доказательства расторжения договора по инициативе заказчика в установленном порядке; постановление ФАС Северо-Западного округа от 17 августа 2012 г. по делу № А05-9977/2011. Суд указал, что скриншот должен содержать данные о лице, которое вывело его на экран и осуществило распечатку, о программном обеспечении и о использованной компьютерной технике. Как представляется, арбитражный суд, в том числе по ходатайству одной из сторон, может осмотреть сайт единой информационной системы и сайт электронной площадки, на которой заключен контракт в электронной форме, по правилам ст. 78 АПК РФ. К примеру, заказчик может предоставить суду ПЭВМ со всем установленным необходимым для работы на электронной площадке программным обеспечением и войти в личный кабинет в закрытую часть сайта, используя свою электронную подпись, чтобы

¹ Парламентская газета. 2002. № 140–141.

² СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

³ Бухгалтерское приложение (приложение к «Экономика и жизнь»). 2016. № 19.

предъявить суду необходимую информацию в подтверждение подписания контракта с применением электронных подписей.

На практике встречаются случаи, когда стороны контракта, заключенного в электронной форме, дублируют подписание в обычном бумажном виде, скрепляя контракт обычными (не электронными) подписями и печатями. Заказчик не имеет законных оснований требовать такого дублирования от контрагента. Еще в период действия Федерального закона от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» в письме Министерства экономического развития РФ № 4736-АП/Д22, направленного в ФАС РФ № АЦ/7522¹, высказана точка зрения, согласно которой заказчик не вправе требовать от победителя открытого аукциона или лица, с которым в соответствии положениями данного Закона заключается контракт, подписания контракта в письменной форме. При этом, в случае если указанный контракт требуется для представления в судебные инстанции либо органы, осуществляющие проверку или контроль за деятельностью заказчика, он распечатывается на бумажном носителе из личного кабинета заказчика на электронной площадке, на которой был определен победитель аукциона в электронной форме.

Подлинность и достоверность бумажной копии электронного контракта заверяется уполномоченным представителем заказчика, к примеру лицом, чьей электронной цифровой подписью подписан электронный контракт. Так как письма нормативными правовыми актами не являются, полагаем, что, поскольку гражданское законодательство основано на началах диспозитивности, автономии воли сторон, стороны государственного и муниципального контракта вправе продублировать подписанный в электронном виде контракт, изготовив и подписав его в простой письменной форме в бумажном виде для удобства представления в государственные органы.

Другое дело, что подобный дубликат — контракт в бумажном виде — не может быть выполнен в случае, если на электронной площадке по результатам электронной процедуры государственный и муниципальный контракт не были заключены. Анализ ст. 82.3 Закона № 44-ФЗ, посвященной заключению контракта по результатам электронной процедуры, показывает, что подписание контракта осуществляется на электронной площадке: победитель электронной процедуры размещает на ней проект контракта, подписанный усиленной электронной подписью лица, имеющего право действовать

¹ Письмо Минэкономразвития России № 4736-АП/Д22, ФАС РФ № АЦ/7522 // СПС «КонсультантПлюс».

от имени победителя электронной процедуры. В течение трех рабочих дней с даты размещения проекта контракта и предоставления таким победителем извещения о проведении закупки и документации о закупке заказчик обязан разместить в единой информационной системе и на электронной площадке с использованием единой информационной системы контракт, подписанный усиленной электронной подписью указанного лица. Контракт с момента размещения в ЕИС и подписания заказчиком считается заключенным.

На практике при заключении контрактов в электронной форме возникает вопрос о правомерности использования электронной подписи одного лица, действующего от имени заказчика, вместо другого, указанного в проекте контракта. Например, в проекте контракта, приложенного к документации об электронном аукционе, указано, что контракт от имени заказчика заключает директор. Однако приказом организации и соответствующей доверенностью полномочия по заключению государственных контрактов делегированы иному лицу, которое имеет свою электронную подпись.

В целом такое делегирование возможно, однако следует стремиться к тому, чтобы фамилия, имя, отчество лица, включенного в проект контракта, совпадали с фамилией, именем, отчеством лица, фактически подписавшего контракт своей электронной подписью. Если допустить, что в контракте указана фамилия руководителя, а фактически контракт от имени заказчика подписало электронной подписью иное лицо заказчика, имеющее право подписи контракта, контракт все равно будет считаться заключенным полномочным лицом. Проблемы могут возникнуть в случае проверки, например со стороны органов Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации при решении вопроса, какое должностное лицо привлекать к административной ответственности. Представляется, что должностным лицом заказчика, ответственным за надлежащее заключение контракта по правилам Закона № 44-ФЗ, будет то полномочное лицо, чьей электронной подписью подписан контракт от имени заказчика, даже если в тексте контракта указано иное должностное лицо.

Учитывая масштабные изменения, направленные на электронизацию закупочных процедур в рамках контрактной системы, представляется необходимым внесение изменений в Гражданский кодекс РФ с целью закрепления понятия «сделка в электронной форме».

РОЛЬ НАЛОГОВ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ Д. БЕЛЛА

О.О. Журавлева

Процессы цифровизации¹, носящие глобальный характер, активно влияют на современное общество, изменяя экономические модели поведения, традиционные общественные институты и инструменты управления ими. В то же время налоги пока остаются существенным источником доходов современных государств² и используются в целях обеспечения конкурентоспособности национальных экономик, достижения приоритетов социально-экономической политики.

В связи с этим понимание роли налогов в постиндустриальном обществе (далее — ПИО), которое описывал в своих работах Д. Бэлл³, представляется важным для определения векторов развития национальной налогово-правовой системы в новых условиях, характери-

¹ Цифровизация современных экономик приводит к существенным налоговым последствиям, которые рельефнее всего проявляются в области высокотехнологичного бизнеса. В то же время они охватывают и остальные сферы экономической активности современных обществ. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание ОЭСР. См.: Addressing the Tax Challenges of the Digitalisation of the Economy — Policy Note. URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/policy-note-beps-inclusive-framework-addressing-tax-challenges-digitalisation.pdf>

² Так, например, в России в 2017 г. налоговые поступления в федеральный бюджет составили 72,8% всех доходов. См.: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# В абсолютном выражении это 10977,6 млрд руб.

³ См., например: The Coming of Post –Industrial Society ? (1973), The public household on «fiscal sociology» and the liberal society (1974), Welcome to the post-industrial society (1976), The cultural contradictions of capitalism (1976), Communications technology for better or for worse (1979). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.

зуемых отдельными исследователями в качестве четвертой технологической революции¹.

Несмотря на значительное внимание к исследованиям Д. Белла², его работы, посвященные роли налогов в ПИО, ранее мало анализировались. Основное внимание ученых уделялось проблемам публичного хозяйства³, изменению роли науки в обществе, а также вопросам социологии профессий, поэтому в публикациях упоминаются лишь отдельные аспекты налогообложения и его влияния на общество⁴.

Прежде всего для понимания роли налогов в ПИО следует кратко раскрыть характеристики последнего, обозначенные Д. Беллом, среди которых: 1) информационный характер общества⁵; 2) его суть — «игра между людьми»⁶; 3) специфический, отличный от предшествующих обществ, источник богатства — рост производительности труда, а не иные политические или экономические рычаги⁷; 4) рост третичного — пятеричного экономических секторов⁸; 5) существенный рост некоммерческого сектора общества — некоммерческих организаций⁹; 6) корпорации — «сердце» общества¹⁰; 7) экономические отношения не только на глобальном, но и на национальном уровнях

¹ В 2019 году на Всемирном экономическом форуме в Давосе был представлен доклад о возможной новой волне 4-й технологической революции — обществе 5.0. Современное общество характеризуется в нем как информационное. См.: URL: https://www.japan.go.jp/abonomics/_userdata/abonomics/pdf/society_5_0.pdf

² Его имя нередко называют первым в ряду исследователей постиндустриального общества. См., например: *Manza J. The politic of Post-Industrial Society // Berkeley Journal of Sociology. Vol. 33. 1988. P. 173.* Биографии ученого посвящена книга М. Уотерса. См.: *Waters M. Daniel Bell. Routledge. 2002.*

³ В исследованиях по фискальной социологии, например, упоминают позиции Д. Белла по вопросу оценки фискального кризиса. См., например: *Новикова Е.Г. Фискальная социология: опыт западных исследований налогообложения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 1. С. 98.*

⁴ Например, анализ демосоциальной сферы С.В. Соколова, постиндустриального общества и планируемого общества В. Феркиссом. См.: *Ferkiss V. Daniel Bell's concept of post-industrial society: theory, myth, and ideologyp // The Political Science Reviewer Vol. 9. No. 1. P. 87–88; Соколов С.В. Социология истории: монография. М., 2017. С. 39–41.*

⁵ См.: *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 634.*

⁶ Там же. С. 663.

⁷ Откуп налогов — «политический рычаг» для создания богатства в период до первой технологической революции, в ПИО источником становится рост производительности труда. См. указ. соч. С. 372.

⁸ К третичному сектору относятся транспорт и коммунальное хозяйство, к четвертичному — торговля, финансы, страхование, недвижимость, к пятеричному — здравоохранение, образование, исследования, государственное управление, отдых и развлечения. См. указ. соч. С. 158.

⁹ См.: *Bell D. The Coming of Post — Industrial Society? Business and Society Review / Innovation. No. 5, Spring 1973. P. 5.*

¹⁰ Ibid.

в «общем контексте принимаемых политических решений»¹; 8) смена основных профессий²; 9) в методологии преобладающая ориентация на будущее, научное предвидение; 10) основополагающая роль теоретического знания и его кодификации.

Многие из перечисленных черт характерны и для современных государств, причем относящихся не только к группе развитых³. Причина тому — глобальный характер мировой экономики.

Поскольку центральное место в ПИО занимают информация и знания⁴, то, по мнению Д. Бэлла, это предопределяет основной пласт общественных проблем⁵. Среди них выделяется ряд принципиально новых для жизни общества, прежде всего прямо связанных с информацией.

Во-первых, увеличивается рост издержек сбора информации в связи с ее колоссальным объемом⁶.

Во-вторых, спецификация информации все более затрудняет ее восприятие, требует дополнительных усилий по изучению. Как писал Д. Бэлл, «информация <...> становится все более трудной для восприятия; объект или событие, попадающие в фокус внимания, необходимо изучать более тщательно, чем когда-либо в прошлом»⁷.

В-третьих, результатом постоянного усиления технического характера информации становятся проблема отбора «необходимых сведений из огромного информационного потока и их объяснение»⁸. На решение этой задачи современные государства тратят значительные средства. Так, например, Канада в период с 2016 по март 2018 г. направила в рамках ассигнования расходов федерального правительства и агентств более 24,4 млн дол. США на размещение информации, продвижение и содействие распространению постов и видео в Фейсбуке и Инстаграме. Причина подобного подхода в том, что более 20 млн граждан Канады используют указанные платформы.

В-четвертых, ограниченность восприятия человека и усвоения им информации приводит к тому, что его знания в различных сферах становятся поверхностными⁹.

¹ См.: Белл Д. Указ. соч. С. 660.

² В индустриальном обществе — полуквалифицированный рабочий и инженер, в ПИО — профессиональные и технические работники, ученые. См.: Белл Д. Указ. соч. С. 158.

³ Например, усиление роли корпораций, прогностических начал в научных исследованиях и др.

⁴ См.: Бэлл Д. С. 634.

⁵ См.: Bell D. Welcome to the post-industrial society // Physics today. 1976. February. P. 46.

⁶ См.: Бэлл Д. Указ. соч. С. 632–633.

⁷ Там же. С. 633.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Среди иных проблем ПИО, которые не так тесно связаны с информационным характером общества, как перечисленные выше, Д. Белл выделял следующие.

Во-первых, это соотношение развитых индустриальных государств с остальным миром. В результате повышенной мобильности потоков капитала и инвестиций становится значительным по размеру валовый национальный продукт США, но при этом растет «доля доходов от собственности (прибылей, дивидендов и т.п.) <...> за счет доли труда»¹. Соответственно возникают «внутриполитическая проблема для государственного социального обеспечения»² и необходимость перераспределения доходов в обществе, в том числе за счет расширения налоговых и трансфертных программ³. Одновременно обостряется проблема соотношения США как наиболее развитой индустриальной страны с остальным миром⁴.

Во-вторых, это проблема сплоченности «нового класса»⁵, поскольку происходит «более сильная, чем когда-либо, поляризация»⁶, причем ее элементами являются одновременно и прогрессивные, и консервативные силы.

В-третьих, возникают экстерналии — существенные расхождения между частными и общественными издержками, которые также влияют на ПИО⁷.

Налоги признавались Д. Беллом в качестве важного источника финансирования публичного сектора, а также сектора некоммерческих организаций⁸, но не единственного⁹. Особое внимание он как социолог уделял восприятию налогов в обществе, которое не соответствовало заложенному в экономизированную модель. Так, при рассмотрении проблем указанной модели ученый отмечал, что в силу дисбаланса между индивидуальными и общественными благами в американском обществе налоги воспринимаются большинством людей исключительно как «вычет из текущего благосостояния», а не как «дополнение к нему» («необходимая оплата общественных услуг») ¹⁰. Обращалось также внимание на условности оценки налогового бремени, его величины при отсутствии соответствующего стандарта.

¹ Там же. С. 659–660.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 150.

⁷ См.: *Bell D. The Coming of Post — Industrial Society*. P. 8; *Белл Д.* С. 381.

⁸ См.: *Белл Д.* Указ. соч. С. 391.

⁹ Там же. С. 381.

¹⁰ Там же. С. 380.

При растущем разрыве между общественными потребностями и расходами на их удовлетворение ключевым вопросом в налоговой политике ПИО должно было стать выявление круга «нужд, которые могут быть удовлетворены лишь общественными благами», и направлений расходования налоговых доходов¹.

Следует отметить, что перечисленные проблемы актуальны для многих современных государств, включая Россию, поэтому они подлежат учету при выработке концепции совершенствования налогового регулирования.

Переходя непосредственно к анализу оценки роли и значения налогообложения Д. Бэллом, необходимо принять во внимание, что налоговая политика признавалась им также инструментом косвенного воздействия государства на экономическую жизнь путем регулирования объемов денежной массы и темпов роста². Поэтому налог квалифицировался не только как фискальный, но и как регулирующий инструмент.

В работах исследователя к значимым для оценки роли налогов в ПИО характеристикам можно отнести следующие:

1) превращение способности платить в измеритель при распределении налогового бремени. Необходимо учитывать, что Д. Бэлл был довольно критичен в оценке налоговой системы с точки зрения ее справедливости, касающейся доходов. Он констатировал отсутствие равенства налога как в отношении одинаковых сумм дохода, так и в отношении равных долей дохода³. Обращалось внимание на то, что для правильной оценки налогового бремени необходимы методика, стандарты определения нормального бремени, оценка определения окупаемости налогами благ, полученных от государства. Соответственно, налог рассматривался как результат общественного договора;

2) вероятность обострения фискальной проблемы и превращения ее в «хроническую болезнь постиндустриального общества»⁴. В подкрепление данного тезиса ученый ссылался на работы В. Баумоля и Д. О'Конора⁵;

3) в ПИО требуются не только профессионализм в сфере руководства национальной экономикой, но и соответствующие техноло-

¹ Там же. С. 634.

² Там же. С. 330–331.

³ Там же. С. 605.

⁴ Там же. С. 213.

⁵ См.: *Baumol W.J.* Macroeconomics of Unbalanced Growth: The Anatomy of Urban Crisis // *American Economic Review*. June 1967. P. 415–426; *O'Connor J.* The Fiscal Crisis of the State // *Socialist Revolution*. Vol. I. No. 1 (January–February 1970). P. 12–54; Vol. I. No. 2 (March–April 1970). P. 48–72.

гии при решении важных политических проблем, включая изменение налоговой системы (сокращение или увеличение налогов) и направлений использования налоговых доходов, установление «оптимального соотношения заработной платы и цен»¹;

4) рост запросов общества и превращение потребностей в обязательно удовлетворяемые нужды. Однако собственных средств на их покрытие у муниципалитетов и штатов уже недостаточно. Эти обстоятельства вызывают рост потребности в централизованном финансовом обеспечении, в том числе за счет налоговых доходов, публичных функций, исполнявшихся ранее на местном уровне или уровне штатов (в сфере образования, благосостояния)²;

5) в современном Д. Беллу американском обществе отмечался рост влияния корпораций на принятие решений о распределении налогообложения как один из факторов, предопределяющих повседневную жизнь граждан. При этом правительство «уделяло основное внимание благополучию предпринимателей»³. В ПИО ситуация должна была измениться, поскольку правительство принимает «важнейшие решения относительно экономического роста и его сбалансированности»⁴, опираясь на финансируемые им исследования и разработки. Одновременно обязательным станет анализ «издержек и эффективности, издержек и прибылей»⁵. Но сложность взаимосвязи результатов принимаемых решений и самих решений приведет к тому, что они приобретут более технический характер. Неизбежным становится и учет в ПИО налоговых последствий при принятии общественно значимых решений. В частности, при обсуждении вопросов размещения объектов общественной инфраструктуры рассматриваются и взвешиваются социальные и экономические последствия, включая налоговые. Актуализируется вопрос о праве на согласование создания общегосударственной инфраструктуры в контексте возможного переложения соответствующих издержек и налогового бремени на жителей иных территорий⁶;

6) налоговая политика, включая «тяготы налогообложения», является предметом политического спора⁷, но решение, удовлетворяющее всех, по мнению Д. Белла, невозможно. В этом он согласен с позицией К. Эрроу. Соответственно, «остается не рациональность

¹ См.: Белл Д. Указ. соч. С. 421.

² Там же. С. 433.

³ Там же. 463.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 591.

⁷ Там же. С. 490.

как объективное определение общественных полезностей, а торг между людьми»¹.

Рассматривая налог в качестве регулятора социальных сфер и процессов в них, Д. Белл отмечал следующие функции налога в ПИО.

Налог становится инструментом достижения национальных целей при национальном планировании. В этой модели правительство ставит ряд национальных целей, например совершенствование жилищной политики или ускорение темпов экономического роста. Одновременно оно осуществляет общее наблюдение за реализацией этих целей, при необходимости принимая благоприятствующие им меры (налоговые послабления, расширение кредита и т.д.)².

Налог продолжает оставаться инструментом воздействия на семью. Д. Белл считал его единственным регулятором семейной сферы, используемым государством на протяжении ряда экономических формаций³.

Кроме того, налог выступает регулятором соотношения уровней доходов различных профессиональных групп, включая регулирование разрыва между ними. В частности, Д. Белл указывает на возможность использования налогового законодательства для нивелирования чрезмерно значительного разрыва, возникшего в результате рыночной дифференциации⁴.

Еще один возможный результат регуляторного воздействия налогов — формирование социальной карты государства, соответственно налог рассматривается как один из инструментов (стимула) изменения такой карты. В качестве примера исследователь приводит преобразование структуры размещения населения в результате роста пригородов за счет стимулирования приобретения ипотечного жилья (путем предоставления вычета по закладным)⁵.

Изменение роли корпораций в ПИО также повлияло на характеристику роли налогов, поэтому налог выступает регулятором деятельности корпораций и последствий таковой. Причем Д. Беллом отмечалась значимость налогов в качестве как позитивного, так и

¹ Там же. С. 491.

² См.: *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 336.

³ Ученый отмечал, что «буржуазная семья пока не прекратила существования; в действительности она так крепко держится за жизнь, что ни один ответственный политический деятель даже не отважился дотронуться до нее иным образом, кроме налогообложения». См.: С. 89. О роли налогов в регулировании семейной сферы в Российской Федерации см., например: *Журавлева О.О.* Правовые принципы налогообложения семей // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 115–124.

⁴ См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 611.

⁵ Там же. С. 389.

негативного стимулов¹. Благоприятный налоговый режим, по его мнению, используется государствами для защиты национальной экономики и снятия противоречий между политикой и экономикой. Но применение подобных мер ограничено обязательствами, которые приняли на себя государства в рамках ВТО, и вызывает недовольство со стороны других государств².

Уплата налогов рассматривалась Д. Беллом как одно из обязательств корпораций перед жителями соответствующих районов (мест размещения штаб-квартир, заводов)³. Но в условиях ПИО возникает потребность использовать налоги для «принуждения корпораций нести социальные расходы, вызванные их деятельностью, либо <...> поощрения перехода к другой технологии или поддерживающей системе, при помощи которых можно свести к минимуму социальные расходы или получить социальные выгоды»⁴. Учитывая социальные масштабы частных решений, Д. Белл считал неизбежным подобное общественное вмешательство в дела корпораций. Например, при определении ответственности за вред, причиняемый окружающей среде. Отмечалось, что общество и корпорации осознали невозможность дальнейшего отношения к природе как к «бесплатному товару»⁵. Соответственно, вопрос распределения издержек должен был стать, по мнению ученого, одним из наиболее сложных в XXI в.⁶

Подобный прогноз сбывается. Не случайно в России в процессе кодификации обязательных публичных платежей актуализировались идеи «налоговизации»⁷ платы за негативное воздействие на окружающую среду и замены ее экологическим налогом. Несмотря на дискуссионность подобной меры, очевидно стремление подтолкнуть хозяйствующие субъекты к социально ответственному поведению.

Кроме того, многие государства используют налоговое стимулирование для побуждения хозяйствующих субъектов переходить на более современные и экологически безопасные технологии. Напри-

¹ Там же.

² См.: Белл Д., Иноземцев В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М., 2007. С. 254.

³ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. С. 394.

⁴ Там же. С. 389.

⁵ Там же. С. 394.

⁶ Там же.

⁷ Использование правового режима налогов и сборов, предусмотренного Налоговым кодексом Российской Федерации, для взимания указанной платы. Соответствующий законопроект был размещен в Интернете Министерством финансов Российской Федерации для общественного обсуждения. См.: URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=84496>

мер, в Российской Федерации осуществляется налоговое стимулирование внедрения НДС¹.

Таким образом, проведенный анализ работ Д. Белла позволяет сделать следующие выводы. В настоящее время в обществах проявляются многие черты ПИО, выявленные Д. Беллом. Ученый признавал сохранение фискальной функции налога, а также считал, что в ПИО все чаще используется его регулирующая функция как инструмент программируемого воздействия на общество и отдельные социальные институты. Особое значение в ПИО приобретает принцип справедливости налогообложения.

¹ Подробнее об этом см.: *Исмаилова Л.Ю., Журавлева О.О. Финансовое стимулирование внедрения НДС в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Финансовое право. 2018. № 4. С. 15–19.*

Научное издание

ПРАВО И ЗАКОН
В ПРОГРАММИРУЕМОМ
ОБЩЕСТВЕ

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

к 100-летию со дня рождения Даниела Белла

Ответственный редактор
доктор юридических наук, профессор
В.В. Лазарев

Ответственные секретари
Ю.Э. Ибрагимова, А.И. Сидоренко

Подписано в печать 20.01.2020.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Newton. Усл. печ. л. 22,5.
Тираж 500 экз.

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

Книга подготовлена по материалам межвузовской конференции (собрания теоретиков права), посвященной 100-летию со дня рождения Даниела Белла. Представленные в ней статьи не преследуют цели раскрыть творчество Белла. Опираясь на исходные теоретические позиции американского профессора, авторы проводят самостоятельный анализ современного, в основном российского, общества. Характер индустриального, постиндустриального, информационного общества раскрывается в свете категорий программируемости, а в центре программирования оказывается регулирующая роль законодательства. Существенное внимание уделяется проблемам цифровизации в правовой сфере.

Издание вводит читателя в мир реалий государственности XXI века, аналитических и прогнозных оценок, имеющих прямое влияние на развитие права. Книга рассчитана на всех, кто интересуется проблемами права, законодательства и правоприменения в непосредственной связи с развитием социума, и особенно на тех молодых исследователей, магистров и аспирантов, которые осваивают новые горизонты науки.